

**ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ
ПРАВОСУДИЕ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
И
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА**

Учебное пособие

Москва, 2004

...

Центр «Судебно-правовая реформа»

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Учебное пособие

Под редакцией
кандидата психологических наук
Л.М. Карнозовой

УДК [340+364.65]-053.6(075.8)
ББК 67.4,73+65.272,73
В 77

По состоянию российского законодательства на 20 июня 2001 г.

Рецензент Э.Б. Мельникова – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа.
77 Учебное пособие / Под ред. Л.М.Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. –

334 с.

Книга отражает одно из направлений развития уголовного правосудия, которое превращается сегодня в источник инноваций и изменений общей и ювенальной юстиции во всем мире, – восстановительное правосудие. Настоящее издание – первый систематический курс по данной проблематике применительно к категории дел несовершеннолетних, подготовленный российскими авторами. Здесь рассматриваются как идейно-теоретические предпосылки, так и новейший российский опыт в этой области.

Учебное пособие адресовано в первую очередь вузам, разрабатывающим учебные программы и спецкурсы по темам «Социальная работа с несовершеннолетними правонарушителями» и «Отправление правосудия в отношении несовершеннолетних». Оно предназначено для вовлечения студентов и исследователей в процесс теоретической и практической разработки новых форм и видов деятельности, которые могли бы составить образ будущей системы уголовного правосудия и, в частности, правосудия для несовершеннолетних.

Среди адресатов книги можно назвать и юристов-практиков, социальных работников и социальных педагогов, а также специалистов по уголовной, социальной и молодежной политике, перед кем стоит задача распространения и институционализации «лучших практик».

Издание осуществлено при финансовой поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) и Меннонитского Центрального Комитета (МСС) в рамках программы «Устойчивые партнерства в следующем столетии (SPAN)», осуществляемой Международными и обменов (IREX).

© МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001

Коллектив авторов

Абрамкин В.Ф. – глава 2 (в соавторстве с В.Ф. Чесноковой).

Великоцкая А.М. – глава 9, § 1-3 (в соавторстве с В.В. Москвичевым).

Герцик А.М. – глава 10, § 1, п. 1.2 (в соавторстве с Л.М. Карнозой).

Грасенкова А.К. – глава 5, § 4 (описания случаев – в соавторстве с Р.Р. Максудовым), § 5 (в соавторстве с Р.Р. Максудовым и М.Г. Флямером); глава 10, § 2 (в соавторстве с Л.М. Карнозой).

Коновалов А.Ю. – глава 6, § 1-3 (в соавторстве с Р.Р. Максудовым).

Карнозова Л.М. – глава 4, § 1; глава 5, § 1; глава 10, § 1 (п. 1.2 в соавторстве с А.М. Герцик), § 2 (в соавторстве с А.К. Грасенковой); глава 11, § 1; комментарии.

Максудов Р.Р. – глава 3 (в соавторстве с М.Г. Флямером); глава 4 § 2, 3; глава 5, § 2 (в соавторстве с М.Г. Флямером), § 3, 4 (в т.ч. описания случаев – в соавторстве с А.К. Грасенковой), § 5 (в соавторстве с А.К. Грасенковой и М.Г. Флямером); глава 6, § 1-3 (в соавторстве с А.Ю. Коноваловым), § 4-6; глава 7, § 2; глава 11, § 2.

Марченко Н.А. – глава 10, § 3.

Москвичев В.В. – глава 8; глава 9, § 1-3 (в соавторстве с А.М. Великоцкой), § 4.

Насонов С.А. – приложение 2.

Пашин С.А. – глава 1.

Флямер М.Г. – глава 3 (в соавторстве с Р.Р. Максудовым);
глава 4, § 4; глава 5, § 2 (в соавторстве с Р.Р. Максудовым), § 5 (в
соавторстве с Р.Р. Максудовым и А.К. Грасенковой); глава 7, § 1.
Чеснокова В.Ф. – глава 2 (в соавторстве с В.Ф. Абрамкиным).

Оглавление

Предисловие 9

РАЗДЕЛ I. Постановка проблемы: ответ Российского государства на правонарушения несовершеннолетних

ГЛАВА 1. Карательная и кураторская модели юстиции 14

§ 1. Пекинские правила и некоторые положения
российского законодательства. 14

§ 2. Кураторское правосудие 23

ГЛАВА 2. Места лишения свободы для несовершеннолетних
правонарушителей 29

§ 1. Административный порядок и тюремный закон 31

§ 2. Мир «малолеток» 36

§ 3. Некоторые выводы 47

РАЗДЕЛ II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

ГЛАВА 3. Ответ государства и общества на правонарушения
и отклоняющееся поведение несовершеннолетних
(исторический экскурс и методологический анализ
ювенальной юстиции) 52

§ 1. Ювенальная юстиция: понятие и происхождение 53

§ 2. Огосударствление ювенальной юстиции в США 64

§ 3. Реабилитационная парадигма и ее критика 66

§ 4. Ювенальная юстиция и восстановительное правосудие 69

ГЛАВА 4. Введение в восстановительное правосудие 72

§ 1. Две парадигмы уголовной юстиции 72

§ 2. Социокультурные предпосылки движения
за восстановительное правосудие. 82

§ 3. Основные понятия, принципы и типы программ восстановительного правосудия	91
§ 4. Восстановительное правосудие: от замысла к практической деятельности	104
<i>ГЛАВА 5. Использование восстановительного способа в работе с правонарушениями несовершеннолетних (российская ситуация)</i>	<i>126</i>
§ 1. Правовые предпосылки программ восстановительного правосудия в производстве по делам несовершеннолетних	126
§ 2. Партнерство	131
§ 3. Задачи ведущего в программе примирения жертвы и правонарушителя	137
§ 4. Несовершеннолетние правонарушители в программе примирения: вопрос ответственности	139
§ 5. Особенности проведения программ примирения по случаям нанесения ущерба юридическим лицам	147
<i>ГЛАВА 6. Расширение области применения восстановительного способа: опыт разрешения конфликтов в учебных заведениях и семьях</i>	<i>152</i>
§ 1. Некоторые особенности реагирования школ на конфликты и криминальные ситуации	153
§ 2. Проведение восстановительных программ в школе: первый опыт, проблемы и результаты	156
§ 3. Школьные конференции	160
§ 4. Подростковые сообщества	162
§ 5. Организация работы по проведению программ ВП в семьях	164
§ 6. Особенности проведения программ ВП в случаях угрозы социального сиротства	170
<i>ГЛАВА 7. Анализ случаев: запрос на социальную работу</i>	<i>175</i>
§ 1. К проекту развития деятельности по реагированию на подростковые правонарушения (заметки ведущего)	176

Раздел I. Постановка проблемы...

- § 2. Анализ случая, связанного со сложной семейной ситуацией подростка (к разработке принципов и процедур проведения «кругов заботы») 182

РАЗДЕЛ III. Социальная работа с несовершеннолетними

ГЛАВА 8. Социальная работа как профессиональная деятельность 190

- § 1. Социальная работа: основные понятия и принципы 190
§ 2. Социальная работа с несовершеннолетними в трудной жизненной ситуации: общая характеристика 197
§ 3. Работа с семьей несовершеннолетнего 203
§ 4. Социальная служба для несовершеннолетних 204

ГЛАВА 9. Девиантное поведение несовершеннолетних 207

- § 1. Типы девиаций 207
§ 2. Работа с социально дезадаптированными подростками 217
§ 3. Организация социальной работы: закон и реальность 232
§ 4. Работа с социально дезадаптированными подростками: запрос на программы восстановительного правосудия 240

ГЛАВА 10. Социальная работа в суде с несовершеннолетними правонарушителями и программы восстановительного правосудия (новый российский опыт) 250

- § 1. Правосудие для несовершеннолетних: наказание, реабилитация, восстановление 250
§ 2. Деятельность социального работника (методические аспекты) 260
§ 3. Заметки социального работника 272

РАЗДЕЛ IV. Перспективы

ГЛАВА 11. Направления развития 284

- § 1. Восстановительный подход к правосудию для несовершеннолетних 285
§ 2. Вопросы институционализации программ восстановительного правосудия 293

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Юридический алгоритм взаимодействия
Центра «Судебно-правовая реформа» и суда . . .
298

Приложение 2. Краткий юридический словарь
304

Дополнительная литература
325

Список принятых сокращений
326

Сведения об авторах
.

*Все, о чем я здесь
писал, может
показаться
призрачным и
несбыточным.*

*Но когда-то так же
говорили и об отмене
рабства.*

Ховард Зер

Комментарий редактора

Под несовершеннолетним в соответствии с российским законодательством понимается лицо, не достигшее 18 лет. В некоторых странах совершеннолетие наступает и в другом возрасте (15, 20, 21). В международных правовых документах граница несовершеннолетия устанавливается в 18 лет и оговаривается – если иное не установлено национальным законодательством. В настоящей книге в качестве синонимов термина «несовершеннолетний» используются «ребенок» и «подросток». Основание для этого дает, в частности, Конвенция ООН по правам ребенка (1989), где под ребенком понимается несовершеннолетний в возрасте до 18 лет, т.е. этим понятием охватывается вся возрастная группа несовершеннолетних.

(См. подробнее: *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учеб. пособие. М., 2000. С. 11.)

Предисловие

Издание учебного пособия «Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа» – часть проекта Межрегионального Центра «Судебно-правовая реформа». Существенная часть работы в этом проекте, называвшемся «Партнерство за формирование восстановительной юстиции в России» (апрель 2000 г. – июль 2001 г.), служила тому, чтобы укрепить сеть общественных инициатив России в области «детской» юстиции. Работая с участниками проекта в городах Иркутск, Тюмень и Дзержинск, мы провели два цикла семинаров и продолжительный, девятидневный, тренинг, чтобы сформировать навыки ведения программ восстановительного правосудия и оказать помощь в организации сотрудничества с правоохранительными органами. Но замысел проекта был шире и учитывал, что сами эти общественные инициативы разворачиваются в ситуации кризиса институтов и инфраструктур, обеспечивающих социально-реабилитационную и профилактическую работу с подростками-правонарушителями и их семьями.

Что означает кризис инфраструктур? Сегодня в России в сфере деятельности КДН и уголовного правосудия по делам несовершеннолетних нет идеологической позиции или ясной концепции реагирования на поведение, формально содержащее признаки общественно опасных деяний малолетних (группа детей до возраста уголовной ответственности) и несовершеннолетних правонарушителей (возрастная группа с 14 до 18 лет).

Так, принятие решений в КДН определяется, с одной стороны, карательной установкой инспекторов ОППН и судей (и, соответственно, помещением детей в Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей), а с другой – установками членов комиссий, которые исходят из житейских и гуманных

представлений. Особенность нынешней ситуации состоит в борьбе этих позиций. Установка «карательная» борется с «гуманной»; акцент на интересах ребенка направлен против ориентации на ведомственные критерии (достижение процента вие инспекторов, заполняемость ЦВИНПа). Ценность пребывания в семье противостоит ценности изоляции «отморозков», опасных для порядочных граждан, и т.д. и т.п. Эта борьба, и скрытая и явная, разворачивающаяся и при подготовке заседаний КДН и прямо по их ходу, составляет характерную черту сегодняшнего «образа жизни» комиссий.

В этих условиях почти невозможна никакая последовательная линия (например, на расширение применения некарательных мер или, наоборот, на самые жесткие карательные меры). Любые подходы если и реализуются, то с огромным трудом и скорее случайно. Особенно трудно реализовать принципы и меры некарательного реагирования на общественно опасные действия подростков.

Сравнивая эту ситуацию с уголовным правосудием, рассматривающим дела несовершеннолетних обвиняемых, мы должны сказать даже более резко. Если в системе профилактики, возглавляемой КДН, еще сохранились «остатки оргструктур», имеются какие-то, пусть и недостаточно квалифицированные, кадры (социальные педагоги, педагоги-организаторы, психологи), то в системе правосудия нет НИЧЕГО. При судебных и следственных органах отсутствуют важные профессиональные фигуры (социальные работники, пробаторы, кураторы и т.д.), которые во многих странах мира обеспечивают управление процессами ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. У нас же в уголовной юстиции никакой социальной службы нет в принципе. Система общего правосудия, в рамках которой сегодня происходит рассмотрение уголовных дел несовершеннолетних, хорошо описывается образом «цельно сработанной машины», чьи механизмы лишены необходимой гибкости и недостаточно подстроены под возрастную специфику.

Но нельзя сказать, что и КДН и уголовная юстиция «сопротивляются» работе социальных служб с несовершеннолетними правонарушителями. Причина нынешнего положения состоит в том числе и в неготовности профессионалов социальной сферы к работе с такими детьми. На факультетах социальной работы до сих пор нет соответствующей целевой подготовки, а специализированные учреждения системы социальной защиты (приюты и социально-реабилитационные центры) исключают из своего контингента несовершеннолетних правонарушителей (согласно Примерным положениям о социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних и о социальном приюте для детей, утвержденным постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2000 г. № 896). А казалось бы, кому, как не им, нужна социальная реабилитация?

Настоящее пособие нацелено на изменение всей этой ситуации, ибо именно в состоянии социально-реабилитационных инфраструктур заложен один из главных факторов, ограничивающих применение восстановительного подхода в России.

Пособие отражает и систематизирует опыт четырех лет работы Центра, а также намечает программу преобразования юстиции для несовершеннолетних. Так возникает своеобразный жанр этой книги – не описание уже сложившейся деятельности, но вовлечение читателя в проекты, ориентированные на формирование новых типов деятельности, обновляющих институт правосудия для несовершеннолетних.

Авторский коллектив Центра, работавший над текстом пособия, дополнен специалистами из ряда «внешних» организаций, с которыми мы поддерживаем тесные контакты: Центр содействия реформе уголовного правосудия (Валерий Абрамкин), Благотворительный Фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (Вячеслав Москвичев).

При подготовке книги мы использовали архив Центра, включающий в себя более 400 единиц статей и книг на электронном и бумажном носителях на русском, английском, французском и польском языках. Читатели, которые захотят после изучения пособия ознакомиться с

текстами этого архива, могут обращаться в Центр «Судебно-правовая реформа».

Особая благодарность тем организациям, которые оказали финансовую поддержку нашей деятельности. Финансирование проекта предоставлено Агентством США по международному развитию (USAID) и Меннонитским Центральным Комитетом (США) в рамках программы «Устойчивые партнерства в следующем столетии (SPAN)», осуществляемой Международным бюро по исследованиям и обменов (IREX).

Михаил Флямер,

а «Партнерство за
ии в России».

РАЗДЕЛ I

**Постановка проблемы:
ответ Российского государства
на правонарушения
несовершеннолетних**

Карательная и кураторская модели юстиции

§ 1. Пекинские правила и некоторые положения российского законодательства

Общество не может существовать без конфликтов, и всякое нарушение права предполагает ответ. Характер и интенсивность реакции непосредственной жертвы правонарушения в формах самоуправства и кровной мести последовательно ограничивались и смягчались государством, которое постепенно отбирало у пострадавшего и его родичей функцию адекватного воздаяния. Общество вырабатывало определенное отношение к отклоняющемуся (девиантному) поведению своих членов и также отвечало на него более или менее агрессивно.

По данным информационно-аналитического управления Следственного комитета при МВД Российской Федерации в 2000 г. в стране было зарегистрировано 2952 тыс. преступлений, из которых 1735 тыс. – тяжкие; из общего числа расследованных преступлений 8,9% совершены несовершеннолетними и при их соучастии [2].

Преступления, в том числе совершаемые подростками, не могут пользоваться покровительством терпимости, подобно молодежной моде или популярной в юношеской среде музыке, но важно, чтобы ответ на правонарушения был соразмерным опасности содеянного, сообразным с правовыми принципами и ценностями человеческого сообщества.

Современные исследования средневековой культуры показывают, что в те времена детство не рассматривалось как особый возрастной этап человеческой жизни, а ребенок долго считался уменьшенной по размеру и ограниченной по умственному развитию копией взрослого. Соответственно этим представлениям конструировались правовые институты,

определяющие ответственность детей за причинение вреда и другие правонарушения. С одной стороны, детей, как и взрослых, средневековые суды могли приговаривать к смертной казни за чародейство, убийство, поджог; с другой стороны, к детям в средние и последующие века применялись облегченные орудия пыток и телесных наказаний, они отбывали заключение в относительно лучших условиях [1, с. 399–400; 6, с. 363; 7, с. 256–260].

Современное российское уголовное законодательство сохраняет следы этого средневекового подхода, поскольку, допуская определенные **послабления** для несовершеннолетних (например, недопустимость возложения на них более тяжелого наказания, нежели лишение свободы на десятилетний срок; возможность применения к ним вместо уголовного наказания принудительных мер воспитательного воздействия; разрешение применять к ним заключение под стражу в качестве меры пресечения «лишь в исключительных случаях» и т.п.), не рассматривает судопроизводство по делам подростков как процедуру, коренным образом отличающуюся по своему предназначению и формам от разбирательства уголовных дел взрослых обвиняемых. Предварительное расследование и судебное разбирательство уголовных дел несовершеннолетних, а также постановления уголовного закона, касающиеся этой категории лиц, представляют собой лишь **частные случаи общих процедур и норм**. Отмеченный факт находит свое выражение даже в названии главы 14 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В логике «особенностей» процессуального статуса несовершеннолетних изложена и посвященная порядку судопроизводства по делам данной категории глава 32 УПК РСФСР (и аналогично глава 50 проекта УПК РФ).

Судебная практика находится в сильной зависимости от позиции Верховного Суда РФ, поскольку этот венчающий пирамиду судов общей юрисдикции орган способен настоять на своем, отменяя и изменяя решения нижестоящих судов; Председатель Верховного Суда РФ и его заместители вправе принести протест на приговор любого суда общей юрисдикции, начиная с мирового и

районного. Взгляды высших судей на дела несовершеннолетних не отличаются от господствующей в законодательстве и юридической науке точки зрения. «Судопроизводство по делам этой категории, – разъясняется в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»¹, – должно основываться на строгом соблюдении требований материального и процессуального законодательства, максимально способствовать обеспечению интересов, защиты законных прав несовершеннолетних, назначению справедливого наказания, предупреждению совершения новых преступлений». Признавая повышенную внушаемость несовершеннолетнего и его зависимое от старших положение, Пленум Верховного Суда РФ напоминает судьям, что само по себе несовершеннолетие в силу п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ считается смягчающим наказанием обстоятельством (п. 12 постановления от 14 февраля 2000 г.), призывает их учитывать «неправомерное или провоцирующее поведение взрослых», допущенное с их стороны физическое или психическое принуждение, наличие «материальной, служебной или иной зависимости несовершеннолетнего»; эти обстоятельства должны приниматься судами во внимание при избрании форм ответственности подростка, когда «преступные действия несовершеннолетнего являлись вынужденными, поскольку была подавлена неправомерными действиями взрослого, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступления» (п. 10 постановления от 14 февраля 2000 г.).

В логике послаблений выдержаны и предписания, непосредственно касающиеся порядка назначения наказаний несовершеннолетним. Так, в п. 12 указанного постановления записано: «При решении вопроса о назначении наказания несовершеннолетнему суду следует обсуждать, прежде всего, возможность применения наказания, не связанного с лишением свободы... Суд вправе принять решение о назначении несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы лишь тогда, когда исправление его невозможно без изоляции от

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 9-13.

общества, обязательно мотивировав в приговоре принятое решение».

Несмотря на гуманизм общих установок Пленума Верховного Суда РФ, каждый четвертый представший перед судом подросток приговаривается к наказанию в виде реального лишения свободы; из взрослых подсудимых этому наказанию подвергается каждый третий. В первом полугодии 2000 г. районные суды признали виновными в совершении преступлений различной тяжести 659,3 тыс. человек, из них 76,4 тыс. осужденных были несовершеннолетними; лишению свободы подверглись 206,3 тыс. человек [5, с. 54]. При этом следует помнить, что Россия занимает одно из первых мест в мире по относительной численности тюремного населения (к осени 2000 г. в связи с амнистией Россия уступила лидерство лишь США, однако число заключенных продолжает оставаться чрезвычайно высоким). Так происходит потому, что вышестоящие суды поощряют соответствующую карательную практику и отменяют, главным образом по протестам прокуроров, «чрезмерно мягкие» приговоры. Неконкретность процитированных рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ не позволяет всерьез использовать их как средство оправдания либеральных судебных решений. К тому же, провозглашая необходимость «защиты законных прав несовершеннолетних» (п. 1 постановления от 14 февраля 2000 г.), Пленум остается в русле традиционного советского истолкования содержания уголовного правоотношения, в рамках которого «законным правом» преступника признается определение ему справедливого, т.е. отвечающего принятой судебной практике, наказания; при этом Верховный Суд опрометчиво исходит из мало соответствующей действительности точки зрения, будто **изоляция от общества есть средство исправления** провинившегося подростка. Наконец, жестокость карательной практики в отношении несовершеннолетних подпитывается насаждаемым представлением о **целях наказания**. Начав постановление от 14 февраля 2000 г. напоминанием о том, что судопроизводство по делам несовершеннолетних должно «максимально способствовать... предупреждению совершения новых преступлений» (п. 1), Пленум заканчивает его

практически той же установкой: «Судам необходимо повысить воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях несовершеннолетних, уделяя особое внимание их профилактическому воздействию...» (п. 21 постановления). Иными словами, речь идет об «общей превенции», т.е. устрашении сверстников осужденного подростка и прочих лиц, которым станет известно о приговоре суда. Цель общей превенции, достигаемая назначением строгих наказаний, не имеет ничего общего с интересами несовершеннолетнего, признанного виновным в совершении преступления, никак не связана с его исправлением.

В свете сказанного становится понятным, что в действительности означает специализация судей, которая приветствуется Пленумом Верховного Суда. «... Следует постоянно совершенствовать профессиональную компетентность и специализацию судей, рассматривающих дела о преступлениях несовершеннолетних, повышать их личную ответственность за законность и обоснованность каждого судебного решения» (п. 1). «... Дела данной категории должны рассматриваться под председательством наиболее опытных судей. Специализация судей по делам несовершеннолетних предусматривает необходимость обеспечения их профессиональной компетентности путем обучения и повышения квалификации не только по вопросам права, но и педагогики, социологии, психологии» (п. 11). Поскольку оценку «законности и обоснованности» приговора осуществляет вышестоящая судебная инстанция и судья лично заинтересован в стабильности вынесенных им решений, специализация судей и повышение их квалификации означают восприятие и интенсивное проведение в жизнь установок вышестоящих судов, ведут к унификации практики по делам соответствующей категории, делают беспочвенными надежды на проявление отличного от заданной свыше позиции внутреннего убеждения судьи по типичным уголовным делам подростков.

Международное сообщество, озабоченное тем, как национальные правовые системы отвечают на правонарушения несовершеннолетних, выработало особые представления о роли правоохранительных и судебных органов, рассматривающих дела подростков, и

о назначении судопроизводства по делам данной категории. Наряду с ратифицированными нашей страной основополагающими пактами и конвенциями, которые в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью российской правовой системы, по поводу обращения с несовершеннолетними существует целый ряд **формально необязательных** для правоприменителей (судей, следователей, прокуроров, работников милиции) норм, принципов и стандартов, выработанных авторитетными международными правительственными организациями. Таковы Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»)¹, утвержденные резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.; таковы принятые впоследствии Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних («Эр-Риядские руководящие принципы»), принятые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г.² Формальная необязательность этих норм означает, что в ходе судопроизводства только на их основе, без ссылок на российское законодательство, невозможно вынести приговор, определение, постановление. Однако соответствующие положения как образцы цивилизованных норм учитываются законодателем при регулировании правоотношений с участием подростков, а судьи, следователи, прокуроры должны рассматривать эти акты как **рекомендательные, стремиться к их соблюдению**. Поэтому, например, Эр-Риядские руководящие принципы гласят: «Правительствам следует принимать специальные законы и процедуры для содействия осуществлению и защите прав и

¹ Такое название дано по месту итогового совещания экспертов, принявших окончательный текст проекта Правил, которое проходило в Пекине (КНР). Подробнее о значении и содержании Пекинских правил см. в работе профессора Э.Б. Мельниковой – эксперта ООН по вопросам подростковой преступности и соавтора текста Пекинских правил [3, с.174-183]. В указанной книге опубликован и текст самих Правил (с. 230-241). – *Прим. ред.*

² См. там же. С. 242-251. – *Прим. ред.*

благополучия всей молодежи и обеспечивать их соблюдение» (п. 52). «Следует рассмотреть вопрос об учреждении поста омбудсмена или аналогичного независимого органа для молодых лиц, который обеспечивал бы соблюдение статуса, прав и интересов молодых людей... Омбудсмен¹ или другой установленный орган контролировал бы также осуществление Эр-Риядских руководящих принципов, Пекинских правил и Правил, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы...» (п. 57). «Сотрудники правоохранительных органов и другие соответствующие работники... должны быть готовы учитывать в своей работе особые потребности молодежи, а также знать и использовать в максимально возможной степени программы и имеющиеся службы помощи, чтобы не допускать столкновения несовершеннолетних с системой правосудия» (п. 58).

Сопоставляя положения Пекинских правил и Эр-Риядских руководящих принципов, с одной стороны, и нормы УПК РСФСР 1960 г. и УК РФ с другой, можно найти множество расхождений. Так, п. 8.2 Пекинских правил содержит рекомендацию, согласно которой «в принципе не должна публиковаться никакая информация, которая может привести к указанию на личность несовершеннолетнего правонарушителя». Российское законодательство никаких ограничений на сей счет не содержит; в ходе предварительного следствия распространение такой информации органами уголовного преследования и даже посторонними лицами зависит от усмотрения следователя или прокурора. В России не узаконены специальные программы поддержки примирения несовершеннолетнего обидчика и жертвы, организации общественного надзора за освобожденным от наказания несовершеннолетним, необходимость принятия которых вытекает из п. 11.4 Пекинских правил. Службы примирения действуют в нескольких городах России без официально признанного статуса как проявление личной инициативы конкретных людей или общественных объединений.

¹ Омбудсмен – лицо, уполномоченное осуществлять контроль за соблюдением законных прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц.- Прим. ред.

Согласно п. 13.1 Пекинских правил, к несовершеннолетним «содержание под стражей до суда применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени». Российское законодательство позволяет **содержать под стражей несовершеннолетних на протяжении тех же сроков, что и взрослых**: максимальная продолжительность ареста в ходе предварительного следствия согласно ст. 97 УПК РСФСР может составить 2 года (и даже, при возвращении судом дела на новое расследование, 2 года и 1 месяц). Согласно частям 1 и 2 ст. 423 проекта УПК РФ, принятого 20 июня 2001 г. Государственной Думой во втором чтении, применение к несовершеннолетнему подозреваемому и обвиняемому меры пресечения также осуществляется в общем порядке, однако предварительно «должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр», т.е. применения менее радикальной меры пресечения. Наконец, уместно указать на наиболее вопиющее расхождение международных рекомендаций и положений УК РФ. «Несовершеннолетнего правонарушителя не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений», – гласит подпункт «с» п. 17.1 Пекинских правил. Несовершеннолетие считается в России смягчающим наказание обстоятельством (п. «б» ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 89 УК РФ), однако все равно за совершение целого ряда преступлений к подросткам может быть применено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет; допускается применение к несовершеннолетним лишения свободы в качестве меры наказания даже за совершение преступлений небольшой тяжести, таких как угроза убийством, незаконное насильственное проникновение в жилище, умышленное и неосторожное уничтожение или повреждение имущества (ст. 119, ч. 2 ст. 139, ч. 1 ст. 167, ч. 2 ст. 168 УК РФ). При этом по делам несовершеннолетних криминологической характеристике деяния – насильственное оно или нет, впервые совершено или неоднократно – придается то же юридическое значение, что и по делам взрослых лиц, хотя очевидна необходимость особого учета соответствующих

обстоятельств при разрешении вопроса об ответственности подростков.

Такое отношение к несовершеннолетним правонарушителям свойственно не только России, но и государствам – членам СНГ: Модельный уголовный кодекс, принятый Межпарламентской Ассамблеей 17 февраля 1996 г., также игнорирует рассматриваемое положение Пекинских правил. Это тем более прискорбно, так как Россия, как и многие государства СНГ, придерживается при изложении санкций уголовно-правовых норм устаревшей законодательной техники. Если в европейских государствах приводятся лишь верхние границы санкций этих норм, то в государствах СНГ типично указание еще и нижней границы санкции. В результате суды, не усмотрев в деле каких-либо исключительных обстоятельств, дающих право назначить наказание «ниже низшего» предела санкции, вынуждены применять к несовершеннолетним в типовых случаях длительные сроки лишения свободы за такие довольно распространенные в молодежной среде деяния, как грабеж, разбой, угон автомобиля.

Указанные расхождения норм российского законодательства и Пекинских правил представители власти – ученые и чиновные – охотно оправдывают тем, что Правила носят лишь рекомендательный характер и потому не являются частью нашей правовой системы. Это действительно так, хотя намерение вступить в семью цивилизованных народов и жить в ней предполагает добровольные ограничения репрессивного настроения государственной машины и гуманизацию ее деятельности.

К сожалению, мне известен единственный случай ссылки на положения Пекинских правил при решении судом вопроса об изменении избранной органами уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. В 1997 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, процитировав п. 5.1, 13.1, 13.2, 14.2 Пекинских правил, освободила из-под стражи под денежный залог подсудимую Н., обвиняемую в совершении в 16-летнем возрасте умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, похищения человека, вымогательства, разбойного нападения. Подсудимая от суда не скрылась,

Раздел I. Постановка проблемы...

нового преступления не совершила, устроилась на работу, пунктуально являлась в суд для участия в заседаниях и впоследствии в результате существенного изменения обвинения была приговорена к наказанию в виде лишения свободы на срок 9 лет условно с испытательным сроком продолжительностью 5 лет.

Следует признать, что российское уголовное законодательство, материальное и процессуальное, по-прежнему использует рамки и механизмы карательной юстиции, работающей во имя воздаяния и устрашения. Так, задачами уголовного судопроизводства являются «...раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию...» (ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР). А наказание в нашей стране «...применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Фактически размах и качественные характеристики уголовного преследования находятся под большим влиянием ведомственных показателей; так, не последнюю роль при возбуждении уголовного дела играет оценка его «судебной перспективы», легкости раскрытия данного преступления, влияния на отчетность о «состоянии законности» на данной территории (увеличится ли до недопустимых пределов уровень преступности при регистрации новых деяний соответствующей категории). Можно утверждать, что в органах внутренних дел сохраняется практика укрытия от учета преступлений, совершенных в условиях неочевидности, а значит, труднораскрываемых, в особенности имущественных (квартирных и карманных краж), а также насильственных «бытовых» преступлений (актов семейного насилия, хулиганства, причинения вреда здоровью в результате уличных и «соседских» драк). Государственные обвинители в суде практически всегда настаивают на виновности обвиняемого, заключенного под стражу, стремятся не допустить оправдания арестованного подсудимого, как и направления дела для производства дополнительного расследования. Что касается «целей наказания», то из

них достигаются в той или иной степени цели мести преступнику, восстановления картины «справедливого мира» в глазах жертвы или ее правопреемников, а также «общей и специальной превенции», т.е. запугивания правонарушителя и окружающих.

Надо также подчеркнуть, что российский законодатель и взятая им на вооружение правовая доктрина исходят из представления о преступлении как о деянии, имевшем место в прошлом и подлежащем установлению средствами уголовного судопроизводства; если в деянии к некоторому моменту уже имелись «все элементы состава преступления», то последующему развитию ситуации, точно так же как и позиции жертвы и обидчика по поводу случившегося, придается ничтожно малое значение. Например, если юноша, вынесший из чужой квартиры вещи хозяина, впоследствии устыдился и принес похищенное назад, он подлежит уголовному преследованию по ч.2 ст.158 УК РФ как лицо, совершившее тяжкое преступление – кражу с незаконным проникновением в жилище; его деятельное раскаяние учитывается не как оправдывающее, а лишь как смягчающее наказание обстоятельство¹.

Альтернативой подобному подходу, следствием которого является ежегодное объявление сотен тысяч наших сограждан преступниками, оказывается практика судов с участием присяжных заседателей; для рассматривающих дело представителей народа деяние не «замерзает» в форме преступления, едва оно совершено, а имеет развитие во времени, пространстве и человеческих отношениях; по здравому разумению присяжных заседателей, деяние может утратить характеристики преступного, если подсудимый

¹ Иная концепция преступления разрабатывается автором. Установив факт нарушения лицом уголовного закона и очертив круг в принципе возможных по закону правовых санкций (штраф, лишение свободы и т.д.), суд должен решить, нужно ли использовать государственную власть для их применения. При положительном ответе на этот вопрос судья должен объявить деяние преступным, при отрицательном – отказаться от такой квалификации. При этом речь идет не о полномочиях суда произвольно признавать деяние преступным, но, напротив, признавать деяние не преступным, если вред заглажен и суд не видит смысла в применении наказания [4].

действительно раскаялся и возместил ущерб, если он прощен потерпевшим, если на протяжении многих месяцев претерпевал мучительное предварительное заключение. К сожалению, суды с участием присяжных заседателей, действующие пока лишь в 9 регионах, где введена эта форма судопроизводства, рассматривают в год не больше 500 дел в отношении 800-900 подсудимых, и практика этих демократических учреждений является не правилом, а исключением из обыкновений отечественного правосудия. Планируемое распространение суда присяжных по всей территории России (точнее, еще в 80 судах уровня субъектов Российской Федерации – краевых, областных и к ним приравненных) будет означать, что на подлинно демократическое правосудие обвиняемые смогут рассчитывать в лучшем случае по 0,8% уголовных дел; одновременно ликвидируется институт народных заседателей, и правосудие по подавляющему большинству уголовных дел отдается на откуп судьям, бюрократизм которых не будет сдерживаться отныне даже робким голосом представителей народа.

§ 2. Кураторское правосудие

Таковы в самых общих чертах содержательные характеристики отечественного карательного правосудия, в равной мере касающиеся взрослых и несовершеннолетних. Пекинские же правила рассчитаны на иные, **кураторские**, начала деятельности юридической системы хотя бы по делам несовершеннолетних. **Под кураторским** понимается судопроизводство, направленное на обеспечение благополучия несовершеннолетнего в качестве первоочередной цели. Основные характеристики кураторской юстиции определены актами международного сообщества, в первую очередь уже цитировавшимися Пекинскими правилами.

Так, в силу п. 5.1 Пекинских правил «система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего»; «судебное разбирательство должно отвечать интересам

несовершеннолетнего и осуществляться в атмосфере понимания» (п. 14.2 Правил); «при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или ее благополучии должен служить определяющим фактором» (подпункт «d» п. 17.1 Правил). Иными словами, по замыслу авторов Пекинских правил, несовершеннолетний – это объект заботы государства и общества, субъект процесса, по возможности очищенного от мертвящих формальностей; благополучие подростка, даже подвергаемого наказанию, ставится во главу угла.

Российская же правовая доктрина видит в раскрытии преступления, изобличении правонарушителя самодовлеющую ценность. Допуская освобождение правонарушителя от уголовной ответственности лишь по делам о совершенных впервые преступлениях небольшой и средней тяжести, закон (ст. 75–77, ч. 1 ст. 90 УК РФ) ставит решение этого вопроса в зависимость от воли следователя, прокурора, суда, т.е. государственных чиновников и органов. Наказание подростка преследует внешние по отношению к нему цели, в том числе устрашение населения (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Модели российской карательной и «пекинской» кураторской юстиции органически несовместимы. Впрочем, формы кураторской юстиции существенно отличаются и от состязательного процесса, принятого в цивилизованных странах, **составляют ему альтернативу в той же мере, в какой они оппозиционны карательному правосудию.** Так, в США практикуются многочисленные альтернативные состязательному процессу процедуры разрешения правовых конфликтов, начиная от медиации и заканчивая инсценировкой заседания суда присяжных в усеченном составе, не стесненного обычными юридическими рамками в исследовании обстоятельств дела («summary jury trial»).

Переход России к соблюдению международных стандартов в области прав человека, в том числе несовершеннолетних правонарушителей, **не может быть осуществлен за счет специализации персонала правоохранительных органов и судов, который поневоле будет воспроизводить подходы карательной юстиции** на отданном в их власть уязвимом человеческом материале (опыт специализации

Раздел I. Постановка проблемы...

следователей органов внутренних дел и судей на рассмотрении дел подростков тому доказательство). Лишь существенное изменение уголовного законодательства в сочетании с формированием обособленных судебных органов по делам несовершеннолетних, персонал которых должен подбираться по специальным правилам, включая образовательный ценз, и в рамках нетривиального штатного расписания даст основание надеяться на желаемый эффект.

Однако изменение судебной системы и законодательства может оказаться обескураживающе долгим процессом. Общество же обязано давать приемлемый ответ на правонарушения подростков и преодолевать казенный карательный подход к судьбам несовершеннолетних уже сейчас – и впредь. Внедрение элементов кураторской юстиции в деятельность отечественных правоохранительных и судебных органов может и должно происходить, вплоть до закрепления гуманных принципов Пекинских правил в российском законодательстве, явочным порядком, с использованием **механизма обыкновений правоприменительной практики.**

Термин «обыкновения правоприменительной практики» был впервые использован в Законе РСФСР от 12 июля 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР». Обыкновения правоприменительной практики формируются вне жесткой зависимости от наличия нормы, предписывающей определенное поведение, а подчас – вопреки содержанию такой нормы. Обыкновения выражаются в привычке к наиболее удобному в данных условиях способу выполнения деятельности и могут быть основаны на приверженности правоприменителей к определенной системе ценностей либо на ведомственном «уточнении» положений закона. Обыкновения нередко перерастают в неправовые технологии деятельности правоохранительных и судебных органов; вовлеченные в реализацию таких технологий должностные лица составляют главную оппозицию судебной реформе.

Задача заключается, таким образом, в том, чтобы в рамках профессиональной юридической среды утвердить альтернативную доктрину юстиции по делам несовершеннолетних и создать адекватные специфике

этих дел **кураторские обыкновения**. Носителями и проводниками соответствующих идей и практик в России фактически оказались общественные организации, занимающиеся проблемами прав человека и судебной реформы.

Судьи и работники правоохранительных органов, воспринявшие идеи кураторской юстиции, могут, опираясь на потенциал общественных организаций, уже сегодня находить и эффективно использовать для реализации этих принципов правовые средства, имеющиеся либо только обозначенные в действующих нормативных актах. В числе таких средств находится прежде всего примирение обвиняемого и потерпевшего, так как с фактом примирения закон связывает возможность прекращения производства по уголовному делу несовершеннолетнего, если речь идет о преступлении небольшой и средней тяжести (ст. 76, ч. 1 ст. 90 УК РФ, ст. 8, 9 УПК РСФСР; ст. 25 проекта УПК РФ). В этих нормах, а также в ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР, посвященной производству по делам частного обвинения, примирение упоминается, но его порядок не регламентируется. Это обстоятельство дает возможность включения в уголовное судопроизводство на соответствующих его стадиях представителей специализированных общественных организаций в качестве посредников между сторонами конфликта. Участие в деле таких специалистов в разрешении конфликтов может обуславливаться согласием ведущих уголовный процесс органов и лиц или происходить по их инициативе. В принятом Государственной Думой во втором чтении проекте УПК РФ процедура примирения обвиняемого и потерпевшего не закрепляется, однако возможности примирения расширены по сравнению с положениями действующего УК РФ: в отличие от содержания ст. 76 УК, ст. 25 проекта УПК позволяет прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон не только по делам о преступлениях небольшой, но и средней тяжести, причем даже в том случае, если обвиняемый (подозреваемый) нарушил уголовный закон не в первый раз.

Надо отметить, что повсеместно передача негосударственным посредникам части дел для урегулирования лежащих в их основе конфликтов

Раздел I. Постановка проблемы...

сопровождается сокращением расходов на судопроизводство, реальным уменьшением нагрузки судей и прокуроров, а главное – более субъективно удовлетворительным разрешением споров: жертва примиряется с обидчиком, осознает причины его поведения и собственных психологических проблем, получает компенсацию причиненного вреда, а правонарушитель принимает на себя ответственность за содеянное и не встает в позу мученика, перемалываемого шестеренками государственной машины.

В силу ст. 70 УПК РСФСР представители общественных организаций могут собирать и представлять доказательства об условиях жизни и воспитания обвиняемого подростка, о наличии примирительного соглашения между обвиняемым и потерпевшим. К сожалению, ст. 86 принятого во втором чтении проекта УПК РФ ограничивает круг органов и лиц, уполномоченных собирать и представлять доказательства, только судом и сторонами, под которыми понимаются: дознаватель, следователь, прокурор, а также потерпевший, гражданский истец и их представители (сторона обвинения); подозреваемый, обвиняемый, их защитник, а также гражданский ответчик и его представитель (сторона защиты). Получив достоверные сведения об урегулировании конфликта и заглаживании причиненного подростком вреда, суд вправе использовать их как доказательства возможности прекращения уголовного дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, наличия смягчающего наказание обстоятельства по делам любых категорий. Даже если при этом подростка нельзя на законном основании освободить от уголовной ответственности, его наказание всегда можно смягчить до разумных пределов. Залогом реальности данной точки зрения служат применимые во всех случаях институты: назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление (ст. 64 УК РФ); условного осуждения (ст. 73 УК РФ); частичного сложения наказаний по совокупности преступлений и приговоров (ч. 2, 3 ст. 69, ч. 1 ст. 70 УК РФ). Комбинирование этих институтов позволяет оставить на свободе подростка даже при отмене ранее назначенного условного осуждения в предусмотренном ч. 5 ст. 74 УК РФ порядке.

Найдя нецелесообразным отбывание подростком, ранее преступившим закон, наказания в виде реального лишения свободы, суд может ограничиться в приговоре назначением небольшого срока лишения свободы с присоединением к нему, скажем, одного месяца лишения свободы по предыдущему приговору, с тем чтобы в совокупности наказание не превышало срока, фактически отбытого подростком в следственном изоляторе и подлежащего зачету в силу ч. 3 ст. 72 УК РФ. В руках прокурора, выступающего по уголовному делу в качестве государственного обвинителя, находится неотразимое средство экономии государственной репрессии, которое было бы разумным использовать **при условии исчерпанности конфликта** между подсудимым и потерпевшим: **обязательный для суда отказ от уголовного преследования**. Это лишь некоторые примеры того, что могут сделать уже сегодня прогрессивно мыслящие юристы, облеченные властью.

В российском обществе, культура и язык которого пронизаны уголовными мотивами, где притесняемые идеологизированным государством люди недостаточно ценят свободу и даже человеческую жизнь, назрела потребность в создании альтернативных механизмов ответа на правонарушения несовершеннолетних. Данная потребность настоятельна, так как несовершеннолетние относятся к наименее защищенным и наиболее пораженным девиантным поведением слоям населения. Запрос на такую работу вырастает из недр самого общества, и эта деятельность развивается по инициативе и при участии негосударственных организаций. Однако она не может не снискать поддержки юридического сообщества, правоохранительных органов и судов, как только их работники задумаются об отдаленных результатах своих нынешних усилий.

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Раздел I. Постановка проблемы...

2. Краткая характеристика состояния преступности в России в 2000 году // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 77-78.
3. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учеб. пособие. М., 2000.
4. *Пашин С.А.* Понятие преступления для системы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.
5. Работа районных судов общей юрисдикции в первом полугодии 2000 года // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 54-56.
6. *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1994.
7. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. В 2-х т. Т. 2. М., 1994.

ГЛАВА 2

Места лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей

В данной главе представлены некоторые результаты исследований в области подростковой преступности и системы исполнения уголовного наказания для несовершеннолетних. Основная часть исследований проводилась в 1988–1990 гг. социологической группой Центра содействия реформе уголовного правосудия под руководством В.Ф.Чесноковой¹. Несмотря на то что исследования проведены более десяти лет назад, полученные результаты не потеряли актуальности. В текст внесены лишь несущественные и не меняющие общей концепции изменения и дополнения, а также использован материал более позднего (90-е гг.) изучения ситуации в воспитательных колониях (ВК) для несовершеннолетних.

ВК – учреждение лагерного типа. Оно мало чем отличается от колонии для взрослых: заборы, колючая проволока, вышки (но без автоматчиков). По закону условия содержания несовершеннолетних осужденных должны быть лучше, чем у взрослых. Средства, выделяемые из федерального бюджета на содержание одного воспитанника, в два раза больше, чем на взрослого заключенного. Тем не менее малолетки находятся в бедственном положении. У подавляющего большинства из них нет близких и друзей, которые могли бы помочь.

Вся жизнь в ВК в гораздо большей степени регламентирована, чем в колониях для взрослых. Подъем и отбой по звонку, передвижение по территории колонии строем (часто со строевой песней), работы в мастерских, хозяйственные работы по благоустройству колонии, учеба в школе и ПТУ. Свободного, личного, времени у воспитанников практически нет. Нарушители содержатся в дисциплинарных изоляторах (ДИЗО), где подросток полностью изолирован от мира: ему не передают письма,

¹ Более полно результаты исследования опубликованы в [2; 4].

Раздел I. Постановка проблемы...

передачи, не разрешают свидания, не дают книг, не водят в школу.

Каждый десятый воспитанник является сиротой. По сведениям Минздрава России, уровень психических расстройств среди воспитанников ВК выше, чем у их сверстников на свободе, в 6 раз, количество больных наркоманией - в 12 раз, больных венерическими заболеваниями - в 9 раз, ВИЧ-инфицированных - в 5 раз.

Около половины воспитательных колоний не имеют централизованного горячего водоснабжения и канализации.

Несовершеннолетние в местах лишения свободы (январь 2001 г.)¹

В России 64 воспитательные колонии, из них 3 – для девочек.

На начало 2001 г. в ВК содержалось 17450 несовершеннолетних осужденных.

В специальных корпусах СИЗО – около 9 тысяч человек.

В том числе в четырех ВК усиленного режима – около 500 человек.

В трех ВК для несовершеннолетних женского пола – около 1000 человек.

Всего за 2000 г. через ВК прошло 43 тысячи несовершеннолетних осужденных.

Распределение несовершеннолетних осужденных по возрасту (январь 2001 г.)

В ВК содержится:

15,9% осужденных в возрасте от 14 до 16 лет.

64,5% – в возрасте от 16 до 18 лет.

19,7% – старше 18 лет.

44,1% до осуждения учились в общеобразовательных школах и других учебных заведениях. В том числе 12,1% – во вспомогательных школах.

По составам преступления отбывают наказание:

•3,5% – за убийства

•3,6 – за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

•56,4% – за кражи

•13,4% – грабеж

•8,6% – за разбой

•3% – хулиганство

•6,9% – прочие виды

По срокам наказания:

•10,6% осуждены на срок до 2 лет включительно

•31,8% – от 2 до 3 лет

•44,4% – от 3 до 5 лет

•13,2% – более 5 лет, это за тяжкие преступления (убийства, грабежи, разбои)

§ 1. Административный порядок и тюремный закон

¹ См. сайт Центра содействия реформе уголовного правосудия <http://www.prison.org/>.

Раздел I. Постановка проблемы...

Результаты проведенных исследований позволяют говорить о существовании двух порядков в местах лишения свободы. Первый, назовем его «административным», основан не только на законах, положениях, правилах поведения, представлениях, которые официально постулируются и внушаются заключенным, но и на устоявшихся советских традициях, которые администрация считает неотъемлемой частью жизни исправительных учреждений.

Второй порядок (неформальный) опирается на так называемый «тюремный закон» — свод неписаных правил, норм, санкций и т.д., распространенных в сообществе заключенных, который постулирует нормы поведения, провозглашает запреты, табу для тех или иных групп заключенных, регулирует отношения между представителями различных групп, между заключенными и администрацией и т.п.

Глубинной основой и источником «тюремного закона» является традиционная культура и обычное (т.е. построенное на обычае) право. В провозглашаемых принципах и нормах тюремного закона, в «правильных понятиях» мы легко различим идеалы нашей традиционной культуры. Это идеалы братства, несравнимо более высокое значение общего интереса перед частным, стремление жить по справедливости, оказывать помощь тем, кто «пострадал за общество», оказался в беде, а также рассматривать возникший спор или конфликт «по-человечески». Естественно, что «правильные понятия» находят глубокий эмоциональный отклик не только у заключенных. Секрет широкого распространения тюремной субкультуры на воле не в какой-то особой криминальности нашего населения, а в том, что люди слышат простые понятные слова, затрагивающие душу. Неформальный порядок, действующий в сообществе заключенных, носит авторитарный характер, держится на власти «авторитетов», которые, как правило, обладают соответствующими личностными качествами (или, по крайней мере, искусно имитируют их): аскетизм, презрение к лишениям, готовность пострадать «за братву» и т.п. За авторитетом следуют по душевному порыву, признавая высокие моральные качества его личности, а не из страха перед грубой силой, которую,

как принято думать, использует *отрицалово*¹ против основной массы заключенных. Если бы заключенные представляли собой людей, которых можно легко запугать или купить, то переманить большинство из них на сторону административного порядка не составило бы особого труда. Администрация обладает несопоставимыми (по сравнению с *отрицаловом*) возможностями по устрашению и «соблазнению» заключенных, в ее руках не только их благополучие, их свобода, но и здоровье, сама жизнь.

Хотя административный порядок содержит в себе определенный механизм защиты жизни, здоровья и личности заключенных², с точки зрения важнейших социально значимых целей он играет, скорее, негативную роль. «Исправительно-воспитательное» воздействие пенитенциарной системы чаще приводит либо к разрушению, разложению личности, либо к формированию ярко выраженных негативных установок по отношению не только к этой системе, но и к институтам власти в целом.

Административный порядок по своей сути построен на основаниях, отвергаемых традиционной культурой. В профессиональном жаргоне тюремщиков существует термин «вставший на путь исправления». Переходя на обычный язык, мы должны пояснить, что «вставшим на путь...» называют заключенного, сотрудничающего с администрацией, открыто или тайно предающего сотоварищей и даже истязавшего их. Ни в одной тюрьме или лагере администрация не смогла бы поддерживать порядок без так называемых оперативных служб, имеющих широко разветвленную сеть агентов и

¹ Отрицательно настроенные осужденные — заключенные, которые, с точки зрения администрации исправительного учреждения, мешают ее работе, отрицательно влияют на других осужденных. Сюда попадают и те, кто обращается с жалобами на администрацию, отказывается выполнять «левую» работу на сотрудников и т.п.

² Законодательство, касающееся мест лишения свободы, предоставляет заключенным, например, право на достойное обращение, на охрану здоровья, социальное обеспечение, личную безопасность, на свободу совести и вероисповедания.

провокаторов среди заключенных. Но одна из основ нашей традиционной культуры — запрет на предательство.

Административный порядок держится исключительно на принуждении: от прямого применения силы до манипулирования угрозой наказания и обещанием некоторых льгот и поблажек. В результате моральное влияние, авторитет в сообществе заключенных принадлежит не административной системе, а ее антагонисту — тюремному закону.

Проведенные нами исследования позволяют говорить о том, что тюремный закон поддерживается, по видимому, абсолютным большинством лиц, содержащихся в местах заключения. Администрация же не только утратила моральное влияние на заключенных, но и переживает начиная с 70-80-х годов разрушительный процесс деидеологизации, разидентификации, т.е. у сотрудников тюрем и лагерей потеряна вера в то, что они совершают нужное и полезное дело, за которое человек может уважать себя сам и требовать уважения со стороны окружающих.

Все вышесказанное вовсе не означает, что тюремные работники — сплошь садисты и злодеи. Скорее, их можно назвать заложниками существующей системы. Более того, многие сотрудники интуитивно понимают, что правда не на стороне административного порядка, и в рамках отпущенных им возможностей руководствуются в своем отношении к заключенным не законами и инструкциями, а принципами справедливости и общечеловеческой морали. Правда, система целеустремленно и последовательно избавляется от людей, которые не отвечают ее установкам и стандартам. Продвижение сотрудника по службе, его благополучие зависят от умения подавлять «спецконтингент», держать его в узде, получать явки с повинной, добиваться выполнения экономических показателей. Какими способами он будет этого добиваться, сколько при этом жизней и душ загубит — не столь уж важно.

Тюремная субкультура («тюремный закон»), создавая немалые трудности для человека, попавшего в сферу ее действия, предоставляет ему, как это ни парадоксально, и возможности для выживания, для сохранения себя как

личности в весьма тяжелых условиях. Тюремный мир выработал определенные способы защиты личности от произвола и деморализации: механизмы решения конфликтов ненасильственным путем, свои способы достижения компромисса (а иногда и консенсуса) между различными группами его обитателей, своеобразный кодекс чести — «правильные понятия».

Ведомственные ученые разбивают всех заключенных на три группы: «отрицательно настроенные», т.е. плохо управляемые, не подчиняющиеся администрации; «положительно настроенные» — легкоуправляемые, сотрудничающие с администрацией; «нейтральные» — неопределившиеся, занимающие промежуточное положение между первыми двумя группами. Морально-оценочный подход к объекту исследования в ущерб его последовательному и добросовестному изучению — это не просто нарушение одного из главных этических принципов науки, но и сужение поля рабочих гипотез. Например, заведомо исключаются из сферы внимания исследователя такие гипотезы: хорошая адаптируемость к тюрьме связана с плохой социализируемостью в условиях воли; наличие или отсутствие криминальной установки никак не коррелируют с управляемостью индивида, а в определенных условиях (например, в ситуации, когда человек попадает в группу, сориентированную на криминальное или полукриминальное поведение) управляемый индивид более опасен для общества, поскольку никаких независимых от своей референтной группы моральных норм у него нет.

В чем же причины упорного сопротивления большей части заключенных (*мужиков*) тому, что на языке администрации называется «встать на путь исправления»? Понятно, почему *блатные*¹ не хотят становиться на этот путь — у них свои принципы. Но обычный человек, севший за мелкую кражу, за транспортную аварию, за бытовую драку или семейный

¹ *Блатной* — представитель высшей по статусу группы в неформальной иерархии заключенных, обычно является профессиональным преступником. Кроме того, он должен признавать тюремный закон, следовать правильным понятиям, иметь «чистое» прошлое.

скандал — этот-то человек никаких заранее внушенных принципов не имеет, его взгляд на мир прост. Но сотрудничать с администрацией отказывается. Конечно, какую-то предварительную обработку он проходит: в СИЗО и на этапе ему рассказывают, кто есть кто. Но все равно человек смотрит и сам имеет возможность сравнивать, делать выбор. И он делает его не в пользу «становления на путь исправления». Хотя, с нашей точки зрения, эти люди как раз наиболее склонны к исправлению. В них-то, по существу, совсем мало криминального. Ну, взял чужое, ну, подрался — разве это законченный преступник? Со всяким, как говорится, при нашей-то жизни может произойти¹.

Чтобы причины неприятия административного порядка стали понятней, рассмотрим его более конкретно.

Из интервью с начальником отряда колонии общего режима (Ульяновская область):

«Некоторые осужденные, стремясь завоевать уважение среди основной массы, допускают поступки, за которые их признают нарушителями режима содержания, относят к группе отрицательной направленности. Например, такой осужденный собирает «общак». По воровским законам положено, например, «встречать» освободившегося из ШИЗО² или ПКТ³, т.е. подготовить ему чистую «сменку» (нижнее белье), заварить чай, достать для него пачку-другую хороших сигарет (с фильтром), какие-

¹ Сошлемся на мнение заместителя министра юстиции Ю.И. Калинина, проработавшего в уголовно-исполнительной системе более 30 лет: «Из всего тюремного населения только 12-16% - люди действительно опасные, с соответствующими моральными установками. 50-60% - инертная часть... Именно этих людей нам и стоит беречь, иначе общество только и будет делать, что работать на свои тюрьмы...» [3, с. 5].

² ШИЗО — штрафной изолятор. Водворенный в ШИЗО существенно ограничен в правах.

³ ПКТ — помещение камерного типа, внутренняя тюрьма колонии, в которой содержатся злостные нарушители режима содержания. Заключение, водворенные в ПКТ, ограничены в некоторых правах.

нибудь консервы из ларька, колбасу, сало из передачи и т.п. Таких устроителей «встречи» мы наказываем.

Выявляем мы отрицалово, когда осужденные еще только приходят этапом и помещаются в карантин. Там они должны написать заявление с просьбой о приеме в секцию дисциплины и порядка. Потом это заявление попадает в личное дело осужденного и сопровождает его в дальнейшем, в какое бы учреждение он ни поступил. Тех, кто отказывается писать заявление, водворяют в ШИЗО. Если он и после этого упорствует, его могут перевести в ПКТ за отказ от выполнения законных требований администрации...».

Итак, «правильные понятия», как мы видим в этом случае, предписывают заключенному помогать человеку, попавшему в беду (через общак), не доносить на товарища (доносить требуется от заключенного, вступившего в секцию дисциплины и порядка), не пытаться выжить за счет другого. Но разве не того же требуют и общепринятые моральные нормы?

Таким образом, человек отказывается от «пути исправления», который предлагает ему администрация, именно потому, что хочет остаться человеком. Каждому педагогу известно: чтобы воспитать полноценную личность, нужно прежде всего отучить ребенка ябедничать, передавать сплетни, наушничать. Это — основа всякой культуры и социальных отношений: запрет на предательство. И предлагать человеку исправляться, становясь предателем, — совершенно несостоятельная логика, бессмыслица. Любой взрослый человек в состоянии оценить степень этой бессмыслицы. Принять условия администрации означает поставить под вопрос мораль как таковую, стать аморальным, потерять себя как личность, потерять уважение людей и самоуважение. И поскольку администрация наших мест заключения никакого другого «пути исправления» предложить не может, заключенные вынуждены делать выбор в пользу «правильных понятий».

Ведомственная наука, а вслед за ней и законодатель с завидным упорством сохраняют вульгарно-бихевиористские представления, начисто отрицающие за

человеческой личностью какую-либо ценность или нравственность и сводящие все многообразие человеческой натуры к незамысловатым рефлексам павловской собачки. Уголовный кодекс предусматривает, что суд должен назначать режим (и, соответственно, степень суровости условий жизни и ограничений) в зависимости от тяжести преступления, совершенного осужденным. Грубо говоря, такая концепция предполагает, что человек, задумавший совершить убийство, просчитывает возможные последствия и, вспомнив, что в лагере он будет получать на две посылки в год меньше, ограничится нанесением здоровью потерпевшего вреда средней тяжести.

Новый Уголовно-исполнительный кодекс РФ, наряду со значительным смягчением условий содержания, усугубил бесчеловечность системы, еще более расширив спектр средств манипулирования личностью заключенного. Для каждого типа учреждений теперь предусмотрены еще три вида условий содержания (строгие, обычные, облегченные), причем вопрос определения заключенного на тот или иной вид условий содержания решается администрацией в зависимости от степени его послушности и управляемости.

Как мы видим, за критерий «исправления» по-прежнему принимается послушность заключенного и его адаптируемость к искусственным тюремным условиям. Самые адаптированные, манипулируемые и получают награду, как медведи в цирке.

Описанная модель противостояния двух «порядков» характерна в развитом своем виде более всего для взрослых заключенных, наиболее последовательно она реализуется в колониях строгого режима, где большая часть арестантов имеет за плечами большой тюремный стаж и не одну «ходку». В колониях общего режима, где в основном содержатся осужденные впервые, эта модель несколько размыта. В женских колониях она выражена еще слабее, тем не менее некоторые ее «фрагменты» можно обнаружить и там.

§ 2. Мир «малолеток»

2.1. Малолетка

В ВК и других учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей (спецшколы, спецучилища и др.), в особенности это относится к учреждениям для мальчиков, вышеописанная модель также имеет место и достаточно отчетливо выражена в представлениях, хотя меньший жизненный опыт воспитанников, отсутствие выработанных социальных навыков и умения строить свои отношения с другими, неустойчивость эмоциональная и моральная — все это накладывает свой отпечаток на ее реализацию.

Можно сказать, что субкультура «малолеток» только внешне похожа на тюремную субкультуру взрослых заключенных, **внутренне она является значительно более жесткой и жестокой.**

Почти все бывшие воспитанники колоний для несовершеннолетних, «поднявшись на взросляк» (в колонию для взрослых), говорят, что «здесь лучше», «спокойнее», «там постоянное напряжение, а здесь — проще».

Прежде чем перейти к описанию социокультурной модели мира «малолеток», взглянем на этот мир глазами одного из его обитателей.

Из показаний бывшего воспитанника Икшанской колонии (Московская область).

Находился в ВК полгода (до этого 7 месяцев провел в отделении для несовершеннолетних Матросской Тишины). Возраст (на момент интервью) — 17 лет. Все имена в тексте изменены.

«Всеми отношениями в колонии заправляют «борзые», их 7 человек.

От «борзых» зависит, как человек будет жить в зоне, они могут развязать человеку руки, дать ему свободу, могут, наоборот, унижить его, постоянно придираются, бить, измываться над ним.

В колонии около 10 блатных¹, они выполняют поручения «борзых», дают на актив угрозами, избиениями, лишением благ.

¹ Блатные (здесь) – воспитанники, занимающие вторую после «борзых» ступень в неформальной иерархии.

Малолетка:

- 1) несовершеннолетний заключенный;
- 2) совокупность специальных исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей закрытого и полуоткрытого типа, а также весь контингент лиц, в них содержащихся...;
- 3) часть специализированного отделения следственного изолятора для несовершеннолетних заключенных [1, с. 5].

Примерно 20-30 человек «пригретые», это земляки «борзых», которые получают от них некоторые блага. Иногда для того, чтобы стать пригретыми или активистами, достаточно дать денег или делиться передачей.

В «зоне» около 20-30 активистов, занимающих то же положение, что и пригретые; их назначает воспитатель, они смотрят за уборкой, за порядком.

Около 40% воспитанников являются обиженными, или опущенными¹. В основном опущенными становятся ребята, слабые характером и телом, психически нездоровые. Таких, кто был гомосексуалистом до заключения под стражу, я не встречал.

Самое жалкое и страшное — это опущенные. Они избегают всяких контактов с посторонними.

Например, Мишин — слабый, худой мальчик, вечно грязный, всем всегда стирает вещи. Судя по всему, у него нет родителей и помощи с воли ему ждать не от кого. Он страдает энурезом. Ежедневно его избивают,

¹ *Опущенный* — представитель самой низшей группы в неформальной иерархии заключенных, своеобразной касты неприкасаемых. У опущенного нельзя ничего взять, нельзя его касаться, сесть на его нары и т.п. У них отдельные места в бараке, тюремной камере, в столовой, своя меченая посуда, они выполняют самые грязные работы — те, за которые прочие заключенные уже не имеют права браться. Они имеют определенные опознавательные знаки, обязаны сообщать по прибытии на место, где их не знают, о том, что они опущенные, чтобы другие заключенные, вступив в общение с ними, не потеряли своего статуса. Скрывать свой статус опущенному бесполезно и опасно, рано или поздно его прошлое становится известным, и тогда раскрытых опущенных наказывают, избивают, иногда убивают. Статус опущенного пожизненный, скажем, перерыв в тюремной карьере его не изменяет.

почти всякий раз эти избиения приводят к потере сознания. Потерял ли Мишин сознание или только плачет, те, кто его бил, начинают смеяться, кричат ему «баба!», часто начинают бить снова. Не редки случаи, когда его бьют табуреткой по голове.

То же самое происходит и с Ушиным, бьют его не реже, чем Мишина. Он также очень грязен; почти никогда не видит получаемых с воли передач, половина которых уходит активу, половина — «борзым».

Большинство опущенных вступают в половые сношения недобровольно, их склоняют к этому угрозами, избиениями. Того же Мишина подвергают насилию не реже трех раз в неделю, порой он сопротивляется, просит оставить его в покое, но просьбы опущенного никого не трогают. Во время изнасилования над ним еще и издеваются с особой изощренностью.

Опущенных в основном насилуют ночью в отделении, в туалете, в бане, в старом корпусе.

Однажды я попал в ДИЗО, а после выхода меня привели в 14-е отделение 3-го отряда. Там меня избили Порозов, Большов, Сокин. Они говорили, что из-за меня у отряда еще одно взыскание. Били жестоко и долго, около сорока минут, по всем частям тела, кроме лица и паха.

Есть тут у нас такой Миша Барков, ему лет 16-17, он часто бьет ребят табуретками так, что те ломаются о голову. И ему все равно кого бить. Так он избивал на моих глазах парня по кличке Хохол и сломал о его голову табуретку. Этот Хохол недавно освободился...

Из-за притеснений ушел в побег из колонии Федотов 16-17 лет. Его избивали каждый день, придираясь к любой мелочи. Он поднимался в наряд в 5 утра, и всякий раз его работа приводила к одному и тому же результату: говорили, что уборку он сделал плохо, и били за это. Многие ребята говорят, что из-за избиений они находятся на грани срыва и если их не прекратят бить, то они скоро убегут или попытаются попасть в ДИЗО. Многие пытаются перебраться в другую зону в надежде, что там такой жестокости нет, или попасть в лагерь для взрослых.

Раздел I. Постановка проблемы...

У «борзых» отношения с сотрудниками хорошие, кстати, «борзых» слушают больше, чем сотрудников.

Большинство сотрудников относится к нам хорошо, но есть и такие, которые постоянно оскорбляют ребят: «ты, петух, иди отсюда», «бегом принеси то-то»...

Учителя почти все хорошие...»

Показания воспитанника Икшанской ВК были записаны в конце 1994 г. Вместе с сопроводительным письмом они были направлены начальнику Управления исполнения наказаний (УИН) Московской области и прокурору Московской области. В полученном через месяц ответе утверждалось, что факты, изложенные в письме и документах приложения, при проверке не подтвердились...

С этими показаниями мы ознакомили людей (журналистов, членов неправительственных организаций и т.п.), посещавших Икшанскую колонию в 1993–1994 гг. Практически у всех реакция была одинаковой: «Этого не может быть... Я сам там был, все видел... Кормят хорошо... Спальни чистые... Никаких жалоб от воспитанников мы не слышали...».

Как видит проблему руководство

Приведем фрагмент статьи «Трагедии могло не быть», опубликованной на страницах официального издания — Информационного бюллетеня ГУИН МВД РФ [5]. Речь идет как раз об Икшанской колонии.

«Вечером 14 января 1998 г. двое осужденных подростков на производственном участке воспитательной колонии убили одного из воспитанников, нанеся ему около 30 ударов молотками в область головы. Проведенное УИН области служебное расследование свелось лишь к констатации недостатков в деятельности учреждения...

Однако проверка, осуществленная ГУИН МВД России, выявила ряд серьезных недостатков в управленческой деятельности УИН и руководящего звена колонии.

Многие теневые процессы, происходящие в среде осужденных, оставались вне контроля администрации... На отдельные сигналы о серьезных происшествиях руководство ВК должным образом не реагировало. Так, информация о том, что члены актива колонии подвергают воспитанников избиению, отбирают после свиданий с родственниками деньги и продукты питания, никого из сотрудников колонии не заинтересовала и не обеспокоила.

Без должного реагирования остался случай поступления в санчасть с раной головы воспитанника 4-го отряда Т.

В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела указано, что травма получена из-за собственной неосторожности. В то же время в оперативном отделе имелась информация, что телесные повреждения получены в результате избиения подростка председателем совета отряда Ш.

Такие «материалы проверок» с указанием, что телесные повреждения получены воспитанниками по собственной вине, не единичны.

В колонии растет число подростков, которые боятся выходить на территорию воспитательной колонии. Многие, особенно из числа вновь прибывших, обращаются к администрации с просьбой изолировать их. В истекшем году в изолированных помещениях по указанному обстоятельству содержалась почти десятая часть контингента.

Начальник колонии не только не организовал на должном уровне работу оперативного отдела, но и не обеспечил взаимодействия этого подразделения с другими частями и службами в вопросах профилактики правонарушений и обеспечения личной безопасности осужденных. На низкий уровень такого взаимодействия указывают и обстоятельства, связанные с чрезвычайным происшествием — убийством воспитанника Д.

Воспитатель карантинного помещения учреждения, знакомясь со вновь прибывшими, установил, что воспитанник А., будучи еще в следственном изоляторе, в целях самоутверждения взял себе кличку «киллер», а также имеет некоторые отклонения в психике. Прежняя кличка «сын» его

не устраивала из-за опасения возможных насмешек и попадания в категорию с низким неформальным статусом. Он бравировал перед сокамерниками совершенным с особой жестокостью убийством своего дедушки.

Столь важная для предотвращения опасного преступления информация не стала известна сотрудникам соответствующих служб, вследствие чего не были приняты своевременные меры к недопущению убийства.

Особую тревогу вызывает работа по формированию актива колонии. На поступающую информацию о том, что активисты кроме избиения воспитанников стали устанавливать в колонии воровские порядки и нормы поведения, назначать т.н. «смотрящих» за отрядами, «положенцев», «борзых», присваивать себе и наиболее верным приближенным звания «воров в законе», должной реакции со стороны руководства ВК и УИН не последовало.

Подобная извращенная практика работы с активом, вызванная нежеланием начальников отрядов и воспитателей исполнять свои обязанности, привела к тому, что функции по поддержанию дисциплины и правопорядка среди контингента фактически перешли к «активистам»...

Выявленные проверкой серьезные нарушения требований законодательных и нормативных актов создают реальную угрозу перерождения воспитательных колоний в «школы» для совершенствования криминальных навыков будущих опасных преступников, закоренелых рецидивистов.

Сегодняшнее состояние воспитательных колоний вызывает обоснованное беспокойство Министерства и Главка за положение дел в них, требует от руководителей всех уровней УИС принятия исчерпывающих мер по недопущению нарушений в этих учреждениях, обеспечению строгого контроля за исполнением возложенных на них задач».

Нам менее всего хотелось бы впасть в патетику и говорить о предупреждениях, которыми пренебрегли. На самом деле главному, областному, местному начальству с «борзыми» и активистами при самом строгом контроле не

справиться. Не поможет здесь и никакая гуманизация законодательства. Попробуем объяснить — почему.

2.2. Попытка осмысления

Известно, что у подростков не выработаны механизмы самоконтроля, а эмоции, напротив, распуцены и бушуют с большой силой, особенно когда они в толпе и начинают «заводиться» друг от друга. Кроме того, у них еще очень слаба способность эмпатии, сочувствия другому человеку, способность чувствовать чужую боль. В подростковом возрасте личность еще не сформирована. Характерен для этого возраста эгоцентризм. Свои обиды подросток чувствует очень остро и болезненно, чужие — весьма слабо. Другой человек для него — иной мир, иная система, часто совершенно непонятная, с которой он обращается как с чем-то внешним.

Все это усугубляется еще одной психической особенностью подростков — их невероятно сильной жаждой самоутверждения. Подростки — крайне не уверены в себе, постоянно сравнивают себя с другими по статусу, по положению в ближайшем окружении, боятся, что о них подумают, будто они трусливы или бессильны или что-то подобное, унижительное. Они и сами не уверены в том, достаточно ли смелы и сильны. Поэтому постоянно стремятся доказывать всем и себе самим, какие они сильные, решительные, умеющие за себя постоять. Эти драки и постоянное соперничество за статус, постоянное стремление самоутвердиться и доказывать свою полноценность приводят к тому, что в подростковой среде всегда какая-то взвинченная, тревожная атмосфера. Там человек не может отделиться и прожить «сам по себе», не вступая в драки и конфликты. К нему обязательно будут «лезть» и «цепляться», вызывать на конфликт, мериться силами, пытаться унижить, подчинить себе.

Поэтому в закрытых, а тем более изолированных от вольного мира группах подростков царит звериная жестокость, когда подростки такому же подростку «профессионально», как отмечают респонденты, «ломают фанеру», т.е. разбивают грудную клетку, отбивают почки, лишают человека здоровья на всю жизнь. Для них как

будто нет этой предстоящей «всей жизни», будущее их абсолютно не волнует.

Как говорилось выше, моральный авторитет личности и сопутствующий ей статус в сообществе заключенных создаются твердым осуществлением тюремного закона. Отказ сотрудничать с администрацией предполагает определенное самопожертвование (отказ от льгот, противостояние угрозе наказаний, иногда довольно жестких, а в крайних случаях и продолжительной «травле» со стороны администрации). Это требует большой внутренней силы, устойчивости, «закалки», своего рода аскетизма, т.е. качеств, присущих сформировавшейся и устойчивой личности. Для подростков же и юношей такой способ поведения практически недостижим. Поэтому «авторитеты» в колониях для несовершеннолетних недостаточно устойчивы, слабее выражены, для поддержания их чаще применяется сила; консенсус по тем или иным правилам «закона» достигается с гораздо большим трудом, и чаще всего он неполон и неустойчив. Так же неустойчива и социальная структура групп («бригады», «классов», «отрядов»), она весьма слабо защищает индивида, к которому насилие применяется со всех сторон: и со стороны «администрации» и «авторитетов». И хотя представление об идеальной модели тюремного закона и основных формах поведения в соответствии с ним существует и усилия по его соблюдению постоянно возобновляются, тем не менее несформировавшаяся и эмоционально неустойчивая личность постоянно находится под сильным давлением, в состоянии напряжения и тревожности, и над ней висит реальная угроза быть вытолкнутой в разряд парий и пополнить ряды *опущенных*.

В такой ситуации подросток, процесс формирования личности которого еще далеко не завершен и, более того, получил уже неверное направление, на этой весьма ответственной стадии своего развития остается без каких бы то ни было положительных воспитательных влияний. Со взрослыми сотрудниками колонии воспитанник практически не общается, он им противостоит, не доверяет, не уважает их, а под воздействием наказаний вообще настраивается к ним резко отрицательно. Авторитеты из собственной среды (как и сам подросток)

— личности большей частью несформировавшиеся. Нередко они приобретают свой статус «незаконными средствами». А сотрудники ВК часто используют неустойчивость подростков, то обстоятельство, что для них психологически труднее, чем взрослому, отказаться от льгот и всяческих подачек, которые всегда есть у администрации. Это делается, чтобы хотя бы отчасти «встроить» воспитанников в свою систему, назначая бригадирами, начальниками совета коллектива, отряда или отделения и т.д. А это окончательно делает источник их авторитета подозрительным для остальных воспитанников.

2.3. Закрытый мир

Изучать «малолетку» трудно. Не потому, что трудно туда попасть. Сейчас учреждения для несовершеннолетних заключенных, как правило, открыты для журналистов и всякого рода комиссий в значительно большей степени, чем учреждения для взрослых. Туда в первую очередь направляют и экспертов из международных организаций. После ужасов следственных тюрем эти эксперты попадают за забор, где жизнь устроена внешне вполне нормально, и пишут восторженные отзывы. Этим же заканчиваются визиты журналистов и правозащитников.

Беседы с воспитанниками, как правило, также ничего не дают. От несовершеннолетних заключенных практически не поступает жалоб в государственные надзирающие инстанции и неправительственные организации, поскольку по неформальным тюремным правилам это жестоко преследуется.

И все же при посещении ВК постарайтесь взглянуть в этот закрытый от нас мир пристальней. Зайдя в барак, обратите внимание на место «углового» (воспитанника, который держит реальную власть в отряде или отделении) и его «пригретых» (подручных). Да, перед вами предстанет умильная картинка: здесь кровати расположены в один ярус, по стене — какое-нибудь панно с фотографии из западного журнала, в углу — иконостас (модное веяние нашего времени) из икон, рисованных самими воспитанниками (иногда еще и освященных местным батюшкой), тумбочки стоят возле каждой

кровати (а не одна на четверых, как у остального «спецконтингента»). Но эти одноярусные шконки, как и весь уютный интерьер в целом, предназначены отнюдь не для Ушиных и Мишиных и даже не для «нейтральных» — так выглядят «индивидуальные спальные места» «положительно настроенных» активистов и «отрицательных» («борзых» с «пригретыми»). Понятно, что заправляются эти шконки шестерками из нейтральных, они же привлекаются с помощью «табуретовки» к оформлению интерьера. Для уборки кровати используют обиженных и опущенных. Причем их предварительно дрессируют, чтобы они ни в коем случае не прикасались к постели «борзых» и активистов руками — постели и весь угол приводятся в идеальный порядок с помощью палок и всяких других приспособлений...

Перед человеком, который пытается исследовать, понять мир малолетки, стоит невероятно сложная, но все же разрешимая задача. Хотя подростки очень ярко переживают свои внутренние состояния и ощущения, отрефлексировать их они не могут, не умеют о них ничего рассказать другим. Они вообще не умеют говорить развернуто и логично, просто отвечают на вопросы, чаще всего пользуясь готовыми формулировками для ответов. Представление об их понятиях и установках часто можно получить из способа описания ими какого-то запомнившегося случая или события. К достоинствам же подростков относится их наблюдательность и память. Воспоминания о событиях детства и отрочества оказывают большую помощь, когда обращаешься к уже повзрослевшим людям и предлагаешь им восстановить то, что происходило с ними в СИЗО и воспитательных колониях. Они дополняют эти воспоминания рефлексией, объяснениями, рассуждениями — и картина становится более объемной и полной. Хотя что-то, безусловно, утрачивается безвозвратно.

2.4. Непроницаемость для внешнего воздействия

Можно ли что-нибудь изменить в этом страшном мире? Например, с помощью законодательства? Надо сказать, что законодатель начиная с 1992 г. сделал для несовершеннолетних заключенных немало. Увеличилось, например, количество посылок, свиданий, введен отпуск

с возможным выездом домой, разрешены телефонные переговоры... Но вернемся к рассказу воспитанника Икшанской колонии. Какое значение имеет для регулярно насилуемого и избиваемого Мишина увеличение количества посылок и свиданий? К тому же приехать к нему или прислать посылку все равно некому. А вот постоянно истязаемый Ушин, получив право на большее количество посылок, будет подвергаться экзекуциям еще чаще, и бить его будут с еще большим усердием. Миша Барков, который, судя по описанию респондента, относится к «положительно настроенным», будет продолжать бить табуреткой (этот способ наведения порядка называется на языке арестантов и сотрудников «табуретовкой») подвластных ему воспитанников, чтобы быстрее заработать себе УДО и выйти на волю. А уж там пройденная им «школа» и полученный опыт непосредственно отзовутся на нас с вами или наших детях.

Мишина и Ушина насилуют и бьют, конечно, не сутки напролет, но вся свободная от истязаний жизнь малолеток протекает в ожидании очередной пытки. Причем можно вполне определенно утверждать, что постоянный гиперстресс, крайняя тревожность, психическая напряженность — состояние, характерное для подавляющего большинства заключенных подростков. Оно связано с чувством страха и ожидания опасности, которое пронизывает жизнь обитателей малолетки. Именно непрерывным чувством страха и опасности вызван и феномен «Баркова», которому «все равно кого бить», — только таким способом активист или пригретый может сохранить свое место под солнцем.

Но, может быть, помогут какие-либо административные или оперативные меры (на них, вспомним, уповаает руководство ГУИН)? Сейчас возможна, например, изоляция «отрицательно настроенных» в запираемые помещения (строгие условия содержания). Как показывает практика, никакого смягчающего воздействия на систему, которая держится на запредельном насилии, такая мера не оказывает. Свято место пусто не бывает: либо место «борзых» занимают другие «отрицательные», либо власть полностью переходит к «положительно настроенным», которые, по

мнению наших респондентов, отличаются еще большими садистскими наклонностями.

2.5. Последствия «исправления»

Даже в страшном мире малолетки молодой человек должен как-то социализироваться, усваивать более или менее общепризнанные образцы поведения. Такие образцы в местах заключения дает ему «тюремный закон», его идеальная модель, которая скорее всего в данном месте в данный момент не реализована полностью, но в принципе должна быть реализована, чтобы какая-то справедливость и мораль восторжествовала.

Пройдя такую социализацию, молодой человек обречен вновь и вновь возвращаться в места заключения. И не потому, что его с самого начала сделали закоренелым преступником, обучили преступным навыкам и приемам, и он спешит их применять, чтобы получить какую-то выгоду для себя. Нет, после выхода на свободу молодой человек вынужден искать тех единственных людей, которые хорошо понимают его и с которыми он чувствует себя умелым, компетентным, не ошибающимся в оценках и повседневных правилах поведения. Это и есть так называемая преступная среда: люди, признающие и отстаивающие «тюремный закон» как форму социальной жизни и морали.

Довольно большой массив личных документов, прошедших через наши руки (письма заключенных, интервью с ними), показывает, что только после тридцати лет человек, приобщившийся с детства или юности к такому образу жизни, наконец осознает с полной ясностью: чтобы не возвращаться больше в тюрьму, нужно не просто воздерживаться от преступлений как таковых, но именно — рвать со средой. А это — очень тяжелый и болезненный акт, поскольку другой среды у него уже попросту нет.

§ 3. Некоторые выводы

Подводя итог сказанному, мы должны сделать следующий вывод: последствия выбранных нами способов решения

проблемы подростковой преступности гораздо опаснее и страшнее ее самой.

Никакого воспитания в смысле исправления личности несовершеннолетних правонарушителей в специальной пенитенциарной системе для несовершеннолетних в нашей стране нет, напротив, происходит процесс социализации личности на основе мировоззрения и моральных положений «тюремного закона», что в конечном итоге формирует правонарушителя не как профессионала одной из криминальных профессий (вора, мошенника и проч.), но именно как личность, принадлежащую криминальной культуре.

Для противодействия такой социализации несовершеннолетних делинквентов нужно, чтобы как можно меньшее их количество попадало в «исправительную» систему, которая никого не исправляет, а из всех возможных функций, выполняемых пенитенциарными системами, способна осуществлять только две: 1) приучать к дисциплине посредством манипулирования наказаниями и поощрениями; 2) держать отклоняющихся членов общества вне самого общества. Все более или менее исправимые делинквенты должны социализироваться в нормальной среде. Трудно поддающихся, по-видимому, изолировать все же необходимо, но с ними иначе нужно работать. Здесь нужны скорее психотерапия и психокоррекция.

Для осуществления такой работы в исправительные учреждения для несовершеннолетних следует привлекать не столько педагогов, сколько психологов и даже психиатров. Люди, работающие с несовершеннолетними правонарушителями, утверждают, что среди них много лиц не только с отклоняющимся поведением, но и с отклоняющейся психикой.

Когда углубляешься в изучение мира малолетки, возникает одно неизбывное желание и мечта: как хорошо было бы, если бы этих колоний вообще не было на свете. Или хотя бы удалось свести их к какому-то исчезающему минимуму. Ведь — можно повторить это еще и еще раз — среди людей, идущих в заключение в первый раз, действительно опасных для общества преступников совсем немного. А остальных мы просто калечим в этих лагерях. Калечим не только психологически (а уж этого

одного достаточно, чтобы протестовать против их помещения в пенитенциарную систему), но и чисто физически: они выходят оттуда с переломанными ребрами, отбитыми почками, зараженные туберкулезом, с нарезками и наколками по всему телу, с сексуальными извращениями и т.п. — список этот велик и разнообразен.

Что же с ними делать? Оставлять преступления ненаказанными?

Необходимо ускорить создание специальной системы правосудия для детей и подростков — **ювенальной юстиции**, устранить искусственные препятствия по становлению таких общественно-государственных институтов, как **восстановительное правосудие**. Уже сейчас, не дожидаясь появления ювенальной юстиции, надо создавать структуры, обеспечивающие исполнение альтернативных лишению свободы наказаний именно для подростков и там, где для этого есть хоть какие-то возможности. Позже они станут важными элементами системы ювенальной юстиции.

Опять-таки там, где это возможно, уже сейчас необходимо передавать систему исполнения уголовного наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей в подчинение местных властей. Некоторым регионам вполне по силам за короткий срок построить доброприютные заведения для своих оступившихся детей. Их на самом деле на каждый регион приходится не так уж много. Это должны быть малочисленные учреждения, в которых дети живут вместе со взрослыми (волонтерами, родителями, другими родственниками, специально отобранными взрослыми заключенными и т.п.).

Уже сейчас без особых затрат можно ввести для делинквентов институт краткосрочного ареста (от нескольких дней до нескольких недель). По наблюдениям людей, работающих с несовершеннолетними правонарушителями, краткосрочная затворенность, первое столкновение с тюрьмой (СИЗО) приводит большинство подростков в шок. Нет никакого смысла отправлять их на несколько лет за решетку: после пережитого они постараются во что бы то ни стало больше сюда не возвращаться. Поэтому для таких подростков станет эффективным условное наказание, которое в настоящее время не работает (как правило,

ничего не поняв и оказавшись снова на воле, подросток совершает новое правонарушение).

Конечно, все эти меры — еще не решение проблемы (поскольку корни ее слишком глубоки), но они смогли бы спасти хотя бы часть детей от физических страданий и духовной гибели на малолетке и одновременно несколько улучшить ситуацию с преступностью несовершеннолетних в нашей стране.

Литература

1. *Абрамкин В., Литов М.* Малолетка сегодня. М., 1998.
2. Информационный вестник. № 5–6. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1999.
3. Приговор правосудию. Сб. материалов. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001.
4. Приложение к Информационному вестнику № 5–6. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1999.
5. Трагедии могло не быть // Информационный бюллетень ГУИН МВД РФ. 1998. № 38. С. 145–148.

РАЗДЕЛ II

**Восстановительное
правосудие
для несовершеннолетних**

**Ответ государства и общества
на правонарушения и отклоняющееся
поведение несовершеннолетних
(исторический экскурс и методологический
анализ ювенальной юстиции)**

Ответ Российского государства на правонарушения несовершеннолетних не является проблемой только правоохранительных органов, судов, прокуратуры, пенитенциарных учреждений и даже правительства. Реагирование на правонарушения подростков определяет способ и траекторию социализации той части молодежи, поведение которой не соответствует социально одобряемым нормам и ожиданиям. Сегодня все больше отечественных исследователей и практиков осознает этот факт. Таким образом, мы в России вернулись к вопросу, впервые поставленному еще в XIX веке – вопросу о детях-правонарушителях и институтах, обеспечивающих их социализацию. В XIX веке этот вопрос был осознан и получил свое решение в форме **ювенальной юстиции** (от англ. *juvenile justice*). Говоря о ювенальной юстиции, мы имеем в виду не уголовную, но особую, «детскую», юстицию. В составе последней, как и в обычной юстиции, есть уполномоченные государством судьи и суды, которые применяют судебную власть для разрешения правовых конфликтов и реагирования на криминальные ситуации. Однако существо ювенальной юстиции состоит в подчинении функционирования судебной власти решению задач, доселе судами не решаемыми, – задач социализации молодых людей и обеспечения их будущего в качестве законопослушных членов общества.

Тема настоящего пособия побуждает нас обратиться к некоторым аспектам истории ювенальной юстиции как истории поисков принципов и оснований реагирования на правонарушающее и более широко – отклоняющееся

поведение молодых людей. В главе будет показано, что именно обращение к принципам восстановительного правосудия стало результатом этих поисков. Отметим, что такой вывод неизбежно влияет на наше отношение к самим институтам ювенальной юстиции и порядку ее становления в современной России. Если в странах с развитыми институтами ювенальной юстиции историческая укорененность последних способствует реализации восстановительного подхода к правосудию, по крайней мере в отношении несовершеннолетних, то в России, где «детской» юстиции сегодня нет¹, именно в развитии практик восстановительного правосудия видится важнейший источник ювенальной юстиции в ее современных формах.

§ 1. Ювенальная юстиция: понятие и происхождение

Ювенальная юстиция представляет собой весьма сложное множественное целое – комплекс концепций и «схем» влияния на подростков, массу конкретно-практических ситуаций воздействия на человека, семью, первичные группы (непосредственное окружение подростка), а также социальные институты. В основе такого видения ювенальной юстиции лежат две предпосылки.

Во-первых, ювенальную юстицию целесообразно рассматривать, не просто выделяя специфичных для нее действующих лиц (судей, социальных работников, пробаторов), но предполагая, что они своими действиями реализуют **особые («ювенальные») концепции, проекты и схемы работы**. Эти концепции, модели работы и схемы нельзя рассматривать как нечто раз и навсегда сложившееся – они были и остаются предметом специального поиска и совершенствования. Изменение концепций и моделей приводит к соответствующим изменениям в практике.

¹ Недолгий период (1910–1918 гг.) ювенальная юстиция существовала и в России. Более подробно об истории и тенденциях отечественной уголовной (правовой) политики в отношении несовершеннолетних см. [4].

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Во-вторых, важно подчеркнуть момент **множественности** и **разнообразия** действующих лиц и концепций, обеспечивающих их функционирование. Система ювенальной юстиции той или иной страны является уникальным комплексом, уникальной констелляцией концепций и форм организации (схем) деятельности, определяемой особенностями истории и правовой системы. В рамках каждой такой системы реализуется не только множественность, но и особая связь кооперации различных специалистов, позволяющая им взаимодействовать в относительном единстве. Сложность обсуждаемого целого внешне выражается в том, что системы ювенальной юстиции различных стран имеют довольно существенные различия.

Принципиальным для возникновения ювенальной юстиции стало соединение двух разнородных социокультурных образований – формально-юридически организованной системы государственных судов и лично определяемого попечения о детях. Именно соединение таких, казалось бы, взаимоисключающих образований привело к возникновению уникального способа работы с детьми-правонарушителями, под влиянием которого была фактически перестроена система уголовного правосудия для несовершеннолетних.

Проблема, оказавшаяся ключевой для становления и развития всей этой области (неэффективность и социальная неприемлемость карательных мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей), обозначилась в XIX веке в США и там же оформилась первая попытка ее разрешения – в июле 1899 г. в городе Чикаго на основании «Закона о детях покинутых, беспризорных и преступных и о присмотре за ними» штата Иллинойс [8, с. 430] был учрежден **первый в мире суд по делам несовершеннолетних**. Принятие Закона и создание ювенального суда было инициировано женщинами-реформаторами Люси Флауэр из Чикагского женского клуба, Джулией Латроп из общественной организации «Халл Хауз», обществом патроната (Visitation and Aid society) [5; 6]. Надо сказать, что название Закона (почему-то не цитируемое современными российскими специалистами по ювенальной юстиции) достаточно точно отражает

переворот в понимании проблем преступности несовершеннолетних, который произошел в конце XIX века.

Этому предшествовала длительная история работы с подростками: в XIX веке организовывались приюты, а затем начали создаваться и повсеместно использоваться так называемые «реформатории» (исправительные заведения для несовершеннолетних). Одновременно развивалась система попечительского присмотра, которая постепенно стала приоритетной в работе с детьми-правонарушителями и детьми группы риска.

XIX век был временем крупных социальных и промышленных преобразований в Соединенных Штатах. Создавалась крупная промышленность, сельское население перетекало в города. «В ответ на связанные с этим проблемы бедности, преступности, неустроенности, безработицы возникло движение за благополучие детей, которое сосредоточило свои усилия на защите несовершеннолетних от нездорового, развращающего влияния городской жизни... На начальном этапе участники движения «За спасение детей» ставили перед собой задачу установить в американском обществе светскую разновидность нравственности... Они видели свою миссию в исправлении нарушителей закона, а также возлагали на себя обязанность “учить беспризорников, бродяг и пьяниц более пристойному образу жизни”» [9, с. 154-155].

Приюты возникли как следствие реализации этой миссии. Их создание стало реакцией на ситуацию безнадзорности и беспризорности детей, на определенные отклонения в их жизни и поведении (попрошайничество, бездомность, использование для ночлега не предназначенных для этого мест и т.п.). Первые приюты были созданы в 20-х годах XIX века в трех крупных городах – Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне. «Эти заведения имели целью изолировать находящихся в опасности детей от развращающей среды их домов и заведений для взрослых и отчасти заменить им семью и общину» [9, с. 155]. Однако достаточно быстро обнаружилась неэффективность приютов и воспитательных учреждений именно как воспитательных. Скорее, они оказывались временным пристанищем ребенка в экстремальных ситуациях.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

В 70-х годах XIX века по почину граждан г. Бостона Кука и Аугустуса была учреждена система попечительского надзора. Кук и Аугустус присутствовали на судебных процессах по делам несовершеннолетних, и если выяснялось, что ребенка можно исправить, просили судью не назначать наказание, а отдать правонарушителя под присмотр [8, с. 430]. Система попечительского надзора – лично окрашенная забота о ребенке – постепенно приобретала важнейшее значение как способ изменения ребенка и его среды.

Заметим, что сама по себе организация приютов и попечительского надзора, их использование для помощи детям и удовлетворения общественной потребности в особых воспитательных учреждениях еще не означает появления ювенальной юстиции: параллельно с этими учреждениями существовал обычный уголовный суд, к ведению которого относилось реагирование на преступления детей и подростков. Создатели приютов и попечительского надзора в XIX веке в первую очередь имели дело с узким спектром отклоняющегося поведения и жизни подростков, куда **подростковая преступность** как особый предмет поначалу не входила. Вместе с тем попечение и приюты начали проводить в жизнь особые – **реабилитационные** – подходы обращения с несовершеннолетними. В соответствии с этими подходами именно общество берет на себя миссию обеспечения позитивной социализации по отношению к тем детям, кто не имеет заботящейся о них семьи. Формы работы по позитивной социализации должны были дать запущенному и брошенному ребенку то, что другим детям давала семья. Специальные заведения предоставляли такому ребенку отсутствующий кров, включали в определенную среду и помогали восполнить своевременно не приобретенные или утраченные социальные навыки.

Ювенальная юстиция возникла в тот момент, когда попечительские (реабилитационные) схемы обращения с подростками были универсализованы и распространены на подростковую преступность. При этом они заняли то место, которое традиционно занимали карательные способы реагирования на преступления. Переход был связан с переворотом в мышлении, который состоял, в

частности, в том, что понятие преступления в его классическом уголовно-правовом варианте (со времен Ч. Беккариа) – как нарушения уголовного закона – перестали относить к криминальным ситуациям с участием подростков. Подобное нарушение оценивалось теперь не как преступление, требующее наказания, а как **отклонение**, пусть иного вида, чем, к примеру, бродяжничество, но отклонение, вызванное сложившимися социальными обстоятельствами и требующее реабилитационного реагирования, а не тюремного заключения. Одновременно активисты движения искали практические способы некарательного воздействия на подростковую преступность (и не только на нее).

Идеологи движения «За спасение детей» руководствовались общим принципом: носители отклоняющегося поведения должны быть возвращены в русло позитивной социализации, т.е. реабилитированы, а не наказаны. Для рассмотрения дел о несовершеннолетних было введено новое понятие «правонарушитель» (*delinquent*), отличающееся от понятия «преступник» (*criminal*). Возник формальный статус **несовершеннолетнего правонарушителя** – носителя отклоняющегося поведения, в рамках которого были объединены такие различные группы подростков, как нищенствующие, бродяги (беспризорные в широком смысле – основной контингент приютов), непослушные (недисциплинированные дети) и собственно нарушители уголовного закона. Все эти группы, чья жизнь или поведение являли собой то или иное «отклонение», и образовали объект деятельности в ювенальной юстиции. В этом понятии – отклоняющегося поведения – оказались сближены и приравнены друг к другу и нарушение уголовного закона, и недисциплинированность, и бродяжничество.

Как отмечает П.И. Люблинский, в ведение американских судов для несовершеннолетних начала XX века «передаются дела относительно подростков до 17, а иногда до 18 лет, находящихся в состоянии «преступности» (delinquency)... «Делинквентами» назывались в более ранних законах относительно несовершеннолетних: 1) те, которые нарушили закон

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

государства или обязательное постановление местной власти, и 2) те, которые являются неисправимо порочными. Позднейшие законы значительно расширили это понятие, присоединив к нему следующие категории: 1) подростков, сознательно общающихся с ворами и порочными людьми, 2) скрывшихся из дому без ведома родителей или опекунов или без уважительной причины, 3) проводящих время в праздности и преступлениях, 4) сознательно посещающих дома, пользующиеся дурной репутацией, 5) бродящих ночью по улицам, рельсовым путям или около складов, 6) входящих в вагоны без надлежащего права, 7) употребляющих бранные и непристойные выражения, 8) проявляющих безнравственность и бесстыдство» [5, с. 96].

Постепенно ювенальная юстиция стала оформляться как особая форма деятельности и знания¹. Первое время, пока шел процесс утверждения ее статуса и определения «территории» по отношению к традиционному уголовному правосудию, преступность несовершеннолетних привлекала к себе внимание практически и идейно. Затем появилась необходимость в проведении концептуальной границы применения разных подходов. Это «выяснение соотношений» между уголовным правосудием и ювенальной юстицией сопровождалось процессом обоснования и углубления предмета ювенальной юстиции с привлечением социологического и криминологического знания.

Формирование корпуса знаний, обслуживающих ювенальную юстицию, было отчасти обусловлено тем, что развивающиеся криминологические и социологические исследования регулярно обращали внимание на те аспекты жизни подростков, в свете которых их поведение рассматривалось как социально программируемое к

¹ Новая область стала формироваться посредством связывания судебной и попечительской деятельности и оформляться через определенные структуры знаний. Такое оформление произошло, видимо, на Первом международном гуманитарном конгрессе, созванном Американской гуманитарной ассоциацией в 1910 г., где был проанализирован 10-летний опыт американской ювенальной юстиции.

антиобщественному исходу. Таким образом, автоматически возникал вопрос: «Зачем же ждать, когда подросток совершит фактическое преступление? Не правильнее ли будет работать с ситуациями тех подростков, кто не совершил никакого уголовного преступления, но чья социализация и психика уже сейчас реально разрушаются, тех, в поведении и жизни которых уже проявляется действие той же самой криминализирующей общество “социальной программы”?»

Такой взгляд стал следствием привнесенного из социологических и криминологических исследований осознания, что в ряде случаев поведение подростков (в том числе и преступное) программируется особыми социальными обстоятельствами, причины противоправного поведения стали обнаруживаться в процессах **социализации**. В 90-е годы XIX века эту идею следующим образом выразил Иллинойский совет общественной благотворительности:

«Ребенок, воспитанный в невежестве и пороке и ставший в результате этого нищим или преступником, в свою очередь, скорее всего станет родителем преступников»

[9, с. 155].

«...американцы уже не искали в теологических постулатах греховности и врожденной порочности человека объяснения причин преступности. Получили распространение более социологические объяснения, авторы которых видели причины преступности в разрушении семейных устоев, вызванном нестабильностью жизни в Америке в период быстрой индустриализации.... Светский гуманистический характер эпохи проявился в том, что... реформаторы обратили внимание на внешние социальные силы, оказывающие воздействие на ребенка, и попытались установить над ними контроль с целью предупреждения неправомерного поведения несовершеннолетних» [9, с. 154].

За счет такого понимания обосновывалось объединение в одном понятии детей-правонарушителей и детей группы риска. Появился единый объект деятельности специалистов ювенальной юстиции – дети с

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

отклоняющимся поведением, – включающий обе группы. Ювенальная юстиция получила свое начало и основание через представление о подростке и его взрослении как определяемом окружающей его социальной средой. В частности, семья рассматривалась как важнейшая социальная среда (и сила!), непосредственно формирующая подростка в соответствии с социальными нормами.

В недавно переведенной на русский язык работе Патриции Ханиган прямо поддерживается этот взгляд:

«В детстве и отрочестве человек учится соблюдать социальные нормы: это процесс социализации, посредством которой происходит социальное регулирование... Регулирование в психосоциальном плане осуществляется благодаря совокупности ограничений и связей молодого человека со средой. Привязанность к среде и определенные обязательства по отношению к ней являются мощными регуляторами. Действительно, чем больше молодой человек привязан к своей среде (семья, школа и сверстники), тем легче он согласится выполнять нормы, предписанные этой средой. Чем больше молодой человек привязан к своей среде, тем легче он смирится с навязанными ограничениями и усвоит их. Короче говоря, ограничения (правила), являющиеся законами и социальными нормами, будут соблюдены, приняты и усвоены. В этот момент можно говорить об усвоенных ценностях, о самоконтроле и об умении сдерживать свои желания. Хорошо социализированный индивид (тот, кто выполняет принятую им социальную роль, кто утвердил свое «я», кто привязан к своей среде) владеет средствами, необходимыми для противостояния преступности. У большинства подростков эти механизмы постепенно развиваются. Однако проблемы, переживаемые в семье, в школе или со сверстниками будут мешать нормальному функционированию механизмов регуляции...» [10, с. 110].

Социально-реабилитационная работа в ювенальной юстиции проходила под знаком распространения общественного и государственного контроля на социальные силы, формирующие подростка. Она

состояла, главным образом, в исключении подростков из одних социальных сред (патологические семьи и уличные группировки) и включении в другие (искусственно создаваемые в виде особых организаций – реформаториев, приютов, клубов и т.п.), где стала бы возможной их позитивная социализация. Суд использовался для принятия необходимых в том или ином случае властных решений.

Глядя из сегодняшнего дня, можно сказать, что ювенальная юстиция формировалась вокруг осознания эффектов *программирующего влияния социальной среды*. Основатели ювенальной юстиции поняли, что объективно имеют дело со своеобразными ситуациями, обуславливающими дефекты в социализации молодых людей, их криминальное заражение и тем самым программирующими их будущее. Если детей вовремя не «вынуть» из пагубно действующего на них социального окружения, такая программа наверняка «сработает». В свете этого обстоятельства подобные ситуации рассматривались как криминализирующие общество, и работа с ними новыми средствами (в том числе усилиями по реабилитации) становилась важной миссией ювенальной юстиции. Применение же уголовных наказаний приводило только к ускорению антисоциального исхода, поскольку молодые люди в этом случае попадали в своеобразный «инкубатор преступности».

С этого времени усилия, затрачиваемые на:

- выведение подростков из среды и жизненных обстоятельств, препятствующих их нормальной социализации,
- * вовлечение в такие мероприятия и формы общежития, в которых они могли бы формироваться в качестве полноценных членов общества (и вместе с тем локально прервать действие криминализирующих общество процессов),
- * конструирование всех необходимых для этого способов и технологий деятельности, -

и стали **собственными (не дублируемыми никаким другим институтом) общественно значимыми функциями ювенальной юстиции и одновременно ее проблемно-содержательным полем.**

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Формирование ювенальной юстиции состояло не просто в издании определенных законов, выделении мест для специальных судей и возникновении должности попечителя. Это был, прежде всего, переворот в мышлении и деятельности, который позволяет говорить о возникновении ювенальной юстиции как новой практики, созданной человечеством в XIX веке. Произошло закрепление новых деятельных связей суд-попечительство-общественность в определенной структуре знания, куда входили знания о причинах отклоняющегося поведения детей и о способах работы с такими детьми. Историческая роль американского движения «За спасение детей» состоит в том, что оно задало миссию и интеллектуальный контекст новой практики, показало, что можно и нужно отказаться от уголовно-карательного обращения с подростками, и приступило к созданию попечительских (реабилитационных) форм деятельности.

Первые суды для несовершеннолетних восприняли сложившуюся в XIX веке в различных штатах Америки схему обращения с двумя вышеуказанными группами детей и начали реализовать ее на основе нового юридического статуса детей (делинквенты). В отношении подростков, входивших в эти группы, **суд наделялся миссией их социализации**, а также широкими полномочиями и с этих позиций регулировал обращение и надзор над находящимися на иждивении, запущенными и склонными к правонарушениям детьми¹.

Воспитательная (социально-реабилитационная) направленность ювенальной юстиции определила три ключевых положения, которые регулировали ее деятельность: 1) дети-правонарушители подлежат заботе и попечению, 2) суд берет на себя управление этим процессом, 3) «судебное производство рассматривается скорее как спор об опеке, чем уголовный процесс» [5, с. 98].

Главными фигурами ювенального суда стали судьи и государственные и общественные попечители. При этом

¹ При этом нельзя сказать, что первые специалисты ювенальной юстиции не различали детей-беспризорников и детей-правонарушителей. К примеру, законодательство о детских судах Пенсильвании запрещало помещать детей-правонарушителей в приюты для беспризорных и, наоборот, беспризорных в приюты для детей-правонарушителей [8, с. 433].

суду поручалось руководство службами попечительского надзора. Обязанности должностных попечителей сводились к:

«1) расследованию состояния и окружающей среды каждого ребенка, представленного в суде; 2) присутствованию на суде для сообщения сведений о несовершеннолетнем и для поддержки его интересов; 3) производству отдельных расследований по поручению суда; 4) принятию на себя попечительского надзора за несовершеннолетним до и после судебного разбирательства» [5, с. 102].

Ювенальный судья, опираясь на доклад должностного попечителя, принимал необходимые властно-правовые решения. Его деятельность качественно отличалась от работы судьи в обычном уголовном процессе.

Вот как выглядело, по описанию известного российского юриста профессора П.И. Люблинского (изучавшего новый опыт на основе непосредственного наблюдения за работой американского «детского» суда), место для «слушания дела»: «Все дела относительно несовершеннолетних слушаются Н.Вакер'ом в его кабинете. Это небольшая уютная комнатка, где на небольшом возвышении стоит небольшой стол с креслом судьи; непосредственно подле кресла - небольшой помост для несовершеннолетнего. Ребенок, стоя здесь, находится на одном уровне с лицом судьи, и судья может всегда положить ему на плечо свою руку» [5, с. 104].

Обычный порядок при разборе дела был следующим. Сначала дежурный попечитель докладывает о стоящих на очереди делах. Затем - принятие «жалоб» и «прошений» на проступки несовершеннолетних. Судья ведет переговоры с посетителями, затем передает дела попечителям. При этом судья связывается с различными учреждениями, которые могут принять ребенка, если обнаруживается, что необходимо помещение ребенка в приют. Затем идет расследование дела. В отсутствие ребенка допрашиваются свидетели, затем родители. В разговоре с родителями судья изучает прошлое ребенка, совещается с ними, иногда делает грозное предупреждение. После этого родители удаляются, чтобы ребенок не боялся, поскольку те часто учат детей, что говорить, а что нет. После этого происходит разговор судьи с ребенком с глазу на глаз:

- Ну, Вилли, скажи, ты знаешь, почему тебя привели в суд?

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

- Должно быть, N жаловался, что я взял у него деньги.

- Ну, расскажи, как это случилось...

И подросток рассказывает, причем все попытки его каким-либо образом исказить обстоятельства дела немедленно пресекаются замечаниями судьи.

- Припомни хорошенько, действительно ли дело обстояло так? Ты должен рассказать всю правду.

Большую роль, обращает внимание Люблинский, играют слезы. Появление слез, искренних, горячих слез на глазах ребенка - первый и верный признак, что сердце его завоевано и раскаяние возможно...

Опытный судья всегда различает слезы трусости или притворства от слез искреннего раскаяния, подступивших к горлу. Часто плачут в суде для несовершеннолетних и родители и дети, и этой очистительной силой слез здесь порой смывается тот накопившийся слой грубости, злобы и взаимного непонимания, который губил семью, толкал ребенка к преступлению и ожесточал родителей.

Окончив беседу, которая касается не только учиненного проступка, но и успехов в школе, товарищей, вкусов ребенка и т.д., судья приглашает попечителя, родителей и потерпевшего в свой кабинет:

- Вилли признал, что он взял деньги от N; я признаю его нарушившим закон, и он имеет право принести на это жалобу.

Это - провозглашение приговора. Затем идет труднейшая часть всего процесса - избрание подходящей воспитательной меры. Для этого снова происходит совещание судьи с родителями и попечителем, при этом судья указывает родителям на те промахи в воспитании ребенка, какие должны быть отнесены на их счет. В редких случаях судья сразу назначает ту или иную окончательную меру.

Меры, обычно применявшиеся к подросткам, состояли в следующем:

- лечение;

- изоляция ребенка от дурной среды (товарищей, родителей и т.д.);

- возмещение ребенком из карманных денег, если он нанес кому-либо материальный ущерб;

- для менее взрослых детей может назначаться та или иная поучительная воспитательная мера (например, судья может поручить ребенку переписать ту или иную книгу. Через некоторое время провинившийся должен явиться к судье и показать переписанную книгу);

- временное помещение в приют;

- в случае серьезной испорченности могло быть назначено тюремное заключение.

Роль судьи не ограничивалась только работой с детьми. Важная роль отводилась работе с родителями. Здесь судья мог использовать возможности попечителей и общественности, наложить на родителей штраф, заставить их вносить деньги на содержание ребенка в приюте и принять другие меры, направленные прежде всего на создание для ребенка нормальных условий жизни в семье и воссоединение родителей и детей.

В распоряжении судьи имелись два должностных попечителя, оплачиваемых государством. Нехватка попечителей частично восполнялась участием благотворительных обществ [5, с. 105-110].

Итак, личностный и заинтересованный подход к ребенку, особая организация помещения, специальная процедура, акцент на помощь, а не наказание (использование разных мер, их набор и сочетание диктуются конкретной ситуацией), опора в реализации назначенных мер на государственных попечителей и общественность, обсуждение с попечителями и родителями назначаемых воспитательных и лечебных мер - вот основные принципы и условия деятельности ювенального судьи.

Важнейшая роль отводилась способу взаимодействия судьи и ребенка. Первый гуманитарный конгресс, посвященный анализу десятилетнего опыта ювенальной юстиции США, в своей резолюции отметил, что органы, которым поручено рассмотрение дел относительно их [несовершеннолетних], в том числе и органы, производящие расследование по таким делам, должны быть избираемы прежде всего в зависимости от их способности понимать детей и симпатизировать им и, кроме того, должны иметь специальные познания в области социальных и психологических наук [6].

Надо отметить, что институты ювенальной юстиции как альтернатива уголовному карательному подходу, как способ реагирования на массовые социальные проблемы молодых людей стали сенсацией начала XX века и очень быстро завоевали себе сторонников во всем мире. В первые двадцать лет после учреждения чикагского суда национальные системы ювенальной юстиции возникли в Канаде (Закон от 20 июля 1908 г.), в Англии и Уэльсе (август 1905 г.), в Германии (1907-1908), во Франции

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних (Закон от 22 июля 1912 г. вступил в силу в марте 1914), в Бельгии, Австрии, Испании, Италии, России, Венгрии Румынии, Польше и т.д. (подробнее см. [4]).

§ 2. Огосударствление ювенальной юстиции в США

Эффективность отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в США в конце XIX – начале XX века во многом определялось фигурой судьи.

«Личность судьи, – отмечал известный судья по делам несовершеннолетних Бэрроу, – является элементом огромного значения для успеха всякого «детского» суда. Такой суд не может быть отправляем по автоматическим или механическим моделям... Стойкий гуманный человек, обладающий тактом, большим личным влиянием и знанием закона, знающий детей и могущий снискать их доверие, является тем человеком, который нужен для этого дела» (цит. по [3, с. 23]).

Неформальный контакт судьи с несовершеннолетним стал важнейшей частью процедуры, поскольку необходимо было добиться осознанного включения ребенка в реабилитационные программы. Кроме того, сами воспитательные учреждения в период действия первых ювенальных судов находились под патронажем благотворительных организаций. И успехи первых судов обусловлены именно этими факторами: личностным характером работы судьи и участием в работе по реабилитации многочисленных общественных (благотворительных) организаций. Реабилитационная работа строилась как определенный способ личностного участия представителей различных организаций и граждан в поиске выхода из трудной жизненной ситуации ребенка. Такая деятельность включала задержание, неформальный контакт судьи и несовершеннолетнего, попечительский надзор, работу с родственниками. При этом поле ювенальной юстиции охватывало целый спектр значимых подростковых ситуаций: прогулы и нарушение школьного режима,

конфликты в семье, бездомность, правонарушения и преступления.

Таким образом, в первый период деятельности ювенальных судов в США стали возникать ростки общественно-государственной системы деятельности по работе с детьми, «выпадающими» из позитивной социализации.

Однако позже эти мотивы личного участия и неформальной заботы были утрачены и ювенальный суд не смог победить определенных негативных тенденций, которые в конечном счете привели к кризису ювенальной юстиции в США. Что это были за тенденции?

Создателей системы попечительского надзора, приютов и реформаториев (закрытых воспитательных учреждений для подростков) не мог не волновать ключевой вопрос реабилитационного воздействия на подростков: **каким образом в обозримые сроки изменить характер и поведение, которые являются естественно выросшими в определенной социальной среде и фактически становятся фундаментом человеческой личности [1]**? Однако опыт первых судов, практика взаимодействия общественности и государства технологически не закрепились. Массовая практика пошла по линии упрощения способов работы с правонарушителями, закрытые воспитательные учреждения стали вытеснять участие местных сообществ. Надзор за отклоняющимся поведением несовершеннолетних, который был учрежден и воплощен в работе органов ювенальной юстиции США, привел к широкому распространению «организационного принуждения» как способа обращения с молодыми людьми. Изоляция от общества, жесткий контроль и дисциплинарные санкции – вот в чем виделись условия надлежащего изменения поведения подростков-правонарушителей. Общественное движение «За спасение детей» стали обвинять в том, что оно «способствовало распространению государственного контроля на целый ряд явлений, борьба с которыми не велась или велась неформальными методами, а именно проступки характерные для детей бедняков: тунеядство, попрошайничество, бродяжничество, половая распущенность, невосприимчивость к воспитанию, пьянство, прогулы» [9, с. 159].

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Тенденции огосударствления и помещение несовершеннолетних правонарушителей и детей группы риска в закрытые воспитательные учреждения без соблюдения надлежащих процессуальных гарантий тоже вызвали резкую критику [9, с. 162–164]. Во многом критика уводила в сторону от ювенальной юстиции, поскольку здесь никак не учитывалась ее реабилитационная миссия. По сути, эта критика, объединяясь с требованиями обеспечить защиту общества и наказание нарушителей, вела к возврату к формам обычного (взрослого) уголовного правосудия, необходимости организации гласного состязательного процесса, вынесения наказания по заслугам и т.п.

Эти факторы привели к тому, что в последние 20 лет многие штаты приняли законы, облегчающие передачу дел несовершеннолетних правонарушителей в суды для взрослых. По мнению некоторых исследователей, это явилось следствием разочарования и специалистов, и общественности в реабилитационной доктрине как таковой [2].

§ 3. Реабилитационная парадигма и ее критика

Современные исследователи (например, Гордон Бэйзмор) отмечают, что в миссии ювенальной юстиции с самого начала ставился акцент на заботе о детях и подростках в смысле ответа на их специфические проблемы и нужды, а не на решение проблем общества и граждан, испытывающих на себе последствия подростковой преступности.

Такую ограниченную ориентацию закрепляла парадигма, характеризующая первый этап истории ювенальной юстиции, известная как **реабилитационная парадигма** (или парадигма «индивидуализации обращения»):

«...обращение в этих судах [для несовершеннолетних] основывалось на медицинской модели, определенным образом объясняющей причины преступного поведения: оно рассматривалось как симптом скрытых нарушений,

при этом природа и серьезность преступления были сравнительно менее важны, чем обеспечение терапевтических услуг для исцеления этих предполагаемых нарушений... Преступление не рассматривалось само по себе, оно являлось знаком нарушенных процессов социализации. Вмешательство (компетентных органов) старалось исправить это социальное отклонение, применяя методы, адекватные личным проблемам и нуждам молодого правонарушителя» [2, с. 65, 68].

В этом контексте в рамках ювенальной юстиции развивались **социальная работа** и **индивидуализированный подход**. Задача формирования надежного позитивного члена общества зачастую требовала восполнения недополученных ребенком в силу тех или иных причин в семье и школе социальных навыков, коррекции поведения и т.п. Глубине (мере) десоциализации и заброшенности подростка отвечал индивидуально-реабилитационный подход, в рамках которого социальный работник вместе со специалистами по психотерапии с помощью различных тренингов и мероприятий по коррекции поведения создавал для каждого клиента индивидуальную программу реабилитации.

В дальнейшей истории ювенальной юстиции так понимаемый индивидуально-реабилитационный («медицинский») подход привел к тому, что национальные системы ювенальной юстиции постепенно пополнялись разнообразными реабилитационными службами (тренинговыми, психотерапевтическими, социально-психологическими), работающими над «наладкой» психического аппарата подростка, его поведенческими особенностями, помогающими подростку освоить позитивные социальные роли, и т.п.

На этом этапе социальная работа представляла как вовлечение подростков в деятельность этих служб, поддержание необходимой интенсивности и результативности прохождения их подростками. Социальные работники приняли на себя функцию эффективной координации различных служб и подразделений, развития внутренних связей между ними и общей интенсификации деятельности.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Описанная организация работ в ювенальной юстиции не только оставляла за бортом традиционные задачи правосудия, она вообще «выносила за скобки» преступное поведение подростка и была равнодушна к обидам и ущербу, который нанесли поступки подростка другим людям или обществу. И примерно с середины XX века началась критика реабилитационной парадигмы и реабилитационной миссии ювенальной юстиции. Такая критика подчеркивала, что программы дают только выгоды преступникам, снимая с них всякую ответственность.

Гордон Бэйзмор так восстанавливает эту линию критики:

«Несмотря на свою неадекватность, наказание, по мнению общества, по крайней мере хоть как-то связано с преступлением. В то время как подход индивидуализации обращения связан исключительно с нуждами преступника. Для большинства граждан программы, обеспечивающие индивидуальное обращение в области ювенальной юстиции, предоставляют только выгоды для преступников и ничего или мало требуют от них взамен. Идея подхода индивидуализации обращения почти не несет в себе попытки донести до преступника, что он (или она) причинил ущерб кому-то, должен предпринять определенные действия для его возмещения, загладить свою вину и отвечать за последствия, связанные с ущербом, нанесенным этим преступлением» [2, с. 72].

Подросток рассматривается здесь как пассивный получатель социальных услуг, но не как субъект разрешения ситуации, которую он создал, субъект, от действий которого зависит нормализация самочувствия жертвы, возмещение ущерба и в конечном счете его собственные отношения с обществом.

Таким образом, **один из уроков** истории «детской» юстиции в США состоит в том, что доминирование реабилитационной парадигмы ведет к глубокому разочарованию общества в ювенальной юстиции вообще, поскольку положенная в ее основу парадигма носит ограниченный характер.

Второй урок связан с вопросом о природе контроля, распространяемого на подростков, о роли семьи и окружения подростка в его реабилитации. Органы и специалисты ювенальной юстиции оказались не в состоянии вовлечь в работу по реабилитации нарушителя те социальные группы, в которых он живет и действует. Если нарушитель становится частью «спецконтингента» реформатория, он просто превращается в объект манипуляций специалистов по исправлению поведения, далеких от его повседневной жизни, а потому и не значимых для него. Вместо позитивного включения подростка в жизнь местного сообщества и укрепления его связей с родственным кругом он в ходе «исправительных» мероприятий чаще всего подвергается клеймению и дополнительному отчуждению. Формы социального контроля над поведением несовершеннолетних, воплощенные в ювенальной юстиции США, ослабили участие семьи, ближайшего социального окружения и местного сообщества в процессе исправления подростка. Применявшиеся средства – институт пробации и закрытые воспитательные учреждения – не акцентировали причастность молодого человека своему сообществу, где он мог бы добиваться признания в качестве его позитивного члена.

§ 4. Ювенальная юстиция и восстановительное правосудие

Восстановительное правосудие стало в определенном смысле ответом на тот кризис, который переживала ювенальная юстиция.

На протяжении второй половины XX века в ряде стран происходит качественная коррекция миссии и принципов ювенальной юстиции, сложившихся в конце XIX века под влиянием реабилитационной парадигмы. Эта коррекция проявилась в реформах и принятии нового

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних законодательства¹. В принципы ювенальной юстиции впервые в ее истории была включена необходимость обеспечения **защиты общества** от противоправного поведения молодежи и **ответственности** правонарушителей. Эти акценты определенно контрастировали с прежней философией, согласно которой делинквент рассматривался исключительно как ребенок, ставший жертвой неправильных жизненных установок и заблуждений, ребенок, нуждающийся в помощи, поощрении и содействии. Сегодня, в противоположность такому пониманию, к примеру, новозеландская модель ювенального суда исходит из следующей установленной законом цели: обеспечить, чтобы малолетний правонарушитель «отвечал за свое поведение и принимал на себя ответственность за него..., чтобы все его нужды находили признание и он имел возможность в будущем развиваться как ответственный, приносящий пользу себе и обществу человек»². Аналогично, в Канаде Закон «О молодых правонарушителях» гласит:

«...а.1) подростки ни в коем случае не должны быть приравнены к взрослым в том, что касается уровня их ответственности и последствий их поступков; тем не менее молодые правонарушители должны нести ответственность за свои правонарушения;

б) хотя общество должно принимать разумные меры, чтобы предотвратить преступное поведение молодежи, оно должно быть в состоянии защитить себя от любого незаконного поведения;

в) положение молодых правонарушителей требует надзора, дисциплины и заботы; при этом, учитывая зависимое состояние, в котором они находятся, степень их развития и зрелости, они испытывают

¹ В Канаде, например, кульминационной точкой такой реформы стало принятие 7 июля 1982 г. Закона «О малолетних правонарушителях». Этот закон, заменивший принятый еще в 1908 г. Закон «О делинквентах», подготавливался начиная с 60-х годов XX века. Аналогично, в Новой Зеландии новый Закон «О детях, молодежи и их семьях» был принят в 1989 г.

² Закон «О детях, молодежи и их семьях». Часть 4 (f). 1989. Новая Зеландия // www.law.auckland.ac.nz/court/dc/cypf.htm.

специфические потребности и нуждаются в помощи и советах;

в.1) всякий раз, когда это возможно, ресоциализация молодого правонарушителя должна быть направлена на защиту общества, что является одной из основных целей уголовного права применительно к молодежи; добиться ресоциализации можно только учитывая потребности молодого человека и обстоятельства, способные объяснить его поведение;

г) если молодых правонарушителей решено привлечь к ответственности, следует рассматривать возможность замены судебной процедуры, предусмотренной настоящим законом в целях защиты общества, альтернативными мерами...» [7, с. 10].

Провозглашение этих принципов вовсе не стало шагом назад к карательному подходу: сама коррекция происходила на новой почве - возникновения и расширения практики **восстановительного правосудия**.

Ответственность правонарушителя здесь понимается как возникшее в результате преступления **обязательство** по заглаживанию причиненного вреда, а не наказание.

Противоречие, которое стало возникать в рамках ювенальной юстиции, - между принципом минимизации контактов с судебной системой и необходимостью призвать несовершеннолетнего правонарушителя к ответственности - нашло свое разрешение в программах восстановительного правосудия.

Литература

1. Берджес Э. Заводной апельсин. М., 1999.
2. Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.
3. Мельникова Э. Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М., 1990.
4. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учеб. пособие.

Раздел II. Восстановительное правосудие для
несовершеннолетних
М., 2000.

5. *Люблинский П.И.* Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры // Вестник воспитания. Кн. III. М., 1911.
6. *Люблинский П.И.* Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры // Вестник воспитания. Кн. IV. М., 1911.
7. Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы развития. Вып. 2. В 2-х кн. Кн. II. / Под ред. М. Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.
8. *Тарасова Е.П.* Детские суды за границей // Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1912.
9. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. М., 1995.
10. *Ханиган П.* Молодежь, испытывающая трудности. М., 1999.

Введение в восстановительное правосудие

§ 1. Две парадигмы уголовной юстиции

1.1. Поиск альтернатив

Восстановительное правосудие зарождалось отнюдь не как специфическая форма «детской» юстиции, хотя «подавляющее большинство программ рассчитаны на молодых правонарушителей или лиц, впервые преступивших закон, которые совершили мелкие имущественные преступления»¹ [1, с. 124]. Восстановительное правосудие (далее в тексте – ВП) стало формироваться на волне резкой критики современного уголовного правосудия вообще, в поисках более эффективных форм реагирования на преступления, более высоких стандартов справедливости и человечности.

«Рост преступности» стал пугалом современного мира. Однако, как показывают западные и отечественные криминологические исследования, мощь современной уголовной юстиции направлена большей частью против социально незащищенных слоев населения, «тогда как преступность власти, богатства и интеллекта, т.е. институциональная организованная и коррупционная преступность, остается практически нетронутой» [17, с.108], хотя причиняемый ею ущерб несоизмеримо превышает вред от традиционных бытовых преступлений (см. также [8, с. 106]). Эта ситуация вполне удовлетворяет власть и правоохранительные органы, позволяя последним оправдывать свое существование высокими показателями раскрываемости преступлений. «А попадают в первую очередь те, кто совершил примитивное

¹ Уже по этой характеристике восстановительных программ, данной одним из лидеров европейского движения «За восстановительное правосудие», видно различие «объектов» ювенальной юстиции и восстановительного правосудия.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

и очевидное деяние, кто не смог замести свои следы, кто не способен квалифицированно самозащищаться, кто не прикрыт беспрецедентной депутатской, должностной... неприкосновенностью, кто плохо понимает презумпцию невиновности...» [17, с. 107].

Эти люди – в большинстве своем социально незащищенные – совершили преступления. И должны нести ответственность. Однако, если человек совершил преступление из-за неспособности «управлять своей жизнью в рамках закона», чему научит его тюремный опыт?

«В течение этих лет ему не потребуется платить за квартиру, зарабатывать деньги, содержать семью. Он полностью будет зависеть от государства, которое возьмет на себя заботу о нем. Когда же он выйдет, у него останется совсем немного навыков для жизни в обществе. Научится ли он снова ходить на работу, экономить деньги, платить по счетам?» [8, с. 48–49].

Сегодня ряд криминологов все настойчивее говорят о «кризисе наказания» как такового, о необходимости поиска альтернатив уголовной юстиции вообще. Как отмечает ряд западных (Н. Кристи, Х. Зер), а также отечественных криминологов (Я.И. Гишинский, Г.И. Забрянский), традиционные представления о правопорядке, основанном на государственном контроле и устрашении, оказываются несостоятельными. Необходим пересмотр привычного образа мыслей. Следует научиться жить в нестабильном и нерациональном обществе (см., например, [6]).

Наряду с совершенствованием юридических конструкций, направленных на обеспечение прав и гарантий участников процесса, в последние десятилетия в мире стала складываться и противоположная тенденция – формирование альтернативных, внесудебных, практик разрешения правовых конфликтов. Альтернативные формы (переговоры, посредничество, арбитраж) нашли широкое применение в разрешении хозяйственных, гражданских, трудовых, административных споров [24]. Коснулась эта тенденция и уголовного правосудия.

В уголовном правосудии, где защищается в первую очередь публичный (государственный) интерес,

возможность реализации указанной тенденции не столь очевидна. Тем не менее в последние более чем двадцать лет стали оформляться новая концепция и социальное движение, получившие название «восстановительное правосудие» (*restorative justice*)¹. Сегодня за этим термином стоят разные практические модели реагирования на преступления, объединенные **общей идеологией**: направленностью на исцеление жертв, ресоциализацию правонарушителей и восстановление сообществ. (Концепция имеет много названий, среди них «репаративное» правосудие, «реституционное», «трансформационное», «неофициальное» правосудие, за каждым из которых можно увидеть разные акценты общей идеи.)

Во главу угла здесь ставится **не наказание**, а **примирение** сторон и возмещение ущерба. Центральным элементом восстановительной технологии является **посредничество** (*mediation*) как специально организуемая процедура. В своих истоках ВП – как концепция и практика конца XX века (начавшая свое нынешнее существование в Канаде и США) – восходит к общинным способам разрешения конфликтов, направленным на достижение соглашения.

«В начале и середине 70-х, – пишут Катлин Дали и Русс Иммерижеон, – когда в Канаде и на Среднем Западе США начали появляться первые программы примирения правонарушителей и жертв и когда только несколько ученых-криминологов или практиков были знакомы с традициями туземного правосудия, термин «восстановительное правосудие» еще не существовал» [41].

Термин появился позже, в 80-х годах, в работах, осмысляющих новый опыт, в частности в трудах одного из разработчиков первой программы примирения жертв и преступников в США, одного из лидеров и теоретиков ВП Х. Зера. Как идея ВП оформлялось в жесткой оппозиции современному («карательному», т.е. ориентированному на наказание) уголовному процессу. Восстановительное правосудие – это в первую очередь другой взгляд, другая

¹ Подробнее см. следующий параграф. – *Прим.ред.*

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
философия ответа общества на преступление, «другая парадигма».

Понятие **парадигмы** введено Т. Куном для анализа науки и процессов ее развития, которые он связывает со сменой парадигм [14]. Парадигма включает онтологию (картину мира), методологию, способы (образцы) решения задач, ценности. Это понятие использовано Х. Зером в книге «Changing Lenses» («Меняя линзы»)¹ в более широком контексте. **Парадигма как способ видения реальности определяет наше восприятие как природного, так и социального мира.** В последнее время можно говорить о «парадигматическом подходе» к анализу правосудия, которое рассматривается в контексте целостного мировоззрения и вопросов о формах жизни человеческих общностей [8; 3]. Особенность нынешней российской ситуации – становление постсоциалистического строя – ведет к поискам новой правовой парадигмы и в контексте общетеоретических представлений о праве и государстве [21].

Парадигмы, поясняет Х. Зер,

«дают нам линзы, через которые мы смотрим на явления. Они указывают пути решения проблем. Они формируют наше «знание» о возможном и невозможном. Парадигмы формируют то, что мы называем здравым смыслом; все, что выходит за рамки парадигмы, кажется нам абсурдным.

Парадигмы являются особым способом конструирования реальности, и «карательное правосудие» есть лишь одна из таких конструкций... это один из способов представления реальности, который задает вполне определенный подход к проблемам и выбору соответствующих решений» [8, с. 104].

Новая парадигма – это не совершенствование старой, это новый угол зрения, новый взгляд. Явления, восприятие и объяснение которых невозможны в рамках старой парадигмы, названы Т. Куном «аномалиями». Аномалией для современного уголовного процесса является учет потребностей жертвы и преступника, их

¹ На рус. языке [8].

уполномочивание на решение собственного конфликта. Вообще в современном процессе жертва с ее страданиями является «аномалией», поскольку считается, что преступление наносит вред государству. Как пишет Зер,

«наличие аномалий и кризис очевидны. Одновременно ведутся поиски... нового понимания и ответа на ситуацию, которую мы называем преступлением. Возможно, почва для замены парадигмы уже подготовлена» [8, с. 112].

Резкая критика «карательного правосудия» связана с его государствоцентризмом, формализмом, отчуждением от человека и той реальной трагедии, которую несет преступление, от тех, кто стоит в центре конфликта – правонарушителя и жертвы.

1.2. Идеальный тип и реальность

Для правильного понимания содержания настоящего пособия поясним, что имеется в виду под «карательным» и «восстановительным» правосудием, поскольку в дискуссиях по этому поводу возникает немало недоразумений. Метафора линз, использованная Зером (еще и профессиональным фотографом), поможет нам в этом.

Линзы фотоаппарата предопределяют, что именно попадет в кадр. То же относится к нашему восприятию преступления:

«Мы смотрим на преступление через «карательные линзы». Уголовное судопроизводство, где используются эти линзы, не в состоянии учитывать большую часть потребностей жертв и преступников...» [8, с. 209].

Итак, речь идет о призмах, сквозь которые мы смотрим на мир, сконструированных нами аппаратах, вспомогательных средствах, а не о самом мире. А коль скоро это так, речь идет о разных способах видения того или иного явления и, соответственно, отношения и действия – способах, которые в принципе могут быть изменены. Порой можно услышать критику в адрес концепции ВП в связи с «представлениями о

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

карикатурном противостоянии карательной и восстановительной моделей правосудия» [41], поскольку идеологи уголовного наказания представляют довольно большое разнообразие мнений, а реальная практика официальной, так называемой карательной, юстиции может включать в себя различные элементы, в том числе и присущие восстановительному подходу.

В противовес такой «натуралистической» трактовке следует иметь в виду, что оппозиция двух взглядов («линз», подходов) – это оппозиция **идеальных типов, двух логических пределов, абстракций**, полученных «посредством мысленного усиления определенных элементов действительности» [4, с. 389].

«В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это – утопия», хотя «в каждой такой утопии действительно отражены известные, значимые в своем своеобразии черты нашей культуры, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе» [4, с. 390, 391].

Идеальный тип выступает в качестве средства нашего познания, это понятие, «с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания» [4, с. 393].

В нашем случае в качестве такого значимого компонента берется базовая ориентация уголовного правосудия, которая заложена **в принципе ответственности за преступление**: в одном случае во главу угла ставится возмездие, отсюда ответственность сводится к претерпеванию наказания (кары), во втором – смысл правосудия видится в восстановлении отношений и ответственность понимается как деятельное обязательство загладить вред. Вот – содержание оппозиции и основание для выделения двух абстрактных типов правосудия. В своей понятийной чистоте эти явления не встречаются. И смысл использования понятий карательного и восстановительного правосудия не в том, чтобы примитивизировать реальность и свести ее многообразие к простым представлениям, но, напротив, чтобы обеспечить постижение реальности в ее сложности и выделить различные характеристики интересующего

нас объекта. Такое многообразие и позволяет говорить о внутренних ресурсах реформирования социальных институтов.

Идеальный тип не следует путать с образцом или идеалом, он не несет в себе оценки; идеальный тип, подчеркивал Макс Вебер, имеет исключительно логическое содержание [4, с. 399]. Перевод понятий «карательное» и «восстановительное» правосудие в оценочную плоскость приводит порой к странным сентенциям апологетов существующей системы – типа «российское уголовное правосудие не карает, а воспитывает (исправляет и т.п.)», поскольку «кара» как базовое понятие уголовного права начинает трактоваться не содержательно, а оценочно как нечто негативное и, по-видимому, в связи с этим обстоятельством начинает уходить со страниц некоторых учебников. Понятие «карательная деятельность государства», или «карательная власть» [25, с. 12; 29, с. 3], легитимность применения которой в каждом отдельном случае и обеспечивается уголовным правом, замещается формулировками его функций: регулятивные, воспитательные, охранительные, предупредительные. Хотя понятно, что реализация указанных функций осуществляется уголовным правом за счет своих специфических средств, в первую очередь путем применения карательных санкций. «Высокий стиль» присущ и формулировке целей наказания (в УК и учебниках), что порождает ханжество и уход от реальных проблем.

Однако все это не меняет «природу» современного уголовного процесса, устремленного к «правильному применению уголовного закона» (ст. 2 УПК РСФСР), суть которого – в праве государства наказывать преступников. Именно и только государству принадлежит в цивилизованном мире это право. И современное уголовное право никуда не ушло от своего предмета – преступления и наказания.

«Уголовное право возникло, чтобы защитить своими специфическими средствами (главным образом угрозой наказания и его применением) личность, общество и государство от преступных посягательств» [20, с. 22].

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Принцип справедливости, к примеру, в российском Уголовном кодексе говорит о том, как мерить наказание, но не подвергает сомнению сам принцип ответственности как наказания.

«Карательное правосудие» – не бранные слова, а указание на существо современного уголовного судопроизводства с точки зрения результата, к которому оно устремлено. Больше того, именно карательная направленность уголовного процесса (поскольку «уголовное наказание как реализация уголовно-правовых санкций является самым суровым видом государственного принуждения») ведет к необходимости строжайшей регламентации уголовного процесса [20, с. 12–13]. Такая регламентация становится необходимым условием обеспечения «защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (проект УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 6).

И все же невозможно в рассматриваемой нами теме избежать аксиологической¹ проблематики: за самой оппозицией карательного и восстановительного правосудия стоит противостояние ценностей, поскольку предмет – правосудие как справедливость – относится к ценностным категориям.

И если спуститься с высот абстракции, имеет смысл обсуждать вопросы о том, как наши ценности воплощаются в функционировании реальных институтов. А потому, если в пространстве логического мышления «карательное» и «восстановительное» противостоят как два предельных типа, выражающих различное содержание правосудия, в пространстве практической деятельности носители восстановительной идеи ищут диалога и форм сотрудничества с представителями и структурами официальной юстиции. Ибо только в этом случае ценности, заложенные в идее, могут распространиться на действующие механизмы реагирования на преступление и привести к коррекции последних. Поэтому действующую «эмпирическую» юстицию (или правосудие) мы называем, не отождествляя с идеальными типами, **официальной**, указывая при этом на ее карательный характер (именно потому, что имеем соответствующее понятие и можем

¹ Аксиология – учение о ценностях.

отнести его к реальности), но надеясь (для этого и строится сотрудничество) на сужение области карательного реагирования и расширение сферы действия восстановительного подхода.

«Практика правосудия, – пишет Зер, – отличается от идеального типа, по своим результатам она редко бывает чисто карательной или восстановительной. В нашей практической деятельности мы стараемся в каждом случае и в каждой общине, используя сильные стороны карательного правосудия, продвигаться как можно дальше по пути восстановления» [8, с. 13].

Основания для этого зреют и внутри официальной системы, подобные взгляды формируются и в среде ученых, специализирующихся в области уголовного права [20, с. 19; 17, с. 112].

1.3. Тенденции

Мировые тенденции в области ВП состоят сегодня в его распространении (расширении географии, росте числа служб примирения, количества дел, прошедших через программы ВП, использовании программ ВП в случаях более серьезных преступлений), развитии партнерства с официальной юстицией, укреплении международного сотрудничества, включении идей восстановительного подхода в международные правовые акты, увязывании с национальным законодательством, придании приоритета в области правосудия для несовершеннолетних, стандартизации новой практики, в специальной подготовке ведущих (медиаторов).

На американском континенте создана Ассоциация посредничества между жертвой и правонарушителем (VOMA). В Европе программы восстановительного правосудия активно действуют в Великобритании, Австрии, Бельгии, Финляндии, Франции, Германии, Норвегии, Польше, Чешской Республике. 8 декабря 2000 г. состоялось официальное учреждение Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции – первой в Европе международной организации, объединяющей исследователей, практиков,

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

государственные и неправительственные организации, работающие в этой сфере [27; 28]. В рамках Европейского Комитета по проблемам преступности (Совет Европы) создан Комитет экспертов по организации посредничества в уголовных делах, который составил Рекомендацию № R (99) 19 [23], где освещаются основные принципы, правовая основа, вопросы организации и развития посредничества в уголовных делах.

ООН, играя ключевую роль в выработке стратегий, международных правил, стандартов и рекомендаций по уголовному правосудию, в Венской декларации о преступности и правосудии (принятой на Десятом конгрессе по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10-17 апреля 2000 г.), отмечает, наряду с прочим, «возможности реституционных подходов к правосудию, которые направлены на сокращение преступности и содействие исцелению жертв, правонарушителей и оздоровлению общин»¹. Пункты 27 и 28 Декларации непосредственно посвящены вопросам посредничества в уголовном правосудии. Разработан проект «Резолюции об основных принципах использования программ восстановительного правосудия в уголовной юстиции», который принят Комиссией ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в апреле 2000 г.

Особенно востребованным восстановительный подход стал в правосудии по делам несовершеннолетних. В мае 1997 г. в г. Левене (Бельгия) состоялась первая международная конференция по восстановительному правосудию для несовершеннолетних, где была принята Левенская декларация «О необходимости поддержки восстановительного подхода к подростковой преступности» [15]. В ряде стран нормы о посредничестве в уголовной и ювенальной юстиции вошли в законодательство.

Идеи ВП стали проникать и в Россию. Пионеры движения «За восстановительное правосудие в России» – Рустем Максудов, Анна Грасенкова и Михаил Флямер, члены неправительственной организации Общественный

¹ Цит. по тексту Декларации, опубликованному в журнале «Государство и право» [16, с. 98].

центр «Судебно-правовая реформа», – с 1997 г. начали систематическую работу над созданием условий для использования программы примирения жертвы и правонарушителя в отечественном уголовном процессе. Издание силами Центра при поддержке Меннонитского Центрального комитета¹ в 1998 г. на русском языке упомянутой книги Х. Зера – одной из наиболее цитируемых в мире работ по восстановительному правосудию – стало принципиальным моментом для распространения этой идеи и ее постепенной ассимиляции и в отечественном юридическом сообществе [5; 7]. Сегодня можно говорить и о первых шагах в построении новой практики (о чем и пойдет речь в последующих параграфах и главах).

Можно ли ВП считать собственно правосудием? С одной стороны, примирение в рамках указанного подхода являет собой альтернативу принятому способу реакции государства на преступление, в этом смысле – это альтернативное правосудие. Хотя, более точно, ВП выполняет ту же функцию, что уголовная юстиция в целом (понятие более широкое, чем правосудие): здесь дело разрешается «по существу» и действует механизм «исполнения решений». (Возможно, следовало бы перевести «restorative justice» в книге Х. Зера как «восстановительная юстиция», имея в виду целостность системы, противопоставленной карательной юстиции. Однако сегодня в России стал привычным, видным, и в силу русскоязычного названия книги Х. Зера – термин «восстановительное правосудие». Обычно термины «восстановительное правосудие» и «восстановительная юстиция» употребляются как синонимы.)

Фактически альтернативой карательному процессу является **ВП как идея, как способ**. Что же касается реализации, то в большинстве стран программы ВП используются в кооперации с обычным процессом, т.е. встраиваются в тело официального уголовного судопроизводства, где окончательное решение по делу осуществляется уполномоченным официальным органом. В этом плане пока имеет смысл говорить о восстановительных программах, но не об альтернативном правосудии, хотя сама по себе передача дел из

¹ Подробнее о Комитете см. в § 4 наст. главы. – *Прим. ред.*

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних официальных органов для проведения восстановительных программ и учет их результатов судом свидетельствуют о появлении альтернативной трассы движения уголовного дела.

Сторонники ВП видят свою ближайшую задачу не в том, чтобы заменить официальное правосудие, а в том, чтобы дополнить его, акцентируя внимание на тех аспектах преступления (правонарушения), которые остаются вне поля внимания официального уголовного процесса. И, дополняя, высвободить место для некарательного реагирования – встроить в карательную систему некарательный элемент.

Следует отметить, что в ряде стран (Новая Зеландия, Австралия) ювенальная юстиция практически целиком пошла по пути восстановительного правосудия, выработав собственные, с опорой на местные традиции, формы.

§ 2. Социокультурные предпосылки движения за восстановительное правосудие

Итак, сегодня можно говорить о появлении примерно в конце 70-х – начале 80-х годов XX века мирового движения за восстановительное правосудие. Его целью является изменение способа реагирования правосудия на уголовно наказуемые деяния: с преимущественно карательного на восстановительный. Такая реакция должна содействовать исцелению жертв, нормализации отношений жертвы и обидчика, инициировать участие правонарушителя в решении вопроса о возмещении причиненного им вреда и привлечь местное сообщество к разрешению криминальных ситуаций. По некоторым оценкам, сегодня в мире существует около тысячи разного рода организаций или подразделений, которые проводят программы ВП, – в Европе, Северной Америке, Новой Зеландии, Австралии, Южной Африке. Представители различных профессий и специальностей – криминологи, социальные работники, юристы-практики и юристы-теоретики, учителя, политики, психологи, общественные деятели, чиновники, активисты местного

самоуправления и деятели церкви – включились в движение за восстановительное правосудие. В конце 90-х годов в него вошли и представители России.

Когда говорят о движении [35; 36], то, во-первых, выделяют приверженность его участников некой общей идеологии, а во-вторых, указывают на отсутствие единообразного представления о социокультурном результате и, соответственно, о способе его достижения. Движение предполагает социализацию некоторых общественно важных начинаний. Но кроме социальных целей можно выделить культурно-исторические. В работах А. Турена содержатся весьма продуктивные рассуждения о социокультурной направленности движения [26]. Анализируя то или иное движение, необходимо вскрывать напряжения (или «разрывы») социокультурной ситуации и конфликт различных способов их разрешения, где движение – это поле проигрывания возможных вариантов в поисках того, который исторически «приживется» и будет социализирован. Такая «игра» может растянуться на многие десятилетия и даже столетия.

Здесь важно отметить, что разрывы социокультурной ситуации – историческое явление. А следовательно, движением нельзя управлять. В нем можно участвовать, выдвигать свой способ снятия разрывов, опробовать его и развивать в ходе столкновения с другими способами. Способ может быть реализован, что повлечет за собой превращение движения в определенный социальный институт. Как отмечал П.Г. Щедровицкий, «движение является переходной формой организации человеческой деятельности: если оно хочет быть продуктивным в культурном плане, оно должно неизбежно вылиться в другие формы социокультурной организации и отрицать самое себя» [36, с. 153].

2.1. Область человеческих взаимоотношений: глобальные вызовы

Одной из важнейших характеристик жизни любого общества является его способность к сохранению и восстановлению связей и отношений между людьми, разрушенных в ходе конфликтов и криминальных ситуаций. В этом смысле отличительной чертой современной социокультурной ситуации (сформировавшейся, по всей видимости, в середине XIX века, когда процессы урбанизации и социальной мобильности стали фактически перестраивать облик общества)

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

является появление множества факторов, затрудняющих такое сохранение и восстановление. Ослабевает и влияние прежних средств – общинных, сословных, религиозных, – обеспечивающих, образно говоря, восстановление социальной ткани.

Можно выделить следующие характерные особенности современного мира, негативно влияющие на область взаимоотношений.

1. Разделение структуры жизни (в основном урбанизированной) на отдельные сегменты ведет к размыванию личностных связей, удерживающих людей в рамках определенного типа отношений, «так что мы часто знаем своих сотрудников только как сотрудников, соседей только как соседей, членов лыжной команды только как членов лыжной команды» [13, с. 33]. Таким образом, деструктивное поведение в настоящее время не может быть объектом эффективного контроля со стороны местных территориальных общин, поскольку само их существование в современном мире затруднено.

«Современная «улица», – отмечают В.Ф. Чеснокова и В.Ф. Абрамкин, – в отличие от прежних городских «дворов», превратилась в пространство с неопределенными границами и полностью освободилась от контроля со стороны взрослых людей, которые не хотят, да и не могут оказывать какое бы то ни было влияние на подростковые уличные компании. Эти компании все более начинают напоминать преступные шайки со своим кодексом чести, но весьма узким и довольно утилитарным... В современном обществе различные поколения одной и той же семьи живут, как правило, отдельно. Дети вырастают вдали от бабушек и дедушек, они не знают их особой всепрощающей любви, совершенно не чувствуют их беспомощности и беззащитности. В результате у подростков не возникает внутренней потребности оберегать стариков и помогать им» [32, с. 2].

2. Одновременно возрастает давление на человека со стороны социальной организации, воплощенной в различных учреждениях. По мнению К. Хорни, «человек до такой степени превратился в простой винтик сложной социальной системы, что отчуждение от самого себя

стало почти всеобщим, а сами человеческие ценности пришли в упадок» [31, с. 141]. Прессинг учреждений, или корпоративной морали, сегодня настолько велик, что можно говорить о «корпоративном человеке», который, считая приоритетными ценности своего учреждения, нередко становится заложником этих ценностей.

3. Мироззрение многих людей формируется не в традиционных каналах социализации (семья, образовательные учреждения, профессиональные сообщества), а через массовую культуру (СМИ, кино- и видеофильмы). Диада «человек-экран» приводит к еще большему отчуждению людей друг от друга. В.Ф. Чеснокова и В.Ф. Абрамкин пишут, что

«ребенка и подростка, проводящего очень много времени перед экраном, телевизор отключает от реального общения с ровесниками и взрослыми: они кажутся ему менее интересными и значимыми, будничными и слишком сниженными по сравнению с теми персонажами, которых показывают по телевизору. В результате подросток не овладевает умением строить свои отношения с окружающими людьми: добиваться взаимопонимания, решать конфликты, овладевать ситуацией в сложных случаях. Эта изолированность современного заядлого «телезрителя» в четырех стенах своей квартиры, в узком кругу ближайших родственников и одноклассников формирует личности романтического склада. Такие «романтики», совершенно оторванные от реальной жизни и ее сложностей, в дальнейшем становятся жертвами обмана, собственных иллюзий, своей неопытности и непредусмотрительности» [32, с. 3].

4. Интенсивные межличностные взаимодействия приводят к конфликтам, причиной которых часто является различие культурных образцов. Для их разрешения необходимы особые средства, технологию использования которых человечеству еще предстоит создать.

Вышеперечисленные социальные факторы способствуют, с точки зрения Р. Мея, возникновению

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
таких черт современного человека, как неспособность чувствовать другого человека, боязнь близости, отчуждение. Эти качества могут приводить к взрывам агрессии [19, с. 11] и деструктивному поведению.

2.2. Вызов и ответ: усиление государства

Ответом на эти напряжения является, в частности, монополизация государством права на разрешение конфликтных и криминальных ситуаций [12]. Почти во всех современных государствах (видимо, исключением здесь является Япония) существует тенденция к увеличению числа специалистов, отслеживающих и корректирующих человеческое поведение (см. [37, с. 323]), знающих, как решать проблемы, и зачастую фактически принуждающих людей к определенному решению. Как отмечает Н. Кристи, «современные системы контроля за преступностью – это один из многочисленных случаев потери возможности для вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность. Наше общество – это общество монополистов на решение задач» [13, с. 36]. Однако работа подобных специализированных учреждений постепенно сводится к тем или иным ведомственным показателям или политическим запросам. В России правоохранительные органы воспринимаются скорее как средство устрашения населения, чем их защиты, а это способствует возрастанию враждебности. Тем самым создается определенный замкнутый круг. Монополизация конфликтов и криминальных ситуаций возникает вследствие слабого влияния местных сообществ и граждан для их разрешения. В то же время постепенно происходит закрепление такого реагирования как определенного стереотипа, который воспроизводится в законах, образовательных программах, конкретных действиях представителей органов уголовной юстиции и начинает тормозить попытки сообществ и граждан участвовать в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций. Интересно, что некоторые юристы, считающие

себя реформаторами, выступают против восстановительного правосудия. По их мнению, нормализация отношений между жертвой и правонарушителем невозможна. Преступника необходимо наказывать, и делать это должны специалисты. Такая точка зрения отражает идеи этатизма¹ и принцип монополии юристов на разрешение правовых конфликтов. В то же время позитивистская апелляция юристов к исполнению закона как основы разрешения конфликтных ситуаций, возможно, имеет в своей основе разновидность социальной утопии – стремление к тотальной юридикации человеческих отношений.

2.3. Права человека: эволюция социокультурного смысла идеи

Попытки разрешить те или иные напряжения в области человеческих взаимоотношений были всегда. В настоящее время многие общественные деятели, благотворительные фонды, ученые стремятся разрешить различные социальные проблемы через трансформацию деятельности государственных органов в рамках представления о правах человека. Насколько созвучны идеи восстановительного правосудия идеям прав человека?

Т. Шанин выделяет три цикла философии прав человека. Первый связан с идеей гражданских прав и направлен на достижение равенства граждан перед законом:

«Однако практическая реализация подобных программ вскоре выявила и их слабые места. Пример Америки и Франции показал, что республиканская форма правления, гарантирующая равенство политических и юридических прав, сама по себе не

¹ Этатизм (от французского слова *etat* – государство) – распространение активности и влияния государства на экономическую и другие сферы жизни общества.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

приводит к фактическому равенству граждан. Более того, разрушение старой системы взаимосвязей лишало многих людей прежних традиционных форм социальной защиты и умножало нищету. Поляризация общества по имущественному признаку усиливалась. Начало промышленной революции и формирование рабочего класса сопровождались резким ухудшением условий существования и разрастанием нового мира – мира городских трущоб, бедняков, пьянства и проституции» [33].

Второй цикл Т. Шанин связывает с идеей социальных прав и соответственно с развертыванием крупных государственных социальных программ:

«Важно отметить, что углублявшийся кризис как Запада, так и Востока (Юг, то есть так называемые «развивающиеся страны», требует специального анализа) был обусловлен не только экономической динамикой. Он с очевидностью демонстрировал несостоятельность планов искоренения социальных язв с помощью широкомасштабных и общих государственных программ, особенно когда дело касалось разного рода «маргиналов» и «меньшинств». В современном мире, который становится все более разнообразным, но одновременно и более открытым, меньшинства как таковые в сумме постепенно превращаются в большинство. Путь, который ранее представлялся магистральным и прямо ведущим в светлое будущее, делается все менее ясным. Универсальные рецепты вызывают все большее недоверие. Государство, прежде воспринимавшееся как главный инструмент их реализации, все чаще оказывается основным препятствием на пути достижения свободы, равенства и братства – идеалов, которые вдохновляли борцов за права человека, как эволюционистов, так и революционеров» [33].

Третий цикл философии прав человека связан с решением социальных проблем меньшинств и маргинальных групп:

«Новый этап коллективного мышления и третий цикл философии прав человека – это реакция на универсализм и огосударствленность старой системы, то есть на те ее качества, которые сковывают свободу индивидуального выбора, мешают видеть конкретные проблемы живых людей, реальные проблемы меньшинств. Все прежние системы, даже создававшиеся из лучших побуждений, в современном мире постепенно превратились в диктатуру экспертов и бюрократов, поскольку всегда покоились на убеждении, что эксперты могут дать точный прогноз, предложить оптимальные решения, и тогда путем принятия мудрых законов и постановлений можно будет в совершенстве отрегулировать все стороны жизнедеятельности общества. Утопичность подобных взглядов становится все более очевидной. Недоверие вызывает также сама идея абсолютного прогресса, понимаемого как одностороннее движение вперед и вверх, к все большей рациональности и универсальности» [33].

Основной проблемой третьего цикла является борьба между государством и крупными корпорациями, с одной стороны, и общественностью, представляющей меньшинства и маргинальные группы, – с другой. Термин «меньшинства и маргинальные группы» употребляется не только в количественном и национально-территориальном смысле. Это, прежде всего, те социальные группы, у которых нет будущего. С такой точки зрения для экологов меньшинством является все население планеты, для которого будущего может не быть из-за политики нескольких корпораций. Силой, помогающей реализовать

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

идеи данного цикла, являются различные общественные движения и социальная работа. Деятельность систем уголовной юстиции в некоторых странах (особенно в США и России) приводит к выталкиванию людей из общества или к иным деструктивным процессам (имеются в виду ситуации с жертвами преступлений) и фактически порождает новые меньшинства. Обсуждение криминальных ситуаций в программах ВП обнажает проблемы бедственного положения тех или иных групп населения, позволяет увидеть пробелы в социализации молодежи, которые можно восполнить, привлекая к разрешению этих проблем сами группы, власть и позитивных лидеров местных сообществ (подробнее см. [43]), и тем самым сближает комплекс идей прав человека третьей формации и идеи ВП. Поскольку ВП реализует интересы конкретных людей, превращаемых в меньшинства, на него начинают обращать внимание некоторые общественные деятели, правозащитные организации и ученые. Многим правозащитникам импонирует, что ВП стратегически ориентировано на трансформацию государственных органов и организаций в направлении восстановительного подхода как альтернативы уголовному процессу и наказанию.

Основное различие восстановительного и правозащитного подхода состоит в том, что в первом случае определяющей (при сохранении стратегических реформаторских ориентиров) является установка на партнерство и совместное решение проблем реагирования на криминальные ситуации, а во втором главную роль играет контроль за соблюдением прав человека и противодействие их нарушению (что не исключает сотрудничества правозащитных организаций и государства в решении тех или иных локальных задач).

2.4. Посредничество и восстановительное правосудие

Одним из мощных средств разрешения конфликтов, широко распространившимся по всему миру (как оппозиция монополии специалистов), стала **медиация (посредничество)**. Цель подобных процедур состоит в вовлечении людей в такие формы взаимодействия, которые давали бы им возможность самостоятельно находить выход из ситуации; фигура посредника **нейтральна** по отношению к сторонам и содержанию конфликта. **Главным принципом**, лежащим в основе посредничества (медиации), является **самоопределение сторон**: стороны сами должны найти взаимоприемлемый вариант разрешения конфликта или спора. Этим роль медиатора отличается от роли нейтрального судьи, обязанного вынести решение.

Наиболее распространенная модель посредничества, имеющая сугубо прагматический характер и ориентированная на достижение соглашения сторон, не ставит таких целей, как личностная трансформация, восстановление взаимоотношений, укрепление сообществ. Восстановительное правосудие основано на тех же началах нейтральности посредника (ведущего программ) и самоопределения сторон, но принципиальная его новизна состоит в установке используемых здесь процедур посредничества на помощь **в исцелении людей и восстановлении отношений, в возрождении сообществ, преодолении различных форм отчуждения**. Марк Умбрайт называет это «гуманистической моделью» посредничества [46]. Именно такая направленность программ ВП дает возможность проводить их по криминальным случаям.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Вопрос ответственности нарушителя, имеющий в уголовных конфликтах свою специфику, решается, в частности, за счет социально-психологических механизмов «воссоединяющего»,

	<p>При этом цели примирения по уголовным делам не исчерпываются заключением соглашения и возмещением ущерба, что характерно для решения гражданских споров. Программы восстановительного правосудия отличаются комплексностью, оказывая влияние на личность как жертвы, так и нарушителя, их общий гуманитарный эффект.</p> <p>Комментарий редактора: Посредничество в уголовных конфликтах Программы восстановительного правосудия отличаются комплексностью, оказывая влияние на личность как жертвы, так и нарушителя, их общий гуманитарный эффект. Здесь имеет место исходная несимметричность сторон, обязательства лежат на нарушителе.</p>	
--	--	--

а не «клеймящего» стыда¹; альтернативные уголовно-правовым формы ответственности ведут к социальной интеграции преступников, а не к отвержению их обществом. Программы ВП дают возможность учитывать нужды и потребности конкретных людей, исцелять жертв преступлений. Они направлены также на преодоление враждебности и ненависти людей друг к другу, сохранение *общностных отношений* (в том смысле, который в это понятие вкладывал Ф. Теннис²), проявление гражданской активности.

Программы ВП актуализируют традиции общинного способа разрешения конфликтов и криминальных ситуаций, однако современное общество предъявляет определенные требования к процедурам, используемым в рамках ВП: необходимо учитывать специфику индивидуализированного («необщинного») существования в условиях городской жизни.

Нынешнюю социокультурную ситуацию можно в целом определить как поиск и закрепление наиболее результативных методов восстановления отношений между людьми. Без новых средств воссоздания межличностных отношений и связей³, постоянно

¹ Понятия, введенные австралийским криминологом Дж. Брейтуэйтом [39]. – *Прим. ред.*

² «Согласно Теннису, общность является носителем качеств, которые высоко оцениваются как обыденным сознанием, так и многими моральными системами: к ним относится, прежде всего, человеческая близость, готовность прийти на помощь... Общностным социальным отношениям чужд расчет, те, кто в них включен, чувствуют себя в безопасности, защищенными, но в то же время связанными моральными обязательствами перед отдельными членами общности и всей общности в целом» [18, с. 205].

³ Приведем пример, как старейшины разрешали конфликты в русской деревне периода XIX – начала XX века. «В начале века по заданию Российского Сената в сельскую местность были посланы молодые адвокаты с целью разобраться с тем, как осуществляется общинное правосудие. Адвокат описал следующий случай. Старейшины судят двух крестьян, между которыми произошел спор из-за участка земли. В результате было принято решение: «А прав, а Б не прав. Поэтому А получит две трети, а Б одну треть участка земли». На это молодой адвокат замечает: «Если А прав, то он должен получить всю эту землю, а если нет, то он вообще не может получить эту землю.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних разрушающихся под давлением социальных обстоятельств и конфликтов, человечество не сможет выжить. Направления поиска нередко связывают с укреплением государственности, возрождением духовного, в первую очередь религиозного, начала в человеческих взаимоотношениях. Хотелось бы подчеркнуть, что наряду с этим создание условий для деятельности по восстановлению взаимоотношений и преодолению последствий конфликтов и криминальных ситуаций должно стать важнейшим ориентиром для преобразований в работе правоохранительных органов и судов, а также основой социальной политики.

§ 3. Основные понятия, принципы и типы программ восстановительного правосудия¹

3.1. Понятие преступления в карательном и восстановительном правосудии

Важнейшей предпосылкой для оформления идеи и становления практики ВП явилась критика способа, присущего официальному уголовному правосудию².

Какие понятия определяют этот способ? Прежде всего, понятие *преступления*. Согласно ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим

Как можно принимать такое решение, как Ваше?» Старейшина же ему отвечает: «Земля – это только земля, а им жить в одном селе до конца жизни»». (Цит. по [34, с. 170].)

¹ Автор благодарит С.А.Пашина за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки параграфа к печати.

² Понятие «правосудие» обычно трактуется как осуществляемая от имени государства деятельность судов по рассмотрению гражданских, уголовных и других дел. Мы будем использовать более широкое толкование правосудия как осуществления справедливости (справедливого разрешения конфликтной или криминальной ситуации), относя сюда работу судов, правоохранительных органов, социально-реабилитационных служб.

Кодексом под угрозой наказания». Фактически, преступление – это акт, совершенный против правил, принятых государством. В свое время такое понимание преступления было безусловно прогрессивным и служило для защиты прав граждан. В раннем средневековье, когда людей нередко арестовывали и ссылали по произволу чиновников, нужно было регламентировать процедуры лишения свободы. В результате именно нарушение нормы закона стало важнейшим основанием применения санкций. Уже в XIV веке в Англии существовала практика доставления арестованного к судье, который решал, оставить обвиняемого под стражей или отпустить под залог. В XVII веке там был принят Акт, запрещающий подвергать лицо аресту без решения судьи («Habeas Corpus Act»).

Юридические основания ареста предполагали классификацию преступлений и систему соответствующих им мер наказания. Решению этих задач (классификации и ранжирования преступлений) посвящали свои работы выдающиеся юристы XVII – XVIII веков [2]. При классификации нарушений установленного порядка по степени их важности на первом месте оказались «нарушения, наносящие вред непосредственно обществу, а на последнем – самые незначительные нарушения прав частного лица» [2, с. 85].

Когда началась такая работа, возникли новые проблемы. Первая заключалась в том, чтобы регламентировать деятельность тех, кто применяет законы. С постановки этого вопроса зародилась дисциплина уголовно-процессуального права¹. Второй вопрос: как учитывать в процессуальном смысле специфику деяний. Сами уголовно наказуемые деяния стали делить на проступки и преступления. Разным деяниям стал придаваться разный процессуальный статус, и возникли исследования в области дифференциации уголовного процесса. Третьей

¹ Некоторые юристы считают исполнение надлежащей правовой процедуры основным признаком функционирования правовой системы.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
проблемой стало определение критериев криминализации деяний.

Преступление, с точки зрения ряда криминологов, есть определенная юридическая конструкция. То, что подпадает под признаки преступления, исторически меняется. Более того, есть действия, которые ни один человек, будучи в здравом уме и твердой памяти, никогда не будет квалифицировать как преступные, хотя формально они могут содержать все признаки преступления. Красиво выразил эту точку зрения Нильс Кристи:

«Возьмем детей. Своих и чужих. С большинством из них бывают случаи, когда их поведение с точки зрения закона можно назвать преступным. Скажем, из кошелька пропали деньги. Сын не говорит правду, по крайней мере – всю правду, где он провел вечер. Он колотит своего брата. Однако в таких случаях мы не применяем категории уголовного права. Мы не называем детей преступниками, равно как не называем их действия преступлениями. Почему? Просто потому, что это кажется несправедливым. Почему несправедливым? Потому, что мы слишком много знаем. Мы знаем ситуацию в целом – сыну отчаянно нужны были деньги, он влюбился первый раз в жизни, брат дразнил его так, что невозможно было терпеть, – то есть его поступки объяснимы, и тут нечего добавить с точки зрения уголовного права. И своего сына мы прекрасно знаем по тысячам его поступков. При условии исчерпывающего знания юридические категории слишком узки. Сын действительно взял эти деньги, но мы помним множество случаев, когда он щедро делился деньгами или сладостями, мы помним о его сердечности. Он действительно стукнул своего брата, но куда чаще утешал его. Он действительно солгал, но по своей натуре он глубоко правдив.

Таков он. Но это не обязательно верно в отношении мальчика, который вот сейчас переходит улицу.

*Действия не являются, а **становятся** теми или иными. То же и с преступностью. Преступлений как*

таковых не существует. Некоторые действия становятся преступлениями в результате долгого процесса придания смысла этим действиям» [12, с. 20–21].

По мнению С.А.Пашина, квалификация каких-либо действий как «преступлений» – орудие власти предержавших:

«Зачем государи и представительные органы занимаются криминализацией деяний? В самом общем виде – для укрепления собственной власти, для обеспечения контроля над территорией и подданными, для решения текущих задач управления (скажем, сбора из заключенных гигантских трудовых армий или же, во время войны, штрафных подразделений), для демонстрации верности идеологическим столпам государственного устройства: царь православный санкционирует введение норм против совращения единоверцев в ересь и язычество, Политбюро ЦК КПСС – положений, направленных против коммерсантов... Критерием «общественной опасности» криминализируемых деяний оказывается позиция органа верховной власти, однако нет гарантий, что монархи и парламенты в первую очередь заняты выявлением этого так называемого «объективного свойства» и что в их руках находится достаточно точный инструмент, пригодный для такой работы; подвластные же вынуждены смиряться с голосом силы, как если бы устами правителей говорила правда» [22, с. 135].

Существует ли преступление объективно? На этот счет есть разные криминологические концепции. Интересна точка зрения Джона Брейтуэйта. Опираясь на данные многочисленных эмпирических исследований, он утверждает, что у большинства людей совпадает оценка тяжести большого количества самых разнообразных преступлений. Эта оценка касается таких криминальных действий, где преступник как «хищник» охотится на

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
жертву (Брейтуэйт называет их «насильственно-хищническими» преступлениями) [39].

Но, даже признавая нетерпимость деяний, которые квалифицируются как преступные, остается вопрос о способе реагирования на эти деяния. Как пишет Х. Зер, когда официальное правосудие имеет дело с преступлением, оно исходит из ряда предпосылок, определяющих реакцию на него:

- «1) виновность должна быть установлена;
- 2) виновный должен «получить по заслугам»;
- 3) справедливое возмездие предполагает страдания;
- 4) критерием правосудия является надлежащая правовая процедура;
- 5) действие подпадает под категорию преступления только в том случае, когда имеет место формальное нарушение закона» [8, с. 78].

«В юриспруденции понятия преступления и виновности облакаются в особые формы и трактуются иначе, чем их переживают пострадавший и преступник. Вердикт суда о признании подсудимого виновным может очевидным образом и не отражать настоящее преступление. Нередко складывается впечатление, что судебная трактовка виновности-невиновности имеет мало отношения к тому, что произошло реально» [8, с. 80].

Такое представление о виновности и справедливом возмездии имеет, по мнению Х. Зера, свои философско-антропологические предпосылки:

«Возможно, подобный взгляд на виновность и ответственность неизбежен в индивидуалистическом обществе, основанном на конкуренции, где людей оценивают в соответствии с их материальным и общественным успехом, а достижения или поражения рассматриваются как личное дело каждого. Люди оцениваются с точки зрения их доступа к богатству и власти. Считается, что те, кому не удастся достичь

соответствующего уровня, сами в этом виноваты. Они не просто потерпели неудачу, они стали неудачниками. То же касается и вины. Вина определяется как личное поражение. Контекст поведения игнорируется. Правонарушитель стоял перед выбором и, сделав неправильный выбор, отнесен к категории виновных» [8, с. 86].

Когда виновность установлена, виновному назначают наказание, дальше следует его исполнение. Но в этом случае правонарушитель чаще всего уходит от осознания своей ответственности, а чувства и переживания жертвы игнорируются.

Установление виновности и назначение наказания фактически происходят в стратегии отождествления преступления и человека, его совершившего. В официальном российском правосудии – даже если подсудимый не приговаривается к лишению свободы – вся процедура построена на его отвержении (клеймении). Формальный язык судебного процесса, клетка, где находится подсудимый, форма обращения с ним – все это демонстрирует, что человек, оказавшийся на скамье подсудимых, попал в особое пространство, специфику которого задают **знаки клеймения, отвержения и позора**, создающие непроходимую границу между ним и законопослушными гражданами. Это зачастую приводит к тому, что он ищет такую референтную группу, где может найти понимание и сочувствие. Если он избирает группу криминальной направленности, та помогает ему оправдать свои действия. Тем самым процедуры уголовной юстиции, выталкивая из общества тех, кто нарушил уголовный закон, помещая их в тюрьмы, где объединяются отверженные и заклеянные, содействуют устойчивости криминальных сообществ. Задача тюрьмы – организовать и привести к единому знаменателю неоднородную массу людей¹.

При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов необходимость реагирования на криминальные действия,

¹ Роль тюрем в воспроизводстве преступности исследуется в работе Мишеля Фуко [30].

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

которые мы называем преступлениями. Однако, по мнению С.А.Пашина, с учетом тех неотвратимых последствий, которые влечет за собой квалификация деяния как преступления, оно может объявляться преступным лишь после анализа судом всех обстоятельств дела, показывающих необходимость применения к данному лицу мер уголовной репрессии.

*«Речь идет не о том, чтобы даровать суду право признавать деяние преступным, исходя из принципа «революционной целесообразности», а, напротив, о том, чтобы разрешить ему объявлять нарушение уголовного закона **непреступным**, если суд не видит смысла в применении наказания, ущерб возмещен и т.п.»*[22, с. 143].

Урбанизация и сегментация социальной жизни (когда люди знают друг друга, только исходя из отдельно выполняемых ролей) содействуют повышению роли государства в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций.

Продолжим обсуждение этой темы – темы государственной «монополизации» конфликтов, – начатое в предыдущем параграфе. Как утверждает судья из Юкона (Канада) Барри Стюарт, сопоставляя нынешние эксперименты в правосудии, содержание которых восходит к древним традициям практически всех народов, с устоявшейся и кажущейся сегодня само собой разумеющейся системой,

«лишь за последние два столетия наше общество переместило ответственность за решение конфликтов из местных сообществ в руки профессионалов и государства. Именно официальная система правосудия является «новым» экспериментом в решении конфликтов. Экспериментом частично неудавшимся, так как претендовал на слишком многое. Взяв на себя чрезмерную ответственность за урегулирование конфликтов в местных сообществах, профессиональная система правосудия опустошает местные сообщества,

подрывает их способности в разрешении местных конфликтов и отбирает у них бесценный для любого сообщества строительный материал – активное участие в позитивном урегулировании конфликтов» [45].

Карательная и полностью профессионализирующая организация процесса затрудняет социальную реинтеграцию правонарушителей. Места лишения свободы усугубляют их отчуждение от законопослушного общества; ужесточение наказаний, объединяя в колониях и тюрьмах все большее количество правонарушителей, содействует воспроизводству криминальной субкультуры. Чем больше населения проходит через места лишения свободы, тем больше это способствует распространению терпимости к преступному поведению, усилению враждебности к работникам правоохранительных органов и судов, закреплению ориентации населения на криминальные авторитеты как образцы поведения, на силовое разрешение конфликтов как нормы повседневной жизни. В рамках господствующей парадигмы уголовного процесса почти невозможно добиться ответственного поведения правонарушителя, хотя принято говорить, что тот, кто совершил преступление, должен нести ответственность. Если правонарушителю назначается наказание, он скорее считает себя *жертвой* обстоятельств и уголовного правосудия, нежели осознает причиненное им зло другому человеку. И практически ничего не делает для устранения негативных последствий содеянного.

Понимание, что есть немало случаев, когда применение уголовной репрессии не только бессмысленно, но и вредно, приводит к иному видению криминальной ситуации. В ней находятся новые грани, в частности ее собственный ресурс (потенциал самих участников) в поисках выхода, компенсации негативных последствий и предотвращения подобного в дальнейшем. Такой взгляд присущ восстановительному правосудию. **Преступление здесь понимается как причинение вреда конкретному человеку (группе), как насилие**

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

над людьми и отношениями. Приоритетом и одновременно принципом восстановительной юстиции является признание несправедливости, совершенной по отношению к жертве, и возникновение у обидчика обязательств по возмещению нанесенного им ущерба. Если обвиняемый приговаривается к лишению свободы, то возместить ущерб он практически не может. По мнению многих специалистов, жертвы терпят двойной ущерб – сначала от преступления, затем – от официального правосудия. Наряду с материальным ущербом многие жертвы остаются с вопросами, которые мучают их годами: «почему я?», «повторится ли это со мной?», «не я ли виноват в этом?», «что я ему сделал?». Страх, чувство горя, беззащитность, недоверие к людям, самообвинения в течение долгого времени могут преследовать жертву.

Одним из базовых принципов современного судопроизводства является состязательность. Этот принцип предполагает равенство сторон перед судом, их стремление доказать свою правоту, а также делегирование полномочий по защите и обвинению профессиональным юристам. Когда мы говорим об организованной преступности, серийных убийствах, патологическом насилии, состязательность необходима, чтобы каждое обвинение было доказано. Однако очевидно, что в других случаях (например, так называемой бытовой преступности) состязательность исключает возможность нормализации отношений между сторонами. Более того, реализация этого принципа может углубить раскол между людьми, сеять недоверие и страх, содействовать дополнительным травмам жертвы и принуждать правонарушителя к стремлению всеми средствами «выгородить» себя.

**Комментарий редактора:
Принцип состязательности в «карательном»
правосудии**

Состязательность обеспечивает равные возможности обвинения и защиты по отстаиванию своих интересов. В истории уголовного процесса состязательной форме противостоит «инквизиционная» – такая, при которой функции обвинения, защиты и рассмотрения дела по существу соединены и возложены на одного носителя – суд. В этом случае суд неизбежно превращается в покровителя одной из сторон и, как показывает практика, чаще всего – обвинения. Постсоциалистическое развитие российского уголовного процесса связано с укреплением принципа состязательности, который является условием независимости суда и гарантирует право обвиняемого на защиту.

Будучи необходимым условием правосудия, ориентированного на наказание (**условием справедливости «карательного» правосудия**), состязательность усугубляет конфликт между сторонами и отнюдь не способствует раскаянию преступника. Но отказаться от нее можно, **только отказавшись от карательной модели вообще.**

3.2. Реакция на преступление

Потребности жертв. Восстановительное правосудие начинает осмысливать вопрос о реакции на преступление как вопрос о **возмещении вреда, нанесенного жертве.** По мнению Ховарда Зера,

«жертвы проходят через три кризиса, три цикла, накладывающихся друг на друга. Существует кризис личности: что я за человек? хозяин ли я своей жизни? в состоянии ли я любить, если я так зол? Есть кризис взаимоотношений: кому я могу доверять, могу ли я доверять своим друзьям, могу ли я доверять своим соседям, могу ли я доверять своему партнеру в жизни? ... И третий кризис – это кризис понимания: что это за мир, в котором мы живем?

...У жертв преступлений есть потребности, которые должны быть удовлетворены системой правосудия...

Одной из них является чувство безопасности. Пострадавшие хотят знать, какие шаги будут предприняты, чтобы преступление не повторилось.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Это еще и эмоциональная безопасность, когда жертвы могут излить свое горе и гнев и рассказать о своих потребностях.

Вторая потребность жертв во всем мире, удовлетворения которой они ждут от системы правосудия, – это возмещение ущерба, компенсация потерь. Часто они понимают, что потери невозможны, но иногда важна символическая компенсация, сознание того, что кто-то взял на себя ответственность, возместив ущерб.

Третья потребность жертвы, и исследования в ряде стран ставят ее на первое место, состоит в необходимости получить ответы на вопросы о том, что же произошло на самом деле. Жертвы хотят знать, почему был выбран именно их дом, имеет ли преступник что-то против них лично...

Четвертая потребность жертвы – рассказать о случившемся, излить свои чувства...

Пятая потребность состоит в необходимости вернуть власть над собственной жизнью. Правонарушитель отнял у пострадавшего эту власть, совершив преступление. Он забрал эту власть физически, ворвавшись в его дом или взяв его в заложники. Он забрал эту власть эмоционально, когда пострадавший настолько зол, что не может справиться с собой, не может контролировать себя. Жертве нужно вернуть эту власть, хотя бы символически» [9, с. 117-118].

Ответственность правонарушителя.

Восстановительный подход иначе, чем в официальном правосудии, трактует понятие ответственности. Принять ответственность – значит в полной мере осознать последствия содеянного, предпринять меры по возмещению причиненного вреда, а также определить такую стратегию дальнейшей жизни, которая исключала бы криминальные способы решения проблем. Причиной многих преступлений становятся отсутствие взаимопонимания, черствость и неумение сопереживать, неадекватная самореализация и стремление к повышению статуса в референтной группе любыми средствами, личная неустroенность и неспособность в одиночку избавиться от тех или иных зависимостей.

Конструктивное обсуждение проблем правонарушителя и помощь ближайшего окружения в их решении создают условия для нормального возвращения человека в общество.

Принципы организации процесса. В правосудии, имеющем целью восстановление людей и отношений, другой принцип организации процесса. В отличие от существующих моделей официального уголовного правосудия восстановительное правосудие строится **на принципе самоопределения сторон, т.е. передачи самим сторонам полномочий для поиска и принятия взаимоприемлемого решения.** Передача полномочий базируется на таком важнейшем ресурсе, как стремление людей договориться. Такое стремление часто оказывается неактуализированным: барьеры взаимной подозрительности, агрессивные и властные привычки, нагнетание криминальной истерии со стороны масс-медиа мешают людям самостоятельно и конструктивно разрешать конфликты, в том числе криминальные. Поэтому этот ресурс нужно специально задействовать. В программах ВП это становится возможным благодаря участию третьего лица – ведущего (посредника), который создает условия для того, чтобы люди нормализовали свои отношения и сами нашли выход.

Еще одним **принципом** восстановительного правосудия является **привлечение ближайшего социального окружения и представителей местного сообщества** для восстановления жертвы и поддержки правонарушителя в действиях по возмещению ущерба и изменению своего поведения.

Практические формы. Реализация восстановительного подхода предполагает использование специфических форм организации процесса.

Типологической единицей (формой) работы является **программа ВП.** Ядро таких программ составляет **встреча жертвы и правонарушителя,** предполагающая их добровольное участие. В 70-е годы – после того как

Комментарий редактора:

Программы восстановительного правосудия

В литературе по ВП термин «программа» используется как минимум в трех значениях:

1) как типологическая единица работы по восстановительному правосудию (программа примирения жертв и правонарушителей, семейная конференция, «круги правосудия» и т.п.);

2) как организационная структура (общественная организация, подразделение, служба примирения), которая, действуя в рамках восстановительного подхода и кооперируя свою деятельность с системой официальной юстиции, специализируется в разрешении криминальных и других конфликтных ситуаций (в этом значении следует понимать словосочетание «сотрудники программы»);

3) как восстановительная работа по конкретному делу.

Соответственно, в каждом случае значение слова определяется из контекста.

успешно прошли первые программы в Канаде и США – такие, специально организованные, встречи получили название «программы примирения жертв и правонарушителей», или коротко «программы примирения».

В первую очередь, встречи ориентированы на удовлетворение потребностей жертвы: возмещение ущерба, восстановление чувства безопасности, возможность поделиться личной историей и быть услышанной, получить ответы на волнующие вопросы. Вторая задача встреч – создать условия для принятия ответственности правонарушителем: он должен совместно с жертвой принять решение о размере и форме возмещения ущерба. Третья задача – привлечь ближайшее социальное окружение для помощи и поддержки в этих процессах. Гуманитарный эффект встречи состоит в осознании правонарушителем последствий содеянного, нормализации состояния жертвы, в возвращении людям возможности самостоятельно решать свои конфликты. Прагматический результат состоит в достижении

договоренности участников о способе выхода из ситуации и возмещении ущерба.

Встречи основаны на персонально ориентированном диалоге, где на первое место ставятся сочувствие и сопереживание, выслушивание и поддержка. Непременным условием является нейтральность ведущего, которая в программах ВП трактуется особым образом. Вот как раскрывает эту специфику Марти Прайз:

«Необходимость внимательно относиться к нуждам жертвы требует прямого признания той несправедливости, которая была совершена по отношению к ним. Нужно говорить жертвам следующее: «Да, Вам причинили зло», «это не должно было произойти с Вами», «в этом нет Вашей вины», «Вы этого не заслуживаете». Под процессом оказания помощи правонарушителю в осознании своей ответственности часто подразумевается, что мы должны способствовать признанию им своего преступления, а также, что он за это преступление в ответе. Мы беспристрастны относительно людей: мы работаем равно как для жертвы, так и для правонарушителя. Но что касается самого правонарушения, мы не нейтральны. Вот в чем заключается совершенно иная, особая форма нейтральности» [44].

Ведущий устанавливает правила (не допускать оскорбительных выражений, слушать друг друга, говорить по одному), соблюдение которых позволяет сохранить доброжелательную атмосферу. Его задача – облегчить переговоры и перевести поток взаимных обвинений в признание несправедливости сложившейся ситуации. За счет коммуникативных техник, умения работать с сильными эмоциями и других навыков ведущий помогает сторонам выразить свои чувства и одновременно способствует снижению агрессивности. Преодоление стереотипов, возможность увидеть друг в друге переживающих и сочувствующих людей являются главными условиями исцеления жертвы, достижения

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
взаимоприемлемого соглашения, а также принятия и реализации правонарушителем плана по исправлению ситуации.

Встречи жертвы и правонарушителя исключают клеймение, как это обычно происходит в официальном уголовном процессе, где обвиняемому внушают, что порочно не только его поведение – порочен он сам. Осужденному чрезвычайно сложно вернуться в общество: на нем лежит клеймо преступника. В противоположность этому программы ВП создают условия, в которых правонарушитель может испытать чувство *реинтегрирующего (воссоединяющего) стыда*. Согласно концепции Дж. Брейтуэйта, внушение *воссоединяющего стыда* – не оправдание негативных действий обидчика, но попытка донести до него боль жертвы с одновременным пониманием окружающими его собственных проблем. Такое понимание предполагает помощь близких людей и сообщества в компенсации нанесенного ущерба и исправлении нарушителя.

«Внушение стыда по воссоединяющей модели – это такое выражение общественного неодобрения (от мягкого упрека до церемоний снижения статуса), за которым непременно следуют жесты обратного принятия преступника в общину законопослушных граждан» [39].

Воссоединяющий стыд способствует возвращению человека в общество и помогает получить поддержку в этом процессе.

Обсуждение криминальных ситуаций на встречах жертвы и правонарушителя обнажает также проблемы бедственного положения тех или иных групп населения, пробелы в социализации молодежи, которые можно восполнить, привлекая к разрешению данных проблем эти группы, власть и позитивных лидеров местных сообществ [43].

Содержание принимаемого на встрече соглашения не навязывается со стороны, а формулируется на основе предложений участников, что является фактическим

гарантом его выполнения. Ход встречи и план по разрешению ситуации (в том числе и шаги, направленные на изменение образа жизни правонарушителя) отражаются в договоре.

Сегодня в мире используются разнообразные программы ВП.

- **Программа примирения жертв и правонарушителей** (*Victim-Offender Reconciliation Program – VORP*), известная также под названием «медиация жертв и правонарушителей» (*Victim-Offender Mediation – VOM*), – самая распространенная программа.

- **«Круги правосудия»** (*Sentencing Circles*) основаны на традициях североамериканских индейцев и проводятся преимущественно в Канаде.

- **«Семейные конференции»** (*Family Group Conferences – FGC*) появились в Новой Зеландии и базируются на традициях коренного населения маори.

Особенность двух последних программ состоит в привлечении представителей местных сообществ и социального окружения сторон: родственников, друзей. Могут быть приглашены социальные работники, адвокаты, полицейские. Решения здесь принимаются в результате обсуждений и при достижении консенсуса. В системе ювенальной юстиции Новой Зеландии в соответствии с законодательством 1989 г. большинство дел, касающихся несовершеннолетних (за исключением ряда насильственных преступлений), передаются на «семейные конференции». В 90-е годы этот опыт распространился и закрепился в Австралии.

- **«Челночная» медиация**, когда стороны не встречаются, но достигают соглашения с помощью посредника.

- **Восстановительные программы по особо тяжким преступлениям**, ориентированные не столько на юридические последствия, сколько на гуманитарные эффекты.

На европейском и американском континентах наиболее распространенной остается программа примирения, предполагающая встречу правонарушителя

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

и жертвы «лицом к лицу». Однако в настоящее время в ряде американских организаций вместо термина «программа примирения» стал использоваться термин «конференция жертв и правонарушителей». Смена термина была подготовлена анализом опыта проведения программ. Вот как описывают причины появления нового названия Ховард Зер и Лорейн Стутсман Амстутс:

«По мере развития программ возникало ощущение, что жертвам трудно воспринимать слово «примирение»... такая терминология препятствует участию жертв, так как на этом этапе (они еще и не помышляют о примирении) у них еще не возникают чувства, связанные с примирением. Довольно трудно объяснить, что никого не принуждают к примирению, а просто процесс позволяет к этому прийти. В то время многие программы стали использовать название «медиация жертвы и правонарушителя» (VOM), а не «программа примирения жертвы и правонарушителя» (VORP).

В последние годы некоторые программы стали использовать термин «конференция жертвы и правонарушителя» вместо «медиации» или «примирения». Слово «конференция» избавляет жертв от дискомфорта, вызванного словом «примирение», и не подразумевает только переговоров о понесенном ущербе, когда они слышат термин «медиация» (посредничество). Конференция говорит о процессе, в котором принимают участие. Это слово более гибкое, так как может предполагать разное количество участников, в том числе и местное население, если есть необходимость. Медиация иногда рассматривается как метод, принадлежащий определенной культуре, а в слове «конференция» это также отсутствует. В области медиации жертвы и правонарушителя термин «конференция» впервые был употреблен вместе с использованием «семейных конференций», в которых принимают участие разные группы людей. По этой причине мы решили принять термин «конференция жертвы и правонарушителя» в

качестве общего термина для подходов, которые обеспечивают встречу жертв, правонарушителей и других заинтересованных лиц в процессе, осуществляемом одним или более фасилитаторами» [38].

В России используется термин «программа примирения жертв и правонарушителей», поскольку слово «конференция» ассоциируется, прежде всего, с научными конференциями. Иногда мы называем эту программу «встреча жертвы и правонарушителя», что имеет смысл употреблять ведущим при предварительных контактах со сторонами.

§ 4. Восстановительное правосудие: от замысла к практической деятельности

4.1. Роль методических разработок в становлении новой практики

Восстановительное правосудие – это область практики, которая находится в процессе становления. Предмет, цели и техники деятельности здесь пока не превращены в нормы, которые передаются в своей определенности из поколения в поколение, как это происходит во многих других областях. Традиции восстановительной юстиции, в том виде как она существует сегодня, пока нет, ведение работ с конкретными случаями во многом зависит от отдельных лиц (посредников, ведущих), их уникального искусства и отрефлектированного опыта. Но это не означает, что пока нет и не может быть общего обоснованного ответа на вопрос о том, каков потенциал ВП и достигаемые здесь результаты. Такой обобщенный ответ может быть дан, и он будет носить не гипотетический, а проектный и методологический характер.

Если схематично проследить историю становления всей этой области, то можно выделить два этапа. На

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

первом этапе функции и назначение восстановительной юстиции в обществе определялись во многом неявно – через указание на разрывы и накопившиеся проблемы в различных сферах общественной жизни и необходимость их преодоления. В первую очередь общественные лидеры и исследователи указывали на три сферы: уголовное правосудие, обслуживаемое карательной доктриной и тюремным наказанием (например, [8; 11]); жизнь местных сообществ (community) [13], а также сферу неформального социального контроля за отклоняющимся и преступным поведением [11].

Следуя за Катлин Дали и Русс Иммерижеон [41], хронологические рамки первого этапа можно соотнести с развертыванием в США борьбы за гражданские права и женское движение 1960-х годов. Движение за гражданские права базировалось, в том числе, на критике расизма в полиции, в тюрьмах и судах: непропорционально большая часть афро-американцев и представителей других расовых и этнических меньшинств находилась в заключении. Во многом именно с этим обстоятельством была связана антитюремная кампания, включавшая в себя борьбу за права заключенных и за создание альтернативы тюремному заключению. К этому добавлялись протесты индейского населения против белого колониализма в США, которые также включали критику тюремной системы; аналогичная критика звучала среди коренных народов Австралии, Канады, Новой Зеландии и Южной Африки.

«Весьма активным было и женское движение. В 1970-х кампания против насилия в отношении женщин была центральным элементом феминистского движения, и феминистские группы были в числе первых призвавших обратить внимание на неправильное обращение с жертвами в уголовном процессе. Активисты феминистского движения также были вовлечены в кампании за права заключенных. Таким образом, активисты социальных движений первыми обратили внимание на слишком строгую, нацеленную на суровое и длительное тюремное

заклучение политику в отношении правонарушителей и на недостаточное внимание к чувствам и переживаниям жертв в судебном процессе. Хотя правонарушители и жертвы часто рассматриваются в судебной системе как антагонисты, они все больше стали видеть друг в друге носителей общего опыта несправедливого и безответственного обращения в рамках уголовного правосудия» [41].

Сам выбор этих проблемных зон в обществе позволяет связать восстановительное правосудие с реакцией на криминальные ситуации и необходимостью прервать цикл насилия, развивающийся из этих ситуаций.

В ходе первого этапа своей истории восстановительная юстиция понималась как такая форма деятельности, в которой нуждается общество в целом, чтобы найти выход из накопившихся в нем противоречий и проблем.

Отсчет второго этапа становления этой области можно вести с момента оформления достаточно **целостной методики**, определяющей, как строить работу по преодолению последствий и разрешению конкретных криминальных ситуаций. Если нельзя задать цели, предмет и технику работы восстановительной юстиции, ограничившись лишь указанием на ее традицию, «восстановление отношений» – как фундаментальная цель – может быть достигнуто, только если будут **сконструированы и организованы конкретные формы деятельности**, в которых это станет осуществимым. Такие формы получили название **программ восстановительного правосудия**. Для решения задачи конструирования новой деятельности и иницируются методические и методологические разработки и строятся описания, которые раскрывают содержание таких программ.

Начало второго этапа можно датировать 1982-м годом – временем, когда был опубликован опыт первого в США проекта организации встреч жертвы и правонарушителя – проекта, разработанного в 1978-79 гг. в Элксарте (штат Индиана). Именно тогда была

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

описана форма практической деятельности, которая позже получила название *программа примирения жертвы и правонарушителя* [8, с. 184-203]. Эта форма сегодня является наиболее распространенной и занимает ведущее место в перечне программ ВП.

Сегодня в известной нам литературе можно найти:

а) общие положения, регламентирующие программы ВП и разработанные в концептуальных и технических представлениях различных гуманитарных дисциплин и психотерапевтических школ [40; 46];

б) руководства для ведущих, содержащие систематизацию правил подготовки и ведения восстановительных программ [38, 42];

в) анализ общих принципов и норм, которым подчиняются восстановительные программы [47];

г) организационные и правовые стандарты, рекомендованные международным сообществом [23].

Таким образом, в ходе второго этапа практика восстановительного правосудия меняется (впервые устанавливается как таковая) в связи с разворачиванием методологической и методической работы, нормирующей и совершенствующей практическую деятельность.

Эти изменения легко проследить. Сегодня проведение программ ВП уже не похоже на тот случай 1974 года в Канаде, который различные источники описывают как начало движения.

Описан этот случай и Х. Зером. «28 мая 1974 г. два юноши из Элмиры (Онтарио) признали себя виновными в актах вандализма, совершенных на территории двадцати двух частных владений... За несколько дней до суда группа христиан встретила для обсуждения того, как христианам следует реагировать на магазинные кражи». В этих обсуждениях принимали участие Марк Йантци, представитель службы пробации, готовивший материалы для суда по этому делу, и Дейв Уорт, координатор добровольческой службы Меннонитского Центрального Комитета¹ в Китченере (Онтарио). Тогда же между ними

¹ Меннонитский Центральный Комитет (Mennonite Central Committee - MCC) - гуманитарное агентство, которое было создано в 1920 г. в качестве временного координатора поставок гуманитарной помощи Югу России от имени Меннонитских Церквей США и Канады. В 1921 г., благодаря подписанию официального соглашения Комитет стал работать в тесном

возникло согласие в том, что было бы хорошо, если бы преступники могли встретиться с пострадавшими. Преодолев внутренние колебания, Марк обратился к судье с предложением устроить встречу преступников с жертвами с последующим возмещением ущерба. «Судья ответил, – пишет Зер, – как и следовало ожидать: «Это невозможно». Однако, к удивлению Марка и Дейва, когда подошел срок вынесения приговора, судья распорядился устроить встречу между преступниками и пострадавшими для решения вопроса о возмещении ущерба. В сопровождении сотрудников службы пробации или добровольцев-координаторов юноши посетили дома почти всех жертв, за исключением двоих, которые переехали на новое место

контакте с Администрацией Американской Благотворительности (American Relief Administration). Эти проекты завершились к 1926 г., но в последующем работа расширилась в контексте поствоенных трансформаций Европы (переселение беженцев и пр.) и распространилась в сферы образования, здоровья, в развитие третьего мира, создание рабочих мест, совершенствование сельского хозяйства, в социальную сферу, разрешение конфликтов, миротворчество. Сегодня в МСС примерно тысяча волонтеров в 50 странах и программы, в которые вовлечены около 75 стран. МСС можно рассматривать как лабораторию или «инкубатор», порождающий инновационные программы, которые затем «выталкиваются» и начинают жить собственной жизнью. Программы примирения жертвы и преступника возникли в 1970-х благодаря работе МСС в Индиане (США) и Онтарио (Канада), где волонтеры стали работать в тесном контакте с работниками службы пробации. В 1979 г. программы примирения были включены в рамки зонтичной организации Prisoner and Community Together (РАСТ), причем Ховард Зер в то время стал директором местной программы примирения в Элкхарте (Elkhart, Indiana). Он также возглавлял Отделение Преступления и Правосудия в МСС (США), определяя деятельность Комитета в сфере уголовной юстиции.

В настоящее время МСС является основным партнером Центра «Судебно-правовая реформа», поддерживающим укоренение программ восстановительного правосудия в России.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

жительства. Был урегулирован вопрос о размере возмещения, и в течение нескольких месяцев состоялась выплата...

В деле Элмиры подход был примитивным. «Мы были достаточно бестактны, – вспоминает Марк. – Мы подходили к двери, они (юноши) стучались. Мы отступали в сторону, держа наготове свои блокноты». К счастью, с тех пор подход был значительно усовершенствован. Развивалась и сама философия, лежащая в основе Программы по Примирению Жертв и Преступников... В настоящее время при значительном разнообразии подходов и наименований подобных программ – в Соединенных Штатах таких программ насчитывается в общей сложности около ста – все они в качестве ведущего элемента примирительной технологии используют посредничество» [8, с. 184-186].

Итак, складывание новой практики можно отнести к концу 1970-х – началу 1980-х. Важно различать отдельные **случаи** проведения встреч между жертвой и правонарушителем и **практику** восстановительной работы. Последняя предполагает принадлежность отдельных случаев к более широкому контексту воспроизводящейся и воспроизводимой (за счет инструментально-методического обеспечения) деятельности, целостность которой удерживается благодаря пониманию всеми участниками ее общественно-значимой миссии.

Методика, появившаяся в конце 70-х, предполагала, что ключевым элементом новой формы деятельности должно стать посредничество между жертвой и правонарушителем. Отсюда сама форма работы получила название не только «программа примирения жертвы и правонарушителя», но и «программа посредничества между жертвой и правонарушителем».

В ходе встреч жертвы и правонарушителя «лицом к лицу» акцент ставится на трех элементах: **фактах, чувствах и соглашениях**. Чтобы это произошло, подготовка и проведение встречи стали передаваться в руки специально подготовленного ведущего (посредника).

«Ведущие встреч, или посредники, представляя нейтральную сторону, играют очень важную роль в

этом процессе. При подготовке будущих ведущих их учат не навязывать собственное видение проблемы или свои решения. Ход встречи предполагает наличие особого плана, и, тем не менее, именно участникам, а не ведущим встречи, предоставляется решающее слово. Обеим сторонам предлагается высказать собственную версию события. Каждая из сторон получает возможность задать вопросы и уточнить у своего визави, что же все-таки, по его мнению, произошло. Далее они обсуждают значение и последствия случившегося. После этого стороны вместе решают, что в связи с этим следует предпринять. Приняв совместное решение, они подписывают соглашение. Часто содержанием такого соглашения становится решение о материальном возмещении ущерба. Но это не единственная возможность» [8, с. 187–188].

Роль ведущего в такой программе состоит не только в придании ей последовательности, но и в преодолении деструктивной эмоциональной напряженности участников. Отчасти этому служит особая часть программы – **предварительные встречи** ведущего с каждой из сторон по отдельности, где и правонарушитель и жертва получают возможность выразить свои чувства, рассказать свою «историю» и заявить о потребностях. Если стороны дают согласие на встречу «лицом к лицу», то ведущий согласовывает время и место и собирает участников. Чтобы в ходе такой встречи обеспечить атмосферу психологической и физической безопасности для сторон и не стать заложником их эмоционально насыщенного взаимодействия, ведущий, за счет специальной подготовки, может использовать известные из области психотерапии и посредничества в разрешении конфликтов приемы организации коммуникации, активного слушания (позитивное перефразирование, обозначение и признание эмоций, конкретизация и т.п.), техники работы с сильными эмоциями.

На такой методической основе программы примирения позволяют:

- создать условия для получения ответов на волнующие стороны вопросы, для обмена информацией,

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

устранения стереотипов негативного взаимного восприятия и достижения взаимопонимания;

- осуществить действия, способствующие исцелению жертвы, в результате чего ей удастся освободиться от эмоционально-напряженного состояния, получить признание несправедливости случившегося и материальное возмещение причиненного ущерба;

- создать условия для ответственного поведения правонарушителя, принесения им извинений и возмещения ущерба.

В целом стороны получают возможность подвести эмоциональный и фактический итог случившемуся, восстановить справедливость конкретными делами и нормализовать отношения.

В деле Элмиры образца 1974 г. «подход был примитивным» потому, что не предполагал использования посредничества и не отводил никакой значимой роли ведущему (медиатору). Соответственно, не было возможности достигнуть тех результатов, к которым могут привести сегодняшние программы примирения (посредничества) жертвы и правонарушителя и которые могут быть получены именно в силу специальной организации таких встреч.

Важнейшим итогом второго этапа стало упрочение управляющих связей между методическими разработками и восстановительной практикой. Ведущие примирительных встреч (медиаторы) готовы к тому, чтобы строить свою деятельность, опираясь на **методические описания** гуманитарных технологий, лежащих в основе разрешения криминальных ситуаций. С этого момента создаются условия для того, чтобы судить об общих возможностях программ ВП (а не о результатах работы отдельных посредников) и развивать их через изучение истории и развертывание методологических и методических разработок. Эти усилия должны быть направлены на то, чтобы раскрыть структуру общих задач, способов и процедур деятельности, которые применяются к криминальным ситуациям (жертва-правонарушитель-преступление-

последствия) в рамках конкретных форм работы – программ ВП.

4.2. О целях восстановительной практики

Работы норвежского криминолога и социолога Нильса Кристи, обосновывающие восстановительную практику, формулировались не в отраслевом – уголовно-правовом, – а в более широком, общесоциальном контексте.

Попробуем реконструировать это обоснование, опираясь на параллельное чтение двух работ Нильса Кристи – «Пределы наказания» [11] и «Конфликты как собственность» [13].

В работе «Пределы наказания» ход мысли Нильса Кристи связан с разбором существа уголовного наказания:

«Назначение наказания в соответствии с правовыми установлениями означает причинение боли и предназначено именно для этого. Эта деятельность часто не согласуется с такими признанными ценностями, как доброта и способность прощать. Для устранения этого несоответствия делаются попытки скрыть основное содержание наказания» [11, с. 19].

Для сокрытия используются различные способы: словесное вуалирование, отсутствие в уголовном праве и пенологии¹ разделов, где объяснялось бы, каким образом воздействует наказание на наказанного, и т.п. Специалисты уголовной юстиции – этой системы «дозирования и раздачи боли» – поддерживают ее функционирование «в невинной, сомнамбулической изоляции от конфликта ценностей» [11, с. 29]. Именно маскировка, придание причинению боли скрытого характера позволяют обществу увести проблематику наказания от ценностных дискуссий и описаний реальных страданий тех, кто подвергается наказанию. Если раньше в качестве наказания применяли тяжелые цепи, кнут и порку, отсечение различных частей тела,

¹ Пенология – учение о наказании.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
причинение смерти и картина страданий и боли была наглядной, то сегодня, говорит Кристи,

«некоторые тюрьмы выглядят как современные мотели, другие похожи на школы-интернаты. Приличное питание, работа и обучение... – все это выглядит как отдых за счет налогоплательщиков» [11, с. 25].

Но это, разумеется, не так:

«...наказание, назначаемое и исполняемое системой уголовной юстиции, представляет собой сознательное причинение боли. Предполагается, что те, кого наказывают, – страдают. Если бы они, вообще говоря, не страдали, а получали от наказания удовольствие, нам бы следовало изменить метод. В рамках исправительных учреждений те, кого наказывают, должны получать нечто такое, что делает их несчастными, причиняет им вред» [11, с. 26].

Позиция, которую выбирает Кристи, – *«борьба за уменьшение на земле боли, причиняемой людьми» [11, с. 22].* Поэтому надо искать не альтернативные наказания, а альтернативу наказанию как таковому. *«Неизбежна скорбь, а не ад, создаваемый людьми» [11, с. 23].*

Часть вопросов, которые Кристи ставит в «Пределах наказания», рассматриваются в его статье «Конфликты как собственность». Это вопросы о том, какие же общие социальные факторы обуславливают стабильность системы уголовного правосудия и какими могут быть альтернативы наказанию.

За стабильностью широкомасштабного применения уголовного наказания – «раздачи дозированной боли» – стоит «отказ» людей от своих собственных конфликтов и «передача» их в практически полное ведение специалистов по контролю (в первую очередь юристов, а также психологов, педагогов). Речь идет об отказе не в смысле какого-то внятного волеизъявления участников

конфликта, а о том, что в современном обществе в целом нарастает отчужденность в отношениях между людьми, качественно ограничивающая наши возможности взаимопонимания.

Мы знаем друг друга лишь как выполняющих определенные социальные и профессиональные роли, мало интересуясь личностью. Такая «социальная сегментация» имеет несколько последствий.

«Первое и самое главное, – пишет Нильс Кристи, – она ведет к деперсонализации социальной жизни. ... Это создает ситуацию, когда количество информации друг о друге ограничено. Мы действительно знаем меньше о других людях и обладаем ограниченными возможностями как для понимания, так и для предсказания их поведения. Если возникает конфликт, мы в меньшей степени способны справиться с ним. Не только профессионалы способны и готовы отобрать конфликты, мы сами готовы их отдать» [13, с. 34].

Такие социальные условия консервируют уголовное правосудие в неизменном виде. В чем это проявляется?

Во-первых, государство вытеснило жертву преступления с центрального места в процессе. В современном уголовном суде стороны имеют своих представителей. Причем государство так хорошо представило жертву, что

«она или он в большей части процесса совершенно вытеснена с арены действий и ее роль во всем этом деле сведена до роли спускового крючка. Она или он оказываются как бы проигравшими вдвойне: первый раз – лицом к лицу с преступником и второй раз, чаще всего в более травмирующей форме, лишаясь прав на полное участие в том, что, вероятно, было для нее наиболее важным ритуальным событием в жизни. Жертва проиграла свой процесс государству» [13, с. 31].

Во-вторых, интересы, которые доминируют в системе уголовного правосудия, – это интересы юридической

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

профессии. Юристы оттеснили стороны и монополизировали право на решение конфликтов.

«Они объединены в субкультуре с удивительно высокой степенью согласия относительно интерпретации различных норм и того, какую информацию считать относящейся к делу. Многим из нас, не будучи юристами, приходилось переживать грустные моменты истины, когда адвокаты говорили, что наши самые лучшие аргументы в борьбе с соседом не имеют никакой юридической значимости и мы ни в коем случае не должны упоминать о них в суде. Вместо этого они выбирают аргументы, на наш взгляд, не совсем или вовсе неподходящие. Мой любимый пример имел место сразу после войны. Один из лучших адвокатов в моей стране с гордостью рассказывал о том, как он спас одного бедного клиента. Клиент сотрудничал с немцами. Прокурор утверждал, что клиент был одной из основных фигур в организации нацистского движения, что он был одним из его идеологов. Однако адвокат спас своего подзащитного. Он спас его, показав присяжным, как слаб, бездарен, как очевидно неспособен к общению или организаторской деятельности был его клиент. Его клиент не мог быть одним из организаторов среди предателей – у него для этого просто не хватало способностей. И он выиграл это дело. Как очень незначительная фигура, его клиент получил очень маленькое наказание. В заключение адвокат в негодованием сказал, что ни обвиняемый, ни его жена даже не поблагодарили его, они с ним даже не разговаривали после этого.

Конфликты стали собственностью юристов» [13, с. 31-32].

Внутри так организованной системы стороны конфликта вытесняются из процесса его разрешения. В этой ситуации больше всего проигрывает жертва, ибо помимо ущерба, нанесенного преступлением, она утрачивает право на сколько-нибудь глубокое участие в

своем собственном деле. Как по этому поводу грустно резюмирует Кристи:

«Современные системы контроля за преступностью - это один из многочисленных случаев потери возможности для вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность. Наше общество - это общество монополистов на решение задач» [13, с. 36].

Анализируя обстановку в области уголовного правосудия, Кристи получает подтверждение тому, что в происходящем там проявляется другая общая тенденция: нарастание отчуждения больших групп людей от социальной активности как таковой. В экономике развитых промышленных обществ эта тенденция выражается в том, что дефицит рабочих мест и занятости дополняется общественной сегрегацией по признаку пола, возраста или расы. Удлиняя период обучения, система образования начинает работать на сдерживание допуска молодежи к работе. Возрастная «сегрегация» по типу «ты еще слишком молод, чтобы иметь работу, а ты уже слишком стар», постепенно формирует в обществе касту работающих и «монополии против аутсайдеров, особенно в отношении работы».

Цель, на постановку которой направлены размышления Кристи, состоит в том, чтобы внести качественные перемены в социальные структуры и отчасти ликвидировать обусловленное ими отчуждение от продуктивной деятельности и пассивность населения. Речь идет о превращении тех структур, которые в современных промышленных обществах глубоко огосударствлены и монополизированы профессионалами (юристами) - систему контроля за преступностью - в еще одно поле деятельности граждан (а не «специалистов»). В этом контексте конфликты оказываются ценностью и ресурсом, поскольку представляют собой «потенциал для деятельности, участия», который должен быть полноценно реализован, а не растрочен.

Система контроля за преступностью должна стать полем конструктивной деятельности самих участников -

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних конфликтующих сторон (или жертв и преступников). Для этого, по замыслу Кристи, нужен особый *местный (neighbourhood) суд*, качественно отличный и по общей атмосфере и по процессу от привычного суда. Каковы основные черты образа нового суда?

Во-первых, такой суд ориентирован на жертву. В центре внимания – все детали случившегося с жертвой и вопрос, что в связи с этим можно для нее сделать, в первую очередь – самим правонарушителем, затем – местным сообществом. В решение этого вопроса обязательно должен быть втянут правонарушитель. И только после окончания обсуждения и принятия решения о возмещении ущерба суд может решать вопрос о наказании:

*«Наказание тогда станет страданием, которое судья сочтет необходимым причинить **помимо** тех ненамеренных конструктивных страданий, через которые пройдет правонарушитель, выполняя восстановительную работу **лицом к лицу** с жертвой» [13, с. 39–40].*

Далее, после решения вопроса о наказании модель Кристи предполагает, что суд приступает к стадии рассмотрения потребностей и оказания услуг самому правонарушителю.

Вторая важная особенность модели местного суда – ориентация на активность непрофессионалов. Суд должен обеспечивать доступ и участие в разрешении конфликтов членов сообщества, он должен стать судом равных.

Сегодня можно сказать, что многие особенности деятельности *местного суда*, которые Кристи указал в своем *прожете*¹, реализуются на базе восстановительных программ. Это обусловлено тем, что внедрение программ ВП в существующую систему уголовного правосудия вдохновлено именно взглядами Кристи. С точки зрения целевого назначения и некоторых

¹ В отличие от «проекта» под «прожектором» понимается образ желаемого будущего. В этом образе фиксируются идеалы, но не реализационные механизмы.

элементов устройства восстановительные программы оказываются аналогами предложенного Кристи проекта местного суда.

4.3. О назначении восстановительных программ

И восстановительные программы, и местный суд (по Кристи) равно предназначены для того, чтобы уполномочить сами стороны на разрешение своего конфликта (в т.ч. криминального) и отвести им ключевую роль в этом процессе.

Мы указали на работы Кристи с точки зрения их программного значения для становления практики восстановительной юстиции. В этих работах поставлена общая цель широкого общественного преобразования, частью которого и является организация программ ВП.

Параллельно на эту же цель работало распространение различных видов посредничества (медиации), применяемого для решения широкого спектра конфликтов.

В 80-е годы возникли и получили распространение семейная медиация, школьная медиация, медиация в трудовых спорах, медиация в гражданских делах и т.п. Поначалу программы восстановительного правосудия, применяемые для разрешения криминальных ситуаций, не были предметом особого рассмотрения. Они легко вкладывались в ряд видов медиаций – просто как еще один вариант посреднической работы, социально-структурное содержание которой было очерчено Кристи.

Коррекция целевого назначения восстановительных программ произошла позже под влиянием трудов Ховарда Зера. Но прежде, чем перейти к изложению существа этой коррекции, необходимо дополнительно пояснить значение работ Кристи в становлении методики восстановительных программ.

Многие представители движения за восстановительное правосудие отмечали огромное влияние, которое оказали на них работы Кристи. Можно предположить, что это связано не только с тем, что там

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

задавались важные основания восстановительной практики (общие цели, ценности, назначение программ в работе с отдельными случаями), другой важный результат, который неявно содержался в работах Кристи, – данное им социологическое обоснование методики

Определение посредничества

«...термин mediation (посредничество) обычно применяется по отношению к процессу разрешения конфликта путем вмешательства беспристрастной третьей стороны с целью содействовать добровольному соглашению между сторонами» [23, с. 95].

восстановительного посредничества как таковой.

Указав на социальную сегментацию, характерную для современных промышленных обществ, на рост отчужденности в отношениях между людьми, Кристи не только высветил тенденцию ослабления и утраты социальных связей, прежде характерных для соседских общин, но и указал на факторы «ограниченности возможности понимания» и «характера и объема информированности, которым люди располагают друг о друге» как **причину того, что конфликт не решается его участниками**. Продолжая мысль Кристи, следовало бы сказать: не то плохо, что существует конфликт или преступление, но то, что уполномочивание сторон на его разрешение столкнется с непреодолимым препятствием: решать его придется людям, которые строят взаимодействие в условиях ограниченных возможностей понимания друг друга. Деятельность посредника и должна привнести в ситуацию то, что в ней самой является дефицитом – возможность взаимопонимания. Только тогда у сторон появится шанс построить конструктивное взаимодействие.

Такая интерпретация размышлений Кристи позволяет более глубоко взглянуть на употребление в восстановительных программах приемов и техник организации коммуникации, проявления интересов сторон, работы с чувствами и проч., обычно применяемых

в посреднической и переговорной практике, и роль этих приемов и техник в новом контексте. Здесь они должны применяться не только для преодоления деструктивной эмоциональной напряженности сторон и исходного взаимного неприятия, но вести к более глубоким результатам – к преодолению отчужденности между людьми, персонализации отношений. Именно этот поворот соответствует направленности восстановительных программ не просто на достижение соглашения сторон, но на достижение его на основе очищения отношений от чувств ненависти и злобы, налаживания взаимопонимания и укрепления доверия между людьми.

В методическом плане можно сделать вывод, что ведущий, облегчая общение сторон, «расшифровывая» чувства (помогая участникам проявить стоящие за бурными эмоциями проблемы, боль и страдание), создает специфическую обстановку, в которой меняются представления сторон друг о друге. Их страхи и стереотипы, обусловленные самим событием конфликта (преступления), навеваемые слухами, СМИ, неясностью ожиданий, в ходе встречи «лицом к лицу» сменяются новыми «образами другого», формируемыми здесь и теперь. Постепенно вникая в чужую ситуацию, люди начинают лучше понимать друг друга, замечать в другом переживающего и сочувствующего человека. Так на встрече создаются условия для возникновения контакта и добрых побуждений. Такие восстановленные отношения содержат уникальный потенциал, а именно способность поддерживать правонарушителя в ситуациях, когда государственные органы борьбы с преступностью могут лишь клеймить.

Что отчасти присутствовало в размышлениях Кристи, но не было им сформулировано явно как специальное начало, организующее восстановительную практику, – так это особый, **«восстановительный» способ** преодоления криминальной ситуации, который должен применяться. Ховард Зер дополнил и развил размышления Кристи, поскольку выявил и описал этот

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
способ в обобщенной форме и задал его как основу (ядро или парадигму) практической деятельности по преодолению последствий криминальной ситуации. В частности, Зер сопоставил этот способ с другими, исторически известными типами реагирования – карательным, общинным и библейским.

Почему это важно? Написав выше о назначении программ – уполномочить самих участников криминальной ситуации на ее разрешение, – мы вполне могли пробудить у читателя вопрос: «А как же «кровная месть» или «суд Линча»? Разве здесь участники не чувствуют своих полномочий в полной мере? Ведь это и есть то реагирование на криминальные ситуации, в котором именно граждане (а не суд) играют основную активную роль! Так что, восстановительное правосудие предлагает возродить самосуд?»

В свете подобных недоумений становится понятно, что вопрос о **способе деятельности**, позволяющем преодолеть последствия криминальной ситуации, – ключевой. С учетом разработок Х.Зера правильно было бы скорректировать назначение восстановительных программ следующим образом: **программы ВП предназначены для того, чтобы уполномочить сами стороны на разрешение своего конфликта (в т.ч. криминального) восстановительным способом и отвести им ключевую роль в этом процессе.**

Выше говорилось о том, что первая методическая основа действий ведущего восстановительных программ была создана в начале 80-х годов. Именно тогда была описана и получила широкое распространение программа примирения (посредничества) жертвы и правонарушителя. Книга Ховарда Зера «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» является этапной в развитии восстановительной практики, поскольку, задав восстановительный способ, инициировала массив методических разработок, обслуживающих его реализацию в работе с конкретными случаями.

4.4. Ховард Зер: преступление и восстановление

Способ деятельности есть знание такого употребления техник и приемов, в соответствии с которым следует работать в определенном классе ситуаций. Такое понимание способа ориентирует не столько на изучение техник и приемов, составляющих способ, сколько на изучение того, каким образом и в какой связи они применяются.

Восстановительный способ соединяет в себе ряд известных ранее гуманитарных техник и приемов. Речь идет о техниках психотерапевтической помощи людям, перенесшим психическую травму (техниках исцеления), и приемах организации коммуникации, обычно используемых в практиках посредничества между конфликтующими сторонами.

Отметим, что сами по себе эти техники и приемы никакого нового способа («восстановительного» в смысле разрешения криминальных конфликтов) еще не создают. Новый момент, который был внесен, – это контекст задач правосудия, которые поставили ранее известные техники работы в новые функциональные отношения. Рассмотрим этот момент подробнее.

Представления об особенностях переживаний жертв психотравмирующих событий и работе по исцелению были сформированы вне рамок правосудия. В США одним из источников этих представлений была война во Вьетнаме. Ее последствием стало знакомство американского общества с новым феноменом – специфическим душевным состоянием возвратившихся солдат. Врачи и психологи, куда обращались пациенты и клиенты, которым война нанесла тяжелую психическую травму, выслушивали множество жалоб (от них самих или их родственников) о том, что они испытывают частые и немотивированные вспышки гнева, повышенную тревожность, нарушение сна, эмоциональное напряжение, депрессию, замкнутость и стремление к изоляции, бесконтрольно употребляют алкоголь и лекарства.

Сейчас в России эта ситуация воспроизводится в связи с афганской и чеченской войнами.

В медицине эта совокупность симптомов получила название синдрома посттравматического стресса (ПТС).

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Тем самым был сделан вывод, что по сути речь идет о болезненном отклонении, отражающемся на здоровье [10, с. 3–8].

Здесь наметились две ориентации в работе с пострадавшими: на адаптацию и на исцеление.

«Если внимательно рассмотреть политику Администрации по делам ветеранов в отношении бывших участников войны, страдающих ПТС, то станет ясна ее основная позиция: отвлечь внимание пациента от травмирующих событий, послуживших причиной ПТС, и таким образом помочь ему «стать нормальным»... Недаром государственная программа психотерапевтической помощи ветеранам носит название «программа содействия социальной адаптации».

Идея, заложенная в этом названии, предполагает, что получивший психическую травму человек должен изменить свое поведение так, чтобы слиться с основной массой сограждан.

Недостаток этого замысла состоит в том, что «социальная адаптация» вряд ли поможет человеку, пробывшему долгое время в экстремальных условиях, вернуть душевный покой и радость жизни. Такой подход может внушить ветерану, что для выздоровления он должен изменить свое поведение, чтобы стать как все, «нормальным», а значит, перестать действовать, думать и чувствовать по-своему, «не как все».

Фактически этот подход предлагает лечить симптомы заболевания, а не его причину, и целью такого лечения должно быть не здоровье, а соответствие общепринятым нормам поведения... путь социальной адаптации не способен привести к истинному выздоровлению.

Истинное физическое и душевное здоровье состоит не в том, чтобы соответствовать чьим-то нормам и стандартам, а в том, чтобы прийти к согласию с самим собой и реальными фактами своей жизни» [10, с. 15].

«У большинства вьетнамских ветеранов, пытающихся адаптироваться, приучить себя к

«нормальному» поведению, главные трудности возникают из-за того, что им в качестве лечения предлагают попросту забыть прошлое... Такой путь не ведет к целостности.

Истинное исцеление приходит тогда, когда мы отдаем должное всему, что узнали на своем жизненном пути, и пользуемся этими знаниями» [10, с. 21].

Другой источник представлений о тяжелой душевной травме и исцелении – женское (феминистское) движение, которое обратило внимание на такое явление, как насилие в семье, и женщин – жертв такого насилия. И начались поиски различных форм помощи таким женщинам, в том числе психологической. В рамках этой работы выяснилось, в частности, что обычное уголовное правосудие не способствует исцелению жертв.

Тут следует иметь в виду, что акт правосудия – это не просто решение конкретного спора и не всякое решение суда, но решение, являющееся **значащим событием** для общества. Современное уголовное правосудие определяет себя не как частное дело двух сторон, а как символическую акцию, обличающую преступление и тем самым отвечающую глубинной потребности общества. В каждом обвинительном приговоре и последующем наказании содержится «послание» для всего общества. Причем возможно, что именно в этом и состоит главная цель: сказать, что преступление есть зло, запрещенное законом, и тот, кто

совершает преступление, заслуживает наказания. Если верно, что в создании именно такого сообщения и состоит главная моральная цель карательного уголовного правосудия, то понятно, что для него публичное оглашение приговора и исполнение наказания оказывается важнее исцеления.

Восстановительное правосудие едино с карательным в принципиальном осуждении преступления как зла, но далее их позиции расходятся. Восстановительное правосудие исходит из того, что обличить преступление можно более аргументированно, если действовать **для**

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
пострадавшего (и того же потребовать от преступника), а не **против** преступника.

Если преступление есть зло, то правосудие должно исправлять его последствия и прямо способствовать исцелению пострадавших. Действия по исцелению жертв и восстановлению отношений, а не дополнительный вред (пусть и преступнику), смогут создать необходимый противовес вреду, уже нанесенному преступлением. Чтобы это произошло, всеми участниками ситуации должно быть полно и глубоко прочувствовано, какой вред нанесен и каковы в связи с этим переживания и потребности жертвы. Поэтому восстановительный способ реагирования на преступление придает техникам и приемам исцеляющей работы совершенно новое значение – актуализации общественной нравственности. Благодаря такой работе происходит общественное выявление и признание того зла, каким является преступление. Именно поэтому в рамках ВП исцеляющее обращение с жертвой носит не просто характер кабинетной терапевтической работы в диаде терапевт–клиент, но действие охватывает всех членов социальной общности, затронутых криминальной ситуацией. Именно непосредственное участие жертвы в программе ВП создает основу для актуализации общественной нравственности. Техники и приемы работы с жертвой (выслушивание ее рассказа, поддержка, принятие ее чувств и пр.) оказываются важны не только для удовлетворения потребности самого пострадавшего в признании несправедливости произошедшего, но и в общемировоззренческом горизонте, поскольку с их помощью в каждом случае работы с конкретной криминальной ситуацией через рассказ жертвы извлекается и тем самым для всех участников воспроизводится некоторый обобщенный взгляд на преступление: на преступление как зло в том смысле, что это всегда несправедливое насилие, надругательство, разрушающее и виктимизирующее человека.

Укрепление в обществе такого принципиального взгляда на преступление позволяет восстанавливаться

чувству целостности общины, нарушенному совершенным преступлением. Будучи направленным на исцеление жертв в первую очередь, ВП работает и на результат для общества, затронутого криминальной ситуацией.

При этом смысл того, чтобы проводить встречу сторон и их ближайшего окружения состоит в том, чтобы подтолкнуть правонарушителя к более полному осознанию этого взгляда на преступление и оценке своего поступка по этой мерке. Очень важно, что восстановительный способ действий предполагает ответственность преступника, а не его наказание. Темы ответственности и обязательств нарушителя возникают не потому, что нужно причинить ему вред, но потому, что **у того, кто причинил зло другому, возникают обязательства по восстановлению справедливого порядка вещей и исправлению последствий содеянного**. И очень важно помочь правонарушителю согласиться с этим и взять на себя обязательства.

Решения, принимаемые в программах восстановительного правосудия, например о возмещении ущерба, содержат в себе иное, нежели в обычном уголовном процессе, общественное послание: «Не совершайте преступлений, поскольку они причиняют вред людям. Тому, кто причиняет вред другим, придется исправить содеянное» [8, с. 232].

Х. Зер:

«Почему преступление влечет такие разрушительные последствия, почему пострадавшим так тяжело приходиться в себя? Причина в том, что суть преступления в насилии: насилии над личностью, надругательстве над нашей сущностью...» [8, с. 32].

Литература

1. *Айртсен И.* Примирение между жертвой и правонарушителем в случае серьезных преступлений: последовательное и

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

- структурное изменение парадигмы // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. В 2-х кн. Кн. I. / Под ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С.122-129.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
 3. Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 67-99.
 4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М., 1990. С. 345-415.
 5. Воскобитова Л.А. Правовое регулирование процедуры примирения в уголовном судопроизводстве // Государство и право на рубеже веков (Материалы Всероссийской конференции). Криминология. Уголовное право. Судебное право. М., 2001. С. 198-203.
 6. Гишинский Я.И. К концепции укрепления правопорядка // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее. Сб. материалов. Вып. 1. М.: Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997. С. 36-38.
 7. Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М., 2000.
 8. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.
 9. Зер Х. Введение в восстановительное правосудие // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып.1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 115-126.
 10. Колодзин Б. Как жить после психической травмы. Кооператив «Шанс», 1992.
 11. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
 12. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца? М., 1999.
 13. Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 28-45.
 14. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
 15. Левенская декларация «О необходимости поддержки восстановительного подхода к подростковой преступности» // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы

- развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 253-258.
16. *Лунеев В.В.* Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. № 9. С. 95-100.
 17. *Лунеев В.В.* Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности (тезисы доклада) // Государство и право. 2001. № 5. С. 106-112.
 18. *Малинкин А. Н.* О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса // Социологический журнал. 1998. № 3/4.
 19. *Мей Р.* Любовь и воля. М., 1997.
 20. *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996.
 21. *Нерсисянц В.С.* Юриспруденция постсоветской России: в поисках новой парадигмы // Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1999. С. 154-172.
 22. *Пашин С.А.* Понятие преступления для системы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.
 23. Посредничество в уголовных делах. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 года и пояснительные заметки // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 2. С. 86-103.
 24. Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов. Ч. 1-2. / Под ред. М.В. Немытиной. Саратов, 1999-2000.
 25. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. М., 1994.
 26. *Турен А.* Возвращение человека действующего. М., 1998.
 27. Устав Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 2. С. 80-85.
 28. *Флямер М.* Сообщение об организации движения за восстановительное правосудие в Европе // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 2. С. 73-79.
 29. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1996.
 30. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.
 31. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты. М., 2000.
 32. *Чеснокова В., Абрамкин В.* Некоторые причины девиантного поведения детей и подростков // Приложение к Информационному Вестнику № 5-6. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1999.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

33. Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности (http://www.yabloko.ru/alt/Themes/History/Shanin/social_work.html).
34. Шанин Т. Куда идет Россия? М., 1996.
35. Щедровицкий Г.П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
36. Щедровицкий П.Г. Вместо послесловия // Вопросы методологии. 1994. № 1-2.
37. Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
38. Amstutz L.S., Zerh H. Victim Offender Conferencing in Pennsylvania's Juvenile Justice System, 1997. (Амстутс Л.С., Зерх Х. Конференция жертвы и правонарушителя в системе ювенальной юстиции Пенсильвании: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
39. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. Cambridge University Press, 1989. (Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
40. Braithwaite J., Mugford S. Conditions of successful reintegration ceremonies. Dealing with Juvenile Offenders. Brit. J. Criminol. Vol. 34 No. 2. Spring 1994.
41. Daly K., Immarigeon R. The past, present, and future of restorative justice: some critical reflections. Contemporary Justice Review, 1998, Vol. 1, pp. 21-45. (Дали К., Иммерижеон Р. Прошлое, настоящее и будущее восстановительного правосудия: некоторые критические размышления. Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
42. Greenwood J. Mediation process: phases and tasks. In VOM Training Manual, Copyright, Dr. Mark S. Umbreit, Center for Restorative Justice & Mediation, School of Social Work, University of Minnesota, 1996. Chapter 3. (Гринвуд Ж. Процедура примирения: фазы и задачи: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
43. Pranis K. Restorative Justice, Social Justice, and the Empowerment of Marginalized Populations. Community Restorative Justice: Finding Common Ground for Victims, Offenders and Community forthcoming from Anderson Publishing. (Пранис К. Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения. Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
44. Price M. A Victim Offender Mediation Model of Neutrality. VOMA Quarterly, Vol. 7, Number 1: Winter 1995-1996. (Прайс М.

- Образец нейтральности для медиации жертвы и правонарушителя. Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
45. *Stuart B.* Circle sentencing: mediation and consensus «Turning swords into Ploughshares». *Accord*, June 1995. (Стюарт Б. Круги правосудия: медиация и консенсус «Смена мечей на ораля»: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
46. *Umbreit M.S.* Humanistic Mediation: A Transformative Journey of Peacemaking. *Mediation Quarterly*. 1997. 14(3):201-213. (Умбрайт М. Гуманистический подход к посредничеству в разрешении конфликтов: путь преобразования, путь миротворчества: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
47. *Zehr H., Mika H.* Fundamental principles of restorative justice. *Contemporary Justice Review*, 1998, Vol. 1. (Зер Х., Мика Г. Основные принципы восстановительного правосудия: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)

Использование восстановительного способа в работе с правонарушениями несовершеннолетних (российская ситуация)

В главе описывается опыт работы Центра СПР по проведению программ примирения жертвы и правонарушителя по уголовным делам несовершеннолетних. В качестве правонарушителей рассматриваются подростки, обвиняемые в совершении преступления¹.

§ 1. Правовые предпосылки программ восстановительного правосудия в производстве по делам несовершеннолетних

Наличие в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве норм, свидетельствующих о наличии института примирения потерпевшего и обвиняемого (ст. 9, 27, 468, 470 УПК РСФСР, ст. 76 УК РФ), служит важной предпосылкой формирования практики восстановительного правосудия. Примирение в российском законодательстве является одним из обстоятельств, влекущих прекращение уголовных дел. Правда, указанными нормами очерчивается довольно узкий круг дел, которые могут быть прекращены в связи с примирением (дела в

отношении лиц, **впервые совершивших преступление небольшой тяжести, и дела частного обвинения**).

Потенциал использования примирительных процедур содержится и в ряде других норм, где непосредственно о примирении не говорится, но идет речь о таких его элементах, как возмещение ущерба и заглаживание вреда со стороны обвиняемого (ч. 1 ст. 75 УК РФ – освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием), утрата лицом признака общественной опасности (ст. 77 УК РФ и 6 УПК РСФСР), а также в нормах, касающихся уголовной ответственности несовершеннолетних (ст. 90, 91 УК РФ, ст. 8 УПК РСФСР) (см. об этом [2; 3; 5; 7; 8]). Наличие таких норм имеет значение в связи с тем, что для разработки схем включения программ ВП в уголовное судопроизводство принципиальным является не столько поиск правовых оснований для примирения, сколько для юридических последствий его результатов [7, с. 46]. Так, в частности, результаты программ примирения по отношению к решениям, принимаемым в ходе уголовного процесса, могут касаться не только освобождения от уголовной ответственности, но и смягчения наказания (ч. 1 п. «к» ст. 61 УК РФ) независимо от категории преступления

Понятия «правонарушитель» и «жертва» относятся к категориям криминологии, международных правовых документов и, в какой-то мере, быденного языка. **Уголовный процесс** имеет дело не с «людьми», а с процессуальными фигурами, обозначающими позиции в уголовном процессе. Такое обозначение есть элемент формализации, позволяющей решать юридические задачи. В частности, позиция определяет (дозволяет и одновременно ограничивает) круг прав и обязанностей лица в процессе.

Для дальнейшего изложения важно перевести понятия восстановительного правосудия на язык официального уголовного процесса, поскольку кооперация с ним программ ВП требует единого тезауруса.

В рамках уголовно-процессуальных отношений правонарушитель будет именоваться **обвиняемым** (либо **подсудимым** – в зависимости от стадии уголовного процесса), жертва – **потерпевшим** (отнюдь не во всех национальных правовых системах жертва имеет специальный процессуальный статус; так, к примеру, в США жертва выступает только как свидетель обвинения, по российскому же законодательству жертва, получившая

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

статус потерпевшего, имеет особые права в уголовном процессе)¹.

Однако название «программа примирения (или встреча) жертвы и правонарушителя» остается в нашем обиходе, во-первых, как прототипическое и, во-вторых, отнюдь не все дела, где есть обидчик и жертва и где проводится программа примирения, находятся исключительно в орбите уголовного судопроизводства. Эта более широкая область практического применения программ ВП будет представлена в главе 6.

Относительно примирения в нашем законодательстве не определены ни процедура, ни форма контроля за договоренностями между сторонами, ни социально-реабилитационная инфраструктура реализации решений данного типа. До последнего времени примирение (по указанным категориям дел) рассматривалось как право лиц, но не как специально организуемая процедура. Концепция восстановительного правосудия придает этому праву механизмы реализации.

Вообще говоря, термина «право на примирение» в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве нет (исключение составляет ст. 468 УПК РСФСР), это «естественное право» человека, которое он может реализовать безотносительно к юридической квалификации совершенного им деяния. Беда в том, что когда люди попадают в сферу уголовного судопроизводства, они нередко забывают о своих естественных правах и практически не осведомлены о правах процессуальных. Кроме того, стороны разделены враждой, что мешает их непосредственному контакту, и поначалу именно уголовное судопроизводство рассматривается (по крайней мере потерпевшими) как способ разрешения конфликта. В силу последнего обстоятельства ВП видит своей задачей помочь людям осуществить их «естественное право» через специально организуемую – «искусственную» – процедуру посредничества.

Как было показано в предыдущей главе, мировая практика восстановительного подхода нарабатала

¹ См. Краткий юридический словарь в Приложении. – *Прим. ред.*

большой арсенал моделей и техник проведения процедур примирения с учетом проблем и потребностей каждой из сторон и интересов общества, а также учебных программ по специальной подготовке ведущих. Становление в России практики ВП связано с освоением этого арсенала и формированием собственных моделей, на первых порах увязанных с наличным законодательством, а далее – по мере накопления и анализа опыта – и в ориентации на коррекцию законов в сторону расширения поля возможностей альтернатив карательному подходу.

В этом направлении делаются конкретные шаги и официальными российскими структурами. Так, рабочей комиссией по судебной реформе при Президенте РФ (под руководством Козака) в 2001 г. были рассмотрены и одобрены предложения профессора И.Л. Петрухина о расширении оснований для применения примирительных процедур в уголовном процессе. В проекте нового УПК РФ, принятом Государственной Думой РФ во втором чтении 20 июня 2001 г., в ст. 25 говорится о праве суда, прокурора, следователя и дознавателя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления **небольшой и средней тяжести**, в связи с примирением с потерпевшим, причем безотносительно к прошлой судимости. Как видим, в проекте нового Уголовно-процессуального кодекса правовое поле для прекращения дел в связи с примирением сторон **значительно расширено**.

Поскольку современная официальная модель уголовной юстиции (независимо от особенностей национального законодательства) зиждется на карательной парадигме, носителем нового взгляда и новой практики – восстановительного способа реагирования на преступление – стали общественные структуры, в недрах которых отрабатываются новые технологии. Поэтому взаимодействие восстановительного и «карательного» правосудия, или кооперация программ ВП с официальным уголовным процессом, предполагает

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
поиск форм **партнерства** общественности с государственными структурами.

Для складывания такого партнерства лидерам ВП приходится решать две параллельные задачи:

- по изменению идеологических приоритетов правоохранительных органов и суда (ориентированных на борьбу с преступностью);

- по построению организационных схем взаимодействия программ ВП с официальными структурами.

Необходимо решать вопросы об определении источников, направляющих дела на программы ВП, организаций, занимающихся такими программами по уголовным делам, определять условия передачи дел и ее процессуальные последствия, вопросы юридического статуса примирительных договоров, процессуального статуса представителей программ восстановительного правосудия, возможности приостановления дела в связи с примирением и пр.

Сегодня в России в разных регионах действует ряд структур, осуществляющих программы ВП. Первой российской организацией, которая стала заниматься созданием условий и отработкой элементов ВП в уголовной юстиции, является Общественный Центр «Судебно-правовая реформа». При методической поддержке Центра в 2000 г. начали действовать региональные организации и группы (в Иркутске, Тюмени, Урае, Дзержинске, Великом Новгороде, Новороссийске и др.).

Началась эта работа с введения элементов восстановительного подхода в практику по делам несовершеннолетних, где некарательный подход является наиболее востребованным и встречает меньше сопротивления со стороны правоохранительных органов.

Хотя в России сегодня нет автономной ювенальной юстиции, законодательством определен особый порядок производства по делам несовершеннолетних. Уже сегодня здесь предусмотрен больший по сравнению с обычным порядком перечень оснований прекращения уголовных дел. (Речь идет, в первую очередь, об освобождении от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия.) Законодательство и официальная судебная

практика по делам несовершеннолетних ориентированы на ограничение применения репрессивных санкций¹. Однако идеология борьбы с преступностью и соответствующие ей обыкновения, юридический формализм и, главное, отсутствие автономной системы ювенальной юстиции с ее особыми целями, правилами и методами, фактически означающее концептуальную и практическую принадлежность правосудия по делам несовершеннолетних (пусть с некоторыми послаблениями) уголовной юстиции с ее направленностью на воздаяние², приводит к достаточно высоким показателям лишения свободы несовершеннолетних. («К сожалению, еще не все судьи понимают, что изоляция несовершеннолетних от общества является крайней мерой», – из выступления судьи Верховного Суда РФ Т.Г. Линской [6, с. 38]). Одновременно «нерепрессивные» меры, по мнению многих специалистов, не несут в себе позитивного исправительного потенциала, поскольку в таких случаях у подростка нередко складывается ощущение безнаказанности (приемлемости) его поступков, и, получив условное наказание или будучи освобожденным от наказания в связи с амнистией, он вскоре вновь оказывается на скамье подсудимых [6, с. 38]. Что же касается восстановительных программ, здесь, минуя репрессивные санкции, подросток, напротив, берет на себя адекватную возрасту и реальным возможностям ответственность за совершенное деяние.

Восстановительный подход к правонарушениям несовершеннолетних стал понемногу завоевывать сторонников среди сотрудников правоохранительных органов, судей, адвокатов, нашел поддержку в Генеральной прокуратуре РФ.

В настоящее время в России программы примирения по уголовным делам ведутся неправительственными некоммерческими организациями, сотрудничающими с системой официальной юстиции, а также со школами, с комиссиями по делам несовершеннолетних, с

¹ П. 2, 12-13, 15-17 Постановления № 7 Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 9-13.

² См. главу 1. – *Прим. ред.*

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних подразделениями по делам несовершеннолетних. Нарбатывается опыт, который в перспективе должен получить более существенную поддержку со стороны официальных органов.

Материал последующих параграфов отражает работу Центра «Судебно-правовая реформа» по складыванию практики восстановительного правосудия в делах по правонарушениям несовершеннолетних.

§ 2. Партнерство

Российской уголовной юстиции присущи следующие черты:

- работа с отклоняющимся и преступным поведением подчинена ведомственным интересам, сильно политизирована и имеет тенденцию к расширению репрессивных и устрашающих акций;

- уголовный процесс построен так, что основные нужды потерпевших и ответственность правонарушителей с точки зрения их участия в компенсации негативных последствий криминальной ситуации остаются вне зоны основного внимания официальных органов;

- ведомственная политика правоохранительных органов и судов приводит граждан, столкнувшихся с официальной юстицией, к потере веры в ее справедливость;

- действующим в крупных городах неправительственным организациям, занимающимся проблемами уголовного правосудия, довольно трудно найти понимание у местных органов власти: репрессивная уголовная политика часто поддерживается городской администрацией, преследующей местные интересы.

И тем не менее организации, занимающиеся программами ВП, ориентированы на поиск партнерства с правоохранительными органами и судами, поскольку ВП призвано не заменить официальное правосудие, но придать ему восстановительный характер за счет использования определенного способа разрешения криминальных ситуаций. Восстановительная переориентация правосудия предполагает осознание

специалистами (судьями, прокурорами, следователями и т.п.) разных способов реагирования на криминальную ситуацию («карательного» и «восстановительного»), создание условий для систематического применения восстановительных программ и сужения поля применения карательного подхода.

Партнерство невозможно без принятия взаимной ответственности общества и государства за работу с правонарушителями и жертвами.

В 1997 г., когда Центр «Судебно-правовая реформа» начал работать над созданием условий для проведения примирительных встреч жертвы и правонарушителя, перед сотрудниками Центра стояли следующие задачи:

- связать программу примирения жертвы и правонарушителя с деятельностью правоохранительных органов и судов;
- определить технологически значимые зоны взаимодействия программы с деятельностью партнеров (правоохранительных органов и судов);
- определить технологически значимые элементы внутреннего устройства программы, учитывающие особенности несовершеннолетних правонарушителей.

2.1. Программа примирения жертвы и правонарушителя в рамках предварительного расследования

Необходимо отметить, что даже благожелательно настроенные к программе примирения представители правоохранительных органов вынуждены работать в режиме исполнения ведомственных показателей: устойчивость доказательной базы, рост числа раскрытых тяжких и особо тяжких преступлений, сдача в

Программы примирения жертвы и правонарушителя, проведенные Центром СПР

За период с ноября 1998 г. по январь 2001 г. в Центр была направлена информация о 71 случае. Работа велась в трех районах г. Москвы: Академическом – по направлению КДН Управы «Академическая» и представителей школ района, Таганском – по направлению следственного отдела и ПДН ОВД «Таганский» Центрального Административного Округа и представителей школ района, Черемушкинском – по направлению социального работника суда. Из них программы ВП проведены по 43 случаям. По остальным программы проведены не в полном объеме (чаще всего из-за отказа сторон, а также из-за давности произошедшего). По состоявшимся программам информация направлялась из следующих источников:

- следствие – 4 (2 случая грабежа, 2 – хулиганство);
- суд – 6 (1 случай – хулиганство, 1 – вымогательство, 2 – кража, 2 – угон);
- подразделение органов внутренних дел по делам несовершеннолетних – 5;
- комиссии по делам несовершеннолетних – 7;
- школы – 14;
- социальные работники – 3;
- личное обращение граждан – 4.

срок материалов дела в суд. Поэтому с самого начала совместно с представителями правоохранительных органов мы стали разрабатывать «Юридический алгоритм осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних» [8].

При разработке программы для применения в уголовном процессе мы исходили из уже заданного прототипа восстановительной программы, известного из литературы как Victim Offender Reconciliation Program (программа примирения жертвы и правонарушителя)¹. Это наиболее разработанный и описанный прототип, над реализацией которого мы и собирались работать.

Организация программы диктовала нам необходимость приноровиться к деятельности правоохранительных органов и ходу уголовного процесса. Следование алгоритму позволило проводить

¹ См. § 3 главы 4. – Прим. ред.

примирение при одновременном сохранении необходимого качества расследования.

«Опасность» программ примирения для следствия состоит в том, что те могут создать угрозу «развала дела»: следствию важно, чтобы показания потерпевшего и обвиняемого не претерпевали принципиальных изменений в ходе процесса. Следователи и прокуроры – сколь положительно они ни относились бы к примирению – считают приоритетной задачей сохранения безупречной доказательственной базы. Поэтому согласно разработанному алгоритму процедура примирения начинается **после** сбора доказательств: вначале следователь проводит допрос потерпевшего и закрепляет его показания официально и лишь потом инициирует примирение. Для уголовного преследования

Комментарий редактора:

Особенности алгоритма

Следует иметь в виду, что последовательность, зафиксированная в алгоритме, есть результат договоренности, результат взаимных уступок. Так, Пекинские правила рекомендуют минимизировать контакт подростка, находящегося в конфликте с законом, с официальными структурами уголовного судопроизводства (п. 11). Поэтому чем раньше проводится примирение, тем лучше. Однако в силу того, что программы ВП вводятся в существующую систему не законодательными предписаниями, но в рамках пилотных проектов благодаря доброй воле представителей правоохранительных органов и суда (и пока это единственная возможность), содержание «юридического алгоритма осуществления процедур примирения» формируется на началах компромисса.

важно (ведомственный интерес!), чтобы результаты примирения не влияли на переквалификацию деяния в сторону смягчения.

Серьезным препятствием для налаживания партнерства являются стереотипы сотрудников правоохранительных органов, ведущие к сужению спектра ситуаций, подлежащих передаче на программы ВП.

По мнению многих следователей, программы примирения можно проводить лишь в случаях, когда правонарушители продемонстрировали перед ними

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

раскаяние (наличие которого определяется весьма субъективно), и не должны применяться при повторных правонарушениях. Но зачем препятствовать примирению, если подросток, повторно совершив криминальное деяние (даже после отбытия наказания в колонии), готов возместить ущерб и начать другую жизнь?

Кроме того, передача дел на программу происходит лишь в случаях, когда работники следствия заранее уверены в том, что суд примет решение об условном наказании.

Преодоление стереотипов и достижение взаимопонимания официальных лиц с представителями программ ВП становится возможным при **совместной выработке критериев направления дел на программы примирения**. Об этом свидетельствует сегодня как зарубежный [1], так и новый российский опыт.

Первая площадка для проведения программ примирения жертвы и правонарушителя была организована Центром СПР на базе Таганского районного управления внутренних дел г. Москвы. Здесь на основе информации, переданной следователями, в 1998 г. была проведена первая встреча жертвы и правонарушителя. Затем мы получили информацию еще по семи случаям, по четырем из которых проведены примирительные встречи.

Первый опыт принес много открытий. Во-первых, мы обнаружили готовность людей самим найти выход из криминальной ситуации. Многих потерпевших к участию в примирительных встречах побуждало желание повлиять на исправление обвиняемых и не допустить их попадания в места заключения. Выражение чувств, неформальный диалог, получение ответов на волнующие вопросы в значительной степени содействовали изменению отношения участников друг к другу, к самим себе, к ситуации в целом.

Во-вторых, постепенно складывалась практика партнерского взаимодействия с представителями следствия: велось совместное обсуждение каждого затруднения, налаживался диалог.

В-третьих, первоначальное противодействие проведению примирительных встреч со стороны местной прокуратуры заставило нас скорректировать и согласовать с представителями правоохранительных

органов и суда схемы взаимодействия (юридические алгоритмы), а также более точно определить юридические последствия примирения и возмещения ущерба.

2.2. Программа примирения жертвы и правонарушителя в суде

В настоящее время ведется работа Центра с Черемушкинским районным судом г. Москвы, с которым в мае 2000 г. заключен договор о сотрудничестве. За основу взаимодействия с судом взят «Юридический алгоритм деятельности социального работника по уголовным делам несовершеннолетних в суде»¹, который является частью упомянутого договора².

2.3. Взаимодействие с адвокатами в рамках программ примирения

Наш опыт показывает, что для программ примирения участие защитника должно быть оговорено специально. Защитник должен точно понимать смысл, процедуру и юридические возможности примирения. Во многих случаях адвокаты видят смысл примирения в возможности его использования в качестве смягчающего обстоятельства и потому рекомендуют своим подзащитным участвовать в процедуре.

Однако иногда мы встречаем и противодействие: по-видимому, ведущие программ воспринимаются как конкуренты, которые могут лишить адвокатов заработка. Зачастую, не зная смысла примирения (а в некоторых случаях просто отказываясь в него вникать), приняв стратегию «развала дела» (что, кстати, препятствует осознанию обвиняемым причиненного им вреда), адвокаты так влияют на своих подзащитных, что, доверяя им, те отказываются от примирения.

Можно привести пример из практики нашего Центра. Мы занимались организацией примирительной встречи по поводу уголовного дела, связанного с угоном дорогого

¹ См. Приложение. – Прим. ред.

² Поскольку центральным звеном в кооперации программ ВП с судом стала деятельность социального работника, материал о взаимодействии Центра с судом помещен в разделе III (глава 10). – Прим. ред.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

велосипеда. После угона велосипед был испорчен и нуждался в починке.

На следствии деяние квалифицировалось как грабеж, а не кража, причем по ч. 2 п. «д» ст. 161 УК РФ (грабеж «с причинением значительного ущерба»). Адвокат обвиняемого подростка разработала стратегию: «обработать» потерпевшую сторону, изменить ее позицию по поводу масштаба ущерба, добиться смягчения обвинения (переквалифицировать деяние на кражу – ч. 1 ст. 158 УК РФ), и тогда подсудимый, признавший себя виновным, подлежал бы освобождению от наказания по амнистии. Ведущие вступили в работу с этим случаем, когда планы защитника уже вступили в действие, т.е. фактически на фоне торга, который по телефону пыталась вести адвокат с мамой потерпевшего подростка. Эти планы настолько увлекли и мать обвиняемого, что она отнеслась к примирительной встрече исключительно как к мероприятию формальному – нужному для реализации принятой ею стратегии спасения сына. Что же касается потерпевшей стороны, то мама пострадавшего мальчика была обижена тем, что с ней спорят о сумме ущерба, и вообще отказалась участвовать в каких бы то ни было переговорах с обвиняемым и его законными представителями. В результате – ни возмещения ущерба, ни примирения, ни переквалификации.

Сегодня в Центре СПР ведется проект, направленный на работу с Московской городской коллегией адвокатов¹, и мы надеемся, что в дальнейшем сможем осуществлять программы примирения в уголовном правосудии в сотрудничестве с адвокатами.

2.4. Принципы и условия партнерства

Партнерство организаций, проводящих программы ВП, с правоохранительными органами и судами является базовым условием, обеспечивающим хотя бы частичную реализацию восстановительного подхода к преступлениям.

Выделим принципы, которыми мы руководствуемся при налаживании такого взаимодействия.

Основой партнерства является совместная деятельность представителей общества и

¹ Большую работу в этом проекте осуществляют члены коллегии Анна Ставицкая и Шамиль Хазиев.

государства в разработке и реализации восстановительных процедур реагирования на правонарушения несовершеннолетних.

Договоры о сотрудничестве, юридические алгоритмы, иные документы, подтверждающие партнерство, должны фиксировать обязательства партнеров.

Совместная с представителями правоохранительных органов и суда деятельность организаций, проводящих программы ВП, предполагает в первую очередь разработку алгоритма взаимодействия. Такой алгоритм не может нарушать действующее законодательство. Алгоритм или иная форма договоренности должны указывать на критерии отбора дел на программы ВП.

Обязательство организации, проводящей программы ВП, состоит в проведении программ на должном профессиональном уровне в ориентации на получение материального (возмещение ущерба жертве) и общего гуманитарного результата. Общий результат программы достигнут, если:

- стороны участвуют в совместном обсуждении путей устранения негативных последствий случившегося;
- начался процесс исцеления жертвы от последствий криминальной ситуации;
- нарушителем принимаются и выполняются обязательства по возмещению ущерба;
- составляются (при необходимости) и выполняются планы, способствующие позитивной социализации правонарушителя.

В случае достижения результата по проведенной встрече правоохранительные органы и суд учитывают его в вынесении решения или приговора в соответствии с действующим законодательством.

Развитие партнерства видится в том, что представители общества и государства совместно работают над созданием благоприятных условий (организационных, законодательных, идеологических и пр.) для проведения программ восстановительного правосудия, а также над совершенствованием самих программ.

§ 3. Задачи ведущего в программе примирения жертвы и правонарушителя

Такая программа применима к достаточно большому спектру ситуаций – как уголовных преступлений, так и бытовых конфликтов.

Прежде чем приступить к обсуждению особенностей проведения программ ВП с несовершеннолетними правонарушителями, схематично представим общую структуру программы примирения с точки зрения ее устройства и организации.

Программа состоит из четырех основных этапов.

Первый этап - подготовительный. На этом этапе координатор определяет, подходит ли ситуация для программы, выясняет необходимость и границы участия источника информации в программе, готовит условия для предварительных встреч (например, путем отправки писем сторонам) и/или передает информацию ведущему программы, который осуществляет первоначальный контакт со сторонами по телефону.

Второй этап - предварительные встречи со сторонами. На этом этапе ведущий:

1) представляет программу и устанавливает со сторонами доверительный контакт;

2) совместно с каждой из сторон выделяет ее проблемы и потребности, возникшие в связи с происшествием;

3) собирает предложения по исправлению ситуации;

4) принимает решение об уместности программы и ее типе (если ведущий убеждается в том, что встреча будет небезопасной для какой-либо из сторон, он или отказывается в проведении встречи, или проводит программу опосредованно, без встреч «лицом к лицу», согласуя те или иные вопросы с каждым участником в отдельности);

5) если стороны дали согласие, то готовит их к встрече;

6) учитывает пожелания сторон в организации встречи (состав действующих лиц, место и время проведения).

Как правило, сначала ведущий встречается с нарушителем, и только при его согласии на программу – с жертвой. Это связано с тем, что предлагать жертве участвовать в программе примирения мы вправе только в случае, если заранее, встретившись предварительно с обидчиком, убедились в его принципиальной готовности взять на себя ответственность за случившееся. В противном случае встреча «лицом к лицу» может привести к вторичной виктимизации жертвы.

Третий этап - встреча жертвы и правонарушителя. На этом этапе ведущий:

1) создает условия для проведения встречи (организация помещения, расположение участников, вступительные разъяснения и объявление правил);

2) помогает сторонам выразить свои чувства по поводу сложившейся ситуации, так чтобы это способствовало налаживанию взаимопонимания. Здесь жертва имеет возможность высказать, к чему привело происшествие, а правонарушитель – увидеть реальные последствия своих действий. Жертва может получить ответы на накопившиеся вопросы о том, почему это случилось именно с ней, как ей следовало бы поступить и т.п. На этом этапе обидчик получает возможность осознать и объяснить свое поведение, выразить раскаяние через сочувствие и извинение перед жертвой;

3) способствует выработке взаимоприемлемого решения по поводу возмещения ущерба и шагов по изменению жизненной ситуации правонарушителя, а при необходимости – и ситуации жертвы. Если на встрече выяснилось, что правонарушение спровоцировано алкогольной или иной зависимостью или отсутствием каких-либо социальных навыков, то принимается решение о направлении правонарушителя (при его согласии) в ту или иную реабилитационную программу;

4) формулирует достигнутые между сторонами договоренности в форме примирительного договора.

Четвертый этап - исполнение договора. На этом этапе ведущий:

1) подписывает вместе со сторонами протокол о выполнении договора;

2) при получении информации о невыполнении договора проводит переговоры о причинах

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних невыполнения, намечает с участниками стратегию выхода из данной ситуации и при необходимости организует дополнительную встречу сторон;

3) организует представление результатов программы примирения в официальные органы (суд, правоохранительные органы, КДН, ОДН, школу и т.п.).

§ 4. Несовершеннолетние правонарушители в программе примирения: вопрос ответственности

Проведение программ примирения показало, что большой трудностью в достижении целей программы является принятие подростком ответственности. Именно это часто вызывает недоверие к программам примирения со стороны представителей правоохранительных органов, многие из которых считают деятельность общественных организаций фактором, помогающим правонарушителю избежать ответственности. В программах ВП вопрос ответственности неотделим от целостной взаимосвязанной серии действий ведущего, подростка-правонарушителя и ближайшего социального окружения правонарушителя и жертвы. Ответственность правонарушителя находится в непосредственной связи со всеми другими результатами примирения. Для правонарушителя эти результаты состоят в:

- осознании последствий его действий для жертвы;
- понимании того, «зачем» совершено криминальное действие, и, соответственно, понимании собственных проблем, которые могут толкать на преступление;
- выстраивании позитивного будущего и в поддержке ближайшего окружения в этом процессе;
- в отдельных случаях - в восстановлении ощущения безопасности, избавлении от последствий клеймящих действий социального окружения и правоохранительных органов.

Как видно из вышеперечисленного, запуск всех этих процессов предъявляет достаточно высокие интеллектуальные и моральные требования к подростку. Как может он почувствовать боль жертвы, если совершил преступление именно потому, что не осознавал последствий своих действий? Чтобы ответить на вопрос

«зачем», подростку нужно осуществить достаточно сложное мыслительное усилие, абстрагироваться от различных стереотипов. А если он совершает преступление именно потому, что не может понять, что его толкает? Как ему восстановить чувство безопасности, если атмосфера многих отделений милиции и судов пронизана устрашением? Как подростку выстраивать собственное будущее, если он привык жить одним днем?

Двое подростков ограбили другого, младшего по возрасту, отобрав у него наушники от плеера. Было заведено уголовное дело и обидчикам предъявлено обвинение в грабеже. Информация о деле поступила в Центр СПР из следственного отдела РУВД «Таганский».

Мотивом, побудившим потерпевшую сторону согласиться на встречу, была возможность выяснить причины поступка ребят, выразить свои чувства, а также совместно обсудить вопрос о том, как предотвратить подобные ситуации. Такой мотив нередко встречается в ситуациях, когда у жертвы нет материальных претензий (наушники были возвращены). На предварительной встрече с нарушителями было заметно, что они и их матери тяжело переживали случившееся.

Во время примирительной встречи пострадавший мальчик и его отец охарактеризовали случившееся как насилие над личностью. Важным событием встречи стало развенчание самооправдания одного из подростков, который непосредственно не принимал участия в грабеже и поначалу считал себя не причастным к преступлению. Однако на встрече выяснилось, что само его присутствие на месте происшествия было фактом силового давления на жертву. В обсуждении было высказано мнение, что ему не хватает чувства независимости от других. Отец потерпевшего, обращаясь к провинившимся подросткам, сказал, что им важно понять: детство кончилось, и пришло время отвечать за свои поступки. Ведущий подхватил: «Что это значит для вас, что детство кончилось?». Хотя вопрос звучал для ребят достаточно абстрактно, он заставил их задуматься. Для ответа понадобилась неделя. На следующей встрече один из них подчеркнул важность умения ставить себя на место другого. Ведущий предложил ему пройти тренинг «Альтернативы насилию», целью которого было формирование способности понимания других и ненасильственного разрешения конфликтов. Подросток прошел тренинг.

Нередко инспектора ПДН, следователи, прокуроры и судьи безошибочно улавливают раскаяние подростков.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Само столкновение с уголовным судопроизводством порой становится глубоким потрясением для несовершеннолетнего правонарушителя. Но есть обстоятельства, которые могут и не попасть в поле зрения профессионалов уголовной юстиции. Нередко правонарушения становятся следствием специфических отношений в подростковой среде. Подросток связан групповыми нормами и ролью, которая диктует ему правила поведения (или желанием изменить роль и повысить свой статус).

Так, при проведении одной программы примирения по случаю угона автомобиля нам удалось выяснить, что подросток участвовал в краже и угоне в силу того, что подвергался давлению со стороны сверстников и одновременно стремился завоевать среди них высокий статус. Он часто проводил время на улице (семья находилась в распадае, и с ней в ходе примирительных встреч пришлось специально работать социальному работнику) и попал в компанию молодых людей, которые стали использовать его навыки работы с разного рода техникой для угона автомобилей. Ситуация изменилась, когда подросток понял, что таким способом завоевать уважение не может. В то же время криминальный образ жизни его не прельщал. После примирительных встреч он стал постепенно менять круг друзей и начал работать. Его технические способности, которые раньше использовались в криминальных целях, оказались востребованными в новой ситуации.

Ведомственные ориентиры мешают работникам правоохранительных органов и судьям видеть проблемы подростка. Проблемы не замечаются (или отступают на периферию сознания) именно потому, что не на это нацелены критерии оценки деятельности оперативников, следователей, судей.

Благоприятной почвой для правонарушений могут быть деструктивные процессы в семье, в частности отсутствие нормального взаимодействия и взаимопонимания между самими родителями, между родителями и детьми.

Примирительная встреча по случаю неоднократных краж у родственников и соседей выявила, что немалую роль в таком поведении подростка сыграли существенные разногласия

родителей, в том числе относительно стратегий воспитания.

В ходе встреч ведущие помогли:

* подростку – понять мотивы совершения им противоправных поступков и наметить конструктивные способы взаимодействия с родителями;

* родителям – осознать собственную роль, обнаружить внутри-семейные факторы, провоцирующие негативное поведение ребенка.

Попытки решения вопросов детской ответственности при проведении встреч жертвы и правонарушителя показали, что важным ресурсом программ ВП являются позитивные детско-родительские отношения. Если отношения подростка с родителями строятся на началах доверия, взаимопонимания и родительского авторитета, возрастает вероятность того, что примирительная встреча даст нужный эффект. Стыд перед родителями (или ближайшими родственниками) может подтолкнуть подростка к сочувствию жертве и пониманию факторов собственной ситуации, толкнувших на совершение противоправного поступка. Однако в подобных ситуациях порой можно обнаружить другую проблему – привычку некоторых родителей безгранично потакать ребенку и во всем защищать его. Здесь важно формировать как установку родителей, так и самого подростка на его ответственное поведение.

«Родители могут внести как ценный вклад в проведение встречи, так и стать значительной помехой. Некоторые родители доминируют на встрече. Часто с самого начала мы говорим родителям, что проблема в действительности существует между их сыном или дочерью и жертвой, и хотя они могут включаться в разговор на некоторых этапах, в основном диалог должен происходить между правонарушителем и пострадавшим. После этого им не следует позволять доминировать на встрече, если все же это происходит, необходимо предпринимать попытки вызвать подростка на общение. Если родители принимают на себя финансовую ответственность за своего сына или дочь, мы зачастую способствуем составлению соглашения между родителями и ребенком о некотором возмещении затрат. Например, родители возместили ущерб, причиненный действиями их

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

восьмилетнего сына, но ребенок согласился в течение определенного количества дней мыть посуду. Таким образом, в нем поощрялось чувство ответственности за свои поступки» [9].

Самыми сложными являются такие примирительные встречи, которые проходят на фоне либо фактического распада семьи либо непрерывного конфликта родителей, лишаящих ребенка родительской опеки и заботы и «выталкивающих» его на улицу. Если у подростка отсутствуют позитивные образцы и авторитетные фигуры в семье и имеется масса незаполненного времени, он, по-видимому, будет продолжать совершать различные противоправные поступки, как бы эффективно ни проводилось «улаживание» отдельных инцидентов. В этом случае возможно включение в примирительный договор пункта о программе социально-психологической реабилитации, которая должна компенсировать отсутствие позитивного семейного окружения. Выполнение такой программы контролирует **социальный работник**. Программа реабилитации может составляться и приниматься на примирительных встречах в совместных обсуждениях со всеми участниками при активном участии самого нарушителя.

Семья сама по себе может быть и не «в распадае», но в силу конфликта или отсутствия взаимопонимания ее положительное влияние на подростка минимально. В подобных случаях программы ВП можно разделить на два этапа:

- разрешение конфликта и (или) налаживание взаимопонимания в семье;
- проведение программы примирения жертвы и правонарушителя с участием родителей.

Предполагается, что такая работа будет содействовать укреплению семейных связей, возобновлению привязанности к семье и восстановлению обязательств подростка по отношению к близким. Выбор того или иного варианта проведения программы производится исходя из анализа конкретного случая.

Ведущие программ ВП должны понимать и учитывать, что правонарушения подростков провоцируются определенными отношениями в семье, школе, компании и, кроме того, связаны с некоторыми устойчивыми

поведенческими характеристиками, в частности уровнем криминальной зараженности, т.е. степенью вовлеченности в криминальную среду. В случае прогрессирующего асоциального поведения ребенка необходимо подобрать режим совместной деятельности различных специалистов – прежде всего ведущих программ примирения и социальных работников. В кооперацию имеет смысл включить также психолога, специалистов по социальной и социально-психологической реабилитации.

Если ситуация в семье неблагоприятная, подросток старается меньше бывать дома, как правило, прогуливает школу, находится в конфликтных отношениях с учителями, и постепенно к нему «прилипает» клеймо трудного ребенка с множеством нелестных эпитетов (лодыря, лентяя, бездельника, грубияна, драчуна, истязателя и т.д.). В такой ситуации ведущий может стать первым взрослым человеком, который пытается наладить контакт с ребенком:

«Многие подростки испытывают недостаток уверенности и/или замыкаются в себе, когда им приходится иметь дело со взрослыми (особенно взрослыми, облеченными властью или имеющими какие-либо полномочия). Это значит, что ведущим необходимо особенно заботиться о том, чтобы вызвать молодого правонарушителя на общение. Возможно, даже понадобится особенным образом обговорить с подростком его роль и то положение, которое он занимает на встрече (именно поэтому предварительные индивидуальные встречи обладают такой значимостью)» [9].

Существенно, что именно ведущий, а не представитель правоохранительных органов, начинает работать над созданием условий для примирения. Чтобы провести примирительную встречу, ведущий должен рассматривать ее потенциальных участников как равноправных партнеров, а себя как специалиста-посредника, не уполномоченного на принятие решений. Такая недирективная позиция ведущего, открывающая сторонам возможность принятия собственных решений, ставит многих подростков в проблемную ситуацию.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Можно выделить следующие шаги в работе ведущего по делегированию полномочий – шаги, которые становятся ступеньками для формирования ответственного поведения подростка-нарушителя:

1) обсуждение совместно с подростком смысла проведения примирительной встречи;

2) предложение подростку самому определить способ возмещения ущерба;

3) обсуждение его роли в примирительной встрече;

4) предложение выделить круг значимых лиц, которых он хотел бы видеть на примирительной встрече;

5) делегирование подростку окончательного принятия решения о необходимости проведения примирительной встречи.

При наличии таких отношений в семье, которые препятствуют формированию у ребенка привычки отвечать за последствия своих действий, приходится, как правило, проводить целый ряд встреч, посвященных как укреплению чувства ответственности самого подростка, так и изменению его взаимодействия с родителями.

Личный опыт автора показывает, что если подросток не выполняет договор о возмещении ущерба (а иногда даже не принимает такую постановку вопроса), это вызвано:

1) его уверенностью, что ущерб возместят родители;

2) чувством глубокой несправедливости происходящего (например, если подросток считает, что деяние совершено не им одним или его «подбили» на совершение преступления и он жертва козней сверстников);

3) сильной зависимостью от референтной группы (например, в среде признаваемых сверстников принято всеми способами избегать какой бы то ни было ответственности).

Трое подростков в подвыпившем состоянии угнали автомобиль «Фольксваген» 1979 г. выпуска. Машина была возвращена владельцу-пенсионеру, бывшему цирковому артисту. Но после их «поездки» автомобиль потребовал ремонта. Дело уже находилось в суде.

Владелец автомобиля согласился на примирительную встречу, очевидно, сострадав правонарушителям и понимая, что сумма ущерба по той калькуляции, которую он предоставил в суд, в полной мере выплачена

правонарушителями и их семьями быть не может в силу их финансовой несостоятельности. Основным требованием пострадавшего было возмещение минимального материального ущерба, чтобы он смог отремонтировать свою машину. По словам потерпевшего, он не хочет, чтобы подростков лишали свободы, так как не считает их злодеями.

На примирительной встрече было заметно, что в решении вопроса о возмещении ущерба подростки надеются на родителей. Ведущий, реализуя принцип участия правонарушителей в исправлении ситуации, предложил подросткам выйти в другую комнату и подумать над тем, как они смогли бы разрешить эту проблему собственными силами. Хотя ведение программ предполагает совместное обсуждение, в данном случае требовалось оставить подростков наедине, чтобы они не чувствовали давление или опеку со стороны присутствующих взрослых. После пятнадцатиминутного обсуждения ребята вернулись и сказали, что намерены в счет погашения материального ущерба выплачивать пострадавшему в течение некоторого времени ежемесячно 2/3 своей зарплаты. Родители согласились с решением своих детей.

Все условия договора о компенсации материального ущерба подростками были выполнены.

Примирительная встреча обладает важнейшим ресурсом для возникновения чувства ответственности за содеянное. Именно встреча дает возможность нарушителю перейти от порой скрытого оправдания своих действий и враждебности к жертве (в том числе за обрушившееся на него уголовное преследование) к раскаянию и подлинному стремлению загладить нанесенный вред. Раскаяние чаще всего происходит тогда, когда правонарушитель «очеловечивает» жертву.

Криминальная ситуация обычно ведет к нагнетанию отрицательных эмоций: злости, вражды, мстительности, агрессии. И эти эмоции нередко выплескиваются на самой встрече. За гневом жертвы, который направлен на обидчика, стоит боль, вызванная случившимся. Ведущий должен озвучить переживания жертвы. Такая же работа ведется с гневом, агрессией или, напротив, замкнутостью и закрытостью нарушителя. Важно правильно реконструировать и поименовать стоящие за эмоциями переживания, привести стороны к сочувствию и взаимопониманию. Ведущий производит «оче-

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

ловечивание» и снятие стереотипов «жертвы» и «преступника» через взаимопредъявление переживаний и побуждение сторон к их признанию. Именно на встрече, «глаза в глаза», обидчик может увидеть в жертве человека с его болью и переживаниями, и ведущий создает условия для того, чтобы тот не обесценил, а как бы «прочувствовал» чувства другого человека. Такие приемы, как «Я-сообщение», переформулирование, рейф-реминг (возможность посмотреть на событие с другой точки зрения) и др., используемые ведущим и постепенно преобразующие «ткань» встречи, помогают состояться процессу персонализации («очеловечивания»). Когда жертва и правонарушитель начинают видеть друг в друге конкретных людей, переговоры по поводу возмещения ущерба проходят легче. В судебном заседании персонализации не происходит: стороны чаще всего действуют в соответствии со своей формальной позицией и не обнаруживают подлинных переживаний (в том числе раскаяние и стыд).

Сьюзан М. Рецинджер и Томас Дж. Шефф называют шаги правонарушителя и жертвы навстречу друг другу «символическим возмещением», которое, по их мнению, является ключом к подлинному примирению:

«Идеальный результат, с точки зрения символического возмещения, предполагает два шага. Сначала правонарушитель ясно выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Жертва в ответ предпринимает по крайней мере первый шаг на пути к прощению правонарушителя. Эти два шага можно назвать «восстановительными действиями». «Восстановительные действия» способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем. Воссоздание этой связи символизирует более значительное восстановление в сравнении с тем, которое произойдет между правонарушителем и другими участниками, полицией, общиной. Несмотря на то что эмоциональный обмен, составляющий основу «восстановительных действий», может быть весьма кратким (возможно, несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных

преступлений. «Восстановительные действия» оказывают свое влияние также и на соглашение о возмещении ущерба. За примирением на эмоциональном уровне, как правило, следует достижение соглашения, которое удовлетворяет всех участников» [10].

§ 5. Особенности проведения программ примирения по случаям нанесения ущерба юридическим лицам

В ходе работы по проведению примирительных встреч наметилось новое направление работ – проведение программ примирения по случаям нанесения ущерба юридическим лицам. Это магазины, жилищно-коммунальные хозяйства (ЖКХ) в лице их подразделений – ДЭЗов, ГУРЭПов г. Москвы, которые терпят ущерб от краж подростков, снимающих металлические изделия (алюминиевые козырьки, двери) с подъездов и сдающих их в пункты приема цветных металлов¹.

Задача ведущего при организации встреч состоит в том, чтобы больше действовать для пострадавшего (и того же потребовать от преступника), чем против преступника [4, с. 233]. Особенно важно позаботиться о том, чтобы процесс был налажен именно таким образом в случае, когда правонарушение совершено против юридического лица (организации). Почему это так? Если пострадавшая сторона – физическое лицо, то он или она естественнее будут акцентировать внимание на собственных проблемах и потребностях, возникших в результате криминальной ситуации. Принцип «больше действовать для пострадавшего» прямо соответствует состоянию физического лица – жертвы.

В случае же совершения правонарушения против организации можно столкнуться с ситуацией, когда руководитель той или иной организации ничего не хочет, кроме как «действовать **против** преступника» (наказать).

¹ Например, в период с декабря 2000 по март 2001 г. представители ГУРЭП-51 района «Новые Черемушки» участвовали в слушании 60 уголовных дел по кражам имущества их жилищного фонда (подсудимые – подростки и взрослые).

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

Например, руководитель одного из ДЭЗов (двое молодых людей сняли портал лифта) на примирительной встрече отказался принять от них деньги в качестве возмещения ущерба. В подобных случаях может идти речь о возникновении у представителей программ ВП дополнительной задачи – поиске лица, реально пострадавшего от правонарушения. И такое лицо обычно находится. Какому-нибудь технику или дворнику снизили зарплату в счет погашения материальных затрат на ремонт испорченного подростком оборудования. Кто-то получил гипертонический криз или инфаркт, принимая жалобы граждан, получив известие о том, что один из жителей выпал из окна подъезда без защитных жалюзи или провалился в шахту лифта из-за украденного портала, или покалечился из-за упавшей балки подъездного крыльца, где недавно подростки сняли защитные жалюзи. Кто-то просто начал тихо ненавидеть всех подростков из-за необходимости многократно участвовать в судебных процессах в качестве гражданского истца.

В силу того что ЖКХ – большие организации с развитой иерархической структурой и обилием ответственных лиц, заказчиков и исполнителей, для проведения эффективных примирительных встреч важно найти человека, готового обсуждать проблемы, возникшие в результате правонарушения как у него лично, так, возможно, и у организации, у других людей. В таком случае задача ведущего, встречающегося с представителем ЖКХ, состоит не только в объяснении задач и содержания примирительной встречи, но и в определении того, насколько человек, представляющий организацию, может донести подростку всю тяжесть последствий совершенного им поступка, повернуть его к реальности судеб живых людей – ведь вред нанесен им, а не абстрактному государству. Необходимо раскрыть принципы ВП – объяснить, что цель программы примирения состоит не том, чтобы воспитать-наказать одного, «чтоб другим неповадно было», или извлечь максимальную выгоду из этого «предприятия», получив возможность компенсировать ущерб от нескольких десятков сломанных другими подростками лифтов, жалюзи, дверей и т.д. Важно сформировать установку пострадавшей стороны на обсуждение конкретных

последствий содеянного и возможностей возмещения вреда в максимально короткий срок силами самого подростка. Это может привести и к исцелению человека, понесшего ущерб, и к пониманию подростком того, что он живет среди людей и ответствен перед ними за свои поступки.

Такая цель, как исцеление жертвы, может быть принята представителем гражданского истца¹, особенно в случае, если нанесенный ущерб привел к денежным санкциям против материально ответственного лица. Например, в связи с кражей алюминия с подъездов у техников ГУРЭПа вычли значительную часть заработной платы.

Важной становится апелляция к такой задаче ВП, как планирование изменений в ситуации нарушителя, поскольку, видимо, никто из представителей организаций ЖКХ не хочет повторения подобных деяний. Опыт проведения программ показал, что представители организаций достаточно охотно откликаются на участие в решении этой задачи, поскольку здесь начинают действовать два фактора – забота о благополучии организации (неповторения подобных случаев) и возможность в более короткие сроки получить возмещение ущерба в той форме, которая выгодна организации. Нельзя снимать со счетов и человеческую отзывчивость. При проведении одной из подобных встреч представитель ГУРЭПа (женщины) проявили почти материнскую заботу о подростке, что вызвало у того сильное чувство стыда.

Двое подростков сняли в одном из подъездов жилого дома дверь, спрятав ее в гараже, а другую демонтировали (вынули из нее части из цветного металла – алюминия). Информация о деле поступила от социального работника Черемушкинского суда.

Оба подростка согласились принять участие в примирении с представителями ГУРЭП, признав свою неправоту и желая каким-то образом возместить нанесенный материальный ущерб.

Первоначально, по установленному порядку, предполагалось, что представлять ГУРЭП будет юридическая служба. Но ведущий программы примирения

¹ В данном случае пострадавшая сторона юридически признается гражданским истцом.

Раздел II. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних

по прежнему опыту знал, что юрист организации не заинтересован в каких-либо реабилитационных мероприятиях по отношению к подросткам и не может эмоционально и ярко описать последствия совершенного деяния для фактического материально ответственного лица. Таковым является директор ГУРЭПа. Поэтому именно к нему направились ведущий с социальным работником с предложением об участии в примирительной встрече. Директор ГУРЭПа первоначально не желала разбираться в ситуации и общаться с подростками («таких дел с кражей дверей у меня проходит уже шесть, и я устала от постоянного общения с судами и представителями правоохранительных органов»). Но после того как ведущему удалось объяснить важность участия подростков в возмещении причиненного ими вреда, она согласилась. Наряду с гуманистическими мотивами не менее важным и естественным для директора было восстановление дверей и нежелание связываться с судом: заявлять гражданский иск, тратя на это время и силы.

Поначалу директор ГУРЭПа была настроена довольно агрессивно, но в ходе примирительной встречи ее позиция изменилась. Она даже стала проявлять к провинившимся сочувствие и заботу об их будущем («теперь я вижу, что вы не злодеи, а нормальные ребята, и думаю, что это стало для вас уроком»). При обсуждении причин поступка выяснилось, что подросткам нужны были деньги. Один из ребят хотел сдать экзамен на права, другой – помочь семье (престарелый и выпивающий отец получает только пенсию, мать умерла, а старшая сестра не работает, так как сидит с маленьким ребенком). Если на предварительной встрече с ведущим директор и слышать не хотела о том, чтобы взять ребят к себе на работу, то на примирительной встрече сама предложила поработать у нее дворниками.

Вместе с отцом одного из подростков ребята восстановили обе двери, сотрудники ГУРЭПа были вполне удовлетворены качеством работы.

Литература

1. *Айртсен И.* Примирение между жертвой и правонарушителем в случае серьезных преступлений: последовательное и структурное изменение парадигмы // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. В 2-х кн. Кн. I. / Под ред. М. Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 122-129.

2. *Воскобитова Л.А.* Правовое регулирование процедуры примирения в уголовном судопроизводстве // Государство и право на рубеже веков (Материалы Всероссийской конференции). Криминология. Уголовное право. Судебное право. М., 2001. С. 198-203.
3. *Забрянский Г.И.* Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М., 2000.
4. *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.
5. *Максудов Р., Флямер М.* Программы примирения в России: технология и действующие лица // Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998. С. 326-350.
6. Проблемы совершенствования правосудия в отношении несовершеннолетних в России и международный опыт создания ювенальной юстиции (Материалы международной конференции). ПРООН. СПб., 2000.
7. *Флямер М.* Опыт Центра СПР по включению процедур примирения в уголовное правосудие (комментарий к алгоритму) // Вестник восстановительной юстиции. 2000. № 1. С. 43-52.
8. Юридический алгоритм осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних // Вестник восстановительной юстиции. 2000. № 1. С. 52-54.
9. *Amstutz L.S., Zerh H.* Victim Offender Conferencing in Pennsylvania's Juvenile Justice System, 1997. (*Амстутс Л.С., Зер Х.* Конференция жертвы и правонарушителя в системе ювенальной юстиции Пенсильвании: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
10. *Retzinger S.M., Scheff T.J.* Strategy for community conferences: emotions and social bonds. J.Hadson and B.Galaway (eds.), Restorative Justice: International perspectives. Monsey, NY: Criminal Justice Press. (*Рецинджер С.М., Шефф Т. Дж.*

ГЛАВА 6

Расширение области применения восстановительного способа: опыт разрешения конфликтов в учебных заведениях и семьях

Практика проведения программ ВП постепенно стала распространяться на конфликты и криминальные ситуации, не попавшие в орбиту уголовного правосудия. Речь идет, в первую очередь, о школьных и семейных конфликтах.

В школе подросток проводит значительную часть времени и контактирует с массой людей. В школе возникает борьба за власть между разными лидерами и группами. В результате кто-то становится изгоем, что нередко ведет к прогулам – ведь избежать нежелательных контактов в школе подростку достаточно сложно. И тогда школьный социум сменяется улицей.

Школьные конфликты среди детей во многом обусловлены негативной семейной обстановкой. Это:

- * трансляция от родителей к детям агрессии как основного способа реагирования на сложные ситуации взаимодействия с другими людьми;

- * излишняя опека со стороны родителей, не позволяющая подросткам полноценно осваивать опыт жизни в коллективе сверстников;

- * неумение родителей сохранить или наладить контакт с ребенком, а также «наказывающая стратегия» воспитания;

- * неприспособленность многих семей к тем изменениям, которые произошли в нашей стране за последнее десятилетие, отсутствие семейных образцов адекватной организации жизнедеятельности, низкий авторитет родителей.

Отсутствие нормальной психологической атмосферы в семье, трудности социализации подростков нередко ведут к непрекращающимся конфликтам между детьми и

родителями, имеющим порой криминальный характер, – кражам, избиениям. Такие семьи фактически преждевременно «выталкивают» подростков на улицу, и те выходят в мир, не имея ориентации и необходимых социальных навыков: построения отношений с другими людьми, ненасильственного разрешения межличностных конфликтов, самоконтроля, завоевания авторитета среди сверстников цивилизованными средствами, целеполагания и реализации жизненных планов, независимого поведения [2].

Семья, не привившая ребенку хотя бы части перечисленных навыков, является той средой, на которой «произрастает» преступное поведение.

§ 1. Некоторые особенности реагирования школ на конфликты и криминальные ситуации

Снижение воспитательной функции семьи приводит к тому, что в школах возрастает количество краж, ограблений, вымогательств, избиений. Правоохранительные органы в силу специфики своей деятельности не решают социально-реабилитационных и коррекционных (гуманитарных) задач, поэтому большинство школ и семей стремится не выносить подобные – фактически криминальные – ситуации вовне.

Еще одной «горячей зоной» являются конфликты между учениками или учениками и учителями. В конфликты часто втягиваются родители, пытающиеся повлиять на ситуацию.

Реагирование на конфликтные и криминальные ситуации, которое практикуется педагогами, школьной администрацией, педсоветами или школьными советами по профилактике правонарушений, зачастую тоже имеет обвинительный и карательный характер. Здесь преобладает стремление к клеймению и изоляции нарушителя (отсаживание на заднюю парту, перевод в класс коррекции, принуждение к уходу из школы). При этом чувства и состояние пострадавшего обычно не принимаются во внимание. Случаются даже обвинения жертвы в том, что она спровоцировала действия нарушителя, а последнему редко дается реальная

возможность самому исправить ситуацию, восстановить нарушенные отношения. Видимо, все это приводит к тому, что школьники не воспринимают официальные формы организации школьной жизни как средство регулирования конфликтов и криминальных ситуаций. Кроме того, в некоторых случаях недостаточно разрешить проявившийся конфликт. Например, если его корни – в нарушенных семейных отношениях, нужны программы, позволяющие восстанавливать отношения в семье.

Представляется, что одна из главных причин неприятия школьниками форм организации школьной жизни в качестве средств регулирования конфликтов и криминальных ситуаций (как показал наш опыт, подобные формы не воспринимают даже так называемые благополучные дети) состоит в том, что в школе в целом, несмотря на усилия отдельных педагогов, **культивируются модели внешнего контроля и клеймящего воздействия** на нарушителей дисциплины¹. Брейтуэйт характеризует данное обстоятельство как разрыв в социализации:

«Основная проблема социализации в современных обществах заключается в том, что по мере взросления детей в семье мы постепенно отучаем их от контроля посредством наказаний, начиная прибегать к внушению стыда и обращениям к внутреннему контролю. Переход от семьи к школе связан с частичным возвратом назад – к опоре на формальное наказание как основе социального контроля. Дальнейший переход к социальному контролю, осуществляемому полицией на улицах, дискотеках и в барах, представляет собой полное возвращение к модели наказания. Другие основные институты социализации подростков – школа и полиция – осуществляют разрыв с установками развития, заложенными в семье» [7].

¹ В практике Центра «Судебно-правовая реформа» известен случай, когда в одной из школ Таганского района после случая ложного вызова органов милиции в связи с якобы заложенной бомбой директор школы провел виновника по всем классам, произведя тем самым санкционированное администрацией клеймение.

По мнению специалистов, в работе школы и правосудия существуют сходные проблемы. Судья МакЭлри из Новой Зеландии проводит следующие параллели между подходом к нарушителям в официальном правосудии и школе:

«1. Профессионалы (судьи, юристы, учителя) находятся под определенным контролем. В суде большая часть действий происходит в треугольнике, означенном позициями судьи, прокурора и защитника. В случае со школами директор, Попечительский совет и Министерство образования составляют похожий треугольник (хотя я готов признать, что Совет включает в себя членов общины).

2. Ни правонарушитель, ни община, к которой он относится, в результате фактически не имеют слова. По большому счету, результат процедуры - это решение облеченных властью, а не вопрос переговоров. (Не странно ли, что в обязанности Совета даже не входит выслушать ученика? Что такое положение вещей говорит о модели, действующей в настоящий момент?)

3. В основанных на правилах и обычаях системах для правонарушителя снижена возможность измениться под влиянием чувства стыда и раскаяния (их следует отличать от публичного унижения).

4. «Правила правят». Наказание в суде и дисциплинарные меры в школе считаются справедливыми, если в каждом конкретном случае четко следовали строго определенным правилам. Мера справедливости - сама процедура, а не ее результат.

5. Не делается реальной попытки более широко подойти к вопросу об ответственности за содеянное.

6. Причины правонарушения не исследуются, и поэтому попытки предотвратить вторичное совершение правонарушения чрезвычайно слабы.

7. Происходит заметная концентрация внимания на правах отдельной личности без соответствующего внимания к правам (и обязанностям) общины.

8. Ресурсы общины, использование которых может оказать положительное влияние на результат, зачастую игнорируются.

Как результат всех этих недостатков в традиционной судебной модели отсутствует сознательное принятие на себя ответственности за исправление ситуации. Я полагаю, это верно и для системы образования. Вместо этого процветает отношение «с глаз долой – из сердца вон». Изолируя виновного от общества или школы (посредством заключения в тюрьму или исключением из школы либо лишением на время права посещать занятия), мы думаем, что решили проблему. На самом деле, мы просто отодвинули ее во времени и пространстве – хотя, развиваясь, она может только обостриться» [8].

Работники школы стремятся не сообщать о внутришкольных криминальных ситуациях в милицию и КДН, однако многие из них понимают, что отсутствие полноценного разрешения ситуации создает у нарушителей чувство безнаказанности. Семье и школе требуются способы разрешения конфликтных и криминальных ситуаций, которые могли бы быть освоены не только большинством учителей и родителей, но и самими детьми. Способы должны быть эффективными, достаточно простыми в освоении и направленными на поддержку активности сторон в разрешении конфликта. На наш взгляд, этим требованиям и удовлетворяет способ, использующийся в программах восстановительного правосудия. И Центр СПР начал проводить программы ВП в школах и семьях.

§ 2. Проведение восстановительных программ в школе: первый опыт, проблемы и результаты

После установления отношений сотрудничества с рядом школ Таганского и Академического районов Москвы в Центр стала поступать информация о конфликтных и криминальных ситуациях. Связь со школами идет через школьных психологов, социальных педагогов, классных руководителей и заместителей директоров по учебно-воспитательной работе. Они сообщают координатору программ фабулу происшествия и информацию об участниках. Данные фиксируются в регистрационных

карточках, которые собираются в офисе Центра, и передаются ведущим. Администрация школ часто предоставляет помещение для предварительных и примирительных встреч, а также помогает обеспечить участие сторон.

Ведущий программы оценивает, насколько ситуация соответствует критериям программ. Приняв дело, он встречается с каждой из сторон¹. В ходе обсуждений необходимо определить, какую работу может взять на себя сама школа, чтобы поддержать и закрепить позитивные результаты. На примирительной встрече может обсуждаться и **реабилитационная программа**, включающая различные пункты как для правонарушителя, так и для жертвы. В некоторых случаях для обеспечения реабилитации необходимо привлечь КДН, психологические и досуговые центры. Через некоторое время после проведения программы ВП координатор связывается с представителями школ для получения обратной связи. При необходимости возможно продолжение программы.

Что показало проведение программ примирения в школах? Исходя из полученного опыта можно утверждать, что важнейшим условием использования восстановительного способа для разрешения школьных конфликтов является заинтересованность заместителя директора по учебно-воспитательной работе. Основная сложность состоит в потребительском отношении к программам части учителей, которые ждут, что если «трудный» ребенок попадет на программу, там его воспитают и вернут послушным. Но вряд ли стоит ожидать воспитательных эффектов без изменения отношения самих учителей. Речь идет о поддержке тех трансформаций, которые могут происходить с подростком на примирительной встрече. Так, однажды в результате проведенной нами встречи между двумя конфликтующими классами ребята решили помириться и в знак этого провести совместный «Огонек». Однако администрация школы запретила мероприятие, сославшись на плохую успеваемость в этих классах. В

¹ См. перечень этапов работы ведущего в § 3 главы 5. – Прим. ред.

результате стремление ребят наладить отношения не было поддержано и закреплено.

Очень трудно разрешать конфликты между учениками и учителями. В одной школе мы попытались провести восстановительную программу для учителей и учеников класса, который, по мнению педагогического коллектива, является самым «трудным» в школе. На встрече большинство учителей не приняли постановку откровенных вопросов со стороны ребят и отвергли принцип равноправного диалога с классом. Мы увидели школьные обыкновения, на преодоление которых направлен восстановительный способ разрешения конфликтов: административная позиция учителей по отношению к ученикам, неприятие диалога с ними, неспособность обсудить в конструктивной манере взаимные претензии.

Способ, за счет которого школьные работники пытаются удержать контроль за успеваемостью, безразличен к проблемам взаимоотношений – как между учениками и учителями, так и в среде самих учеников. В значительной части школ способы разрешения конфликтов и криминальных ситуаций не обеспечивают личностное развитие детей. Стремление избавиться от нарушителей дисциплины приводит к тому, что в масштабе города образуются «школы-отстойники» (это могут быть и ПТУ), в которых накапливается масса «трудных» подростков. Подобная «воспитательная политика» ведет к формированию криминальных групп.

Нельзя сказать, что эта ситуация характерна только для российских школ. Изменения внутришкольной политики в сторону большей юридизации, формального подхода, попытки манипулировать детьми с помощью тех или иных психологических методик, по мнению Кей С. Химовиц, все больше отдаляют учеников от учителей в американских школах.

«Все эти перемены привели к тому, что директора школ и учителя больше не стараются создать своего рода сообщество, которое раньше надежно гарантировало хорошую дисциплину. Когда все идет, как должно, т.е. так, как это веками происходило по всему миру, директор школы создает сплоченный коллектив, объединенный четкими нравственными

принципами, который дает всем, кто к нему принадлежит, чувство собственной значимости. Люди соблюдают моральные принципы прежде всего потому, что таковы правила поведения в этом коллективе, а не потому, что они боятся наказания. Такое сообщество строится не на юридическом и бюрократическом вмешательстве и не на бессмысленных упражнениях; в нем принят индивидуальный подход, основанный на том, что главное лицо в нем проявляет покровительство и доброжелательность и заслуживает уважения.

Вот почему хороший директор всегда должен осязательно присутствовать в коридорах, классах, столовой. Он приходит задолго до того, как начинаются уроки, и надолго задерживается после занятий; он знает всех учеников по именам, шутит с ними и подбадривает их. Он знает, какой эффект может произвести одно мягкое напоминание и какой мощный отклик может оно вызвать, потому что он обладает стойкими моральными принципами и хорошо знает своих учеников. Он работает со всем своим штатом – от учителей до водителей автобусов, – чтобы они смогли поддержать его в его труде.

Такого директора, конечно, первым делом волнует вопрос безопасности. Фрэнк Микенс, директор большой средней школы в неблагополучном Бруклине, просит 17 своих сотрудников дежурить в близлежащих кварталах, когда ученики идут из школы домой, а сам сидит в машине рядом со станцией метро, следя за тем, чтобы не возникало драк и хулиганы не приставали к младшим или менее агрессивным детям. Когда дети видят, что взрослые действительно хотят их защитить, школа может стать сообществом, побуждающим к привязанности и доверию.

В действительности же школьные директора редко проявляют подобное геройство. Большинство превращаются в тех, кого Джон Чабб и Терри Мо в своей книге «Политика, рынки и американские школы» называют «администраторами низшего порядка», просто исполняющими решения свыше. Учителя часто жалуются, что директора школ, возможно, сломленные потерей собственного

авторитета, отступают в свои кабинеты, где проводят собрания и переключают бумаги. Они занимают оборонительную позицию. «Никого не трогай. Занимайся своим делом», – такова позиция директора одной нью-йоркской начальной школы.

В средних школах, где с детьми справляться труднее, оборонительная позиция директора передается и учителям. «Забойсь о своей безопасности, – так формулирует главный свой принцип учитель нью-йоркской средней школы. – Если дети дерутся, отойди в сторону. Вызови инспектора или охрану. Не вмешивайся». То, что учителям советуют полагаться на охрану, – 30 лет назад такое и в голову никому бы не пришло, – говорит и об отсутствии нормальных отношений между взрослыми и детьми, и о невыполнении школой роли сообщества. Если взрослые перестают по тысяче раз в день произносить слова ободрения, напоминания и порицания, остается лишь прибегнуть к авторитарным мерам.

Когда взрослые теряют свой авторитет, дети перестают им доверять и отстраняются. Американские школы превращаются в то, что социолог Джеймс Соулман называл «подростковым сообществом», интересы которого ограничиваются проблемами назначения свиданий, секса и потребительства. При отсутствии руководства взрослых подростковое сообщество будет все более обособливаться» [6].

Несмотря на трудности, большинство ситуаций, о которых Центр получал информацию из школ, удалось разрешить с помощью программ ВП.

Можно выделить следующие группы ситуаций, с которыми нам приходилось работать:

1) случаи, близкие к криминальным (драки, кражи, насилие); результаты – возмещение ущерба и принесение извинений нарушителем;

2) конфликты внутри классов и между разными классами; результаты – примирение сторон, достижение взаимопонимания между сторонами, прекращение эскалации конфликта;

3) случаи, в которых конфликт подростков приводил к конфликту родителей; результаты – примирение родителей;

4) случаи отвержения детей в классе; результаты – налаживание взаимопонимания между отверженным ребенком и остальными ребятами в классе.

§ 3. Школьные конференции

В большинстве случаев результат программы не ограничивается только локальным разрешением конфликта, но имеет для участников и отдаленный эффект в виде восстановления отношений, изменения поведения, изменения отношения к жизни.

В школах прошла апробацию программа «**Школьная конференция**». Подобные конференции эффективны, когда конфликтная или криминальная ситуация затронула большое число участников. Сторонами в конференции выступают группы или человек и группа. Достаточно стандартным поводом для проведения школьных (или общественных) конференций являются драки, унижения или издевательства. Такие конференции могут проводиться также в случае угрозы исключения ученика из учебного заведения в связи с систематическим срывом занятий или наличием у него прогулов. «Восстановительное правосудие в состоянии предложить лучший выход при практическом решении сложных дисциплинарных проблем, чем исключение из школы или отстранение от занятий «трудных» подростков» [8]. Здесь появляется возможность выявить проблемы ученика (часто семейные) и наметить пути их разрешения силами сверстников, специалистов школы, родителей.

Школьные конференции помогают также при разрешении затяжных конфликтов между классами, между учеником и классом, классом и учителем (учителями). В некоторых случаях, когда разгорается конфликт между учеником и классом, необходимо участие психолога или социального работника для поддержки ученика, поскольку иначе силы противоборствующих сторон неравны.

Важную роль школьные конференции могут сыграть для преодоления ситуации отвержения (остракизма)

ребенка в классе. В определенных случаях предметом насмешек являются те или иные физические недостатки. В других – сам отверженный провоцирует своим поведением негативную реакцию других детей. Неумение ребенка строить отношения со сверстниками, психологическая травма, которая начинает проявляться в его поведении, те или иные невротические наклонности вызывают отторжение со стороны части класса. Обычно дети достаточно жестоко реагируют на нарушение сложившихся групповых норм, и нередко начинается травля такого ребенка. Учителя в подобных случаях пытаются выявить зачинщиков и начинают их «прорабатывать», что мало помогает: те сами нуждаются в коррекции поведения. Ведущий конференции, напротив, апеллирует к здоровому ядру класса, которое в силу специфики детского возраста может просто не замечать проблем отвергаемого ученика, а иногда провоцировать конфликтные ситуации. На одной из конференций, которая проводилась в 5-м классе по случаю неоднократных драк (в течение нескольких месяцев) группы из трех человек с учеником того же класса, выяснилось, что остальные ученики рассматривали эти драки как гладиаторские бои. В ходе конференции дети стали обсуждать, как им в будущем предотвращать подобные ситуации. Тем самым победило здоровое ядро класса.

Конференции позволяют ребятам обратить внимание на собственное поведение и наметить пути изменения. Участники получают возможность высказать друг другу свои претензии и «выговориться», обсудить факторы, вызывающие враждебность, и сделать шаг к взаимопониманию. Одновременно фактически идет **обучение восстановительному способу разрешения конфликта**. Как-то один из ведущих наблюдал перебранку учеников класса, с которым до этого проводилась конференция. Вдруг одна из участниц говорит: «Стоп! Давайте говорить по очереди и не обижать друг друга».

Необходимым элементом конференции является поддержка ведущим инициатив, направленных на личностный рост конфликтующих сторон. Например, если дети начинают вырабатывать цивилизованные правила поведения в группе, следует поддержать эту инициативу

и дать возможность высказаться всем участникам. Одновременно важно выявить факторы, мешающие диалогическим формам взаимодействия учеников и учителей. На одной конференции, проводившейся в ПТУ, где сложилась группа, притеснявшая значительную часть учащихся (избивала, вымогала деньги), в ходе встречи выяснилось, что действия преподавателей и администрации, направленные на изменение ситуации в ПТУ, малоэффективны в силу их низкого авторитета у подростков. А это явилось следствием невнимания администрации ПТУ к проблемам учащихся. Ведущему важно уметь работать уже не только с отдельными подростками, но и с подростковыми (детскими) компаниями (сообществами). В противном случае есть опасность, что конференция воспроизведет обычный режим групповых взаимодействий, где фактически лишь получают подтверждение «властные полномочия» лидеров. Исключительно важна роль того, кто в дальнейшем поддержит все положительное, что может укрепить нормальные отношения между участниками конференции (в этой роли могут выступать социальные работники, учителя, школьные психологи).

Освоение и использование программ примирения и школьных конференций отвечает наболевшим вопросам школьной жизни, таким, как:

1) обеспечение новыми способами работы классных руководителей, социальных педагогов и школьных психологов и тем самым повышение неформального статуса работников, осуществляющих воспитательную работу в школе, а также повышение степени управляемости поведением подростков;

2) совершенствование взаимодействия родителей и педагогов в воспитательной работе и тем самым повышение доверия к школе со стороны населения.

Важной задачей Центра СПР в работе со школами является не столько разрешение отдельных ситуаций, сколько обучение самих учителей и других школьных специалистов навыкам проведения программ ВП. Одним из проектов Центра является создание на базе школы службы примирения, в которой старшеклассники могли бы работать в качестве ведущих программ ВП.

§ 4. Подростковые сообщества¹

Проведение программ ВП в школе показало, что во многих случаях необходимо учитывать и выявлять влияние компаний. Подростковое сообщество помогает ребятам осваивать «взрослые» способы поведения и действия. В подростковых сообществах приобретает способность к личному выбору друзей и подруг, проживаются и отстаиваются – часто как форма независимости от взрослых – глубокие отношения со сверстниками: любовь, дружба, ненависть. Сообщество сверстников помогает подростку сформулировать ценности и жизненные цели, дает возможность личностной самореализации. Значительную роль в этом играют «экстремальные» (а в некоторых группах криминальные) поступки, через которые подростки начинают осознавать в себе личностное (независимое от правил, которым они следуют в мире детства) начало. Через прохождение и обсуждение экстремальных поступков создается личностная идентичность подростков в мире.

В подростковых компаниях осваиваются различные способы завоевания статуса и лидерской позиции, навыки кооперации и взаимопомощи. Поэтому здесь соблюдается принцип «не стучать», который является одним из наиболее признаваемых. Важным элементом жизни подросткового сообщества являются драки. В них выясняется, кто есть кто. Драки – своеобразный экзамен для подростка на степень соответствия идеалу «настоящего парня». От того, как ведет себя подросток в драках, зависит его статус среди сверстников. Отсюда и своего рода кодекс чести, разный в разные времена и в разных местах, но всегда задающий некоторые принципы, которые не позволяют «правильным» дракам выйти за определенные рамки (например, один-на-один, лежачего не бить, до первой крови, без оружия и т.п.).

¹ В параграфе используются материалы исследования подростковых сообществ, выполненного А.Гатауллиным и Р.Максудовым. См.: *Гатауллин А.Ф., Максудов Р.Р.* Материалы исследования, проведенного в 1992-1993 гг. социологической лабораторией Казанского государственного университета. Архив автора.

Конфликты в подростковом сообществе чаще всего разрешаются силой². Если при этом лидерство перехватывают агрессивные и корыстные, они постепенно начинают терроризировать всех ребят на территории. Иногда такая подростковая компания перенимает криминальные способы жизни и отношения к другим людям и группам (начинает грабить, красть, вымогать деньги, угонять машины, насиловать и шантажировать своих жертв) и тем самым вырождается в шайку. Чаще всего такая подростковая группа попадает в орбиту деятельности правоохранительных органов, имея за собой шлейф безнаказанных нарушений в школе или на улице. Достаточно редко в школах и ПТУ «замечают» такую эволюцию. Главная причина того, что те или иные действия подростков вовремя не пресекаются, – в способе работы с конфликтными и криминальными ситуациями, который практикуется школьной администрацией. Нельзя сказать, что она совсем не пытается работать с конфликтами и правонарушающим поведением. Но часто методы, которыми производятся «дознание» (направленные на то, чтобы найти виновника и обеспечить его признание) и разбирательство конфликтных и криминальных ситуаций, основаны на поощрении ябедничества и доносительства (что приводит к ситуациям отвержения доносчиков) и устрашении. Это приводит к тому, что школьники не обращаются к учителям даже в случаях достаточно серьезных происшествий. Здесь принцип «не стучать» уже начинает терять свои осмысленные границы и может служить на руку «молодым криминальным авторитетам».

В ходе проведения восстановительных программ могут в той или иной степени выделяться и формулироваться нормы и правила жизни сообществ. Здесь ведущему нельзя забывать о соблюдении принципа нейтральности, даже если он внутренне не согласен с теми или иными «законами» подростковой компании. Ведущий создает условия для самоопределения подростков – нужны ли им такие нормы и правила и какие правила и нормы им нужны. Важнейший вопрос, который здесь может прозвучать: «К чему может

² Как дети сами могут решать конфликты, красиво показано в романе Голдинга «Повелитель мух».

Программы ВП в семьях, проведенные Центром СПР

Первоначально работа строилась в рамках проекта «Право на детство» Российского благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании» (РБФ НАН). В настоящее время работа с семьями ведется по проекту «Восстановительные технологии в профилактике социального сиротства» в рамках программы «Помощь детям-сиротам в России» в Академическом и Таганском районах. Дела направляются КДН Управы «Академическая» и инспекцией по делам несовершеннолетних РУВД «Таганский». В период с 1999 г. по январь 2001 г. Центром СПР были проведены восстановительные программы по 10 случаям конфликтов в семье, по 4 случаям угроз социального сиротства, 4 случаям краж в семье и 2 случаям уходов из дома.

привести следование таким нормам и правилам?» Так, на примирительной встрече двух футбольных команд по случаю драки после матча стороны поняли, что необходимо следовать правилу «зона спорта должна быть свободной от драк».

Важным элементом школьной конференции является налаживание диалога подростковой компании со взрослыми, а также с ребятами, не согласными с теми или иными действиями группы.

§ 5. Организация работы по проведению программ ВП в семьях¹

5.1. Некоторые тенденции в работе КДН и ПДН с семьями

Мы уже говорили, что истоком многих криминальных и конфликтных ситуаций в детской и подростковой среде являются неблагоприятные ситуации в семьях. С 1999 г. специалисты Центра начали вести программы ВП в семьях.

Обычно сигналы о неблагополучной ситуации ребенка поступают в подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) управлений внутренних дел и

¹ В параграфе использованы материалы работы [5].

комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) районных органов местного самоуправления¹ (в Москве это Управы).

КДН и неблагополучные семьи. В работе КДН с семьями можно выделить некоторые общие черты и тенденции.

- Характер деятельности КДН (административного органа, осуществляющего карательные функции в отношении несовершеннолетних и их родителей) сохранился с тех времен, когда действовал старый УК РСФСР, несмотря на то что новый УК РФ возложил назначение мер воспитательного воздействия в отношении лиц, достигших возраста уголовной ответственности, на суд. Стиль рабочих заседаний многих комиссий остался прежним: там рассматривают материалы и протоколы, составленные сотрудниками милиции, ставят на учет и выносят решения административного типа. Вместе с тем в работе многих комиссий отсутствуют инструменты диагностики кризисных ситуаций и организации социальной работы.

- В работе КДН наблюдается образ «вращающихся дверей», когда приблизительно одна и та же группа подростков и родителей периодически вызывается на заседания, по их поводу принимаются решения и те уходят, чтобы через некоторое время вновь явиться по вызову. Надо отметить, что сегодня ряд председателей, секретарей, членов КДН пытается переориентировать свою деятельность на использование методов и приемов, позволяющих достигать воспитательных и социализирующих эффектов².

- Председатель комиссии параллельно вынужден решать несколько задач:

- вести обсуждение, в котором участвует порядка десяти человек, членов КДН, придерживающихся различных ценностных приоритетов;

¹ См. Краткий юридический словарь в Приложении. – *Прим. ред.*

² Нам известна плодотворная работа в этом направлении КДН Черемушкинского района г. Москвы, КДН Великого Новгорода, Урая Ханты-Мансийского автономного округа, Тюмени. В настоящее время в рамках КДН Академического района г. Москвы выделены ставки для социальных педагогов, которые могли бы работать с неблагополучными семьями.

- объясняться с посетителем, который часто нервничает и плохо понимает, что вокруг него происходит;

- успокаивать чрезмерно возбужденных родителей, вызванных на КДН;

- анализировать случай, давая реалистичный диагноз ситуации и прогноз ее развития;

- устанавливать рабочий контакт с приглашенными на заседание (для реализации принятого решения он должен установить партнерство с ними);

- экономить время, поскольку часто у дверей кабинета, где заседают члены комиссии, скапливается очередь из приглашенных родителей и подростков.

Не удивительно, что решить все эти задачи не получается, и в результате на заседании зачастую преобладают эмоции, решения принимаются под давлением интересов милиции (карательный подход предлагает «простые» рецепты). Таким образом, чрезвычайно трудно найти решение, которое было бы адекватно проблемам той семьи и того подростка, с которыми комиссия встретилась на заседании.

• КДН не выступает инициатором создания реабилитационных программ в районе. А без этого невозможно выполнить роль координатора работы с молодежью группы риска и несовершеннолетними правонарушителями.

• КДН практически не в состоянии содействовать трудоустройству подростков.

В 2000 г. Центр начал работать с КДН Академического района г. Москвы. Обычная ситуация в работе комиссии состоит в том, что ее сотрудники сталкиваются со сложными социальными проблемами – конфликтами и кризисами в семьях, подростковой преступностью, но не имеют никаких специальных инструментов, кроме порицания (угроз), штрафов, путевок в детский летний лагерь или лишения родительских прав с направлением ребенка в интернат. Мы обратили внимание на КДН как организацию, чье существование дает шанс на институционализацию восстановительного правосудия в области работы со всем спектром подростковых и семейных криминальных ситуаций и конфликтов, где инструменты ВП и

специализированной социальной работы будут не просто уместны, но и востребованы.

Постепенно в течение 2000 г. в Центре сложилось отдельное направление работы, в котором соединились следующие задачи:

а) преобразовать работу отдельных комиссий так, чтобы они стали менее судоподобными и более «социальными» органами, чтобы приоритет в их деятельности сместился с наказания к мерам помощи и содействия семьям и подросткам в преодолении конфликтов, алкоголизма, насилия или девиантного поведения;

б) выработать на основе концепции ВП и опробовать в пилотных проектах методики ведения восстановительных программ и социальной работы по случаям правонарушений несовершеннолетних, детской безнадзорности и угрозы социального сиротства;

в) на основе анализа опыта работы содействовать реформе системы КДН в целом на федеральном, региональном и местном уровнях;

г) вносить поправки в законодательство о КДН.

Данное направление работы Центра соотносится с историей ювенальной юстиции и опытом ведения восстановительных программ с подростками (опыт реформ ювенальной юстиции в США, Новой Зеландии, Австралии, Канаде, странах Европы).

ПДН и неблагополучные семьи. Работа ПДН подчинена исполнению ведомственных функций (постановка на учет, заполнение документов, выполнение работ в рамках дознания и следствия по делам несовершеннолетних). Достаточно детально особенности работы и проблемы ПДН (ОППН) показаны А.А.Сукало:

«Главным изъяном существующей практики социально-профилактической деятельности, на наш взгляд, является отсутствие взаимодополняемости правоприменительной и социально-педагогической работы на территориях. При разрозненной деятельности служб МВД, системы народного образования и, тем более, между ними эффект фрагментарности значительно усиливается...

В сложившейся практике социально-профилактической деятельности основная роль

отведена отделам предупреждения правонарушений несовершеннолетних (инспекциям по делам несовершеннолетних) и соответствующим подразделениям уголовного розыска. Деятельность этих подразделений регламентируется нормативными документами – соответствующими приказами МВД – и осуществляется в рамках действующего законодательства.

Изучение содержания нормативных документов и анализ практической деятельности инспекторов ОППН (ИДН) выявляет ряд существенных противоречий и проблем, изначально предопределенных существующими нормативными документами. Главной проблемой представляется противоречие между объемом закрепленных приказами функциональных обязанностей и реальной возможностью их осуществления. В функции инспектора ОППН входит помимо социально-педагогической деятельности выявление и постановка на учет определенных категорий несовершеннолетних, профилактическая работа по отдельным направлениям: контроль за поведением несовершеннолетних, осужденных условно; употребляющих спиртные напитки и наркотические вещества; имеющих психические расстройства; доставленных в ОППН по различным основаниям, в том числе заблудившихся и покинутых, оставшихся без родительского попечения; взаимодействие с комиссией по делам несовершеннолетних, судом, органами прокурорского надзора, учебными заведениями.

В обязанности инспектора также включена работа с родителями в неблагополучных семьях; с воспитателями-общественниками; ведение учетно-профилактических карточек и профилактических дел; работа по заявительским материалам; оформление различного рода документации, предусмотренной и не предусмотренной приказами... Учитывая сложившуюся практику прокурорского надзора и служебного контроля, ориентированного на документальное оформление действий, инспектор неизбежно уделяет приоритетное внимание процедурным вопросам... Значительная часть лимита

времени затрачивается на розыск несовершеннолетних, если нет возможности их вызова, и на решение неотложных ситуаций, нарушающих все первоначальные планы деятельности.

Такая иерархия значимости и последовательности направлений служебной деятельности оставляет мало возможностей для непосредственной работы с несовершеннолетними и их родителями... Подопечному с позиций закона разъясняются правовые последствия его поведения и чаще всего – характер мер, которые могут быть к нему применены. Более глубокий психолого-педагогический контакт требует гораздо больших человеческих и профессиональных ресурсов, которыми инспектор не располагает» [4].

К сожалению, по причине загруженности и частой сменяемости инспекторов Центру пока не удалось достичь эффективного взаимодействия с ПДН. В настоящее время интерес к программам ВП проявили инспектора ПДН ОВД «Таганский»¹, а также представители прокуратуры Таганского района.

5.2. Программа примирения в семье

Именно в **дисфункциональности семьи**² нередко кроются причины криминальной активности подростка. Для работы с такими случаями предназначена **программа примирения в семье**. При проведении программы ставится задача на преодоление разрушительного для семьи и ребенка способа внутрисемейного взаимодействия. Кризис семьи может потребовать и более глубоких форм работы, таких, например, как семейная психотерапия, но программа примирения в этом случае даст возможность сделать шаг членам семьи к осознанию необходимости собственных усилий и изменению стратегий поведения.

Эта программа предполагает, что родители и дети встречаются в спокойной обстановке и с помощью ведущего формулируют и выражают взаимные

¹ Важную роль в поддержке программ восстановительного правосудия играет прокурор Таганского района А.М.Атаршиков, а также начальник ПДН ОВД «Таганский» Н.Г.Щурова.

² См. также главы 8–9. – Прим. ред.

претензии. Порой просто спокойное выслушивание друг друга приводит к положительному результату и укрепляет взаимоотношения. Роль ведущего заключается в том, чтобы помочь ясно сформулировать и донести до сторон имеющиеся претензии. Ведущий помогает создать доброжелательную обстановку, позволяющую сторонам выслушать и принять друг друга и поддержать усилия на выработку соглашений о совместной жизни. Иногда ситуация неравновесности ролей (родитель и ребенок) требует, чтобы ведущий помог озвучить претензии той или иной стороны. Если присутствует социальный работник, он может также восстановить баланс отношений, поддерживая сторону.

Андрей¹ совершал многочисленные кражи вещей и денег из дома, магазина, у друзей. Было две попытки суицида.

Родители: отец – В. И., мать – А. Ю.

В ходе предварительных встреч выяснилось разногласие позиций родителей в понимании дальнейших действий по разрешению ситуации. Мать считала, что Андрею в любом случае нужно помогать и прощать его. Отец рассказал о многочисленных кражах сына, в том числе у друга самого В.И. Считает, что с сыном ничего сделать невозможно. Выяснилось также, что когда к Андрею приезжают друзья из другого города, он выгоняет из комнаты сестру, чтобы оставить их у себя. Мать со всем этим смирилась. Для нее главное сохранить теплые отношения с сыном, поскольку, по ее мнению, в такой ситуации только она может ему помочь. Ситуация с сыном и разногласия супругов фактически вели к распаду семьи. В ходе бесед было достигнуто согласие на проведение примирительной встречи.

Состоялась и предварительная беседа ведущего с Андреем. Выяснилось, что подросток знает о своей привычке к кражам, оценивает ее негативно, но изменить ничего не может. В какие-то моменты у него возникает неодолимое желание украсть. По поводу приезда друзей он считает, что прогоняет сестру справедливо, поскольку, когда он приезжает в Санкт-Петербург, они дают ему возможность переночевать.

На примирительной встрече присутствовали мать, сестра Андрея Лена и сам Андрей. Отец не участвовал, поскольку был в отъезде. Ведущий предложил задать друг другу вопросы, касающиеся совместного проживания, выслушать

¹ Имена детей и членов семьи изменены. – *Прим. ред.*

мнение каждого и принять решение, которое устраивало бы всех. Сестра и мать сказали о неудобствах и проблемах, возникших в семье в связи с поступками Андрея. В ходе встречи матери было предложено выработать позицию по отношению к его поведению, поскольку от этого страдает младшая дочь. Выработка позиции матери по отношению к действиям сына, отказ от «всепрощенья» и принятие на себя ответственности за происходящее были важнейшими итогами встречи.

В ходе встречи была достигнута следующая договоренность:

- Будет куплен сейф для защиты от краж Андрея.
- Когда к нему приедут иногородние друзья, они будут уходить и Андрей не будет прогонять сестру из комнаты.
- Будут копиться деньги на перегородку, отделяющую Лену от Андрея

• Андрей согласился поехать в трудовой лагерь или пойти в поход в Карелию, организованный реабилитационными службами РБФ НАН.

Семье была дана информация о бесплатных консультациях психолога и работе реабилитационных служб в округе (в т.ч. РБФ НАН). Мать и Лена в течение месяца проходили психотерапию. В намеченные сроки Андрей находился в трудовом лагере (поход в Карелию был отменен), посещал реабилитационную программу «Перекресток» РБФ НАН. С его слов, ему там было интересно.

§ 6. Особенности проведения программ ВП в случаях угрозы социального сиротства

Особой работы требуют случаи социального сиротства.

Проект Центра СПР в рамках программы «Помощь детям-сиротам в России» нацелен на использование восстановительных программ в ситуациях угрозы социального сиротства.

Для предотвращения социального сиротства необходимо иметь представление о типах ситуаций, провоцирующих ребенка к уходу из семьи и толкающих на совершение деструктивных по отношению к себе (наркомания, токсикомания) и другим (кражи, грабежи, разбой, хулиганство, драки, вымогательства, вандализм и пр.) действий. В результате дискуссий со специалистами,

работающими с детьми и семьями группы риска, нам удалось выделить следующие типы ситуаций.

Долговременные конфликтные отношения в семье, травмирующие психику ребенка. Если у родителей существует, даже тщательно скрываемый, затяжной конфликт, ребенок чувствует это. Часто враждебность в отношениях начинает переноситься на ребенка или он становится картой в семейных играх (когда родители направляют ребенку враждебные послания друг о друге). В таких условиях ребенок не получает достаточной заботы и опеки со стороны родителей. Чаще всего он не может самостоятельно справиться с такой ситуацией,

Социальный сирота – это ребенок, имеющий биологических родителей, которые, однако, по каким-либо причинам не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем. В этой ситуации государство вынуждено взять на себя заботу о ребенке [см. 3].

начинает искать компанию, где получит признание и понимание, и уходит из дома (гуляние во дворе, частые походы к друзьям и просто попытка убежать «куда глаза глядят»). К подростковому возрасту, когда из-за такой семейной ситуации авторитет родителей утерян и не найдены новые позитивные авторитеты из числа взрослых или сверстников, такой ребенок оказывается в составе детей группы риска (например, токсикоманов) или шайки малолетних правонарушителей.

Отсутствие в семье средств, поддерживающих процесс взросления, или использование родителями неадекватных средств контроля, тормозящих процесс взросления или придающих ему уродливую форму [1]. Такую ситуацию можно обозначить как «невыстроенность» в семье канала взросления для ребенка. Если семья не помогает ребенку самоопределяться и понять свои возможности в мире — как строить отношения с другими людьми, как решать те или иные ситуации, чем заниматься в будущем, как достичь успеха, прокормить себя, обрести семью, воспитывать детей – он будет искать те группы, которые дадут ему это понимание. Такой ребенок вынужден сам искать путь, помогающий ему взрослеть. Другой вариант

проблем этой категории – использование родителями неадекватных для подросткового возраста или особенностей психофизиологии ребенка методов воздействия. Чаще всего это проявляется в насильственных методах «воспитания». Родители (в основном отцы) избивают детей за непослушание, нарушение правил распорядка, установленных родителями.

Необеспеченность нормального социобиологического существования ребенка. Чаще всего такая ситуация складывается, когда семья из-за войны в Чечне или притеснений в других странах СНГ приезжает в Россию и вынуждена заниматься сбором подающих. Ребенок выключен из всех структур, которые обеспечивают его нормальное бытие, и уже в раннем возрасте попадает в орбиту уличной преступности и начинает вести борьбу за выживание принятыми в криминальной среде способами. Такое же положение складывается при родителях-алкоголиках, когда ребенок вынужден приносить домой деньги, добытые каким угодно путем.

«Круги заботы». В Центре СПР разработана специальная программа ВП «круги заботы», использующая общинные традиции российских народов¹. Такие «круги» проводятся в случаях, когда разрушены отношения в семье или происходит ее распад, и наиболее адекватны в ситуациях угрозы социального сиротства². «Круг» формирует эквивалент семейных отношений, поддерживающих ребенка.

При соотнесении с приведенной в начале параграфа типологией ситуаций, провоцирующих социальное сиротство, можно утверждать, что проведение «кругов» целесообразно для первых двух типов.

Можно выделить некоторые особенности «кругов» в зависимости от семейной ситуации.

¹ Процедуры проведения «кругов заботы» сложились под влиянием «кругов правосудия», практикуемых в Канаде и использующих традиции североамериканских индейцев, и «семейных конференций», практикуемых в Новой Зеландии и использующих традиции коренного населения маори.

² Подробнее о принципах и особенностях проведения «кругов» см. в § 2 главы 7. – *Прим. ред.*

Отсутствие взаимопонимания в семье может осознаваться самими родителями. Явный конфликт может отсутствовать, и стороны ориентированы не столько на примирение, сколько на помощь и поддержку в достижении согласия и нормализации отношений. Проведение «кругов» обусловлено проявлением заботы родителей о том, что отсутствие взаимопонимания выталкивает ребенка из семьи и заставляет пускаться в рискованные для его возраста предприятия.

Фактический развал отношений между родителями может привести к тому, что взрослые не осознают негативных последствий для ребенка характера собственных взаимоотношений. Занятость родителей собственным конфликтом может привести даже к тому, что уходы ребенка из дому почти не замечаются. В этом случае инициатором «круга» становится школа, КДН или ПДН, и чаще всего необходима глубокая работа с родителями (иногда с помощью специалистов) для возможного их участия в «круге».

В случаях, когда «круг заботы» проводится по поводу изменения родительской стратегии «воспитательного воздействия», необходима достаточно сложная работа с родителями. Некоторыми родителями приход в семью представителя программы ВП или социального работника может оцениваться как покушение на их власть. Здесь необходимо установление с ними глубокого контакта и обсуждение последствий «воспитательного воздействия» для семьи и ребенка.

В случаях фактического отказа родителей от ребенка совместно с отделом опеки может проводиться «круг», позволяющий собрать и обсудить возможности родственников в плане взятия ими реальной ответственности за судьбу ребенка. «Круг заботы» может использоваться и в случае помещения ребенка в интернат (детский дом) с целью сохранения его связей с родственниками.

В случаях заболеваний (психических, алкоголизма или наркомании) родителей или детей «круг» возможен после проведения определенной работы социальным

работником и другими специалистами – наркологом, психологом и т.д.

В организации «кругов заботы» необходимо участие социального работника. Исключительно важно также достижение партнерских отношений с КДН и отделом опеки. В случае развала семьи родители могут согласиться на участие в «круге» под угрозой лишения родительских прав, и здесь именно слаженная работа ведущего, социального работника, представителей КДН и органов опеки может дать результат¹. Важную роль такое партнерство играет также в случаях насилия в семье, когда реализация ст. 77 Семейного кодекса об изъятии ребенка в случае угрозы его жизни и здоровью может стать началом восстановительных и реабилитационных процедур. От социального работника поступает основная информация о ситуации и потенциальных участниках «кругов». Он же следит за выполнением принятых участниками обязательств.

Литература

¹ Такое партнерство сегодня начинает складываться в Академическом районе за счет совместных усилий Центра СПР, КДН и органа опеки. Большую роль в этой работе играют Ольга Юрьевна Смирнова и Тамара Павловна Прощалыкина.

1. Бандура А., Уольерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 2000.
2. Лезель Ф. Воспитание - наказание - помощь - в чем нуждаются молодые нарушители? // Дети и юноши в конфликте с законом. Доклад регионального семинара республик Балтии. Юрмала, Латвия 30 мая - 2 июня 1994. Издание ICCB, 63, rue de Lausanne, CH - 1202 Geneva, Switzerland.
3. Социальная педагогика: Курс лекций / Под общ. ред. М.А. Галагузовой. М., 2000.
4. Сукало А.А. Проблемы социально-педагогического контроля криминальной активности молодежи //www.narcom.ru.
5. Флямер М.Г., Максудов Р.Р. Комиссия по делам несовершеннолетних (КДН): реалии и перспективы. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2000.
6. Химовиц К.С. Современные школьные фобии // ww.russ.ru/ist_sovr/20000530_ximov.html.
7. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. Cambridge University Press, 1989. (Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)
8. McElrea F. «Win-win» Solutions to School Conflict. Contemporary issues in education law: Strategies for Best Practice. Sydney, Australia, 7-9 July 1997. (МакЭлри Ф. Конфликты в школе: решение «выигрыш-выигрыш»: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)

Анализ случаев: запрос на социальную работу

Комментарий редактора.

В предыдущих главах, где описаны процедуры и конкретные случаи использования программ ВП, фактически продемонстрирована более сложная структура реализации восстановительного способа, нежели первоначальное схематическое описание процедуры посредничества, данное в главе 4, где акцент ставился на работу ведущего. Основное отличие состоит во введении новой позиции – социального работника. Возможно, это специфика восстановительной работы именно с детьми. Хотя следует иметь в виду, что успешное использование программ ВП и в работе со взрослыми правонарушителями осуществляется в странах с развитой социальной инфраструктурой правосудия (будь то социальные службы, пробация или общинные и религиозные институты). В любом случае ВП осуществляется не автономно – недаром такое значимое место в самой концепции принадлежит общинам (местным сообществам). В России, в отсутствие социально-реабилитационной инфраструктуры правосудия, программы ВП в какой-то мере начинают интенсифицировать ее складывание, а в масштабе проведения работ с конкретными случаями (а дальше – в пилотных проектах) появляется необходимость включения социального работника.

По-видимому, мало смысла в вопросе «что шире» – ВП или социальная работа. Мы видим, что программы примирения включают социальную работу как элемент восстановительного способа, а в последующих главах убедимся, что социальные работники используют программы ВП как средство реабилитации, и тем самым рассматривают ВП как инструмент собственной работы. Поэтому важнее рассмотреть вопросы практические: потребность названных позиций друг в друге, а дальше – функциональное разделение и формы взаимодействия. В перспективе речь идет о построении новых деятельностных комплексов по работе с несовершеннолетними.

В данной главе будет рассмотрено два конкретных случая, где проведение программ примирения привело

ведущих к запросу на социальную работу.

§ 1. К проекту развития деятельности по реагированию на подростковые правонарушения (заметки ведущего)

Задача анализа случаев – обобщить и схематизировать отдельный опыт, проявить на схеме то, что в момент осуществления деятельности было скрыто либо не признавалось значимым. Таким образом, схема, доводя до осознания некоторые ранее скрытые аспекты рабочей ситуации, создает ориентир для развития деятельности.

В качестве примера рассмотрим случай, анализ которого позволил в 1999 г. сформулировать общий вывод о характере сложности наших ситуаций и необходимости формировать в работе с подростками связки социальный работник – ведущий программы ВП.

В конце сентября 1999 г. в Центр пришла информация об одном правонарушении. Его участники – двое ребят 12 и 13 лет – не достигли возраста уголовной ответственности. Поэтому милиция, получив заявление от пострадавшей, отказала в возбуждении уголовного дела и направила материалы в КДН.

Фабула правонарушения¹. Из материалов дела следовало, что около часа ночи заявительница (Наталья Константиновна) возвращалась домой и увидела, что в ее машине сидят подростки и пьют пиво. Она подошла к машине и стала выгонять ребят. Они отказывались выйти, тогда она схватила одного из них за руку (того, что был поменьше), его звали Ренат, и выволокла наружу. Вторым подростком, Сергей, вышел сам и стал «отбивать» своего друга. Он использовал баллончик со слезоточивым газом. Получив струю газа в лицо, женщина упала. Ребятам удалось вырваться.

Переживания пострадавшей. Позже в беседе с Натальей Константиновной я выяснил, что она была очень разгневана отказом ребят выйти из машины и намеревалась тащить Рената в милицию. Когда упала, порвала джинсы. Кроме того, очень испугалась за свое

¹ Имена участников криминальной ситуации изменены.

здоровье: в прошлом у нее была операция на позвоночнике, и она боялась последствий падения. Беседа с пострадавшей проходила около полутора часов, в конце разговора она благодарила меня за звонок, сказала, что от самой беседы ей стало легче. В отношении своего участия в программе примирения пострадавшая сказала, что не верит в эффективность встреч с мамами и ребятами. Она объяснила свою позицию следующим образом: «Я часто вижу маму Сергея – она работает в магазине «Овощи» продавщицей – и чаще всего пьяной. Я пробовала заговорить с ней, но она не пошла на контакт – разговор велся на повышенных тонах». В конце концов Наталья Константиновна сказала, что если бы ее просила встретиться сама мать Сергея, согласилась бы. А что встречу предлагает посторонний человек (ведущий программы), ее не устраивает.

Таким образом, вопрос с проведением встречи сторон был отодвинут. Тем временем подошло время заседания КДН, посвященного разбору отказного материала по случаю Рената и Сергея. И это заседание перевернуло мои представления об организации нашей работы.

Заседание КДН. Большую роль на этом заседании сыграла Т.Н. Зарицкая – председатель КДН и председательствующая на заседании комиссии. Как ведущего программы примирения между жертвой (Натальей Константиновной) и нарушителями (Ренатом и Сергеем) с участием их родителей меня в тот момент волновал только один вопрос – как бы проведение заседания КДН не воспрепятствовало восстановительному пути реагирования на правонарушение.

Когда ход рассмотрения протоколов и отказных материалов дошел до нашего случая, Т.Н. Зарицкая поддержала мою точку зрения, чтобы правонарушение разбиралось на программе примирения, а не на заседании КДН. И начала формулировать иное направление анализа (разберем фрагмент, относящийся к Ренату): а как вообще, в целом, проходит жизнь Рената, как у него дела в школе, все ли нормально в доме и т.п. Предпосылкой постановки этих вопросов стало то обстоятельство, что правонарушение ребята совершили в час ночи, когда детям следовало бы спать.

Присутствующая на заседании директор школы, где учился Ренат, сказала, что после начала нового учебного года тот едва ли неделю был в школе (а была уже середина октября). Директора тревожила эта ситуация, и она преподносила ее как упрек матери.

И тут между мамой Рената, председателем КДН (Т.Н.) и директором школы произошел диалог, который лучше привести детально.

Мама Рената (гневно): Это неправда, что Ренат не посещает школу. Он посещает школу. Я это точно знаю.

Т.Н.: А откуда вы это знаете?

Мама (с жаром): Я доверяю своему ребенку: если он говорит, что идет в школу, значит идет (агрессивно). Что же я ему не должна верить, так по-вашему?

Т.Н.: Мой вопрос в том, по каким признакам вы определяете, что сын учится?

Мама: Я не поняла вопрос, что значит «по каким признакам»?

Т.Н.: Когда ребенок учится, то происходят изменения, по которым это видно. Например, прибавляются записи в тетрадях. В определенный момент тетради кончаются, и ребенок просит купить ему новые. Сколько новых тетрадей вы ему купили с начала года? Смотрите ли вы сами учебные тетради – идет ли в них прирост записей?

Мама (неуверенно, но все еще защищаясь): Не помню, но я доверяю своему сыну. Он каждое утро уходит. Я отправляю его в школу, и он каждый день возвращается.

После чего диалог прерывается бурными эмоциями членов КДН, обращенными к маме Рената, она начинает плакать и обвинять всех собравшихся и т.п.

Осмысление ситуации заседания КДН. Значение вопросов председателя комиссии «о признаках» состояло в том, что они обратили внимание на состояние семьи и родительского контроля. Действительно, из слов директора школы и ответов мамы получается, что у Рената имеется масса пустого времени, в частности из-за того, что семья недостаточно контролирует его учебу и времяпрепровождение. Это – значимый фактор организованности поведения подростка, определяющий до некоторой степени, чем он занимается в течение дня.

Но тогда возникает более общий вопрос: будет ли проведение программы примирения между Ренатом и

Натальей Константиновной эффективным с точки зрения безопасности общества и позитивной социализации самого ребенка, если этот фактор не будет учтен? По-видимому, нет: вероятнее всего, если не внести изменения в характер семейного контроля, то Ренат будет продолжать совершать различные правонарушения, как бы эффективно ни была проведена работа по вовлечению Натальи Константиновны и правонарушителей в разрешение возникшей между ними ситуации.

И второй момент. Если бы на заседании КДН не произошел такой поворот в обсуждении – на анализ школьной дисциплины и семейного контроля, я про это так и не узнал бы, поскольку эти вопросы не входят в содержание предварительных встреч.

Осмысление ситуации работы ЦСПР. Для специалиста КДН и ведущего программ примирения возникает вопрос: каким образом реагировать на криминальные конфликты и правонарушения подростков? Должны ли при этом учитываться и каким образом, состояние семьи, наличие или отсутствие родительского контроля и т.п. факторы? Если мы как ведущие восстановительной программы, отрабатывая модель примирения жертвы и правонарушителя, в принципе умеем втягивать стороны в программы «ликвидации последствий криминальных ситуаций своими силами» (программы примирения), обеспечивая осознание, возмещение ущерба, исцеление (удовлетворение) пострадавшего, то в работе с подростками-нарушителями реализации одной этой модели может оказаться недостаточно.

Мы стали приходить к пониманию, что поведение подростков более правильно рассматривать на схеме 1. Их отклоняющееся и правонарушающее поведение определяется влиянием семейных и школьных факторов, включенностью в различные подростковые группы. И именно с этим, более широким и разнородным, объектом сталкивается ведущий (и КДН), стремясь сработать с таким источником беспокойства и виктимизации общества, как подростковые правонарушения.

Поведение подростка

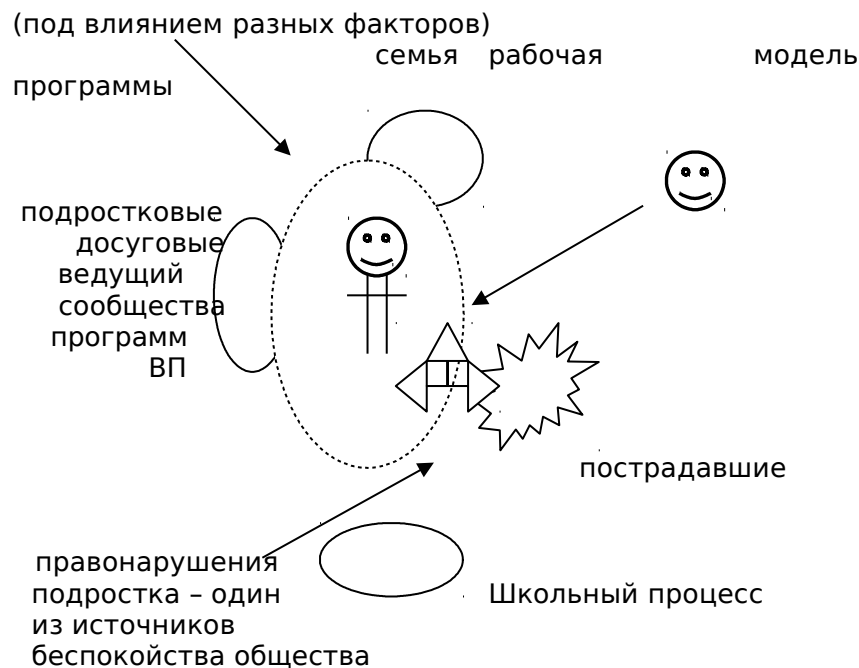

Схема 1.

И перспектива позитивной социализации подростка зависит от того, насколько эффективно удастся сработать **не только с отношениями жертва-правонарушитель, но и с другими факторами, влияющими на поведение и жизнеустройство ребенка.**

Вспомним, что выветилось за счет дискуссии на заседании КДН: если состояние семьи и родительского контроля в ней таково, что фактически у подростка отсутствуют позитивные ориентиры и имеется масса пустого времени, то он, вероятнее всего, будет продолжать совершать различные правонарушения, как бы эффективно ни разрешился криминальный инцидент в рамках программы примирения жертва-правонарушитель. Но тогда беспокойство общества в связи с правонарушениями подростков не исчезнет.

Из схемы видно: для того чтобы этот источник беспокойства исчез и сложился процесс позитивной

социализации подростка, необходимо, особенно если случай указывает на его прогрессирующую десоциализацию, организовать такую деятельность, которая систематически учитывала бы совокупность факторов и контекстов, определяющих и жизнедеятельность и криминализацию подростка.

Таким образом, пользуясь схемой, можно наметить два принципиальных направления развития, которые могут реализоваться и вместе и по отдельности:

1) изменение рабочей модели программы ВП, используемой для работы с правонарушениями несовершеннолетних, в сторону систематического учета обозначенной ситуации в рамках самой восстановительной программы;

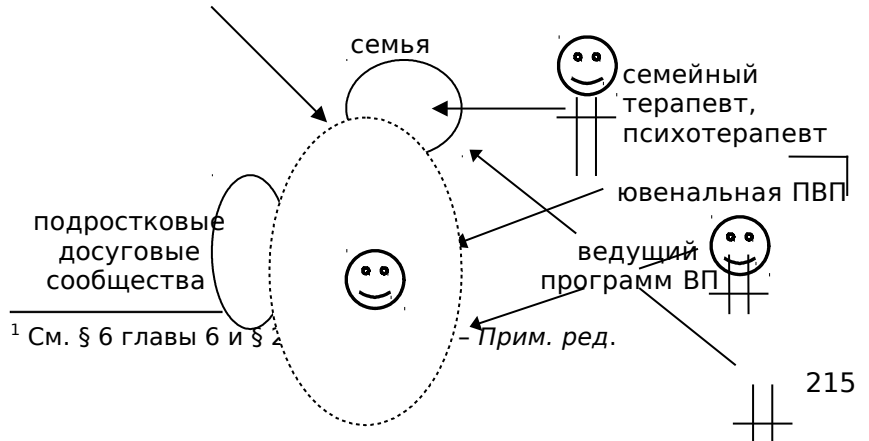
2) организованное подключение к работе со случаями разных специалистов – семейных терапевтов, социальных работников, психологов.

Мы можем нарисовать схему 2, по сути выражающую принципиальный проект, в котором соединятся оба направления совершенствования деятельности по реагированию на подростковые правонарушения.

Проект предполагает следующие направления работы.

Во-первых, замену рабочей модели восстановительной программы на специализированную (ювенальную) восстановительную программу (**ювенальная ПВП**). Это направление начало складываться тогда же в 1999 г., когда появился термин, сигнализирующий о поиске новых моделей восстановительной работы – «круг заботы»¹.

Поведение подростка
(под влиянием разных факторов)

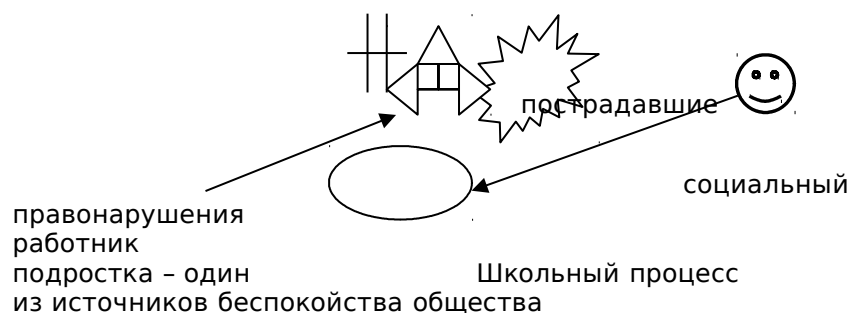

Схема 2.

Во-вторых, подбор режима совместной деятельности различных профессионалов. Необходимо научиться использовать программы примирения жертвы и правонарушителя, «круги заботы» и примирение в семьях **с участием других специалистов** (социальных работников, психологов) **или в режиме кооперации** с ними.

Подобные организационные схемы могли бы определить структуру работы по восстановлению и социальной реабилитации семьи и подростка, осуществляющейся под эгидой КДН.

Программа работы со случаем. Схема позволяет выделить четыре фокусировки и, соответственно, наметить четыре типовых задачи, составляющих (по отдельности или в комплексе) программу работы со случаями.

1. Фокусировка на дисфункциональности организующих жизнедеятельность подростка образований (например, семьи) с точки зрения обеспечения его позитивной социализации. В этом случае ставится задача налаживания единицы социализации, диагностированной как дисфункциональная, включая сюда использование самых различных способов и техник: разрешения конфликтов, семейной терапии, преодоления алкогольной зависимости, помощи в коммуникации, программ примирения между членами семьи или в рамках подросткового коллектива (школьные конференции) и т.п.

2. Фокусировка на десоциализации подростка, обусловленной социальными и, возможно, психофизиологическими причинами, включая сюда оценку стажа десоциализации и ее последствий в виде имеющих место изменений психического аппарата, потери важных социальных навыков и связей ребенка с институтами социализации и т.п. В этом случае традиционно, в том числе в рамках ювенальной юстиции, ставится задача на реабилитацию подростка.

3. Фокусировка на социально-поведенческом взрослении подростка, связанном с его стремлением к эмансипации, самостоятельности и ответственности. Здесь могла бы вестись работа по обретению способностей к осознанию своего поведения и урегулированию отношений с другими людьми, в том числе пострадавшими (программы примирения жертвы и правонарушителя с их акцентом на ответственность, различного рода коррекционные тренинги).

4. Фокусировка на трансформации контура, организующего жизнедеятельность подростка в целом, через мобилизацию и включение ответственности общества в лице семьи, значимых взрослых, друзей, других агентов социализации подростка («круги заботы») за его/ее благополучие.

§ 2. Анализ случая, связанного со сложной семейной ситуацией подростка (к разработке принципов и процедур проведения «кругов заботы»)

Работа по примирению жертвы и правонарушителя позволила выделить определенный класс семейных ситуаций, которые могут свести на «нет» эффекты примирительных встреч. Как отмечалось в главе 5, стыд перед родителями (или ближайшими родственниками) может подтолкнуть подростка к пониманию ситуации жертвы и факторов собственной ситуации, способствовавших совершению правонарушения. Но если таких отношений нет, если подросток находится в конфронтации с родителями, если семейная ситуация в какой-то степени провоцирует совершение правонарушений, в этом случае у ребенка нет

поддерживающей основы для участия в восстановительных программах. В то же время потенциал восстановительного способа позволяет работать и с такими ситуациями, но требует переорганизации и учета контекстов, связанных с семейным окружением.

Идея «кругов заботы» формировалась в попытках привлечь ближайшее социальное окружение подростка к восстановлению заботы о нем, а также привлечения к этому процессу **социального работника**.

Эта форма родилась в ходе работы над довольно сложным случаем, где поначалу не удавалось достичь желаемых результатов.

Фабула ситуации. Василий неоднократно совершал правонарушения (кража, угон автомашины), не посещал школу. Семья переживала распад. КДН готовила материалы в суд о лишении родителей Васи родительских прав.

Когда к нам поступила информация об этом случае, подросток уже состоял на учете в милиции, на него было заведено первое уголовное дело, и уже тогда представители милиции предлагали лишить подростка свободы за его неоднократное участие в преступлениях. Исключительно неблагоприятной была семейная ситуация мальчика: его мать, отец и старшая сестра пьянствовали. Это приводило к тому, что мальчик был вынужден часто уходить из дома, и единственной его отдушиной стала криминализованная компания сверстников, где он пытался завоевать авторитет, участвуя в кражах и угонах.

С самого начала наша работа была нацелена на помощь семье Васи. Были проведены две встречи с семьей. На первой присутствовали мать, а также заместитель директора по воспитательной работе школы, где учился мальчик, социальные работники, школьный психолог. На встречах обсуждался вопрос о проблемах ребенка и его семьи. Участники пытались сориентировать родителей подростка на воспитание сына. По инициативе социальных работников, изучивших интересы и способности Васи (он с детства тянулся к технике и умел чинить почти все, что попадалось под руки), было

принято решение о направлении мальчика в кружок, а его мамы – к психологу.

Эффекты от первоначальной работы оказались довольно слабыми. Не были вскрыты глубинные причины участия мальчика в совершении правонарушений, не удавалось изменить образ жизни матери, которая не чувствовала реальной угрозы лишения родительских прав.

После совершения подростком второго преступления (угона автомобиля) работа была возобновлена на качественно новом уровне. В течение шести месяцев проводилась серия встреч с участием Васи и его матери с включением в эту работу специалистов приюта РБФ НАН и КДН. Для выработки стратегии и тактики работы со случаем был проведен консилиум с участием специалистов РБФ НАН. Работа по проведению примирительных встреч Васи с пострадавшим была подчинена изменению семейной ситуации и укреплению позитивных ориентаций самого подростка. Для той же цели проводились встречи с родственниками, учителями, сверстниками. По предложению Михаила Флямера такие встречи были названы **«кругами заботы»**.

Можно выделить такую последовательность шагов по организации «круга заботы»:

1) выяснение наличия значимых для ребенка позитивных взрослых (родственников, соседей, знакомых, учителей), сверстников (друзей);

2) подготовка будущих участников к проведению «круга» (здесь в случае необходимости возможно под патронажем социального работника лечение родителей или ребенка);

3) проведение «круга» (общей встречи) и принятие взрослыми обязательств по отношению к ребенку; если во время встречи выясняется необходимость привлечения других участников (специалистов, родственников, друзей), проводится следующий «круг» с их участием;

4) контроль за выполнением обязательств.

При работе с Васей мы попытались организовать несколько взаимообеспечивающих процессов.

Возмещение ущерба потерпевшему (машина была в конце концов отремонтирована Васей и соучастником угона).

Укрепление доверия и взаимопонимания между Васей и родителями, Васей и сверстниками.

Принятие мальчиком и его матерью ответственности за разрешение сложившейся семейной ситуации.

Проведение программы реабилитации для Васи и его мамы.

Для этого нужно было увязать усилия разных специалистов, работающих вместе, но центрирующихся на разных процессах. Если ведущий фокусировался на первых трех, то социальный работник – на четвертом. В то же время нельзя сказать, что ведущий делал одно, а социальный работник другое. Оба работали на запуск всех четырех процессов, поскольку каждый из них становился условием реализации остальных.

На «круге» разрабатывалась и совершенствовалась программа реабилитации для Васи и его родителей. Для мальчика составляющими этой программы были посещение школы, участие в ремонте угнанной машины, забота о младших брате и сестре, участие в облагораживании квартиры. Для матери основной пункт состоял в лечении от алкоголизма. Видимо, главную роль в ее согласии на лечение сыграли перспектива лишения ее родительских прав и помощь социального работника Зинаиды Булгаковой. В какой-то момент Зинаида просто взяла женщину за руку и отвела в больницу. Это не было насильственной акцией, поскольку походу в больницу предшествовал долгий период налаживания контакта матери и Зинаиды. На определенных этапах к реализации программы подключались КДН, где готовились документы о лишении родителей родительских прав, и приют РБФ НАН, куда были временно помещены младшие дети. Важную роль в восстановлении этой семьи сыграла позиция Т.Н. Зарицкой (в то время председателя КДН), которая поддерживала социально-реабилитационные меры в отношении подростков-правонарушителей и в то же время помогала придать этой работе более организованный характер. Мать Васи пролечилась. Родительских прав родителей не лишили.

Работа с данным случаем позволяет вывести организационную схему новой программы ВП – «круга заботы». «Круг заботы» – такая программа ВП, целью которой является восстановление заботы о ребенке со

стороны родителей и ближайшего социального окружения. В случае, если восстановление родительской заботы невозможно, «круги» нацелены на создание эквивалента семейных отношений, поддерживающих ребенка. Ведущий «круга» проводит серию встреч с родственниками, учителями, классом, где учится ребенок. В ходе встреч создается **структура поддержки и заботы для ребенка**. С помощью ведущего инициативы участников «кругов» организуются в серию взаимосвязанных мероприятий.

Основные характеристики «кругов заботы» можно свести к следующим.

Их проведение диктуется сложной семейной ситуацией и деструктивными действиями подростка по отношению к другим или к себе.

С самого начала необходимо работать над запуском как минимум четырех процессов, каждый из которых становится ресурсом для другого.

- **Исцеление участников** от последствий конфликтов и криминальных ситуаций (в том числе и в семье). Если между ребенком и родителем сложились отчужденные или враждебные отношения, то в первую очередь необходимо преодолеть шлейф старых обид и претензий. Здесь ведущий может проводить не одну, а серию предварительных встреч для подготовки участников к «кругу». При необходимости ведущий или социальный работник предлагает сторонам посетить психолога или психотерапевта, если выяснится, что такая помощь нужна.

- **Укрепление доверия и взаимопонимания** между участниками (между родителями, ближайшим социальным окружением, с одной стороны, и ребенком – с другой). Этот процесс является исключительно важным, фактически он создает основу для достижения других результатов. Необходимые при подготовке к «кругу» совместные усилия родителей и детей по решению той или иной проблемной ситуации – как в семье, так и по отношению к исправлению последствий криминального поступка ребенка – укрепляют доверие и взаимопонимание. При наличии криминальных ситуаций, когда затронуты интересы других людей, необходимо также достижение взаимопонимания жертвы и правонарушителя.

- **Расширение полномочий участников** в решении конфликта и криминальной ситуации. Такая работа начинается на стадии предварительных встреч и должна привести к тому, что сами участники постепенно вырабатывают способ выхода из ситуации. Если участники «круга» не взяли на себя ответственность за разрешение ситуации, то может случиться, что на общей встрече воспроизведутся обычные семейные скандалы.

- **Привлечение дополнительных ресурсов** для поддержки участников и инициирования реабилитационных процессов. В ходе подготовки к «кругу» социальный работник совместно с ведущим разрабатывает программы реабилитации для подростка и его семьи, а также решает, каких специалистов следует пригласить для работы с данным случаем. При необходимости социальный работник взаимодействует с органами опеки и КДН, а также использует такую форму, как консилиум специалистов.

Важно отметить, что есть ресурс, который и дает возможность инициировать «круг»: наличие обеспокоенных судьбой ребенка взрослых и/или заинтересованность самого ребенка в изменении собственной ситуации. На подготовительной фазе происходит поиск таких взрослых. Одновременно осуществляется серьезная работа с ребенком по формированию мотивации к изменению ситуации. Именно в этом изменении и нужна помощь взрослых (помощь «круга»). Поначалу таким поддерживающим взрослым может быть социальный работник, дальше – с помощью «кругов» – должны появиться долговременные попечители или, в случае невозможности родителей исполнять свои обязанности, реальные опекуны. «Круг» дает возможность потенциальным попечителям или опекунам взвесить свои силы и возможности, продумать и обсудить наиболее эффективную стратегию и тактику взаимодействия с ребенком.

С самого начала ведущий и социальный работник должны работать в тесном взаимодействии. Их задачи в соответствии с этапами работы указаны на схеме 3.

222

<p>Проведение «круга заботы» нацелено на:</p> <ol style="list-style-type: none">1. Исцеление участников от последствий конфликтов и криминальных ситуаций.2. Достижение взаимопонимания и укрепление доверия.3. Выработку и исполнение решения.4. Программу реабилитации, позволяющую преодолеть безнадзорность ребенка.
--

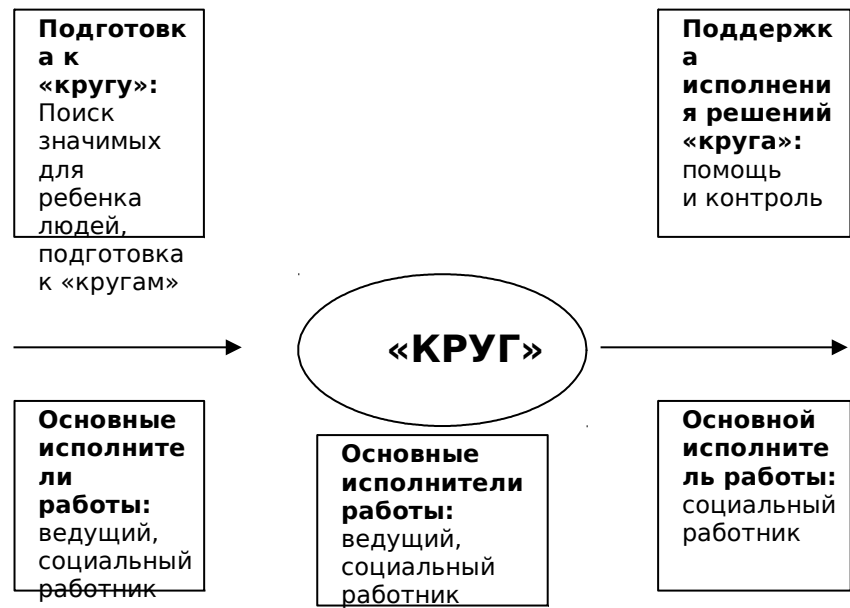

Схема 3.

Ведущий делает основной упор на проведении предварительных встреч и самого «круга», а социальный работник ориентируется на реабилитацию подростка и его ближайшего социального окружения. В его функции может входить также сбор информации о возможных участниках «круга». Если потенциальные участники не готовы (в силу каких-то негативных зависимостей или склонностей), социальный работник проводит с ними необходимую предварительную работу (например, мотивирует на лечение и помогает его начать).

На общей встрече всех участников – собственно «круг заботы» – обсуждается ситуация и принимается решение. Социальный работник помогает участникам оформить предварительно разработанные ими эскизы программ реабилитации. После проведения «круга» социальный работник при необходимости поддерживает участников в исполнении их собственных решений.

Раздел III

**Социальная работа
с несовершеннолетними**

Социальная работа как профессиональная деятельность

§ 1. Социальная работа: основные понятия и принципы

Говоря о социальной работе, необходимо изначально определить, что имеется в виду под данным понятием. Социальную работу можно рассматривать как науку, как учебную дисциплину и как практическую деятельность. Как практическая деятельность социальная работа также охватывает довольно широкое поле. **«Смысл социальной работы - это деятельность по оказанию помощи индивидам, семьям, группам в реализации их социальных прав и в компенсации физических, психических, интеллектуальных, социальных и иных недостатков, препятствующих полноценному социальному функционированию»** [7, с. 31-32]. Исходя из этого определения любая деятельность, направленная на помощь нуждающемуся человеку, считается социальной работой. Как пишет Б.Ю. Шапиро, такого рода деятельность имеет место в рамках социального обеспечения, педагогической работы по месту жительства, медико-реабилитационной работы и пр. [8]. В этом контексте к социальной работе относится деятельность приютов для беспризорных детей, психолого-медико-социальных центров системы образования и т.д.

Официально социальная работа в современной России берет начало с 1991 г. В штатных расписаниях самых разных государственных учреждений появились ставки социальных работников и специалистов по социальной работе. Тогда же началось обучение социальных работников, во многих вузах открылись факультеты социальной работы. И лишь позже появились первые учебные пособия по социальной работе. Такая

«социальная революция» наложила свой отпечаток на развитие практической социальной работы. Так, в большинстве учреждений до сих пор нет четкого понимания того, чем должен заниматься социальный работник. При этом чаще всего эту должность занимает человек без специального образования. В то же время студенты весьма смутно представляют свою дальнейшую профессиональную деятельность, а учебные пособия мало пригодны для практической деятельности социального работника. В них много внимания уделяется теоретическим и методологическим основам социальной работы, истории ее развития в России и за рубежом, но крайне мало практических рекомендаций, методик, примеров работы с клиентами.

Переводов зарубежных работ по этой тематике крайне мало, но и они нуждаются в адаптации к российской действительности. Хотя отметим, что они значительно больше внимания уделяют практике работы с клиентами. Так, М. Доэл и С. Шардлоу (Шеффилдский университет, Великобритания) отмечают:

«В таком виде деятельности, как социальная работа, важную роль играют практические умения и навыки, для овладения которыми необходимо в течение определенного времени наблюдать, как это делают другие, и пытаться подражать им. Только в условиях непосредственной работы с клиентами под руководством наставников учащиеся получают возможность развивать и совершенствовать свои способности» [2, с. 16].

Авторы предлагают такую форму, как обучение на рабочем месте, что «дает возможность студентам не только овладеть конкретными навыками, но и связать теорию с практикой, почувствовать себя специалистами и по-настоящему осознать ценности социальной работы» [2, с. 16].

В отечественных изданиях социальная работа рассматривается как «специфический вид профессиональной деятельности, оказание государственного и негосударственного содействия человеку с целью обеспечения культурного, социального и материального уровня его жизни, предоставление

индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц» [5, с. 324]. Человека или группу, которым предоставляется помощь социального работника, принято называть **клиентом**.

Объектом социальной работы являются индивиды, семьи, группы, общности, находящиеся в трудной жизненной ситуации. **Трудная жизненная ситуация** – это такая ситуация, которая нарушает или грозит нарушить возможности их нормального функционирования [7, с. 35].

Предметом социальной работы является социальная ситуация – «конкретное состояние проблемы конкретного клиента социальной работы, индивидуального или группового, со всем богатством своих связей и опосредований, имеющих отношение к разрешению данной проблемы» [7, с. 41].

При этом **цель** определяется как улучшение социальной ситуации клиента или, по крайней мере, облегчение субъективного переживания клиентом своего положения [7, с. 41].

Однако практика диктует иную расстановку акцентов. Приход социального работника, его общение с клиентом, новый взгляд на ситуацию действительно приводят к «облегчению субъективного переживания», но это лишь условие дальнейшей работы – это пробуждает собственный ресурс клиента, что и приводит к реальному улучшению (изменению) ситуации.

В зависимости от категории населения, на которую направлена социальная работа, ее цель получает различное наполнение. Так, в социальной работе с пожилыми людьми, тяжелыми инвалидами клиент в первую очередь нуждается в поддержке социального работника, который обеспечивает контакт с внешним миром. В этой ситуации социальный работник будет связан с клиентом неопределенно долгое время, особенно если у человека нет родственников или других близких. Внимание социального работника позволяет ему почувствовать собственную нужность, значимость, что облегчает субъективное переживание своего положения, а в идеале – приводит к **переосмыслению ситуации и наполняет жизнь новым смыслом**.

Работая с детьми и подростками, с их родителями, социальный работник направляет свои действия на

восстановление социальных связей клиента, его социального статуса, мобилизацию собственной активности. Здесь **целью социальной работы становится возвращение человека в общество и возвращение обществу полноценного члена.** И именно это становится реальным улучшением положения клиента. Если же результатом работы с пьющими родителями станет только «облегчение субъективного переживания своего положения» и принятие социального работника, можно констатировать отсутствие позитивного результата.

Наибольшие трудности возникают у социального работника, если клиент не осознает проблемность собственной ситуации. Так, пьющие родители или подросток-правонарушитель нередко считают, что с ними все в порядке, в то время как сами они становятся источником неблагополучия других – собственных детей или жертв правонарушений. В подобных случаях социальный работник воспринимается как человек, мешающий «нормальной» жизни, и важным рычагом воздействия становятся общественное мнение, административные меры, которые указывают на наличие проблемы и позволяют социальному работнику получить обоснование для своей деятельности. Клиент начинает видеть, что его ситуация оказалась в поле внимания не только социального работника, но и окружающих, и, если не предпринять усилий для изменения существующего положения дел, это может привести к неблагоприятным для него последствиям.

Социальная работа предполагает непосредственный контакт социального работника с клиентом. Наиболее значимые события, изменения, результаты происходят именно в ходе непосредственного взаимодействия. И **основным инструментом социального работника является его личность,** включающая и профессиональные качества, и характер, и ценности. Ни один социальный институт не может организовать работу без специалиста, взаимодействующего с клиентом, ни один социальный работник не обойдется только знаниями методов и теорий.

В дальнейшем, говоря о социальной работе, мы будем иметь в виду **профессиональную деятельность специалистов** (социальных работников, социальных

педагогов, специалистов по социальной работе), непосредственно взаимодействующих с клиентами.

В практике социальной работы выделяется три уровня преобразовательной деятельности: внутри общества как целого (макроуровень); внутри сообществ и социальных институтов (мезоуровень); семьи и индивидуумы (микроуровень) [6]. При этом «социальные перемены достигаются только благодаря преобразовательской работе, проводимой одновременно на всех уровнях» [6, с. 11]. Добавим, что, в идеале, преобразования, происходящие на разных уровнях, должны быть связаны единой логикой. В настоящее время в России процессы разных уровней происходят вне зависимости друг от друга. При этом наименее развит микроуровень. В результате принимаемые законы и постановления не имеют механизмов реализации, специалисты по социальной работе, прошедшие обучение в институтах, не находят применения своим знаниям, а решением социальных проблем занимаются непрофессионалы, поставленные перед этой необходимостью в ходе своей практической деятельности.

Фундаментом социальной работы является практическая деятельность специалистов с клиентами. Именно на этом уровне проясняются конкретные социальные проблемы, требующие своего решения, определяются характер необходимой помощи и профессиональные качества специалиста по социальной работе. От того, сможет ли специалист установить доверительные отношения с клиентом, понять его ситуацию, предложить адекватную помощь, найти оптимальную форму сотрудничества, зависит вся дальнейшая работа. Практика предъявляет свои требования и к обучению специалистов, и к законодательству.

В последней редакции (1994 г.) тарифно-квалификационной характеристики должности «специалист по социальной работе» выделяются следующие его функции:

- аналитико-гностическая (выявление и учет на территории обслуживания семей и отдельных граждан, в том числе несовершеннолетних детей, нуждающихся в

различных видах и формах социальной поддержки, и осуществление патронажа над ними);

- диагностическая (установление причин возникающих у граждан трудностей);
- системно-моделирующая (определение характера, объема, форм и методов социальной помощи);
- активационная (содействие активизации потенциала собственных возможностей отдельного человека, семьи и социальной группы);
- действенно-практическая (помощь в улучшении взаимоотношений между отдельными людьми и их окружением; консультации по вопросам социальной защиты; помощь в оформлении документов, необходимых для решения социальных вопросов; содействие в помещении нуждающихся в стационарные лечебно-оздоровительные учреждения; организация общественной защиты несовершеннолетних правонарушителей и др.);
- организаторская (координация деятельности различных государственных учреждений, участие в работе по формированию социальной политики, развитию сети учреждений социального обслуживания);
- эвристическая (повышение своей квалификации и профессионального мастерства) [3].

Для получения позитивного результата при работе с каждым конкретным случаем социальный работник выполняет все эти функции. Получив информацию о неблагополучной семье из КДН, школы или другого источника, он вступает в общение с каждым членом семьи (по возможности), составляя свое представление о ситуации. Иногда, для лучшего понимания ситуации, может понадобиться помощь других специалистов (психолога, врача, педагога, юриста и т.д.). При этом выявляются не только проблемы семьи, но и ресурсы для изменения ситуации. Результатом анализа ситуации становится **программа реабилитации** семьи, в которой распределена ответственность между социальным работником и каждым членом семьи. При необходимости к решению проблем привлекаются другие специалисты и социальный работник организует вокруг семьи поддерживающую систему.

Практически все перечисленные функции предполагают непосредственное взаимодействие

социального работника и клиента. Поэтому важно не только **что**, но и **как** делает социальный работник: какую позицию по отношению к клиенту занимает, на каких принципах строит общение и пр.

Выделяют следующие **основные принципы социальной работы** [7, с. 49–52].

Принцип **универсальности** – исключение дискриминации при оказании социальной помощи по любым признакам.

Принцип **охраны социальных прав** – оказание помощи клиенту не может быть обусловлено требованием к нему отказаться от своих социальных прав или от их части.

Принцип **социального реагирования** – необходимость принимать меры по выявленным социальным проблемам, действовать в соответствии с конкретными обстоятельствами социальной ситуации индивидуального клиента, а не ограничиваться только стандартным набором мероприятий, ориентированных на «среднего» потребителя социальных услуг.

Принцип **профилактической направленности** – необходимость предпринимать усилия по профилактике возникновения социальных проблем и жизненных затруднений клиентов или по предупреждению отягощения уже возникших проблем.

Принцип **клиентоцентризма** – признание приоритета прав клиента во всех случаях, кроме тех, где это противоречит правам и интересам других людей.

Принцип **опоры на собственные силы** подчеркивает субъективную значимость клиента, его активную позицию в разрешении своих проблем.

Принцип **максимизации социальных ресурсов**. Каждая социальная система с неизбежностью выделяет минимум средств на оказание социальной помощи своему населению. Поэтому социальные работники должны прилагать усилия для привлечения дополнительных возможностей оказания помощи клиенту помимо гарантированного минимума путем обращения в неправительственные, добровольческие, благотворительные учреждения, организации самопомощи и др.

Принцип **конфиденциальности** – информация о клиенте, полученная в процессе деятельности социального работника, может использоваться только в

профессиональных целях; она не должна разглашаться, кроме случаев, предусмотренных законом и связанных с возможностью насилия, нанесения ущерба какому-либо лицу, прежде всего детям.

Принцип **толерантности** означает признание закономерности разнообразия клиентов и терпимость к проявлениям этого разнообразия.

Реализация этих принципов в практической деятельности, к сожалению, затруднена. И не только потому, что требует от специалиста личностной зрелости, моральной стойкости, профессионализма. Эти принципы часто вступают в противоречие с принятыми стереотипами отношения к социально незащищенным слоям населения: неблагополучным семьям, подросткам «группы риска», инвалидам и т.д.

Многие учреждения и структуры декларируют среди своих целей помощь человеку. Но по содержанию деятельности они часто отстаивают не право индивида на достойное существование и самореализацию, а возможность государства избежать проблем, связанных с наличием социально незащищенных слоев населения. Это наследство досталось нам от советских времен, когда существование социальных проблем просто не признавалось, а то, что выпадало за рамки благополучия, «пряталось» от глаз общества. Крушение идеологии привело к развитию новых экономических отношений, нового законодательства, к возникновению новых проблем. Но механизмы реагирования, а главное – стереотипы отношения к социально незащищенным слоям, к нарушению прав человека, остались прежними.

«Социальная санитария», порой переходящая в «хирургию», не спешит сдавать позиции другому подходу – «социальной терапии». Если семья не справляется с воспитанием ребенка, его надо изъять и поместить в интернат. Если он сбегает из интерната – он ненормален, его надо поместить в психоневрологический интернат. Если он отстал от программы на два класса – в школу для детей с задержкой психического развития. И ни у кого не возникает вопроса – каково мнение ребенка, существуют ли другие возможности. Перед нами наглядный образец «социальной санитарии». Эту логику можно продолжить. И самое в ней страшное – она четко прописана, имеет

предписания на все случаи и не предполагает альтернатив. Она освобождает чиновников от необходимости думать и сомневаться, искать оптимальный путь. А если кто-то берет на себя такую смелость, то любая его ошибка служит очередным подкреплением позиции чиновника и бесполезности новых попыток. Но, как известно, никогда не ошибается только тот, кто ничего не делает, а в нашей ситуации этого не может себе позволить даже плохой чиновник. Вот и действует он старыми методами, которые когда-то были (или казались) правильными и безошибочными, но сейчас почему-то не срабатывают.

Старая логика сама стала давать сбои и в некоторых ситуациях не действует совсем. Появилась потребность в новых образцах. Социальный работник становится проводником

нового отношения к социальным проблемам. В результате он сталкивается с непониманием чиновников, недовольством представителей других ведомств, вступает в противоречие с существующим законодательством. Таким образом, он выступает преобразователем общества, разворачивая его лицом к нуждам клиентов.

§ 2. Социальная работа с несовершеннолетними в трудной жизненной ситуации: общая характеристика

Как отмечает Б.Ю. Шапиро, «эффективность социальной работы снижается из-за того, что различные ее направления курируются чуть ли не десятком различных министерств и ведомств, имеющих свое собственное финансирование» [8, с. 15]. Это приводит к разделению ответственности за различные аспекты помощи одним и тем же категориям населения, в результате чего, в зависимости от ситуации, ведомства то вступают в конкуренцию за сферу влияния, то перекладывают друг на друга ответственность при появлении комплексных проблемных, трудноразрешимых ситуаций.

Особенно ярко это проявляется при работе с **социально дезадаптированными**

несовершеннолетними. Проблема школьной дезадаптации ложится на плечи министерства образования, правонарушения – на МВД, наркомания – на здравоохранение, а проблемы в семейных отношениях принимаются во внимание лишь в случае их крайнего обострения, необходимости применения экстремальных мер и ложатся на плечи территориальных органов опеки. КДН, призванные заниматься проблемой социальной дезадаптации несовершеннолетних во всех ее проявлениях и наделенные на бумаге достаточными полномочиями, на деле не в состоянии оказать сколько-нибудь значимого влияния на ситуацию, не имея для этого ни средств, ни профессиональной подготовки. По сути, КДН присвоены функции социальной службы, но при этом не создано хоть каких-либо механизмов для их выполнения.

Должности социальных работников (социальных педагогов) вводятся в учреждениях разной ведомственной подчиненности: в школах, медицинских учреждениях и др. Это накладывает на деятельность социального работника ведомственные ограничения, мешает организации межведомственного взаимодействия.

Любая социальная проблема носит комплексный характер, а значит, и решение должно быть комплексным. Работая с «трудным» подростком, мы сталкиваемся с его школьной неуспеваемостью, конфликтом в семье, уличной компанией. К этому нередко добавляются правонарушения, «эксперименты» с алкоголем и наркотиками, пьянство родителей и низкий материальный уровень. Кто возьмет на себя ответственность за изменение его ситуации? Кто скоординирует деятельность всех структур, которые должны принять участие в его судьбе?

Оптимальным вариантом решения этой проблемы является создание **специализированной социальной службы**, позволяющей совместить индивидуальное, личностное отношение к клиенту с привлечением ресурсов государства, социума в целом. Одна из первых в России социальных служб была организована Российским благотворительным фондом «Нет алкоголизму и наркомании» (РБФ НАН) и действовала в течение двух лет на территории Юго-Западного административного округа

Москвы. Работа велась в рамках трех различных проектов, но с окончанием финансирования была прекращена. В настоящее время социальные службы по работе с несовершеннолетними организуются в некоторых регионах даже на государственном уровне (например, Самара и Самарская область). Хотя, насколько нам известно (например, по конференциям по обсуждаемой проблематике), практический опыт негосударственных организаций пока богаче и, к сожалению, крайне мало используется государственными структурами.

Социальная работа становится действительно эффективной только в том случае, если строится исходя из анализа определенной социальной проблемы и направлена на ее решение. Организации социальной службы РБФ НАН предшествовал пилотный проект, в ходе которого велась социальная работа с детьми и подростками на улицах Москвы. Значительную помощь в организации социальной службы была оказана детским приютом РБФ НАН «Дорога к дому».

Опыт деятельности приюта и социальной службы привел нас к ряду выводов.

- Подавляющее большинство детей, проводящих время на улице и попадающих в приют, имеют родителей.

- Основная причина их «уличного образа жизни» – проблемы семьи: алкоголизм родителей, скандалы, конфликты родителей между собой и с детьми. К этому можно добавить низкий материальный уровень, многодетность, неполные семьи.

- Около 80% детей, попавших в сферу деятельности социальных работников, употребляют различные психоактивные вещества (ПАВ). В основном это курение, алкоголь, токсические вещества (клей «Момент»), но встречается и употребление наркотиков.

- Многие дети уже совершали различные противоправные действия, большинство других – допускает для себя эту возможность.

- Несовершеннолетние более старшего возраста (после 16 лет) значительно реже попадали в сферу деятельности социальных работников. Те же, с кем был установлен контакт, редко шли на сотрудничество. Можно предположить, что они уже научились решать свои проблемы, возможно, криминальными способами.

Основанием для такого предположения могут служить рассказы 13-14-летних подростков: о предложениях, которые им делали, занятиях более старших товарищей или старших братьев.

В настоящее время направления социальной работы выделяются скорее по формальному признаку, чем по внутренней логике социальных проблем. Выделяются такие направления, как помощь пенсионерам, помощь инвалидам, малообеспеченным категориям населения, социальная работа с женщинами, семьями и т.д. Но отнюдь не каждый инвалид нуждается в помощи специалиста по социальной работе. Принятый подход создает положение, когда социальная работа с несовершеннолетними относится сразу к нескольким направлениям: ведь наши клиенты чаще всего из малообеспеченных, неполных или многодетных семей, многие из них нуждаются в медицинской помощи, относятся к «группе социального риска».

Наша социальная служба создавалась с **целью решения конкретной практической задачи - помощи детям, оказавшимся в трудной ситуации**. «Трудность ситуации» может заключаться в том, что общество испытывает проблемы по вине данного ребенка или сам ребенок воспринимает ситуацию как трудную. И то и другое является критерием для привлечения внимания социального работника. К сожалению, в нашем обществе еще не сформирована культура обращения клиента за социальной помощью, тем более если клиент несовершеннолетний. Поэтому в большинстве случаев социальный работник узнает о ситуации ребенка не от него самого и сам делает первый шаг ему навстречу.

Такая, относительно узкая, специализация нашей социальной службы позволила решить целый ряд организационных задач. Во-первых, подобрать и подготовить специалистов, компетентных в вопросах детского развития (психологов, педагогов, социальных работников), так как именно несовершеннолетние являются нашими основными клиентами. Чрезмерное расширение требований к знаниям социальных работников приводит к их поверхностности и неспособности эффективно работать в трудных ситуациях. Во-вторых, несколько ограничить круг структур, с которыми необходимо поддержание тесного

контакта (школа, КДН, ОППН и др.): во многом определение целевой группы отвечало на запрос именно этих организаций. В-третьих, сфера жизнедеятельности несовершеннолетних довольно ограничена: обучение, организация досуга, подростковая субкультура, иногда трудоустройство. Это позволяет налаживать тесные отношения с соответствующими структурами, поскольку их количество относительно невелико.

Практически любая трудная жизненная ситуация несовершеннолетнего оказывается, по сути своей, маркером нарушения его взаимоотношений с обществом в лице семьи, школы, милиции или других общественных институтов. Иными словами, ребенок, очутившийся в такой ситуации, является социально дезадаптированным. Неважно, выступает он жертвой или нарушителем, его собственные социальные права нарушены.

В ходе практической работы с детьми, подростками и их родителями был сформулирован ряд тезисов, определивших нашу деятельность, которые, обобщив, мы можем предложить в качестве **принципов социальной работы с несовершеннолетними**.

Все отклонения в поведении несовершеннолетних – безнадзорность, правонарушения, употребление психоактивных веществ – имеют в своей основе один источник – **социальную дезадаптацию**, корни которой лежат в семье. Именно семья является средой, в которой формируется социальная дезадаптация, и решение проблемы возможно только при изменении ситуации в семье.

Оптимальная среда для полноценного развития ребенка – это родная семья. Лишение семьи всегда становится травмой для ребенка. Это означает, что основные наши усилия должны быть направлены на работу с семьей, организацию сотрудничества с ней, совместное решение проблем. Только в том случае, если все меры, предпринятые в отношении семьи, доказали свою безрезультатность и дальнейшее продолжение работы с ней не представляется возможным, рассматривается вопрос об изъятии ребенка.

Социально дезадаптированный ребенок, подросток, находясь в трудной жизненной ситуации, является жертвой, чьи права на полноценное развитие и

самореализацию в обществе грубо нарушены. Даже в случае, когда он сам становится правонарушителем, это способ, которым он дает знать обществу о своих нарушенных правах. И это может стать сигналом для начала реабилитации. Тогда появляется надежда, что подобные проявления больше не повторятся.

Только комплексный подход к реабилитации несовершеннолетних может дать стабильный положительный результат и позволит избежать возобновления критической ситуации. Иными словами, работа должна вестись со всеми участниками ситуации – ребенком, родителями, школой и пр. – и во всех направлениях – социальном, психологическом, медицинском, правовом. Лишь в этом случае произойдет изменение сложившейся дисфункциональной системы.

Социальный работник совмещает адресность (именно для данного клиента), индивидуальность помощи (с учетом индивидуальных особенностей клиента) и комплексность в работе, что позволяет ребенку сохранить (восстановить) ощущение своей индивидуальности и личностной значимости.

Социальный работник становится посредником между клиентом (его потребностями) и обществом. Он доносит до клиента социальные требования, социальный запрос (например, не пить, заниматься воспитанием своих детей и т.д.). В то же время он делает доступными услуги общества, содействует восстановлению прав клиента, показывая заинтересованность общества в его судьбе. Выступая в качестве представителя клиента, социальный работник использует возможности всех доступных учреждений, организаций и других структур как средства в процессе реабилитации клиента и выступает тем самым в качестве координатора их деятельности.

Предлагая помощь клиенту, социальный работник обращается к его потребностям, ориентируется на его восприятие ситуации. Но как представитель общества он говорит об условиях оказания помощи, т.е. о соблюдении клиентом требований общества, в первую очередь ненарушении клиентом интересов других членов общества. Так, предлагая помощь родителям, в качестве условий он может предъявить требование прекращения физического и психологического насилия, выполнения

своих родительских обязанностей. Для облегчения выполнения этих условий также может быть предложена помощь (например, помощь психолога).

Не менее важной частью социальной работы является содействие преобразованию существующих структур, изменению их направленности, совершенствованию системы социальной защиты несовершеннолетних в целом. Деятельность социального работника, непосредственно общающегося с клиентом, изнутри знающего его ситуацию, позволяет ему судить об адекватности этой системы, ее реальных возможностях. Так, на бумаге досконально прописан алгоритм действий системы с беспризорниками, но в практической деятельности специалист сталкивается с тем, что алгоритм не действует, особенно в Москве и особенно с иногородними. Следовательно, именно социальный работник может выступать в качестве «принимающей инстанции», так как он является главным, причем профессиональным, пользователем этой системы.

На основе опыта практической деятельности с несовершеннолетними была разработана концепция Реабилитационного Пространства (РП) [9]. Согласно концепции, **Реабилитационное Пространство представляет собой территориальную систему учреждений, ведомственных структур, общественных инициатив, принимающих участие в профилактике социальной дезадаптации несовершеннолетних и их реабилитации. Цель РП – обеспечение единства и непрерывности реабилитационного процесса, включающего профилактику и выявление социально дезадаптированных несовершеннолетних, реабилитационные мероприятия, направленные на их позитивную социализацию.**

Сам факт сотрудничества с какой-либо структурой еще не означает ее включения в систему РП. Главным условием принадлежности к системе является принятие вышеуказанных принципов. И социальный работник выступает в качестве их носителя и проводника. Представляя, с одной стороны, интересы и потребности клиента, с другой – существующие ресурсы территории, социальный работник способен выполнять преобразовательную функцию, используя при этом свои

профессиональные знания и соотнося свои действия с профессиональной позицией.

§ 3. Работа с семьей несовершеннолетнего

Как следует из анализа явления социальной дезадаптации, корни его в большинстве случаев лежат в **семейной дисфункции**. Обычно именно она порождает другие причины социальной дезадаптации несовершеннолетних. Вне зависимости от причинно-следственных отношений между семейной дисфункцией и социальной дезадаптацией ребенка можно с уверенностью сказать, что без изменения семейной ситуации в целом любые изменения ребенка не носят стабильного характера. При этом важно не только формальное выполнение родителями внешних требований, но изменение механизмов функционирования семьи в целом, изменение отношения к ребенку, самим себе и внешнему миру (другим людям, обществу).

Отсюда следует, что **целевую группу** социальной службы по работе с социально дезадаптированными несовершеннолетними составляют как сами дети и подростки, так и их родители, семья в целом. В том числе речь идет о подростках-правонарушителях, потому что именно правонарушения указывают на их социальную дезадаптацию – на нарушение адекватного взаимодействия с обществом.

Многочисленные исследования показывают, что семья существует как единое целое. Для определения этого феномена введен термин «семейный гомеостаз» [4]. Проявления социальной дезадаптации, ее симптомы «представляют собой сигнал SOS о нарушении отношений с родителями, они – непосредственный результат семейного дисбаланса» [4, с. 13]. Для указания на такой дисбаланс, влекущий нарушение функциональной целостности семьи, используют понятие **дисфункциональная семья**. Основным критерием для выделения конкретной семьи в целевую группу является опасность для жизни, здоровья и полноценного развития воспитывающегося в ней несовершеннолетнего. (Данное положение мы развернем в следующей главе.) При этом опасность может находиться не только в семье, но и на улице. Однако сам факт, что ребенок или подросток

предпочитает подвергать себя опасности, нежели находиться в семье, уже указывает на семейное неблагополучие. В любой ситуации ответственность за социальную дезадаптацию несовершеннолетнего несет семья в целом.

Приступая к деятельности, социальный работник ставит основной акцент на ситуации несовершеннолетнего клиента. Он предлагает варианты досуга, выясняет проблемы, совместно с ребенком и его родителями ищет способы их решения. Но в ходе работы приоритеты могут измениться и основное внимание порой переносится на родителей: их трудоустройство, медицинскую и психологическую помощь, восстановление документов и т.д. Нередко сами родители воспитывались в дисфункциональных семьях и переносят приобретенные стереотипы на свою новую семью.

§ 4. Социальная служба для несовершеннолетних¹

Цель социальной службы – выявление целевой группы (дезадаптированных несовершеннолетних и их семей) и ее социальный патронаж в процессе реабилитации.

Работа социальной службы призвана перенести акцент на профилактику крайних форм семейной дисфункции и содействовать защите прав несовершеннолетних. Уличная жизнь ребенка – это **симптом нарушения его прав, а не признак потенциального правонарушителя**. Благодаря усилиям социальной службы работа по выявлению признаков социальной дезадаптации должна принять системный характер и объединить усилия всех структур, имеющих отношение к детям и подросткам (в том числе школ, поликлиник, детских больниц и т.д.).

Но выявление приобретает смысл, только если за ним следует социальная работа, в которой учитывается содержание и характер проблемы. Часть такой работы, выполняемую социальной службой, мы называем социальным патронажем. В это понятие включается:

¹ Об опыте социальной службы РБФ НАН см. [1].

налаживание и поддержание контакта с клиентом и его семьей, сбор информации о ситуации, организация сотрудничества в ходе решения проблем, консультации о возможностях ее решения и другие мероприятия.

Из сказанного вытекают **задачи социальной службы:**

1) сбор и анализ информации о социально дезадаптированных несовершеннолетних и их семьях, выделение групп клиентов;

2) анализ проблемы клиента (ребенка, его родителей, семьи в целом);

3) активизация собственных ресурсов клиента, ориентация на его сильные стороны;

4) привлечение ресурсов территории для решения проблем клиента;

5) инициирование создания новых структур для решения конкретных социальных проблем (детско-подростковых клубов, бирж труда для подростков и т.д. в зависимости от потребности территории);

6) содействие изменению общественного мнения в отношении целевой группы.

На данный момент существуют две сферы, практически недоступные каким-либо официальным структурам, – семья и улица. При этом дети, проводящие основную жизнь на улице, в большинстве своем воспитываются в дисфункциональных семьях. Работа в каждой из этих сред имеет свою специфику. Есть дети (в основном подростки), практически полностью потерявшие связь с семьей и приходящие домой только ночевать, да и то не всегда. В то же время есть дети, практически не появляющиеся на улице, однако ежедневно подвергающиеся домашнему насилию: избиениям со стороны родителей, крикам, ругани, другим формам, в том числе и сексуальному насилию.

Другой вариант – полное пренебрежение потребностями ребенка: отсутствие каких-либо условий для игр, занятий, ужасающее санитарно-гигиеническое состояние, порой даже отсутствие у ребенка собственного спального места. Крайнее проявление такой «семейной» ситуации – это притоны. В основном семейному насилию подвергаются дети до 10 лет, так как старшие имеют возможность выбора между семьей и улицей.

На своем опыте мы знаем, что во многих случаях только вмешательство социального работника может изменить ситуацию и не допустить крайних форм ее развития. И чем раньше это вмешательство происходит – тем больше вероятности ее позитивного разрешения.

Эти выпадающие сферы – семья и улица – определили выделение в социальной службе двух взаимосвязанных направлений: «ребенок дома» (РД) и «ребенок на улице» (РУ). Центральной задачей обоих направлений является защита интересов ребенка. Социальный работник РД идет к ребенку в семью и работает с его родителями, социальный работник РУ встречается с ребенком на улице, узнает его проблемы и помогает ребенку в их решении. Наиболее эффективна работа, если в нее включены и ребенок и родители.

Литература

1. Москвичев В.В., Бессуднова С.А. Социальная работа с несовершеннолетними: опыт организации социальной службы. М.: РБФ НАН, 2000.
2. Обучение практике социальной работы. Международный взгляд и перспективы / Под ред. М. Доэла и С. Шардлоу. М., 1997.
3. Панов А.М., Холостова Е.И. Социальная работа как наука, вид профессиональной деятельности и специальность в системе высшего образования // Социальная работа / Под ред. И.А. Зимней. Вып. 9. М., 1995.
4. Сатир В. Психотерапия семьи. СПб., 2000.
5. Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. Е.И. Холостовой. М., 1997.
6. Социальные работники за безопасность в семье. Учебное пособие / Под ред. М.И. Либоракиной. М., 1999.
7. Теория социальной работы / Под ред. Е.И. Холостовой. М., 1998.
8. Шапиро Б. Ю. Особенности социальной работы в России // Социальные работники за безопасность в семье. Учебное пособие / Под ред. М.И. Либоракиной. М., 1999.
9. Ювенальные технологии. Практическое руководство по реализации территориальной модели реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска / Под ред. О.В. Зыкова, Н.Л. Хананашвили. М.: РБФ НАН, 2001.

§ 1. Типы девиаций

Подростков, чье поведение отклоняется от принятых в обществе правил, норм поведения, называют трудными или трудновоспитуемыми. Такие подростки физически здоровы, но не воспитаны и не обучены. Они не только плохо учатся и оказывают сопротивление воспитательным воздействиям, но и характеризуются глубоким отчуждением от семьи, школы, влиянием асоциальных, криминогенных групп, серьезными социальными отклонениями: нарушают дисциплину в школе, не хотят учиться, конфликтуют с учителями, со сверстниками, с родителями, бросают школу, считают себя неудачниками, бродяжничают, пьют, нарушают законы. Как правило, это дети из неблагополучных семей, многократно сталкивающиеся со стрессовыми ситуациями дома, в школе, во дворе.

Трудновоспитуемость подростков рассматривается наукой через явление, которое называется **девиация** (отклонение от нормы, отклоняющееся поведение).

Если исходить из того, что поведение – это взаимодействие живого существа с окружающей средой [11, с. 276], то, сузив понятие до предмета обсуждения, можно сказать, что **нормальное поведение и нормальное существование подростка в обществе** – это его взаимодействие с микросоциальной средой, адекватно отвечающее его потребностям, возможностям его развития при учете данной средой его индивидуальности; а **девиация**, «трудность» подростка, – это взаимодействие с микросоциальной средой, нарушающее его развитие и социализацию вследствие отсутствия адекватного учета средой его индивидуальности.

Очевидно, что отклоняющееся поведение является проявлением **социальной дезадаптации** подростка – нарушения взаимодействия индивидуума (подростка) со средой, характеризующегося невозможностью осуществления им в конкретных микросоциальных условиях своей позитивной социальной роли, соответствующей его возможностям [15]. Получая негативный опыт, подросток приобретает набор отрицательных привычек, агрессивных (либо иных неадекватных) реакций и становится трудным. У него формируется искаженное восприятие действительности, которое ведет к социально не одобряемым формам поведения. Привыкнув к грубости в семье, отвергаемый в школе, он сначала грубит родителям, потом переносит интериоризованную¹ модель поведения на отношения с учителями, сверстниками. В его контактах с окружающими отражаются особенности взаимоотношений, в свое время отрицательно повлиявших на него самого. Невозможность осуществления позитивной социальной роли вынуждает подростка искать обходные пути. Затруднения в реализации социальных потребностей влекут за собой неуверенность в своих силах, ощущение отгороженности от общества, растерянность при необходимости определить свою роль в среде общения. Таким образом, подросток с проблемами поведения в первую очередь нуждается в помощи, так как его отклоняющееся поведение является сигналом тревоги, показывающим, что подростку трудно адаптироваться в жизни. К сожалению, чаще отклонения в поведении подростка расцениваются как сигнал опасности для общества.

Говоря о девиациях, обычно выделяют девиантное², делинквентное и криминальное поведение [2].

¹ *Интерииоризация* – формирование внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности [11, с. 147]. – *Прим. ред.*

² В связи с этим термин «девиантное поведение» используется в двух значениях: как общий термин для обозначения отклоняющегося поведения (от лат. *deviatio* – отклонение), или девиации, и как указание на один из типов девиации. В научной литературе предлагаются и другие типологии девиации (см. об этом [13, с. 67–68], а также статью «Девиантное поведение» в Кратком юридическом словаре в Приложении). – *Прим. ред.*

Девиантное поведение - это «один из видов отклоняющегося поведения, связанный с нарушением соответствующих возрасту социальных норм и правил поведения, характерных для микросоциальных отношений (семейных, школьных) и малых половозрастных групп» [2, с. 216]. Такое поведение можно охарактеризовать как *антидисциплинарное*. Это, по большей части, ситуативные поведенческие реакции подростка, возникающие как первые признаки социальной дезадаптации. В ходе работы социальной службы РБФ НАН¹ мы выделяли следующие типичные проявления девиантного поведения:

- вызывающее, агрессивное поведение;
- самовольное и систематическое уклонение от учебы (прогулы, нарушение дисциплины, невыполнение домашних заданий и т.п.);
- периодические уходы из дома (не более чем на неделю);
- эпизодическое употребление алкоголя, экспериментирование с наркотиками (при отсутствии химической зависимости) и связанные с этим асоциальные действия (мелкие кражи, поджоги, участие в драках и т.п.);
- сексуально распущенное поведение (развязные манеры, заикливание на сексуальных темах и т.п.);
- попытки суицида.

Девиантное поведение обычно носит демонстративный характер, поступки не всегда совершаются сознательно. Обычно за внешним поведением лежат мотивы, не относящиеся напрямую к результатам этого поведения: кража совершается для подтверждения своего статуса, наркотик употребляется, чтобы соответствовать нормам компании, и т.д.

Агрессивное поведение, уклонение от учебы появляются как защитные реакции при невозможности вписаться в социальные рамки, добиться успеха наравне с благополучными сверстниками. Уходы (побеги) из дома - как реакция на неблагополучную обстановку в семье, проблемы в школе. Такие побеги, как правило, не имеют конкретной цели, довольно непродолжительны.

¹ Об этой службе см. также главу 8. - *Прим. ред.*

Употребление алкоголя и наркотических веществ – это еще экспериментирование, попытки утвердиться в альтернативной среде. Такое употребление связано с алкоголизмом и наркоманией родителей, отсутствием знаний о последствиях употребления, незанятостью свободного времени. Первые противоправные поступки подросток совершает от «нечего делать», под «кайфом», для привлечения внимания сверстников, самоутверждения, часто при непонимании того, что совершает противозаконные действия.

Сексуальная распущенность девиантных подростков связана с ранним приобщением к спиртным напиткам, наркотическим веществам, снижающим самоконтроль, с сексуальными притязаниями со стороны взрослых, половой распущенностью родителей, с недостаточной информированностью о половых отношениях или с дезинформированностью – мифологизацией сексуальных отношений, которые в представлениях подростка являются атрибутом взрослости.

Суицидальные попытки редко бывают запланированными, чаще всего совершаются в состоянии аффекта, эмоционального взрыва, вызванного отрицательными жизненными обстоятельствами; в основном это нанесение поверхностных ран в безопасных местах.

Подросток с девиантным поведением еще оглядывается назад, для него имеет значение реакция взрослых. Он вполне может восстановить связи с социумом, он еще «гость» в криминальной среде и не строит свою жизнь в соответствии с ее законами. Такие подростки могут не состоять на учете в ОППН или КДН, доставляя своим поведением проблемы только школе, родителям и соседям. Но если общество не услышит этого сигнала, проходит совсем немного времени – и ситуация меняется.

Делинквентное поведение характеризуется как «повторяющиеся асоциальные проступки детей и подростков, которые складываются в определенный устойчивый стереотип действий, нарушающих правовые нормы, но не влекущих уголовной ответственности из-за их ограниченной общественной опасности или недостижения ребенком возраста, с которого начинается

уголовная ответственность» [2, с. 216]. Можно выделить следующие типы делинквентного поведения:

- агрессивно-насильственное поведение: вандализм, поджоги, садистические действия;
- отказ от учебы (непосещение учебного заведения в течение продолжительного времени);
- бродяжничество, вовлечение в уличную криминальную среду;
- относительно регулярное употребление алкоголя, наркотиков;
- проституция;
- корыстное поведение: относительно крупные кражи, вымогательство, угоны автотранспорта, распространение наркотиков, связанные со стремлением получить материальную выгоду.

Работая с делинквентными подростками, мы пришли к выводу, что они отдают отчет своим действиям и сознательно противопоставляют себя обществу. Адаптировавшись в альтернативной, уличной, среде, они ориентируются на ее законы, отдаляются от семьи, школы. Делинквентное поведение носит уже не демонстративный, а прагматичный, иногда – ритуальный характер и является неотъемлемой частью уличной жизни подростка.

На практике порой сложно провести границу между девиантным и делинквентным поведением. Одни и те же внешние проявления могут быть расценены и как девиантные, и как делинквентные, так как **качественный критерий – это отношение подростка к своим действиям, его самосознание**. Понять это можно только в ходе общения с подростком при условии установления достаточно доверительного контакта.

Для целей практической социальной работы формальное деление на типы не имеет решающего значения. Мы можем констатировать, что любое девиантное поведение в своем пределе перерастает в делинквентное: периодические уходы из дома перерастают в бродяжничество, эксперименты с наркотиками приводят к наркомании, кражи «за компанию» приводят к криминализации в целом и т.д. Эта динамика определяется постепенным ослаблением и, в конечном счете, разрывом социальных связей подростка с семьей и школой, изменением референтной

группы. И задача социального работника – восстановить разорванные связи, основываясь на тех, что еще сохранены. Иногда социальный работник становится первым звеном, связывающим подростка с обществом. Это и есть работа с делинквентным подростком.

Таким образом, узнать, насколько подросток действительно десоциализирован, можно только установив с ним нормальные, доверительные отношения. Сам факт появления этих отношений в жизни подростка уже изменяет его ситуацию и в то же время показывает возможность его ресоциализации – восстановления и других связей.

Если связи подростка с обществом (семьей, школой, другими общественными институтами) нарушены, остается одна возможность контакта с ним – в его среде обитания, т.е. на улице. Для этого Фондом НАН была организована социальная работа «на улице». Изначально внимание социальных работников было направлено на «**беспризорников**» – детей, проводящих большую часть жизни на улице. В ходе работы выяснилось, что часто в помощи социальных работников нуждаются и те дети, которых еще нельзя назвать беспризорниками. Они возвращаются домой ночевать, живут с родителями как соседи, переживают скандалы. Кому-то так удобно, кому-то уходить некуда. И подростки находят ту среду, где их понимают, где нет проблем с родителями, учебной и т.д.

Группой неправительственных организаций (НПО) было предложено следующее определение: **беспризорник или уличный ребенок** – это любой несовершеннолетний, для которого улица (в широчайшем смысле слова, включающем любые помещения, используемые как укрытия) стала его или ее обычным местопребыванием, а также тот, кто не имеет достаточной защиты. (Программа уличных детей и уличной молодежи Международной НПО [3].)

Здесь же выделяется три категории беспризорников.

- **Те, кто в силу различных обстоятельств постоянно проживает на улице.** Это дети, которые живут на улице более одного месяца.

- **Те, кто периодически живет на улице.** Жизнь этих детей на улице обычно ограничена периодом от нескольких дней до нескольких недель. Дети этой категории оказываются на улице на время очередных

запоев родителей-алкоголиков, дети-сироты (беглецы из учреждений) – на период разрешения конфликта с воспитателями или пока не заберет милиция и не вернет в «родной» интернат.

* **Те, кто еще живет (ночует) дома, но свои основные потребности удовлетворяет на улице.**

Несмотря на регулярное появление дома связь с родителями у этих детей уже фактически потеряна, сохраняются только формальные отношения. Со стороны родителей общение обычно сводится к претензиям и нотациям, на что подросток отвечает грубостью и агрессией.

Наш опыт показывает, что подростков **первой категории** на улицах Москвы не так много. В основном они приезжают из других городов, иногда – из других республик, надеясь получить здесь новые впечатления и легкий заработок. Основная масса таких детей живет на вокзалах (или при вокзалах). Часть подростков попадает в Москву вместе с родителями, потерявшими жилье, приехавшими на заработки, но не сумевшими устроиться. Среди них встречаются и настоящие беженцы, погорельцы, люди, попавшие в трудное положение волею судьбы. Часто подростки приобретают больше навыков проживания на улице, чем родители: помогают в продаже газет, спекуляции билетиками на метро и т.д. В большинстве случаев они быстро получают опыт воровства, заводят множество знакомств и достаточно успешно используют свое положение, при этом постоянно находясь на грани нарушения закона, нередко подвергаясь серьезной опасности со стороны своих же «знакомых», работодателей.

К сотрудничеству с социальным работником такие подростки относятся иждивенчески, с удовольствием получая материальную помощь, но при этом не желая прилагать какие-либо усилия к изменению своей ситуации. С другой стороны, и сами возможности помощи весьма ограничены. Даже устройство их в детское учреждение в Москве практически невозможно: требуется их отправка по месту жительства. Подростки относятся к такой перспективе без всякого энтузиазма, так как обычно возвращаться им просто некуда: родители потеряли жилье или пьянствуют, в их семьях крайне

низкое материальное положение, отсутствуют какие-либо перспективы. Многие из этих детей уже побывали не в одном детском учреждении (милицейском приемнике, детских домах, приютах) и не имеют желаний попасть туда снова. Обычно они достаточно адаптированы к уличной жизни и, оказываясь в приюте, сталкиваясь с естественными ограничениями свободы, вновь уходят на улицу.

Беспризорники **второй категории** – подростки (в большинстве своем – беглецы из интернатных учреждений, хотя есть среди них и «домашние» дети), которые выбрали «свободный» образ жизни, войдя в маргинальные «тусовки», такие, как «хиппи», «панки» и т.д.

Часто жизнь таких подростков тесно связана с употреблением алкоголя и наркотиков – это необходимый атрибут общения. Порой именно наркотик становится основным объединяющим элементом. Деятельность группы приобретает четкую направленность: добывание средств на наркотики, поиск «точки», где приобрести, совместное употребление. И тогда связь с обществом может разорваться совсем и группа переходит в первую категорию.

Уличные группы находятся на самообеспечении и имеют в некоторых крупных городах достаточно хорошо организованную систему, предоставляющую возможность ночлега, питания и т.д.

Проживание в семье или в интернатном учреждении, посещение школы противоречит системе ценностей подростков-беглецов. Уличная группа почти полностью заменяет им семью, и они очень быстро теряют связи с социумом, сознательно противопоставляя себя обществу.

Подростков **третьей категории** можно встретить на улицах любого города, в каждой школе. Их редко относят к беспризорникам – ведь они живут дома, и у них есть родители. И эта видимость отвлекает от них внимание, в то время когда они стоят перед выбором – как относиться к обществу. Регулярно возвращаясь домой, они практически не общаются с родителями, живя своей жизнью и формируя свои ценности.

Именно эти подростки наиболее часто попадают в поле зрения милиции как правонарушители, как употребляющие различные психоактивные вещества. Они

же привлекают внимание школы как прогульщики и внимание общественности как праздно проводящие время.

Это очень разные дети: у одних бедные семьи и пьющие родители, у других – родители заняты зарабатыванием денег, одни – наследственные двоечники, другие – были достаточно успешны в учебе до определенного времени, пока не утратили эту ценность. Объединяет их одно – недоверие родителям и обществу в целом.

Сами того не сознавая, они стоят на перепутье, выбирая дальнейшую жизненную перспективу. И выбор определяется тем, откуда придет человек, принимающий подростка таким, какой он есть, дающий ему признание и уважение. Часто таким человеком оказывается представитель криминала или другой маргинальной группы. К сожалению, представители государства реже оказываются рядом с подростком в трудной ситуации, чаще они выступают по другую сторону баррикад, обостряя противостояние подростка с обществом.

Основными клиентами социальных работников «на улице» (в рамках упомянутого проекта Фонда НАН) были подростки второй и третьей категорий. Конечно, если беспризорник первой категории шел на контакт и выражал готовность к сотрудничеству или просто нуждался в помощи, социальный работник шел ему навстречу (если у него были реальные возможности для помощи). Но это были единичные случаи.

Как показала социальная работа на улице, подавляющее большинство уличных подростков употребляет различные психоактивные вещества (ПАВ). Практически все они курят. 9% регулярно употребляет токсические вещества (клей, краска, бензин). Основной возраст употребления токсических веществ – от 8–9 до 13–14 лет. В дальнейшем эти вещества постепенно уступают место алкоголю (56%), иногда – наркотикам (6%). Основные причины употребления ПАВ – желание получить «кайф», быть «как все», почувствовать себя «крутым». Токсикомания, алкоголь, наркотики позволяют подросткам в иллюзорном мире «найти» то, чего они лишены в реальности: ощущение собственной силы и полноты жизни, радость, эйфорию. Отметим, что наркотики – одно из наиболее сильных средств

десоциализации, очень быстро проводящее подростка по всем этапам разрыва с обществом.

Основные формы заработка (самообеспечения) подростков – попрошайничество, мытье машин, сбор бутылок или металлолома, подсобные работы, воровство на рынках, кражи аппаратуры из машин. Есть также более специфические формы, например спекуляция талончиками на проезд в метро у вокзалов, продажа газет и т.д.

Беспризорники второй категории к вопросу заработка относятся более организованно: места работы закреплены за определенными группами, формируется достаточно четкая специализация. Правонарушения, как правило, планируются ими заранее. Часто подросток, имея определенные навыки, специализируется на каком-то одном виде «деятельности»: магазинных кражах, угонах, карманных кражах и т.д.

Полученные средства используются для развлечений, покупки сигарет, клея, спиртных напитков. Определенная часть детей зарабатывает деньги не только для себя, но и для семьи. При этом родители порой выступают в качестве эксплуататоров и не заинтересованы в изменении ситуации ребенка. Иногда родители или другие взрослые предоставляют детям возможность ночлега за бутылку водки.

Размер дохода относительно невелик. Максимальные заработки – выше 150 рублей в день – достаточно редки и встречаются в основном в тех структурах, которые уже не попадают в сферу деятельности социальных работников (криминал, проституция и т.д.). Часто размер заработка ограничивается нежеланием перетруждаться. Так, мытьем машин дети занимаются обычно не более 3–4 часов в день, часто совмещая это с вдыханием клея «Момент». Средний заработок при этом составляет 20–30 рублей. Один из воспитанников приюта, несколько недель живший на вокзалах и в подъездах, рассказывал, что, попрошайничая и собирая бутылки, получал не менее 80 рублей в день. При этом люди нередко просто кормили его, покупая хот-доги, булочки и т.д.

В качестве последнего типа девиации выделяется **криминальное поведение**. Оно определяется как «противоправные поступки, которые служат основанием для возбуждения уголовного дела и квалифицируются по

определенным статьям Уголовного кодекса» [2]. Криминальному поведению, как правило, предшествует различный по длительности период девиантного и делинквентного поведения.

Как видно из определения, криминальное поведение выделяется скорее по правовым признакам, которые для целей и содержания социальной работы почти безразличны. Так, подросток, совершивший деяние, которое влечет уголовную ответственность, может иметь самые различные степени десоциализации. Часто попадаются именно «новички» в правонарушениях. В то же время «закоренелые» правонарушители, используя свой асоциальный опыт, нередко умудряются уходить от преследований милиции.

**Соотношение поведенческих проявлений и мотивов
девиантного и делинквентного поведения
несовершеннолетних**

	Типичные проявления	Причины, мотивы
--	---------------------	-----------------

<p>Девиантное поведение</p>	<ul style="list-style-type: none"> - вызывающее, агрессивное поведение - самовольное и систематическое уклонение от учебы - систематические уходы из дома - эпизодическое употребление алкоголя, первые опыты с наркотиками - асоциальные действия (мелкие кражи, поджоги, участие в драках и т.п.) - сексуально распущенное поведение - попытки суицида 	<ul style="list-style-type: none"> - невозможность вписаться в социальные рамки, добиться успеха наравне с благополучными сверстниками - реакция на неблагоприятную обстановку в семье, проблемы в школе - отсутствие знаний о последствиях, слабое осознание значения совершаемых действий - незанятость свободного времени - попытки утвердиться в альтернативной среде, желание привлечь внимание сверстников, самоутверждение
------------------------------------	---	--

Делинквентное поведение	<ul style="list-style-type: none"> - агрессивно-насильственное поведение: вандализм, поджоги, садистические действия - отказ от учебы - бродяжничество, вовлечение в уличную криминальную среду - относительно регулярное употребление алкоголя, наркотиков - проституция - относительно крупные кражи, вымогательство, угоны, распространение наркотиков 	<ul style="list-style-type: none"> - сознательное противопоставление себя обществу, отдаление от семьи, школы - противоречие общественной морали и уличной системы ценностей - принадлежность к неформальной уличной группе, ритуальный характер действий - самообеспечение, совершение преступлений для получения дохода
--------------------------------	---	---

Деятельность социального работника позволяет дифференцировать подход к несовершеннолетним правонарушителям, сместив ориентиры с формальной квалификации действий к рассмотрению степени разрыва с социумом и разработке программы мероприятий, направленных на восстановление социального и психологического статуса подростка - на его реальное исправление.

На настоящий момент ресурс социальной работы только начинает признаваться правоохранительными и судебными структурами. Специальных социальных служб для работы с несовершеннолетними правонарушителями нет. В порядке эксперимента социальные работники начинают работать при судах¹, при ОППН и КДН.

¹ Подробнее см. главу 10. - *Прим. ред.*

§ 2. Работа с социально дезадаптированными подростками

Из сказанного с полным основанием можно сделать вывод, что с точки зрения социальной работы девиантное и делинквентное поведение – это различные степени социальной дезадаптации несовершеннолетних. Одно и то же поведение в зависимости от мотивов, социальной ситуации, психологического смысла для индивида может свидетельствовать как о девиантности, так и о делинквентности. Поэтому критерием для социальной работы является не столько само поведение (внешнее проявление), сколько **степень социальной дезадаптации подростка**. Напомним, что криминальное поведение выделяется, скорее, по правовым, юридическим, критериям (подросток совершил преступление и попался), в то время как по социально-психологическим оно может относиться к предыдущим двум типам. Определяющим фактором является отношение подростка к своим действиям, своему образу жизни.

В соответствии с этим критерием можно выделить типы социальной работы, направленной на преодоление социальной дезадаптации:

- 1) профилактика социальной дезадаптации (первичная профилактика);
- 2) работа с «группой риска», т.е. с теми, чья социальная ситуация делает их более уязвимыми в социально-психологическом отношении (неуспевающие в школе подростки, дисфункциональные семьи и т.д.);
- 3) работа с собственно социально дезадаптированными подростками;
- 4) профилактика рецидива (социальный патронаж клиентов).

2.1. Первичная профилактика

Первичная профилактика отклоняющегося поведения осуществляется по большей части в общеобразовательных учреждениях.

Учебные программы «ОБЖ» (Основы безопасности жизнедеятельности), «Валеология», «Граждановедение» ориентированы на профилактику наркомании,

алкоголизма, правонарушений. Подростки получают знания о своих правах и юридической ответственности, о последствиях, как медицинских, так и социально-психологических, употребления алкоголя и наркотиков.

В каждой школе разрабатывается своя система профилактики. Некоторые школы приглашают специалистов для проведения лекций или тренингов по профилактике наркомании и алкоголизма. Другие – своими силами разрабатывают и внедряют экспериментальные программы.

Примером одной из таких программ является экспериментальная программа гражданско-правового воспитания детей и подростков в средней школе № 48 Казани [1]. Цель программы состояла в правовом просвещении, формировании правовой культуры подростков. Проводились встречи с работниками правоохранительных органов, встречи с людьми, освободившимися из мест заключения, с заключенными. Выпускался ежемесячный правовой журнал, была организована «Почта доверия», проведен цикл правовых деловых игр – тренинги навыков законопослушного поведения.

Помимо этого в школах проводится работа с родителями – их вызывают на родительский комитет, социальный педагог посещает семьи, чтобы выяснить, в каких условиях живет ребенок.

Одним из главных условий профилактической работы с подростками является психологическая атмосфера в школе, доверие ребенка к специалисту. Если подросток, столкнувшийся с проблемой (будь то конфликт с родителями или первый опыт с наркотиком), может поделиться с психологом, классным руководителем или социальным педагогом, задачи профилактики можно считать наполовину решенными. Без этого никакая программа, никакие профессионалы ничего не смогут сделать.

Второе условие – способность специалистов (педагогов, психологов) оказать квалифицированную помощь в трудной ситуации. К сожалению, многие учителя и психологи сами имеют весьма смутное представление о наркомании и плохо осведомлены о возможностях оказания профессиональной помощи.

2.2. Работа с детьми «группы риска»

Такая работа тоже начинается в школе. Выявляются подростки, отстающие в учебе, совершающие противоправные действия, употребляющие алкоголь, наркотики или токсические вещества. С ними проводятся индивидуальные беседы (классным руководителем, социальным педагогом или школьным психологом). Если у подростков серьезное отставание в учебе, их определяют в класс коррекции. Они находятся под пристальным вниманием школьного психолога, который, как правило, уделяет им больше внимания, чем остальным детям, занимается с ними индивидуально. Подросткам предлагается посещать различные кружки, спортивные секции, которые организуются при школе, их пытаются привлекать к общественной работе (участие в концертах, подготовка различных мероприятий).

Эффективность работы с подростками «группы риска» во многом зависит от реакции школы, педагогов на проблемы этих детей. Нередко замечания, высказывания, неодобрение со стороны учителя приводят к тому, что ситуация несовершеннолетнего усугубляется еще и проблемой школьной дезадаптации из-за **неадекватности мер педагогического воздействия**. Так, ученик из неблагополучной семьи, не имеющий дома возможности делать домашнее задание, получает двойку и замечание в дневник. В семье это вызывает новый скандал с родителями. В классе к нему формируется негативное отношение. В результате – прогулы занятий, разрыв и этой социальной связи.

Особое значение в последнее время приобретают школьные психологи и социальные педагоги. Во многом именно от их позиции зависит отношение к отстающим ученикам. На базе некоторых школ создаются социально-педагогические службы.

Экспериментальный проект такой службы разрабатывался в 1993 г. в Ставрополе [17]. Похожий эксперимент проводился в 1996 г. в Вологде [5], где на базе средней школы была создана комплексная социально-педагогическая служба. Взаимодействие семейных социальных педагогов, психологов, медиков позволило службе решать следующие задачи:

- * установление контакта между семьей и школой;
- * оказание психолого-педагогической помощи семье;

- * решение конкретных проблем воспитания и перевоспитания;
- * социальная опека и материальная поддержка семьи;
- * защита прав семьи;
- * организация досуга подростков.

Работа с подростками и семьями группы риска ведется также в рамках территориальных центров, таких, как Психолого-медико-социальные центры (ПМСЦ) системы образования, Центры социально-психологической помощи населению и другие.

В зависимости от региона меняются названия и ведомственная принадлежность, но суть деятельности сохраняется: оказание социальных и психологических услуг населению. В спектр услуг подобных центров могут входить и консультации психиатра, юриста, помощь логопеда.

В такие центры семьи обращаются чаще всего по направлению педагогов, школьных психологов либо узнав об их деятельности из телефонных справочников. Инициатором обращения чаще всего становится один из родителей после того, как семья столкнулась с трудностями в воспитании ребенка. Клиентами центров обычно становятся семьи, достаточно мотивированные для обращения к психологу, искренне заинтересованные в изменении ситуации ребенка, но не знающие, как ему помочь.

В последнее время все большей популярностью пользуется системный подход, в соответствии с которым ответственность за свое отклоняющееся поведение (развитие) несет не только сам ребенок, но семья в целом, представляющая собой единую систему. В рамках центров начинает развиваться семейная психотерапия, а в диагностике важнейшее значение приобретает диагностика семейных отношений.

Значение психологических центров трудно переоценить. В то же время их количество недостаточно, чтобы предоставить помощь всем, кто в ней нуждается. К тому же психолого-педагогическая грамотность основной части населения крайне низка, люди часто просто не представляют, чем занимается психолог. Именно дисфункциональные семьи крайне редко обращаются в психологические центры, искренне заблуждаясь или пытаясь создавать видимость своего благополучия.

Сегодня существуют все предпосылки для организации комплексной работы с подростками «группы риска» по критерию социальной дезадаптации. Основным препятствием становится нехватка кадров,

недостаточная профессиональная подготовка имеющих специалистов. В то же время в различных учреждениях накоплен интересный опыт психолого-социальной работы с подростками.

Разнообразная деятельность, занятия в кружках или спортивных секциях – действительно хорошая альтернатива для дезадаптированного подростка; социально-психологические тренинги помогают восстановить статус в среде сверстников и самооценку, а работа педагогов и психологов с родителями помогает семье преодолеть кризис. Но такая работа эффективна, если подросток еще не потерял связи со школой и семьей, если для него еще значимо мнение педагога, отношение родителей. Тогда его действительно удастся заинтересовать, установить с ним доверительные отношения и вместе найти выход из трудной ситуации или альтернативу уличной жизни.

2.3. Работа с социально дезадаптированными подростками

Если вернуться к введенной в предыдущем параграфе типологии девиаций, то в этой категории – собственно социально дезадаптированных подростков – мы объединяем подростков с делинквентным и криминальным поведением, поскольку, как неоднократно подчеркивалось, юридические критерии разделения этих типов для содержания социальной работы не столь существенны. Социально дезадаптированных несовершеннолетних можно условно разделить на жертв и правонарушителей. Условность разделения вызвана тем, что практически каждый нарушитель в свое время был жертвой и, не получив адекватной поддержки, стал решать свои проблемы асоциальным путем. Чаще всего это жертвы родительского пренебрежения, физического или психологического насилия с их стороны. Это жертвы системы образования, не признающей отклонений. Это, в конце концов, жертвы социальной неустроенности, лишенные возможности заниматься в секциях, кружках и т.д.

Понятно, что, говоря о жертвах, мы имеем в виду, конечно, не разовые конфликты с родителями, сверстниками или учителями. Это системные нарушения

в отношениях подростка и его окружения, в которых первой жертвой оказывается он. Потом происходит обмен ролями, и так много раз. (Подростка-правонарушителя привлекают к ответственности – и вот он снова жертва, но он выходит с новым опытом – и снова нарушитель и т.д.)

Те немногие жертвы, которые все же не становятся правонарушителями и находят социальные пути компенсации, чаще всего делают это без помощи специалистов. Это происходит благодаря счастливой встрече с хорошим взрослым, которым может оказаться родственник или сосед. Даже если это специалист, то помощь подростку все равно оказывается как бы случайно. Тренер в секции, любимый учитель могут выступить в качестве того взрослого, которому можно доверять, на которого можно положиться, с которым можно поделиться своими проблемами и надеяться на помощь. Такой взрослый как бы замещает родительскую фигуру. Возможно стихийно, эти люди находят наиболее эффективный способ социальной реабилитации – принятие подростка таким, какой он есть, и взаимодействие с ним на равных.

Парадокс заключается в том, что в период, когда подростку действительно нужна помощь, т.е. когда он еще является жертвой, на него не обращают внимания. А в поле зрения он попадает как раз тогда, когда находит выход: получает признание в уличной компании, компенсируется через правонарушения и т.д.

Для реабилитации подростков, уже вовлеченных в уличную криминогенную среду, требуются более действенные меры, нежели для первых двух групп – группы «первичной профилактики» и «группы риска». Специалисты, работающие в школе или психологических центрах, часто не способны им помочь, так как связь со школой уже разорвана, а на прием к психологу сами они вряд ли пойдут.

Такие подростки в первую очередь попадают в поле зрения ОППН и КДН.

Будучи подразделением милиции, ОППН сталкивается с подростком по факту совершения им правонарушения. У инспектора имеется весьма ограниченный набор способов реагирования (использование которых зависит и от тяжести

нарушения): беседа с подростком и его родителями, постановка на учет. В отсутствие социальных работников инспектор обычно не имеет возможности сколь-либо детально изучить ситуацию несовершеннолетнего. Единственным механизмом воздействия остается запугивание – предупреждение об угрозе уголовного наказания и неприятностях, которые влечет постановка на учет в милицию. Своих «подучетников» сотрудники ОППН контролируют, посещая их семьи, но в работе непосредственно с подростком основное внимание уделяется не столько ему самому, сколько его связям с криминальной средой.

Далее дело подростка передается в КДН. В свою очередь, эффективность работы КДН крайне низка из-за отсутствия реальных механизмов воздействия и адекватных способов реагирования. Основной метод работы КДН – вызов на комиссию подростка и его родителей. Предупреждения, выговоры, угрозы сообщения в школу редко действуют на того, кто учебе и семье предпочитает улицу. С подростком, который приходит на комиссию по делам несовершеннолетних, проводятся профилактические беседы, где ему объясняют, какое правонарушение он совершил, и выслушивают его оправдания. Основные варианты решений комиссии в отношении подростка:

- постановка на учет;
- информирование о случившемся учебного заведения, в котором тот обучается;
- в некоторых случаях – штраф с родителей.

Если правонарушения связаны с употреблением алкоголя или наркотических веществ, подростка направляют на обследование к наркологу; если у комиссии возникают сомнения в адекватности поведения подростка – к психологу или психиатру.

Санкции, предъявляемые делинквентному подростку в КДН или ОППН, консультации у нарколога, психолога или психиатра относятся скорее к довольно стереотипному набору так называемых профилактических мер, чем к реабилитации, и действуют, если подросток не имеет физической зависимости от алкоголя или наркотиков, еще не вовлечен в криминальную среду.

Чаще всего подросток не вникает в смысл абстрактных мер, которые к нему применяют (учет,

вызовы на комиссию, выговоры). Он не воспринимает их как часть собственной реальности – деятельность взрослых не включается в его мир (вне учреждений и вне дома) и не влияет на образ жизни. Криминализованные подростки воспринимают «проработку» в милиции и на комиссиях как неотъемлемый атрибут криминальной среды, который органично вписывается в их «рисковый» образ жизни.

Ситуация меняется с появлением **социальных служб** для несовершеннолетних, одной из задач которых является раннее выявление детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, и оказание им помощи¹. Главная черта службы – социальный патронаж клиента, непосредственное взаимодействие с ним, посредничество между клиентом и обществом.

Первые социальные службы постсоветского периода создавались неправительственными организациями в Санкт-Петербурге и Москве. Не будучи связанными жесткими нормативными документами, имея возможность экспериментировать, общественные структуры оказались более мобильны, чем государственные. Конечно, такое положение увеличивало и вероятность ошибок, неудач, но в то же время появилась возможность на практике проверить теоретические положения о социальной работе.

Деятельность социальных служб наглядно продемонстрировала, что можно работать и с уличными детьми, и с «неблагополучными» семьями. Социальные работники предлагали детям и родителям помощь и сотрудничество в решении их проблем, и клиенты начинали меняться, постепенно принимая на себя ответственность за свою жизнь. Опыт общественных организаций понемногу принимается и государственными структурами.

В настоящее время в разных регионах России появляются центры, ставящие своей задачей не только работу с несовершеннолетним, но и с его семьей.

Так, в городе Волжск Волгоградской области был организован Районный центр социальной помощи семьям, детям, подросткам и молодежи [7]. Реализованный здесь подход позволяет вмешаться в ситуацию на ранних этапах, когда семья, подросток еще готовы принять помощь.

¹ См. § 4 главы 8. – *Прим. ред.*

Важнейшей частью деятельности центра является социальный патронаж семей. В многих ситуациях установление контакта с семьей становится возможно только с приходом в нее социального работника. При этом социальный работник приходит в семью, чтобы предложить помощь (консультации специалиста, трудоустройство, возможности досуга), а не осуществлять контроль и давление.

Подобная работа ведется Центрами «Семья» в Самаре и области, во многих других городах при различных центрах открываются службы социального патронажа. В Санкт-Петербурге уличная социальная служба финансируется из городского бюджета. В Казани с мая 2001 г. в качестве эксперимента Комитетом по делам детей и молодежи выделяется 20 ставок уличных социальных работников.

Деятельность социальных служб снижает количество крайних проявлений дезадаптации. Но совсем устранить их вряд ли возможно, особенно при сегодняшнем развитии социальной работы в России.

Подростки, чья семейная ситуация достигла крайних конфликтных форм, нередко нуждаются в месте временного жительства. Эту возможность предоставляют **социальные приюты**, в которые подростки попадают по направлению КДН или ОППН или по собственному заявлению. Жизнь в приюте предполагает выполнение определенных правил и ряд ограничений (не употреблять спиртное, не курить, не грубить и т.д.). Если подросток попадет в приют не по своей воле, то он либо очень быстро уйдет, либо поймет, что это нужно ему самому. В приюте занимаются реабилитацией детей и подростков: обеспечивают психологическую поддержку и педагогическую коррекцию, восстанавливают семейные связи, работают с родителями, устраивают в школу или другое учебное заведение. После приюта подросток может вернуться в семью или пойти в другое учреждение (детский дом, интернат, училище с общежитием и т.д.).

Работа с подростками в условиях приюта сталкивается с множеством трудностей. Многие из попавших сюда детей зарабатывали деньги на улице, употребляли спиртные напитки, практически все курят. Интернаты и детские дома отказываются принимать подростков после 16 лет, да и до 16 берут неохотно. Трудоустройство подростков снова встречает массу препятствий. А для работы с семьей у приюта не хватает

ресурсов, за исключением тех случаев, когда сами родители выражают заинтересованность в возвращении ребенка и готовы к сотрудничеству. Приняв во внимание все проблемы, большинство приютов ограничило возраст воспитанников до 12–14 лет.

Таким образом, подростки нередко вынужденно остаются на улице до момента совершения ими правонарушения. В детские дома, интернаты их не берут, приюты, опасаясь сложностей с дальнейшим устройством, также избегают подростков, и даже в милицейский центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей (ЦВИНП) подросток может попасть только совершив правонарушение.

В Новосибирске попытались найти выход из сложившейся ситуации, открыв Комплекс социальной помощи несовершеннолетним УВД [14]. Он представляет собой социальную гостиницу для детей и подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию. Это позволяет преодолеть то положение, в котором оказались многие города с того момента, когда ЦВИНП стал принимать только правонарушителей (что, конечно, логично), а других учреждений, принимающих детей и подростков, открыто не было.

Социальная гостиница, и совсем не обязательно при УВД, является оптимальной альтернативой приюту. Условием пребывания подростка в такой гостинице является его полное самообслуживание, включая дежурство по кухне, а также учеба или работа. Социальные работники помогают подростку с устройством на работу или учебу, педагог помогает наверстать упущенное в учебе. Пребывание в гостинице абсолютно добровольно. Более того, невыполнение внутренних правил (отказ от дежурств, учебы или работы) может послужить причиной исключения подростка из гостиницы. Таким образом, подростку предоставляется достаточная свобода: он может уйти или остаться, он может приходить и уходить, пользоваться заработанными деньгами и т.д. Но он несет ответственность за свое поведение и свои решения как взрослый человек.

Пока социальные гостицы не получили широкого распространения в нашей стране, и здесь мы дали описание учреждения, действующего в Румынии.

2.4. Клиентоориентированный подход

Резкое обострение социальных проблем потребовало от Российского государства быстрых и эффективных ответных действий. И если с беспризорностью ответ был найден (приюты), то в большинстве других случаев адекватного ответа до сих пор нет. Наибольшие трудности для социальной работы представляют следующие проявления социальной дезадаптации:

- подросток имеет физическую зависимость от алкоголя или наркотиков;
- подросток занимается проституцией по своей воле - трудно мотивируем на изменения;
- подросток вовлечен в криминальную среду, зарабатывает средства для самообеспечения криминальным путем, нарушены связи с семьей, учебным учреждением.

Выявление и установление контакта с такими подростками затруднено, так как для этого необходима организация уличной работы, которая еще не вошла в практику системы социальной защиты. Пока же работа с ними ограничивается такими формами, как назидание, угроза и наказание.

Перечисленные категории подростков попадают в поле зрения различных государственных структур, но фактически не имеют перспектив, с ними «не возятся». Сотрудники учреждений не столько стараются разобраться в ситуации подростка, сколько пытаются «подогнать» его ситуацию под существующие механизмы работы. В подобных случаях зачастую единственной перспективой для беспризорника является приемник-распределитель, учреждение закрытого типа (спецшкола, спецучилище, исправительная колония) либо снова улица до следующего раза, для подростка-наркомана - наркологическая или психиатрическая больница, которые обеспечивают **изоляцию от общества, но не реабилитацию.**

Программ, ориентированных на помощь **подросткам-наркоманам**, крайне мало, почти все они

дорогостоящие. Бесплатных подростковых стационаров по России единицы (в Москве нет ни одного). И если до 14 лет их еще принимает детская психиатрическая больница, а после 16 – взрослые наркологические клиники (при этом специфика подросткового возраста практически не учитывается), то с 14 до 16 лет – «мертвая зона».

Чтобы работа с подростком-наркоманом была эффективна, необходимо его собственное желание лечиться. Но для этого он должен хотя бы иметь представление о наркомании как болезни и возможностях помощи. Кроме того, необходимо доверие к людям, эту помощь предлагающим. А пока он общается с другими, более опытными наркоманами, им он доверяет больше.

Работа с подростками-наркоманами требует особого подхода и редко осуществима силами территориальной социальной службы. В данном случае необходима **специализированная социальная работа**, учитывающая места «тусовок» наркоманов, их времяпрепровождение, знакомство с данной субкультурой. Такие группы достаточно закрыты, зачастую связаны с криминалом и могут быть опасны для социального работника. Лучшими кандидатами для работы в подобной структуре являются люди, сами имевшие опыт употребления наркотиков и достаточно долгое время прожившие без «срывов». Их работа должна быть тесно связана с центрами, оказывающими стационарную наркологическую помощь на бесплатной основе или с возможностью отработки стоимости своего лечения. Такие социальные работники могут предложить помощь, ссылаясь на собственный опыт, что вселяет в подростка доверие. Очень важно, чтобы у подростка сложилось ощущение доступности и безопасности предлагаемой помощи.

В Новосибирске, например, действует Центр образования и здоровья «Магистр» [18]. Здесь ведется научное исследование проблемы, профилактика наркозависимости (лекции, беседы, пресс-конференции, брифинги, различные акции), а также выявление детей «группы риска». Подросткам предоставляется двухнедельное стационарное лечение и последующая реабилитация.

Крайне затруднительна работа с **малолетними проститутками** (как с девочками, так и с мальчиками). Чаще всего несовершеннолетние занимаются этим ремеслом по собственной воле и не посвящают социального работника в свои дела, не идут на контакт. Только при желании самого несовершеннолетнего «завязать» с такой жизнью помощь социального работника становится возможной и актуальной. В данном случае большую роль должны играть средства массовой информации, распространение информации о здоровом образе жизни, о возможностях помощи в трудных ситуациях (телефон доверия, кризисные центры, телефон помощи детям и т.д.).

В Москве действует общественная организация «Голуба», оказывающая помощь несовершеннолетним женщинам. По телефону здесь можно получить консультацию, как действовать в случаях насилия, беременности и других трудных ситуациях. В серьезных случаях девушек приглашают на консультации к психологу или социальному работнику. Основные проблемы, с которыми сталкивается организация, – отсутствие учреждений, готовых принять несовершеннолетнюю беременную или девочку-подростка, подвергающуюся домашнему насилию.

Еще одна группа – это девочки, приехавшие в Москву на заработки и попавшие в зависимость от сутенеров и других криминальных элементов. От этого не застрахованы и москвички. Для того чтобы разорвать зависимость, им нужна помощь социальных работников – в восстановлении документов, устройстве на временное проживание, поиске средств на дорогу, а для москвичек – помощь специалистов в восстановлении отношений в семье, поскольку именно нарушение семейных связей нередко толкает девочек «на панель». Таким способом они пытаются самоутвердиться, показать свою материальную независимость от родителей и, в конечном итоге, приходят к крушению личности.

В Калининграде местным отделением РБФ НАН в течение года проводился эксперимент по организации социальной работы с малолетними проститутками. Социальные работники использовали в качестве своей «базы» передвижной пункт обмена шприцов (многие проститутки употребляют наркотики: из 76 опрошенных только 3 ответили отрицательно). Девушкам предлагались

бесплатные презервативы, возможность консультаций гинеколога, медицинской помощи. Предложение помощи позволило быстро установить общение. Девушки уже давно не чувствовали себя равными собеседниками, не имели возможности просто поговорить, поддержать контакт с «нормальным миром».

Конечно, далеко не все девушки, выбравшие эту работу, были готовы к изменениям. Но без доверия к социальному работнику какое-либо изменение вообще невозможно.

Подобные проекты показывают, что в принципе **не существует групп, абсолютно недоступных для социальной помощи**. Но предлагаемая помощь должна быть адекватна, и социальный работник сам должен идти навстречу, на установление контакта, а не дожидаться инициативы клиента.

Первый результат социальной работы – взаимное доверие, понимание клиентом доступности помощи и безопасности ее получения. Без этого невозможна реальная помощь человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации.

Общественное осознание важности для социальной работы личностного контакта приходит крайне медленно. Социальные работники, идущие на прямой доброжелательный контакт с клиентами, появляются в основном в проектах неправительственных организаций или в экспериментах на базе государственных учреждений (новое законодательство не препятствует организации новых структур и реорганизации старых). Почему же клиентоориентированный подход не становится повсеместным, преобладающим, хотя с различных трибун говорится о необходимости адресности и индивидуальности социальной помощи?

Практика нашей собственной работы, общение со специалистами других учреждений и регионов позволяют выделить три составляющие проблемы.

Во-первых, – материальные трудности. Это финансирование, ставки, помещения и т.п. Об этом много говорилось и говорится, и нет смысла повторяться. Материально-финансовые трудности в социальной сфере были и будут всегда, может меняться только их масштаб. Причины скудного финансирования понятны, но когда огромные средства выделяются на малоэффективные проекты, ужесточение мер, укрепление брешей в старой

системе, то возникает недоумение. Эту ситуацию можно объяснить лишь отсутствием анализа социальных проблем (и опыта проведения такого анализа в принципе).

Прошло уже достаточно времени, чтобы практически проверить эффективность различных проектов; многие специалисты, изучающие социальные проблемы, публикуют результаты своих исследований. В частности, по проблеме социальной дезадаптации несовершеннолетних за последние годы выпущено множество работ, проведены сотни «круглых столов» и конференций, что нашло отражение даже в законодательстве. Но на практике это сказалось крайне мало. Даже учреждения нового типа нередко начинают действовать по-старому. В результате приют отчитывается за свою работу количеством детей, переданных в детские дома и интернаты, в то время как создавались приюты как дополнительный шанс ребенка сохранить с помощью специалистов родную семью или найти и подготовить новую (приемную, опекуную, усыновительскую). Другим примером может служить центр помощи семье, где предусмотрены ставки социальных работников. Нередко эти социальные работники ожидают прихода родителей трудных детей к себе в центр, доверяя первый контакт и мотивирование клиентов органам милиции или комиссии по делам несовершеннолетних.

Все это показывает, что есть значительно более глубокие проблемы, чем недостаток финансирования, и корни их внутри общества, в его стереотипах, внутри каждого из нас.

Вторым блоком причин, препятствующих развитию социальной работы, являются стереотипы в отношении клиентов. Это неверие в возможность их изменения: «Да чтобы эти родители бросили пить? Это невозможно! Сколько раз им уже говорили и на комиссию вызывали, все бесполезно». Это агрессивное отношение к ним: «Зачем возиться с этими подростками – наркоманами и преступниками. Сажать их надо!». И даже жалость играет свою отрицательную роль: «Бедненький, совсем один на улице, на хлебушек просит, как же ему не подать!». И не важно, что именно ребенок купит на эту подачку, не важно, как она изменит его ситуацию, чаще всего никак,

только даст подтверждение, что на улице можно прожить и не надо ничего менять.

Социальные работники тоже живут в нашем обществе. И нередко сами становятся носителями общественных стереотипов неверия и неуважения к личности клиента, агрессии, жесткости или жалости. И тогда - перестают быть профессионалами. И только способность проанализировать ситуацию, понять человека в ней, поверить в его ресурс и вернуть ответственность за свою жизнь позволяет специалисту оказать реальную помощь.

И третья составляющая проблемы - личность социального работника, вообще любого специалиста, оказывающего помощь. «Личность консультанта является его орудием труда, ее полнота и целостность приобретают важное значение для эффективности консультирования» [8, с. 102], - пишет известный психотерапевт Ролло Мэй, имея в виду консультанта-психолога. С полным основанием можно отнести это высказывание и к социальному работнику. Какие-то качества социального работника развиваются в ходе обучения, тренингов, практической работы, какие-то связаны с характером, темпераментом и ранним воспитанием. Раскрытию полноты личности, ее целостности способствует и личная психотерапия специалиста, что для нашей страны является большой редкостью. Для того чтобы помогать другим, понимать других, неплохо бы для начала лучше понять себя, увидеть свои ресурсы и ограничения. Иначе специалист рискует увидеть клиента через призму собственных проблем и стереотипов.

Признание значения личности социального работника может найти практическое выражение еще в процессе профессионального обучения: увеличение доли практической работы, супервизия¹, включение в программу обучения тренингов, направленных на

¹ *Супервизия* - широко распространенный метод подготовки и повышения квалификации психотерапевтов. Это форма консультирования специалиста более опытным коллегой, помогающая первому осознать и анализировать свои профессиональные действия и профессиональное поведение. Отличается как от обычного обучения, так и от тренинга [12, с. 609-610]. - Прим. ред.

профессиональный и личностный рост, и т.д. При приеме на работу важно уделять внимание не только диплому об образовании, но и личностным качествам социального работника. В ходе профессиональной деятельности каждый специалист должен иметь возможность обратиться за супервизией к своим коллегам, получить помощь психолога в случае актуализации личных проблем в процессе работы с клиентом. К сожалению, в большинстве случаев только говорится о значении личности социального работника. А мы не устаем удивляться, что появление специалиста не приводит к изменению клиента. И утверждаемся во мнении, что социальная работа бесполезна, да и сами клиенты не принимают помощи социальных работников.

«Нет ли опасности в пристальном изучении человеческого характера? Не вызовет ли это протест со стороны самих «объектов изучения»? Конечно, может, если ваше поведение будет напоминать подглядывание в замочную скважину. Действуя подобным образом, тщеславный консультант озабочен лишь тем, как бы «вычислить» своего клиента и тем самым поднять свой престиж.

У настоящего консультанта совсем иной подход. Главное в нем – доброжелательность и стремление понять клиента, помочь ему увидеть себя с лучшей стороны и осознать свою ценность как личности. Такое понимание помогает человеческому существу на время вырваться из одиночества своего личностного существования и вступить в дружеское общение с родственной душой. Человека, словно путника после долгой дороги в снегу и холоде, приглашают посидеть часок у теплого очага. Не будет преувеличением сказать, что такое понимание равнозначно любви к человеку» [8, с. 78].

§ 3. Организация социальной работы: закон и реальность

В данном параграфе мы продолжим обсуждение проблем социальной работы с девиантными подростками, введя еще один контекст: ее правовое обеспечение.

За последние десять лет в России появилось множество законодательных актов и нормативных

документов, касающихся защиты прав несовершеннолетних, профилактики безнадзорности, правонарушений и других форм социальной дезадаптации. В ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», принятом 15 ноября 1995 г., в качестве одного из принципов социального обслуживания выделяется «приоритетность предоставления социальных услуг несовершеннолетним, находящимся в трудной жизненной ситуации» (ст. 5) [6]. ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», принятый Государственной Думой 21 мая 1999 г. (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики...»), открывает возможности создания новых типов учреждений, развития системы социальной защиты несовершеннолетних. К сожалению, практическое применение этих и многих других нормативно-правовых актов затруднено отсутствием механизмов их реализации.

О недостаточном финансировании социальной сферы мы уже говорили в предыдущем параграфе. Так, открытие социально-реабилитационных центров, развитие социальных служб требует предоставления помещений и выделения бюджетного финансирования. В Москве это становится практически неразрешимой проблемой.

Другой причиной является рекомендательный (необязательный) характер многих документов, не предполагающий ответственности за их исполнение.

В то же время изменения, вносимые в законодательную базу, вступают в противоречие с существующей практикой учреждений, занимающихся проблемами несовершеннолетних. Это приводит к тому, что некоторые законы так и остаются только на бумаге.

Несогласованность законов и механизмов их реализации особенно отчетливо проявилась в ходе практической деятельности социальной службы РБФ НАН.

Задача службы состояла в выявлении социально дезадаптированных несовершеннолетних и организации процесса их реабилитации вне зависимости от их социальной ситуации. Другими словами, социальный работник работал с любым подростком, находящимся в трудной жизненной ситуации. Выясняя ситуацию

подростка, социальный работник обнаруживал, что работа с ним и его семьей проводилась формально, ограничивалась стандартными вариантами, часто не адекватными конкретной ситуации.

В законодательных актах работа с дисфункциональными семьями и курирование несовершеннолетних клиентов либо подразумеваются либо прописаны **как рекомендация, а не как обязанность или первоочередная мера.**

Так, в Положении о комиссиях по делам несовершеннолетних [9] говорится, что комиссии выявляют и берут на учет детей и подростков, оставшихся без попечения родителей; несовершеннолетних, имеющих родителей или лиц, их заменяющих, которые не обеспечивают надлежащих условий для воспитания детей (ст. 9), а также что при применении мер воздействия районная комиссия должна учитывать характер и причины правонарушения, возраст несовершеннолетнего, условия его жизни, степень участия в правонарушении, а также поведение в быту, в школе и на работе (ст. 21). При этом не прописано, каким образом это должно осуществляться, и не оговорена ответственность за невыполнение данного положения.

В ФЗ «Об основах системы профилактики...» [10] большое значение придается органам управления социальной защиты населения и учреждениям социального обслуживания. В то же время социальная защита представлена далеко не на каждой территории, а ее учреждения зачастую просто не способны выполнить указанные в законе функции. Так, должностные лица органов управления социальной защитой населения и учреждений социального обслуживания **имеют право:**

«1) в установленном порядке посещать несовершеннолетних, проводить беседы с ними, их родителями или законными представителями и иными лицами;

2) запрашивать информацию у государственных органов и иных учреждений по вопросам, входящим в их компетенцию, приглашать для выяснения указанных вопросов несовершеннолетних, их родителей или законных представителей и иных лиц» (п. 3 ст.12).

Возможно, именно поэтому сотрудники государственных учреждений рассматривают посещение

неблагополучных семей либо как формальность, либо как меру, на которую они **имеют право**, но **не обязаны** ее осуществлять.

Те же органы управления социальной защитой населения в пределах своей компетенции «организуют индивидуальную профилактическую работу в отношении безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, их родителей или законных представителей, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, содержанию несовершеннолетних и (или) отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними» (п/п 1 п. 1 ст. 12). Как они получают информацию об этих несовершеннолетних, в рамках каких структур эта работа реализуется и что делать в случае отсутствия на территории этих структур, законом не оговорено.

В соответствии с п/п 2 п. 2 ст. 12 учреждения социального обслуживания «выявляют несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, а также семьи, несовершеннолетние члены которых нуждаются в социальных услугах, осуществляют социальную реабилитацию этих лиц, оказывают им необходимую помощь в соответствии с индивидуальными программами социальной реабилитации». На практике эти учреждения могут лишь отреагировать на запрос КДН, школы, других структур, иногда родителей или самого несовершеннолетнего, да и то в случае наличия мест в социально-реабилитационном центре или приюте и кадров для проведения работы с семьей. Учитывая крайнюю нехватку подобных учреждений, данное положение становится просто формальностью.

Сотрудники КДН, призванные выявлять и устранять причины и условия, способствующие безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних (п. 1 ст.11), не могут осуществлять регулярные посещения семей в рабочее время из-за своей загруженности, а потому стараются по возможности «не вникать» в семейные отношения клиентов. Последовательная работа с клиентами ими не проводится, так как это не является их прямой обязанностью. Они обладают далеко не полной информацией о клиентах и в кризисной ситуации не могут оперативно отреагировать и разрешить проблему.

Социальная работа как профессиональная деятельность

Так, один из клиентов социальной службы РБФ НАН, мальчик 12 лет, который был предоставлен сам себе (мать проживала с сожителем в другой квартире и даже ночевать приходила редко), неоднократно задерживался милицией в ночное время суток. Действия милиции ограничивались возвращением ребенка по адресу прописки, и его ситуация оставалась без изменений. Мать периодически вызывали на заседания КДН, но та не являлась и все продолжалось по-прежнему. Только после вмешательства социальных работников государственные структуры признали наличие в этой семье серьезных проблем и стали искать пути решения.

Нередко социальный работник сталкивался с ситуацией, когда ребенок (подросток) вообще не попадал в поле зрения каких-либо структур, несмотря на свою тяжелую ситуацию.

От соседки социальные работники узнали, что в квартире, где проживает девочка 8 лет, постоянно происходят пьяные скандалы. Сама девочка не ходила ни в детский сад, ни в школу. После посещения семьи выяснилось, что ребенок в квартире не прописан, ни разу не был в поликлинике, не числился в списках школы и других структур. Сообщение в КДН об этой ситуации каких-либо результатов не принесло, поскольку девочка не прописана на территории района. В районе же, где девочка была прописана, помочь социальным работникам тоже не смогли, так как девочку никогда не видели и о ситуации в семье знать не могли. В конце концов, девочку устроили в приют по заявлению мамы, которую социальные работники убедили в необходимости такой меры.

Так что можно сказать, что если сам ребенок или кто-то из его семьи не доставляет неприятностей государственным учреждениям (не совершает общественно опасных поступков, не заявляет о своих проблемах), то о его тяжелой жизненной ситуации так и не станет известно.

В ФЗ «Об основах системы профилактики...» говорится, что органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводят **индивидуальную профилактическую работу** в отношении несовершеннолетних: безнадзорных или беспризорных, занимающихся бродяжничеством или попрошайничеством, употребляющих наркотические средства или

психотропные вещества без назначения врача либо употребляющих одурманивающие вещества (п. 1 ст. 5).

На практике же работа с такими подростками проводится далеко не всегда. Наиболее затруднительно организовать помощь беспризорникам и подросткам-беглецам из интернатных учреждений.

В том же законе сказано, что в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (социально-реабилитационные центры, социальные приюты), круглосуточно принимаются в установленном порядке несовершеннолетние: самовольно оставившие семью, самовольно ушедшие из образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или других детских учреждений, за исключением лиц, самовольно ушедших из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа; не имеющие места жительства, места пребывания и (или) средств к существованию (п/п 4 и 5 п. 2 ст. 13).

Но реальное положение дел таково, что учреждения принимают таких подростков на свой страх и риск, особенно если это иногородний ребенок или он поступил по собственному заявлению. Государственные структуры не желают принимать на себя ответственность за этого ребенка, разбираться в его ситуации. Даже переправить ребенка по месту жительства весьма затруднительно, и нет никакой гарантии, что там он получит адекватную помощь, а не будет возвращен в семью, из которой убежал, без принципиального изменения ситуации.

Мальчик 11 лет поступил в приют по заявлению милиции. Живя на вокзале, подвергся сексуальному насилию и проходил по делу как потерпевший. Как стало известно, он проживал недалеко от города Александров, в многодетной семье, где мать-одиночка воспитывала десятерых детей. В ходе работы с психологом приюта выяснилось, что мальчик подвергался физическому насилию со стороны старшего брата, недавно вернувшегося из армии (проходил службу в Чечне). Мать заставляла ребенка для пополнения семейного бюджета продавать газеты, собирать бутылки. Возвращаться в семью он не хотел. В ходе общения сотрудников приюта с КДН, отвечавшей за мальчика, выяснилось, что данная семья давно известна, но поместить мальчика некуда, и вариантов помощи в распоряжении КДН нет, кроме вызова мамы на заседание комиссии. Мальчика

Социальная работа как профессиональная деятельность

пришлось отправить по месту жительства, в семью. Единственное, чего удалось добиться, – обязательства со стороны комиссии уделять данной семье более пристальное внимание.

Работая с химически зависимыми подростками, социальные работники также обнаружили несоответствие между законами и существующими механизмами работы. В соответствии с тем же законом работа с такими подростками находится в компетенции органов управления здравоохранением и учреждений здравоохранения, которые организуют «выявление, учет, обследование при наличии показаний медицинского характера и лечение несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, наркотические средства, психотропные или одурманивающие вещества, а также осуществление других входящих в их компетенцию мер по профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании несовершеннолетних и связанных с этим нарушений в их поведении» (п/п 10 п. 1 ст. 18).

На практике с проблемой химической зависимости чаще всего сталкиваются образовательные учреждения, не приспособленные к работе с такими подростками. Работают с ними и сотрудники ОППН, но в их функции входит выяснение обстоятельств приобретения психоактивных веществ, а не реабилитация употребляющего их подростка.

А в учреждения здравоохранения информация о таких подростках доходит в последнюю очередь, когда встает вопрос о лечении алкоголизма или наркомании. При этом мотивирование подростка на посещение участкового нарколога или наркологического диспансера происходит в форме требования КДН предоставить документ, подтверждающий такое посещение. Невыполнение такого требования не представляет никакой существенной угрозы для подростка. И хотя в Положении о комиссиях по делам несовершеннолетних сказано, что в случае, когда избранная мера воспитательного воздействия оказалась безуспешной, комиссия вправе применить к такому несовершеннолетнему более строгую меру (ст. 18 Положения), комиссия редко занимает жесткую позицию по отношению к подростку-наркоману и, как правило,

перекладывает ответственность на районного нарколога, компетенции которого недостаточно, чтобы проконтролировать подростка.

При организации лечения 15-летнего подростка, страдающего алкоголизмом, социальные работники столкнулись с большими трудностями. Подросток стоял на учете в КДН и ОППН, год не посещал школу, его мать обращалась за помощью к председателю КДН и участковому, но побудить подростка к лечению не удавалось. Вызовы на комиссию и беседы участкового не давали результатов, угрозы отправить в колонию для несовершеннолетних не действовали: подросток знал, что это только слова. Требований посетить нарколога он также не выполнял, потому что не видел в этом никакого смысла и считал, что у него нет проблем, от обучения отказывался по той же причине.

После длительного общения социальному работнику все же удалось замотивировать его на лечение, он решил устроиться на работу, не хотел, чтобы его «доставали» в милиции и в КДН. Но организовать лечение оказалось очень трудно.

Подростковый нарколог возражал против помещения подростка в стационар, так как в наркологической больнице только взрослое отделение. Было решено, что подросток пройдет таблеточный курс лечения, посещая поликлинику. Но отследить этот процесс оказалось практически невозможно. После договоренности сотрудники ОППН и КДН установили контроль. Но делалось это формально: через нарколога они получали информацию, приходил ли подросток на прием, и в случае неявки вызывали на очередную комиссию или посещали семью, причем дома мальчик появлялся поздно и поговорить с ним удавалось довольно редко.

Социальные работники контролировали процесс лечения только через непосредственное общение с подростком.

Следовательно, работа с химически зависимыми несовершеннолетними возможна лишь при тесном взаимодействии госструктур и продолжительном личном общении с клиентом.

Если организация лечения подростковой наркомании еще хоть как-то возможна через наркологические больницы, то механизмы работы с подростками-токсикоманами отсутствуют почти полностью, в системе здравоохранения лечение этого заболевания находится в компетенции психиатрических больниц и далеко не

всегда приводит к положительным результатам. Часто курс лечения в психиатрической больнице только укрепляет привычку токсикомана к химическим веществам, и он меняет зависимость от клея на зависимость от лекарственных препаратов.

Существует также проблема организации обучения социально дезадаптированных подростков. В Типовом положении об образовательном учреждении для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи [9], принятом Правительством РФ 31 июля 1998 г., говорится, что в такого рода учреждения принимаются дети с высокой степенью педагогической запущенности, отказывающиеся посещать общеобразовательные учреждения, а основным направлением деятельности является организация коррекционно-развивающего и компенсирующего обучения.

Занятия в таких учреждениях скорее обеспечивают подростку дополнительную психолого-педагогическую помощь, если он не усваивает школьную программу. Такая помощь своевременна и результативна в начальной школе, если ребенок не может адаптироваться к обучению.

Некоторые образовательные учреждения могут восполнить пробел в знаниях, если подросток испытывает трудности в усвоении школьной программы или прервал обучение на год или два. Социальным работникам удавалось перевести педагогически запущенных клиентов, учащихся 6–9-х классов средней школы, в специализированные школы, обучающие по облегченной сокращенной программе (год за два).

Но ребенок, не посещавший школу до 10–12 лет или не закончивший ее к 18 годам, полностью выпадает из государственной системы образования.

Мальчик 12 лет ни разу не посещал школу и даже не числился в школьных списках. Воспитывался в многодетной семье. Его старшие братья тоже не получили среднего образования, в разном возрасте прекратив посещать школу «за ненадобностью». Сотрудничество с семьей удалось наладить с большим трудом: проблема не признавалась. Практически все структуры, включая КДН и районное управление образования, не знали, что предпринять, и пытались переложить ответственность друг на друга и на

самих социальных работников. Милиция не усматривала здесь какого-либо нарушения, а органы опеки – нарушения прав ребенка. Даже теоретически исключалась возможность ограничения родительских прав по критерию отказа от получения детьми образования. Мальчик даже не умел читать. Предложенные, в конце концов, варианты были связаны с помещением ребенка в интернатные учреждения, против чего выступала мать, ссылаясь на энурез сына. Эта ситуация до сих пор не получила позитивного разрешения, хотя контакт социальных работников с мальчиком и семьей постоянно поддерживается.

Подобному разбору можно подвергнуть практически каждый пункт закона о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Но общая тенденция уже видна: закон дает предложения и рекомендации, но не обязывает и не регулирует ответственность. Из его пунктов практически невозможно понять, в каком же случае он не выполняется, нарушается. Что значат формулировки «в пределах своей компетентности ...», «осуществление мер...» и т.д.? Кто несет ответственность за то, что ребенок в течение нескольких лет подвергается насилию со стороны родителей, или родители пьют, а он не «выявлен», и о нем узнают только тогда, когда он совершил правонарушение? Кто ответствен за проведение индивидуальной работы с этим ребенком и его родителями после его «выявления»? Правда, теперь никто не запрещает этим заниматься. И приют, принявший несовершеннолетнего по его собственному заявлению, не обвинят в самоуправстве. Только вот верить ребенку и всерьез принимать его мнения и даже заявления мы еще не научились, но это уже в законе не пропишешь.

Положение дел таково, что социальная работа с несовершеннолетними во многом определяется политикой отдельных регионов, городов, районных администраций и т.д. Так, в некоторых регионах России количество социально-реабилитационных центров (приютов) в десятки раз превышает количество аналогичных учреждений в Москве (учитывая детское население территории). В ряде городов появляются социальные службы, работающие с подростками на

улице, службы социального патронажа, курирующие семьи несовершеннолетних. Все эти начинания допускаются существующим законодательством, но их реализация зависит от воли конкретных чиновников, руководителей, а также от наличия бюджетных средств. Тем самым законодательные возможности зачастую так и остаются возможностями. Финансирование социальной сферы по остаточному принципу приносит горькие плоды. Экономя на профилактике, государство сталкивается с последствиями в виде непрекращающегося роста наркомании и преступности несовершеннолетних, сочетающегося с уменьшением детского населения.

Многие, в том числе правовые, проблемы можно было бы решить, если бы социальная работа получила общественное признание. На настоящий момент социальная работа не престижна, не признана общественно значимой. Это отражается в первую очередь на кадрах. Молодые, творческие, профессиональные специалисты уходят (или не приходят вовсе) из социальной сферы. В результате там, где от специалиста должна требоваться не только высокая профессиональная подготовка, но и постоянный личностный рост, личностная зрелость и многое другое, практически нет возможности кадрового отбора. Конечно, в социальной сфере всегда работало и будет работать множество замечательных людей, многие из которых приносят в жертву любимой работе и благосостояние и профессиональную карьеру. Но немало и тех, кто просто не смог устроиться больше нигде, равнодушных к своей работе, а часто и к себе самим. И сколько бы ни принималось законов, ни открывалось новых учреждений, изменения в социальной сфере будут минимальны, пока социальная оценка деятельности специалистов, помогающих людям в трудной жизненной ситуации, не станет адекватна сложности и важности их работы.

§ 4. Работа с социально дезадаптированными подростками: запрос на программы восстановительного правосудия

Коснемся другой стороны опыта, полученного в ходе реализации проектов РБФ НАН. В рамках проекта действовали социальная и психологическая служба, реабилитационные программы для подростков, а также программа восстановительного правосудия, реализация которой проводилась сотрудниками Центра «Судебно-правовая реформа».

Как мы пытались показать, несовершеннолетние, оказавшиеся в трудной ситуации (контингент нашей социальной службы), подвержены той или иной форме социальной дезадаптации: нарушено их нормальное взаимодействие с обществом.

Говоря об этом феномене, мы должны учитывать, что детство – период наиболее интенсивного психического, физического и социального развития. И невозможность осуществления позитивной социальной роли в определенной социальной ситуации (семья, школа и т.д.) вынуждает подростка искать обходные пути. В результате – уход из семьи или учреждения, где оказываются невозможными реализация внутреннего потенциала и удовлетворение потребностей развития. Другой способ ухода – эксперименты с наркотиками и другими психо-активными веществами. Как следствие – правонарушения.

Таким образом, социальная дезадаптация, вызванная совокупностью факторов социального, психологического, психосоматического характера, приводит к депривации основных потребностей несовершеннолетнего – потребностей в полноценном развитии и самореализации.

Возвращаясь к определению социальной дезадаптации, отметим, что она порождается нарушением взаимодействия **двух сторон** – несовершеннолетнего и среды. К сожалению, на практике основное внимание уделяется лишь одной стороне – **дезадаптированному несовершеннолетнему**, и практически без внимания остается **дезадаптирующая среда**. Односторонний подход неэффективен как при негативном, так и при позитивном отношении к дезадаптанту. Применять по отношению к нему репрессии – все равно, что запрещать человеку, у которого заложен нос, дышать ртом и при этом не предлагать лечения. Конечно, есть определенная

вероятность, что он сможет вздохнуть носом, но, скорее, либо нарушит запрет, либо задохнется. Попытки же реабилитации, направленные только на ребенка, напоминают старание врачей вылечить туберкулезного больного, который продолжает жить в сыром и холодном подвале. Таким образом, решение проблемы социально дезадаптированного подростка предполагает и работу с его социальным окружением.

Такой подход, казалось бы совершенно закономерный, вызвал массу дополнительных трудностей. Общество оказалось не готово к принятию подростка. И если со стороны дисфункциональной семьи такое отношение вполне прогнозируемо, то позиция государственных учреждений (школы, КДН, милиции) стала для социальных работников неожиданной. Все соглашались, что работать с подростком необходимо, что ему нужно помочь измениться. Но изменить собственное отношение к нему – казалось излишеством. Ситуация особенно обострялась, когда клиентом социальной службы выступал подросток-правонарушитель. И здесь на помощь пришла программа ВП.

В течение года у нас была реальная возможность на практике отработать сотрудничество социальной службы и программ ВП. Изначально предполагалось, что такая совместная работа актуальна только в случаях, когда социальный работник сталкивается с правонарушителем. Практика показала, однако, что возможности сотрудничества гораздо шире. Это и разрешение внутрисемейных конфликтов, конфликтов с классом, со школой, со сверстниками и т.д. Ведущий программ примирения выступает в качестве фасилитатора, содействующего разрешению социального конфликта. Социальный работник при этом выполняет роль посредника между всеми участниками процесса примирения, включая ведущего.

3.1. Роли социального работника

В литературе выделяют множество ролей социального работника: адвокат (борьба за права клиентов), брокер (направление людей в соответствующие службы), оценщик (оценка проблем и принятие решений для действия), мобилизатор,

учитель, консультант и многое другое [16]. Все они выражаются через роль посредника между клиентом и обществом. Социальный работник приходит к клиенту как представитель общества и информирует о возможностях помощи в конкретной трудной ситуации, а также мобилизует собственную активность клиента. Но точно так же информирует общество и привлекает его ресурсы для решения проблемы клиента. Он гармонизирует отношения между клиентом и представителями общества (в лице чиновников, сотрудников различных учреждений, общественных организаций). Основная его задача – организовать взаимодействие сторон таким образом, чтобы у клиента больше не появлялась потребность в социальной работе. Так, в частности, члены семьи должны научиться общению между собой и взаимодействию с различными социальными структурами.

Принято считать, что есть дезадаптированный клиент и социум, куда он должен интегрироваться. Но такое понимание не совсем точно. Часто именно социальная среда выступает в качестве дезадаптирующего фактора, что существенно осложняет задачу социального работника: он должен не только вступить в контакт с клиентом и активизировать его ресурсы, но и найти в обществе адаптивные элементы и связать их в функциональные реабилитационные цепочки. Кружки, секции, клубы помогают несовершеннолетнему клиенту сменить референтную группу, предоставляют новые возможности для продуктивной самореализации (неформальные среды обычно характеризуются деструктивными или репродуктивными, «подражательными», способами самореализации). Сюда же можно отнести и лагеря отдыха, походы, порой организуемые самими социальными работниками, привлечение ребят к организации совместных мероприятий (праздников, спортивных соревнований, акций).

Возвращение подростка в социум через адаптивные звенья дает ему возможность найти новые социальные модели поведения, способы самореализации. Основными препятствиями в этом процессе становятся два фактора:

- отношение подростка к себе, включающее видение своего места в мире, семейные и другие стереотипы и т.д.;
- стереотипы, сложившиеся в социальном окружении подростка в результате их предшествующего взаимодействия.

Другими словами, социальная дезадаптация влечет за собой целый ряд **конфликтов**, как внешних, так и внутренних. Адаптивные элементы, предлагаемые социальным работником, создают условия для изменения, показывают клиенту возможность альтернативной жизни, но не снимают накопившихся противоречий. Для их разрешения компетентность социального работника часто недостаточна, этому могут препятствовать и специфические отношения, складывающиеся между социальным работником и клиентом. И, наконец, разрешение ряда конфликтов требует длительного времени и предполагает применение особых процедур.

Социальный работник нередко сталкивается с устойчивыми стереотипами, сложившимися в отношении его клиента у различных социальных институтов (школа, милиция, семья, соседи и др.). Клеймо «неблагополучного» тянет назад, возвращает в прежнее состояние. И сам подросток начинает верить, что ни на что позитивное не способен и его удел – соответствовать (негативным) социальным ожиданиям. В такой ситуации адаптивные элементы сами по себе недостаточны. Требуется изменение как собственного отношения подростка к себе, так и изменение отношения окружающих. Первая задача относится к компетенции психолога, вторая – ведущего программ ВП. Таким образом, программы ВП становятся одним из важнейших средств социальной реабилитации.

3.2. Конфликты

Практически в любой ситуации социальной работы мы имеем дело с конфликтом, одной из сторон которого является клиент (подросток, его родители, семья в целом). «Конфликт – это такое отношение между субъектами социального взаимодействия, которое характеризуется их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей,

интересов, целей, идеалов, убеждений) или суждений (мнений, взглядов, оценок и т.п.)» [4, с. 22].

Классифицируя конфликты по субъектам взаимодействия, выделяют **внутриличностные, межличностные и групповые** [4]. Большинство ситуаций, с которыми сталкивается социальный работник, содержат в себе все три разновидности конфликта. Их соотношение может быть различно, но наличие каждого почти что неизбежно.

Так, изменение социально-экономической ситуации (увольнение, невыплата зарплаты, вынужденная смена рода занятий) приводит к внутриличностному конфликту. Это, в свою очередь, осложняет отношения в семье. Один из наиболее стереотипных способов «разрешения» конфликта – пьянство (уход от реальности, вытеснение, игнорирование конфликта). Если в семье есть ребенок, он оказывается брошенным или жертвой, расплачивающейся за несправедливость общества. Результат – внутриличностный конфликт у ребенка («Надо любить родителей» – «Я ненавижу родителей»). Это негативно сказывается на его отношениях с окружающими: родителями, соседями, сверстниками, учителями (серия межличностных конфликтов). Школа реагирует на отклонения в поведении ребенка по-своему: плохие оценки, замечания, вызов родителей. Конфликт становится групповым. При этом на каждом этапе обостряются и все предыдущие конфликты. Такая эскалация заканчивается принятием серии административных решений (вызов на КДН, лишение родительских прав, перевод ребенка в интернат, привлечение к уголовной ответственности и т.д.).

С подобным сценарием, с некоторыми вариациями, социальный работник встречается в большинстве случаев. И без его вмешательства конфликт, за редким исключением, протекает деструктивно.

Одной из задач социальной реабилитации является конструктивное разрешение конфликтов клиента с использованием социальных, психологических, педагогических методов. В этом сходятся задачи социального работника, ведущего программ ВП, психолога, других специалистов по реабилитации.

Групповой конфликт «представляет собой противоборство, в котором хотя бы одна из сторон

представлена малой социальной группой» [4, с. 218]. Он выражается в ослаблении или разрушении социальных связей между клиентом и социальными институтами (школой, досуговой сферой, семьей). Обратим внимание, что наличие конфликта дает больше надежд, чем его отсутствие, так как указывает на наличие хотя бы негативной связи. При полном отсутствии связей нет и конфликта. Так, ребенок, не посещающий школу, никогда в ней не числившийся, не может иметь с ней конфликтов. Школа же в свою очередь рада, что избежала лишней мороки. При попытке восстановления отсутствующей связи конфликт неизбежно возникнет, и одним из его участников станет социальный работник как заявитель проблемы.

Порой семья сплачивается в ходе конфликта и выступает в качестве малой группы, например на заседании КДН. Но это не устраняет конфликтов внутри самой семьи.

Иногда конфликт клиента с социальным институтом может быть спровоцирован представителем соответствующей официальной структуры. Так, классный руководитель, не имеющий времени, желания и мотивации, чтобы вникнуть в ситуацию отстающего ученика, может просто испортить его жизнь и спровоцировать конфликт подростка со школой в целом. Конфликт может оставаться локальным, и тогда мы имеем дело с межличностными конфликтами.

Межличностные конфликты могут быть как с представителями расширенного социума (учитель, соседи, жертва правонарушения и т.д.), так и между членами семьи. Ситуация каждого клиента социальной службы насыщена межличностными конфликтами, особенно если клиент – подросток. Его попытки самореализации постоянно вступают в противоречие с интересами других лиц. В результате у подростка формируется враждебное отношение к взрослым вообще, растет отчуждение от социальных институтов, формируются специфические личностные, характерологические черты (негативизм, агрессивность, цинизм и т.д.).

Внутриличностные конфликты особенно характерны для подростков. Неопределенность социальных ролей, противоречивость побуждений

свойственны всем подросткам. В благоприятном варианте семья оказывает ребенку поддержку, позволяя экспериментировать в построении социальных отношений, выражая понимание, придавая стабильность его позиции.

В дисфункциональной семье ситуация подростка значительно осложняется. Ощукая себя частью семьи, он одновременно стыдится ее, ненавидит родителей и ощущает вину за семейное неблагополучие. Ища признание на улице, он вступает в противоречие с общественными ценностями. Противясь насилию со стороны родителей, сам демонстрирует те же модели поведения. Пытаясь совместить несовместимое, он отрицает самого себя, обесценивая как собственную личность, так и окружающих.

Все конфликты можно разделить на **острые**, возникающие как бы неожиданно, и **хронические**, которые могут развиваться не один год. Конечно, это достаточно условное деление: у острых конфликтов тоже есть своя история и предшествующая динамика, которая до поры до времени не осознавалась сторонами или одной из сторон, а хронические, вялотекущие – временами неизбежно обостряются.

Для разрешения каждого типа конфликта существуют оптимальные технологии и их сочетания. Так, для решения внутриличностного конфликта недостаточно применения программы ВП, а при решении социальных конфликтов поле деятельности психолога обычно ограничено восприятием ситуации со стороны клиента. Пересечение происходит при работе с семьей: в последнее время все большее признание получает семейная психотерапия, когда в работе с психологом принимают участие все члены семьи. Это в чем-то напоминает такую программу ВП, как «семейная конференция», но психотерапевтическая работа имеет свою специфику. Таким образом, программы ВП включаются в комплексную программу реабилитации клиента наряду с индивидуальной, семейной, групповой психотерапией и другими программами (социальными, медицинскими, педагогическими и т.п.).

3.3. Запрос на программы ВП

Социальная служба (социальный работник) чаще всего имеет дело с длительно развивающейся негативной ситуацией: дисфункциональностью семьи, уличной жизнью подростка, повторяющимися правонарушениями и т.д. В этом случае маловероятно обращение клиента к какому-либо специалисту, в том числе и к социальному работнику. Но последний сам идет навстречу клиенту (в семью, на улицу, в школу, туда, где может состояться встреча). Однако даже если в такой ситуации все-таки направить клиента (подростка или его родителей) к ведущему или психологу, работа вряд ли будет эффективна без предварительного этапа, так как клиент не осознает своей проблемы, своего участия в конфликте, а иногда не видит конфликта вовсе. Эта естественная защитная реакция может проявляться в разных вариантах.

Непризнание конфликта или проблемы. «У нас все хорошо, вы на другие семьи лучше посмотрите». Иногда непризнание демонстрируется только специалисту, человеку со стороны, по принципу «не выносить сор из избы». В других случаях проблема не признается человеком даже наедине с собой: ведь признание означает крушение самооценки, идеального представления о себе, своей семье и т.д.

Непризнание своей причастности к конфликтной, проблемной ситуации. Типичная позиция родителей при знакомстве с социальными работниками: «Конечно, ребенок у нас не сахар, и учится плохо, и из дома убегает, вот и сделайте с ним что-нибудь. А мы здесь ни при чем». Человек уже не может отрицать, что проблема есть, что семья неблагополучна. Но признать, что и он ответствен за ситуацию, выше его сил.

Отказ от изменения ситуации. «Да, конфликт есть, но у кого их нет, и это еще не худший вариант». Конфликт прочно входит в структуру семьи и нередко скрывает за собой более серьезные, глубинные проблемы и противоречия. Так, «воспитывая» непослушного, отбившегося от рук подростка, родители сплачиваются вокруг этой проблемы, и это обстоятельство становится единственным фактором сохранения семьи.

Какова бы ни была причина непризнания клиентом проблемной ситуации, работа по разрешению конфликта

будет неэффективна, пока он не мотивирован. Социальный работник помогает ему осознать проблему или конфликтную ситуацию, понять собственные интересы. Следующий шаг – помочь клиенту принять ответственность за ситуацию, что дает надежду на изменение. (Менять можно только то, что от тебя зависит.) И после этого могут быть задействованы программы ВП.

Бывают и другие ситуации. Социальный работник курирует семью или подростка, поддерживает с ними контакт. В жизни социально дезадаптированных подростков всегда происходит что-то неординарное. И может случиться, что клиент совершает правонарушение уже в период взаимодействия с социальным работником. Для продолжения социальной работы наказание за правонарушение должно нести позитивную, реабилитационную нагрузку, содействовать ресоциализации клиента. Иначе вся предшествующая социальная работа теряет смысл и наказание наносит вред как клиенту (правонарушителю), так и обществу. И в этом случае программы ВП становятся действенным средством социальной реабилитации, одновременно расширяя возможности некарательного реагирования.

Взаимодействие социального работника и ведущего программ ВП строилось по следующему алгоритму:

Социальный работник в ходе своей деятельности сталкивается с ситуацией социального конфликта, одним из участников которого является его клиент. Как уже отмечалось, это может быть не только правонарушение, но и школьный, семейный конфликт и т.д. Обычно к этому моменту социальный работник уже имеет достаточно информации о несовершеннолетнем и его семейной ситуации, что позволяет сделать предположение о возможности и уместности проведения программ ВП.

Социальный работник обращается к ведущему (или координатору), представляет ситуацию, описывает суть конфликта. Ведущий (координатор) анализирует ситуацию, сопоставляя ее с возможностями разных программ («семейная конференция», «круг заботы», «примирение жертвы и правонарушителя»), и принимает решение о целесообразности проведения той или иной программы.

Ведущий совместно с социальным работником составляют план работы, включающий предварительные встречи с участниками конфликта, примирительную встречу и, в случае необходимости, дальнейшее курирование участников. Распределяются обязанности. В зависимости от договоренности и подготовки социального работника предварительные встречи могут проводиться им самостоятельно или совместно с ведущим. Обычно социальный работник принимал участие и в примирительной встрече. Сложившиеся доверительные отношения с клиентом позволяли снять излишнее напряжение, более объективно взглянуть на ситуацию и наметить реалистичные шаги по ее изменению.

После проведения примирительной встречи социальный работник продолжает свою деятельность с клиентом в обычном режиме. Снятие остроты конфликта, даже при самом позитивном исходе встречи, не дает гарантии, что подобного больше не повторится. Главное значение программ ВП – создание прецедента другого отношения к подростку и встреча подростка с самим собой, с последствиями своих действий.

Часть социальных работников прошли в Центре СПР обучение ведению программ примирения. Это позволило им повысить эффективность своей деятельности с клиентами. Принимая во внимание тот факт, что для социально дезадаптированных подростков конфликт является обычной формой существования, опыт ведения программ примирения становится важнейшим элементом квалификации социального работника.

Литература

1. Аминов А.М. Борьба с детской преступностью: моральный аспект // Защити меня. 2000. № 1.
2. Социальная педагогика: Курс лекций / Под общ. ред. М.А. Галагузовой. М., 2000.
3. Дети улицы. Что нужно знать для успешного управления проектом / Child Hope (Великобритания), изд. ЮНИСЕФ, 1998.
4. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. СПб., 2000.
5. Лодкина Т. В. Семейный социальный педагог: теория и практика. М.-Вологда, 1997.
6. Нормативно-правовые основы профилактики и реабилитации социальной дезадаптации детей и подростков. Ч. 1. М., 1997.
7. Михайлов В. Те, кто к людям ближе всех // Социальная работа. 1995. № 1(7).
8. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М., 1999.
9. Предупреждение правонарушений и охрана прав несовершеннолетних. Вып. 1. М., 1999.
10. Предупреждение правонарушений и охрана прав несовершеннолетних. Вып. 2. М., 1999.
11. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
12. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб., 1998.
13. Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. Е.И. Холостовой. М., 1997.
14. Социальная работа. 1996. №1(8).
15. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста / Под общ. ред. С.Ю. Циркина. СПб., 1999.
16. Справочное пособие по социальной работе / Под ред. А.М. Панова, Е.И. Холостовой. М., 1997.
17. Ставрополь: опыт подготовки социальных педагогов // Педагогика. 1998. № 6.
18. Фролова Г. Профилактика наркозависимости: беду можно предотвратить // Народное образование. 2000. № 7.

ГЛАВА 10

Социальная работа в суде с несовершеннолетними правонарушителями и программы восстановительного правосудия (новый российский опыт)

§ 1. Правосудие для несовершеннолетних: наказание, реабилитация, восстановление

1.1. Принципы ювенальной юстиции и российское законодательство

В этой книге мы говорим о реагировании на правонарушающее поведение несовершеннолетних, о восстановительном правосудии, о социальной работе с детьми в трудной жизненной ситуации, мы говорим о ювенальной юстиции и о том, какой ей быть в России.

До сих пор речь велась о правосудии «в широком смысле». Теперь сузим предмет обсуждения до суда.

Ювенальная юстиция исторически складывалась на оппозиции уголовному правосудию с его карательной направленностью и именно у него отвоевывала свою территорию¹. И первые опыты в постсоветской России по организации экспериментальных площадок ювенальной юстиции стали формироваться именно на базе судов, рассматривающих уголовные дела несовершеннолетних.

Не касаясь всей специфики ювенальной юстиции [4], кратко остановимся лишь на ее основных, классических, принципах, поскольку именно они задают рамки для понимания этих экспериментов.

¹ См. главу 3. – *Прим. ред.*

Ведущий в России специалист в этой области, профессор Э.Б. Мельникова, выделяет в качестве базовых три принципа ювенальной юстиции:

- 1) преимущественно охранительная ориентация;
- 2) социальная насыщенность;
- 3) индивидуализация судебного процесса [4, с. 15-26].

Выделяют и ряд других характеристик, такие, как конфиденциальность, воспитуемость, неформальность процедуры и др., которые тоже иногда относят к принципам. Но остановимся на выделенных трех, поскольку остальные в какой-то мере можно рассматривать как их наполнение.

Первый принцип указывает на приоритет **охранительной функции** правосудия по делам несовершеннолетних перед **функцией уголовного преследования и наказания**. Здесь речь идет как об усиленной судебной защите несовершеннолетних, так и в пределах о желательности выведения подростка из официального уголовного процесса (п. 11 Пекинских правил).

Сущность второго принципа состоит «в широком использовании в судебном процессе по делам несовершеннолетних неюридических специальных знаний, в акценте на изучении социальных условий жизни несовершеннолетних, представших перед судом, социально-психологических признаков их личности» [4, с. 16]. **Социальная насыщенность** – одна из главных особенностей судебного процесса в странах с развитой системой ювенальной юстиции. И именно привлечение неюридических – гуманитарных – знаний и практик обеспечивает реализацию третьего принципа – **индивидуализации**: в центре судебного процесса оказывается не преступление, а личность несовершеннолетнего. Это обеспечивается развитой гуманитарной инфраструктурой судебной деятельности – судебные социальные работники [8], службы пробации (воспитательного надзора), психологические службы, появившиеся в последнее время службы примирения и пр. Реализуя принцип индивидуализации, фактически снимающий в себе два предыдущих, судья по делам несовершеннолетних действует вместе со своей «командой» [4, с. 72].

Напомним, что при отсутствии автономной ювенальной юстиции российское законодательство, тем не менее, определяет особый порядок производства по делам несовершеннолетних. В большей или меньшей степени этот порядок как-то соответствует названным принципам «детской» юстиции.

Нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства имеют определенную специфику, как бы предуготовившую место для новой, еще официально не названной, позиции в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних. Во-первых, речь идет о расширении **предмета доказывания**: при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних в поле внимания соответствующих органов включается значительно более широкий круг обстоятельств, нежели при производстве по преступлениям взрослых. Помимо прочего необходимо выяснить условия жизни и воспитания подростка, а также причины и условия, способствовавшие совершению им преступления (ст. 392 УПК РСФСР). Во-вторых, речь идет о специфике **уголовной ответственности**. Так, в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, предусмотрена возможность **освобождения от уголовной ответственности** с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ, ст. 8 УПК РСФСР) – как видим, прекращение дел по этому основанию охватывает большой массив правонарушителей, нежели прекращение дел в связи с примирением¹. Проект УПК РФ (ст. 25) значительно расширяет правовое поле для прекращения дел за примирением (надо надеяться, соответствующие поправки будут внесены в Уголовный кодекс), но по действующему законодательству именно принудительные меры воспитательного воздействия рассматриваются как основная альтернатива наказанию. Хотя, как показывают исследования, эта конструкция больше теоретическая, нежели практическая².

¹ См. § 1 главы 5 и Краткий юридический словарь в Приложении.
– Прим. ред.

Кроме того, в соответствии со ст. 401² УПК РСФСР суд при постановлении приговора несовершеннолетнему **обязан** обсудить вопросы об условном осуждении, о назначении наказания, не связанного с лишением свободы, а также об освобождении от наказания в случаях, когда его исправление может быть достигнуто иными способами (ст. 92 УК РФ). Поэтому при назначении наказания несовершеннолетнему помимо общих начал суд руководствуется специальными нормами, обязывающими учитывать **особенности личности несовершеннолетнего, обусловленные его возрастом и условиями жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц** (ст. 89 УК РФ). Фактически речь идет о принципе **индивидуализации**.

Но для вывода о возможности исправления осужденного без отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ «Условное осуждение») либо путем применения наказаний, альтернативных лишению свободы, либо мер воспитательного воздействия, освобождающих от уголовной ответственности или от наказания, у суда должны быть веские основания (поскольку указанные «послабления» для несовершеннолетних сделаны в системе уголовного правосудия, которое руководствуется целями наказания виновного, а не благополучия личности). Перечисленные законодательные предписания мотивируют суд в получении подробной и объективной информации о несовершеннолетнем подсудимом и его окружении и, соответственно, о реальных перспективах исправления подростка при использовании программ реабилитации. Для того и расширяется предмет доказывания. Однако сегодня круг лиц, представляющих сведения о подростке, и способы получения подобной информации являются достаточно формальными и не отвечающими даже тем гуманистическим целям, которые провозглашаются в

² По данным Г. И. Забрянского, суды РФ прекратили уголовные дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия в 1998 г. в отношении 12% от общего количества несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, дела о которых рассматривались судами (в 1997 г. – 10%) [2, с. 37].

действующем российском законодательстве¹. Судья не обладает адекватным арсеналом средств для социально-психологического анализа личности и его социальной ситуации: это требует выхода за рамки юридических знаний. В нашем уголовном процессе нет и какой-либо другой фигуры, которая реально могла бы заниматься подобной работой (не предусмотрена она и в проекте УПК РФ). Здесь мы должны вновь обратиться к взаимосвязи указанных вначале принципов: индивидуализация и охранительная ориентация (не сводимая исключительно к юридической защите) могут быть обеспечены за счет привлечения дополнительных гуманитарных знаний и способов работы (принцип социальной насыщенности).

«Российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает широкого участия специалистов-неюристов в отправлении правосудия по делам несовершеннолетних. В нем нет социального исследования как обязательной стадии процесса, в распоряжении суда (судьи) нет и такого разнообразия социальных служб, специально созданных для обеспечения уголовного процесса по делам несовершеннолетних арсеналом этих знаний... Но перед российским судом, рассматривающим дела несовершеннолетних, закон ставит задачи явно социального содержания» [4, с. 94].

Этот разрыв и указал область экспериментирования:

«...выполнение закона, который обязывает выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, для судьи и для следователя представляется затруднительным, поскольку, по сути, нет механизма выполнения этого закона. А вот социальная служба – это как раз начало того механизма, который должен изучать условия жизни и воспитания подростка, устанавливать причины, которые привели к совершению преступления, привлекать существующие в городе

¹ Перечень вопросов, которым следует уделить внимание при изучении личности, условий жизни и воспитания подростка, а также криминогенных факторов, способствовавших совершению им преступления, см. в комментарии Э.Б. Мельниковой к ст. 392 УПК РСФСР [3, с. 492-499].

организации» (из выступления председателя Судебной коллегии по делам несовершеннолетних Санкт-Петербургского городского суда Н.К. Шилова [5, с. 104]).

Поэтому социальный работник (социальная служба) рассматривается заинтересованными судьями, прокурорами и следователями, во-первых, как дополнительный источник достоверной информации, во-вторых, как фигура, способная обеспечить позитивные эффекты некарательного реагирования государства на преступление подростка (в рамках предусмотренных законом санкций) за счет реализации программ реабилитации. Поскольку, как отмечают многие судьи, сегодня некарательные меры (к примеру, широко распространенное в нашей судебной практике условное осуждение) подчас воспринимается подростками как возможность избежать наказания и без подкрепления специальной социально-реабилитационной работой не несет в себе исправительного заряда.

1.2. Первые эксперименты

Один из первых экспериментов начался в 1998 г. в Москве: в Гагаринском районном суде Юго-Западного административного округа была введена должность социального работника (проект Детского фонда ООН ЮНИСЕФ). Судебным социальным работником по делам несовершеннолетних стала Анна Грасенкова. Проект предполагал связь социального работника со службами, входящими в Реабилитационное Пространство (РП) РБФ НАН [1; 6, с. 120-122].

Поскольку ни советских, ни новейших российских образцов не было, перед социальным работником помимо практических стояли задачи методического характера по разработке алгоритма судебной социальной работы с учетом российского законодательства, схем взаимодействия социального работника с судьей, с одной стороны, и реабилитационными службами территории – с

другой. В результате был получен первый «алгоритм», связывающий социальную работу с деятельностью суда.

Проблема, на которую наткнулся первый эксперимент, – отсутствие должной заинтересованности суда¹.

Следующий шаг по внедрению элементов ювенальной юстиции в России был сделан Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) в Санкт-Петербурге, где в 1999 г. началась реализация еще одного пилотного проекта.

Прежде чем приступить к осуществлению этого проекта, координатором ЮНИСЕФ была проделана большая подготовительная работа: многочисленные встречи с властями города, с сотрудниками правоохранительных и судебных органов, во время которых разъяснялись цели проекта. Но само его содержание и соответствующие мероприятия были разработаны совместно. Огромную роль в разработке проекта, в поиске партнеров и в реализации намеченных мероприятий сыграл председатель Судебной коллегии по делам несовершеннолетних Санкт-Петербургского городского суда Н.К. Шилов.

Для участия в проекте были выбраны три района города. Выбор был сделан с учетом **заинтересованности соответствующих специалистов** и их обеспокоенности проблемой подростковой преступности и ее предупреждения.

Проект начался с проведения в феврале 1999 г. пятидневного обучающего семинара для будущих участников: судей, прокуроров, инспекторов ОДН, секретарей КДН, следователей, адвокатов. Помимо специалистов, непосредственно занятых в реализации пилотного проекта, в семинаре приняли участие и другие заинтересованные лица: секретарь городской КДН, инспектор по делам несовершеннолетних городского ОДН, Уполномоченный по правам ребенка г. Санкт-Петербурга, судьи, представители различных НПО.

Семинар вели ювенальный судья и педагоги из воспитательной службы при ювенальном суде Бобиньи, Франция.

¹ Отчет А.К. Грасенковой о ходе эксперимента по введению должности социального работника в Гагаринском суде г. Москвы за период с 15.06.98 по 31.05.99. Архив Центра СПР.

Большое значение этого семинара состоит еще и в том, что он позволил собрать за одним столом, может быть в первый раз, специалистов, работающих с детьми, для совместного обсуждения вопросов, волнующих всех. В последний день семинара российские участники и координатор ЮНИСЕФ окончательно доработали проект, который и начал реализовываться буквально на следующий день после окончания семинара.

Проектом предусматривалось, что три социальных работника будут прикреплены к судьям по делам несовершеннолетних в трех районных судах города, а один социальный работник – к коллегии по делам несовершеннолетних в городском суде Санкт-Петербурга.

Социальный работник знакомился с переданным ему судьей делом подростка, затем встречался с ним, с его окружением (школа, друзья, двор и т.д.), изучал условия его жизни, составлял психологический портрет, стараясь понять, что лежало в основе его противоправного поведения. Затем представлял судье отчет, содержащий рекомендации по реабилитации с указанием тех социальных служб, где подросток мог пройти такие программы. По словам судей, участвовавших в проекте, им стало легче принимать решение об условном осуждении подростков. Судьи знали, что те не будут предоставлены сами себе: ими будет заниматься социальный работник, который не просто направит подростка в реабилитационную службу, а будет следить за тем, чтобы тот действительно проходил программу реабилитации.

Помимо конкретной помощи детям социальные работники способствовали, даже своим присутствием, отношением к подросткам и подходом к работе, постепенному изменению ментальности судей. В качестве примера можно привести случай, когда судья одного из судов, участвующих в проекте, вторично назначил условное наказание подростку, совершившему повторное правонарушение, нарушая тем самым обычное, но действуя в интересах несовершеннолетнего.

Деятельность социальных работников оплачивалась сначала ЮНИСЕФ, а затем Программой развития ООН (ПРООН), которая подключилась к этому проекту (о реализации и результатах проекта см. [5]).

В настоящее время подобный проект, финансируемый ПРООН, реализуется в Ростове-на-Дону.

1.3. Эксперимент в Черемушкинском районном суде г. Москвы

В 1999 г. началось сотрудничество Центра СПР с Черемушкинским районным судом г. Москвы, которое предусматривало привлечение социального работника и передачу дел о преступлениях несовершеннолетних на программы ВП. В качестве партнера выступал РБФ НАН (проект ЮНИСЕФ). В мае 2000 г. был заключен договор о сотрудничестве с судом, закрепивший эти отношения, через год – договор продлен. В основу взаимодействия сторон (Центра СПР, суда и РБФ НАН) положен «Юридический алгоритм деятельности социального работника по уголовным делам несовершеннолетних в суде» (разработанный А. Грасенковой), ставший частью упомянутого договора.

С сентября 2000 г. работа с этим судом продолжилась в рамках проекта Центра СПР «Восстановительное правосудие в России: технология взаимодействия общества и государства» (проект финансировался «Международной тюремной реформой» – PRI). К моменту заключения нового договора первоначальный алгоритм был откорректирован¹.

С самого начала в этом проекте участвовала федеральный судья Т.Р. Захарова.

«Зачастую при рассмотрении уголовного дела, – пишет Захарова, – основное внимание уделяется обстоятельствам преступления, при этом информация о самом подростке-правонарушителе минимальна и недостаточна. Социальный работник, работая с ним, изучая личность несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, выясняет причины и условия, способствующие совершению преступления, помогает определить общественную опасность преступившего закон подростка и учесть это при вынесении приговора. Кроме того, социальным работником предлагались конкретные варианты реабилитации

¹ См. Юридический алгоритм взаимодействия Центра «Судебно-правовая реформа» и суда в Приложении.

для подростков, учитывающие их индивидуальные особенности» [6, с. 119].

Напомним, что заинтересованность судей именно в социальной работе в каком-то смысле predetermined законодательством, задающим разрыв между задачами и наличными средствами.

Однако согласно концепции правосудия по делам несовершеннолетних, которой придерживался (и придерживается) Центр СПР, дополнение суда только позицией социального работника (социальной службы) не обеспечивает тех целей, которые должны стоять перед ювенальной юстицией сегодня – спустя сто лет после создания первого «детского» суда. В каком-то смысле сейчас в России в миниатюре (на локальных экспериментальных площадках) воспроизводится история ювенальной юстиции – на смену карательной парадигмы идет реабилитационная, которая пока еще не успела проявить свою ограниченность.

Включение программ ВП принципиально меняет парадигму. «Чисто» реабилитационная модель нацелена на обеспечение «благополучия» подростка, списывая противоправное деяние на тяжелые жизненные условия и т.п., игнорируя то принципиальное обстоятельство, что он нанес вред другому человеку. Развиваясь в борьбе с карательным подходом, реабилитационная модель дала очень много в плане разработки альтернатив наказанию, но в каком-то смысле подошла к своему пределу¹. В противовес этому программы ВП обеспечивают одновременно с некарательным реагированием порицание за преступление, восстановление нарушенной справедливости (возмещение ущерба) и личностное развитие правонарушителя, реализуемое через принятие ответственности за преступление. Использование программы примирения правонарушителя с жертвой дает новое наполнение принципу **индивидуализации**. Возможно, восстановительный подход впервые увидел в подростке личность, на кристаллизацию (восстановление, становление) которой направлены его усилия. Индивидуализация не только как **реабилитация**, но как **социализация**. Индивидуализация – не только учет трудных жизненных обстоятельств и, в силу этого,

¹ См. главу 3. – Прим. ред.

смягчение участи. Не потому только восстановительный подход выступает против наказания, что не разделяет ценности причинения страдания, пусть даже в отместку за совершенное зло, но потому, что, оставляя человека на свободе, дает ему шанс стать полноценным членом общества. Такой шанс, однако, весьма эфемерен, если подростка, совершившего преступное деяние, оставить таким, каким он был прежде – с прежними установками, с прежним окружением, с прежней неприспособленностью и безответственностью. Отсюда необходимость в специальных действиях – получении нарушителем обратной связи о своем деянии «из первых рук» (встреча с жертвой), возмещении ущерба собственными силами, прохождении программы реабилитации, обеспечении поддержки со стороны других людей. В этом, кстати, и принципиальное отличие от позиции защитника, которого не интересуют последствия смягчения участи.

С учетом заинтересованности судьи Т.Р. Захаровой именно в деятельности социального работника программы примирения правонарушителя и жертвы (в уголовно-процессуальных терминах для применения к делам, принятым к производству судом, – подсудимого и потерпевшего) стали встраиваться как дополнительный элемент гуманизации правосудия по делам несовершеннолетних. И социальная работа стала здесь связующим звеном, позволяющим обеспечить проникновение программ ВП в действующее официальное уголовное правосудие, а в глазах судьи и социального работника специфические для ВП программы (примирение правонарушителя и жертвы, «круг заботы» и пр.) вписываются в общий контекст социально-реабилитационного процесса как его катализаторы и элементы.

Указанное обстоятельство не означает, что предлагаемый путь – передача дел в программы примирения через социального работника – единственная схема взаимодействия программ ВП с судом, но указывает лишь на те условия, в которых была начата наша работа, и реальные профессиональные потребности, которые могут быть выращены (а сегодня наличествуют у немногочисленных приверженцев гуманистических ценностей) у представителей уголовного судопроизводства. Когда наряду с функцией

социальной работы для судьи стал проясняться и смысл программ примирения, появилась возможность сделать еще один шаг в установлении партнерских отношений с судом и дополнить первоначальную схему взаимодействия алгоритмом организации программ примирения, предусматривающим непосредственный контакт координатора программ ВП с Черемушкинским судом (судьей), минуя социального работника¹ (однако опыта по реализации такой схемы у нас пока нет).

Тем не менее представляется, что **полная структура процесса восстановления** при работе с несовершеннолетними правонарушителями предполагает наряду с программами ВП и социальную работу, что обусловлено, во-первых, особенностями контингента юных правонарушителей (по нашим данным, это нередко дети с задержкой психического развития, состоящие на учете в милиции, наркологическом диспансере, из неполных или дисфункциональных семей, совершившие повторные правонарушения; разумеется, есть и более благополучные, но факт совершения ими правонарушения и попадания в орбиту уголовного преследования сам по себе является поводом для специальной работы с ребенком), во-вторых, спецификой конечных решений, принимаемых относительно обвиняемых и подсудимых в рамках уголовного процесса, – решений, от которых в полном смысле зависит дальнейшая судьба подростка.

§ 2. Деятельность социального работника (методические аспекты)

2.1. Постановка задач, продиктованная опытом социальной работы в суде

Двухлетний эксперимент в Черемушкинском суде г. Москвы позволил выделить специфику деятельности судебного социального работника, которая определяется ее встроенностью в жесткие рамки уголовного судопроизводства. В связи с этим первой – организационно-правовой – задачей, которую решали экспериментаторы в лице Центра СПР и РБФ НАН, стало выявление законодательных возможностей включения социальной работы в деятельность суда. После того как

¹ См. в Приложении 1.

эта задача была решена и составлен первый вариант «Юридического алгоритма», следующая серия шагов состояла в поиске и отработке механизмов реализации гуманистических идеалов социальной работы, результатом которой стала бы ресоциализация несовершеннолетнего подсудимого и профилактика его последующих противоправных действий. Юридические и содержательные особенности взаимодействия судьи, рассматривающего дела несовершеннолетних, и социального работника становятся сегодня предметом особого интереса. В перспективе речь идет о построении новой деятельности – правосудия по делам несовершеннолетних, где помимо привычной фигуры судьи (задачи и способы работы которого в новом контексте должны претерпеть существенные изменения) появляются новые позиции – социального работника (деятельность которого во многом отличается от внесудебной социальной работы), координатора (ведущего) программ ВП, возможно, какие-то еще.

В данном параграфе предпринята попытка методического описания новой кооперации с акцентом на деятельность социального работника, которое построено исходя из практического опыта социальной работы в Гагаринском и Черемушкинском судах. При этом необходимо заметить, что разработки в области взаимодействия суда и социальной работы только начинаются, и важнейшая задача, стоящая перед экспериментаторами, состоит в привнесении в суд не только технических элементов ювенальной юстиции (к примеру, введении новых позиций, разработке организационных схем), но и самой ее философии, открывающей правосудию новые горизонты и направляющей его навстречу подростку, испытывающему трудности в нашем сложном взрослом мире.

2.2. Этапы и задачи судебной социальной работы

с несовершеннолетними правонарушителями

Особенности организации и содержания судебной социальной работы¹ определяются процессуальной регламентацией рассмотрения уголовных дел и, далее,

¹ В сравнении с социальной работой, описанной в главах 8 и 9. – *Прим. ред.*

приговором (социальная работа с осужденными, приговоренными к лишению свободы, сегодня в России пока практически невозможна).

Два предварительных замечания.

Первое. Так получилось, что судебный социальный работник в нашем эксперименте начинает работать с обвиняемым, когда его дело уже поступило в суд. Это существенно ограничивает возможности и исследования ситуации подростка, и реабилитационной работы в сравнении, например, с Санкт-Петербургскими коллегами, которые включаются уже на стадии предварительного следствия [5, с. 19, 113]. Поэтому в нашей ситуации особое значение приобретают именно судебные стадии и их длительность.

Второе. Отдельным вопросом, специфичным для Москвы (видимо, и каких-то еще регионов), является неразвитость инфраструктуры помощи несовершеннолетним с отклоняющимся поведением¹. Нередко это обстоятельство чрезвычайно затрудняет социальную работу, поскольку социальный работник, не будучи агентом развитой социальной службы, действует скорее как одиночка.

Специфика движения уголовного дела в суде (процессуальные стадии, этапы и их временные рамки) предопределяет и подчиняет себе деятельность судебного социального работника. В связи с этим мы выделили три основных этапа судебной социальной работы с несовершеннолетним правонарушителем, соотнесенных с судебными стадиями (схема 4).

I этап - предсудебный - основной рабочий этап, предполагающий исследование ситуации подростка и разработку адресной программы реабилитации. Рабочее название этапа - адресное программирование - указывает на подчиненный характер исследования по отношению к реабилитационным задачам, связанным с будущим подростка.

Этап включает четыре вида работ:

- 1) отбор уголовного дела;
- 2) исследование ситуации клиента;

Этапы	I. Предсудебный	II. Судебный	III.
--------------	-----------------	--------------	------

¹ См. главу 9. - Прим. ред.

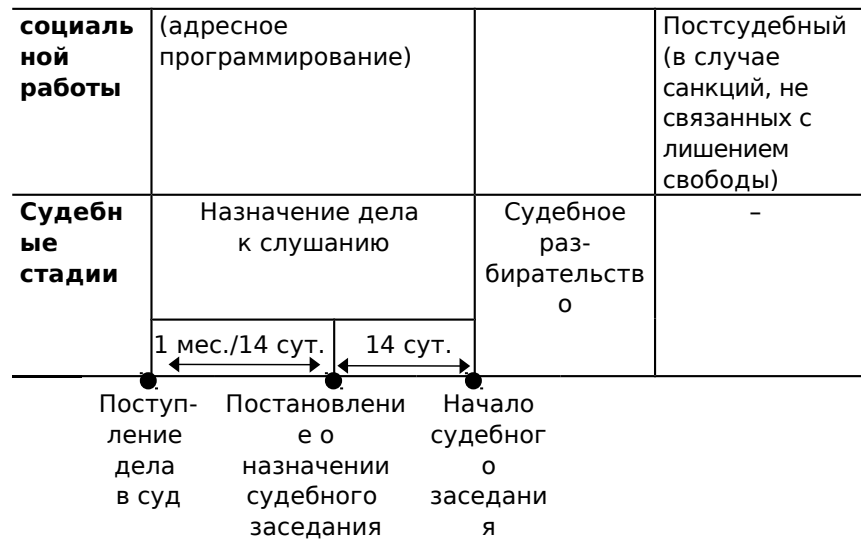

Схема 4.

3) разработка и начало осуществления программы реабилитации, направление на программы восстановительного правосудия;

4) подготовка к судебному разбирательству.

Рассмотрим подробнее содержание перечисленных работ и условия их выполнения.

Отбор уголовного дела. Определение круга уголовных дел, принимаемых к социальной работе, первоначально осуществляется при совместной с судом разработке (или обсуждении и уточнении) алгоритма деятельности социального работника. Далее при непосредственном контакте социального работника с судьей по конкретным делам может произойти корректировка. На стадии назначения дела к слушанию социальный работник получает статус «представителя иной организации»¹, позволяющий ему изучать материалы уголовного дела. По конкретному делу судья

¹ Организации, которую он представляет, поскольку в уголовном процессе он не может действовать как частное лицо. (О процессуальном статусе социального работника см. словарную статью в Кратком юридическом словаре в Приложении 2. – Прим. ред.)

дает социальному работнику поручение собрать информацию о личности, условиях жизни и воспитания подростка. На свое усмотрение судья позволяет социальному работнику ознакомиться либо со всем делом, либо выборочно, либо только с обвинительным заключением. Процессуальный запрет на ознакомление действует только по делам, связанным с половыми преступлениями, с государственной тайной, а также с разглашением данных о частной жизни.

Для решения вопроса о принятии дела необходимо учитывать временные ограничения. Стадия назначения дела к слушанию начинается с момента поступления дела в суд и делится на два этапа. Первый отводится судье для выяснения ряда вопросов, связанных с проверкой готовности дела к судебному рассмотрению, и при наличии необходимых оснований заканчивается вынесением судьей постановления о назначении судебного заседания. На втором этапе судья выполняет подготовительные действия для рассмотрения дела в судебном заседании. По закону судья обязан назначить дело не позднее 14 суток с момента поступления дела в суд, если обвиняемый содержится под стражей, и в течение месяца в остальных случаях, а рассмотрение дела в судебном заседании должно начаться не позднее 14 суток с момента вынесения судьей постановления о назначении к слушанию. Поскольку чаще всего мы имеем дело с подростками, к которым не применена такая мера пресечения, как заключение под стражу, максимальный период, в течение которого может разворачиваться комплекс работ, включающих исследование, социально-реабилитационные программы (первые шаги) и по возможности программу примирения, – полтора месяца (судья старается передать информацию как можно раньше – как только получил дело, и оно еще не назначено к слушанию). В организационной схеме (алгоритме) работы с судом должны быть указаны сроки передачи дела социальному работнику в ориентации на максимально полное использование времени до начала судебного рассмотрения дела. Но, как показывает опыт, социальный работник должен быть готов к выполнению своих обязанностей и в гораздо более сжатые сроки.

Поскольку исход процесса не может быть определен без судебного слушания, социальный работник может

начать работу в принципе по любому делу, если несовершеннолетний обвиняемый (подсудимый) находится на свободе.

Критерии отбора уголовного дела:

- возраст совершения инкриминируемого преступления – до 18 лет;

- местожительство – город, в котором находится суд (при отсутствии местожительства у подсудимого и служб, обеспечивающих поддержку этого клиента, социальная работа оказывается весьма затруднительной);

- срок до начала судебного заседания – не менее двух недель (в течение этого времени возможна минимальная социальная работа I этапа);

- подросток находится на свободе и доступен для общения с ним социального работника.

В нашей практике было несколько случаев, когда подросток находился в СИЗО, но в силу чисто юридических обстоятельств (амнистия, характеристики деяния, которые предполагают возможность условного наказания) судья заранее предполагает, что приговором суда подросток может быть освобожден из-под стражи в зале суда. В этом случае судья тоже передает дело социальному работнику с ориентацией на постсудебную – реабилитационную – работу с подростком. При этом исследование ситуации, социальных связей подсудимого все равно предшествует окончательному решению суда. Судье важно знать, что подростку есть куда вернуться – в семью, интернат и т.п.

В такой работе две основных сложности. Во-первых, нередко подросток оказывается в тюрьме на стадии предварительного следствия либо в силу отсутствия семьи, либо потому что иногородний. В такой ситуации довольно трудно отыскать его «ближний круг». Вторая сложность – в обеспечении контакта с самим подсудимым. В условиях организации свиданий в наших СИЗО это пока остается нереалистичным. Но судья, заинтересованный в подобном контакте, обеспечивает возможность короткой беседы социального работника с подсудимым уже в самом суде. Это – экспериментальный ход. Таких случаев у нас было немного, поэтому технологическую цепочку прописывать пока преждевременно. Но надо сказать, что благодаря социальному работнику эти подростки (среди них были две иногородние девушки) вышли на свободу.

Исследование ситуации. Под исследованием ситуации несовершеннолетнего правонарушителя

подразумевается сбор и анализ информации о его социальных связях и психологических особенностях с целью обеспечения суда информацией, необходимой для принятия адекватного решения, и выработки адресной программы реабилитации.

Такое исследование предполагает:

- первичный контакт социального работника с подростком;

- сбор информации о социальных связях подростка¹;

- психологическую диагностику подростка².

После принятия дела социальный работник встречается с подростком. Встреча может произойти как в суде (в момент прихода подсудимого за обвинительным заключением), так и непосредственно по месту жительства подростка³.

Психологический контакт, основанный на взаимном доверии между клиентом и социальным работником, важен всегда, но особенно необходим, когда клиентом оказывается правонарушитель. Часто у таких ребят и девушек судьба складывается сложно. Почти всегда имеются какие-то проблемы в отношениях с родителями. И иногда социальный работник оказывается единственным взрослым человеком, способным выслушать и понять подростка. Установившийся контакт меняет ситуацию, становится необходимым условием вхождения в семью и принятия помощи, которой ни от

¹ Поскольку в судебном заседании социальный работник выступает в качестве свидетеля, дающего показания о личности несовершеннолетнего и условиях его жизни, важны ссылки на источники получения информации: имена и адреса людей, которых он опрашивал, кем они приходятся клиенту, время получения информации и пр.

² Выводы относительно результатов обследования должны содержать описание фактов, перечень использованных диагностических методик (объективность и научность предлагаемых социальным работником на рассмотрение суда данных о подсудимом является не только крайне важной для принятия правильного судебного решения, но и условием доверия к его информации) и предложения о программе реабилитации.

³ Столь осторожно мы пишем «по месту жительства», а не «дома», поскольку подросток не всегда живет у себя дома, по месту регистрации. В некоторых случаях он является воспитанником учреждений интернатного типа либо живет у друзей, знакомых, других родственников.

кого не ждали. Контакт становится пусковым механизмом процесса реабилитации, позволяет влиять на формирование новых мотивов.

В некоторых случаях социальным работником может использоваться специальный договор между ним и клиентом, согласно которому оба обязуются соблюдать необходимые условия взаимодействия. В том же договоре предусматривается и ответственность сторон за его невыполнение. Такая форма помогает психологически поддержать мотивацию клиента, избежать непонимания роли социального работника со стороны родителей подростка. Договор становится некоторым формальным основанием взаимодействия с социальным работником. Безусловно, он не имеет юридической силы, однако социальный работник может представить его судье, чтобы тот убедился: подросток готов что-то делать, чтобы измениться («исправиться»). В принципе, не обязательно составлять письменный договор, может быть и устная договоренность, но важно четко оговорить смысл совместной работы и взаимные обязательства.

Причинами усложнения социальной работы с клиентом могут быть:

- отказ от сотрудничества,
- наличие химической зависимости и алкоголизации,
- отсутствие ресурса помощи подростку в его семье или среди других родственников (в микросоциуме).

Одной из возможностей повышения эффективности деятельности социального работника может быть консилиум специалистов для обсуждения и выработки стратегии работы с клиентом.

Разработка и начало осуществления программы реабилитации, направление на программы восстановительного правосудия. Прежде всего, различим два понятия: реабилитационная программа и программа реабилитации. Под **реабилитационной программой** понимается система мероприятий, имеющая ту или иную специфику, эффект которых рассчитан не на конкретного подростка, а на определенную категорию, выделенную по какому-то признаку. Сюда можно отнести, к примеру, программу «12 ступеней» для наркоманов, подростковый клуб, программу «Дискавери», иппотерапию (терапию с помощью общения с лошадьми)

и многое другое. Как правило, у каждой реабилитационной программы есть некоторый набор возможностей и предполагаемых эффектов воздействия. Он ограничен и направлен на коррекцию вполне определенных отклонений.

В отличие от реабилитационной программы **программой реабилитации** мы называем комплекс конкретных **адресных** мероприятий, направленных на системное изменение ситуации и поведения данного подростка. При необходимости программа реабилитации может меняться в зависимости от достигаемых результатов и эффектов.

При составлении программы реабилитации социальному работнику следует внимательно отнестись к проблемам подростка и адекватно сформулировать задачи реабилитации. Важно также знать возможные эффекты действующих на территории реабилитационных программ. А для этого необходимо общаться со специалистами организаций, предоставляющих реабилитационные услуги.

Условием действенности программы является **ее разработка совместно с подростком**: она будет выполняться, если это его собственное решение.

Как отмечает Р. Максудов, в программе реабилитации необходимо перечислить **факторы, мешающие подростку** в осуществлении нормальной социализации (личностные качества, первичное и вторичное социальное окружение и пр.), средства, позволяющие нейтрализовать эти факторы, а также критерии оценки действенности выбранных средств.

Но помимо этого разработка программы реабилитации предполагает и выявление **позитивных факторов**: интересов и увлечений ребенка, авторитетных (социально положительных) взрослых, профессиональной ориентации, способностей к тому или иному виду деятельности.

«Средство реабилитации, - подчеркивает Р. Максудов, - является, прежде всего, функциональным понятием. Все, что обеспечивает реабилитацию подростка и встраивание его в позитивные формы социализации, может выступать в функции средства. Конкретные социальные службы (программы),

которые могут быть на территории того или иного района, могут выступать в функции средства реабилитации, но важнее подобрать такую совокупность мер, которые отвечали бы на конкретную ситуацию подростка. Наличие разнообразных служб лишь дает возможность подобрать оптимальную структуру реабилитации для подростка и его семейного окружения... Таким образом, социальному работнику необходимо сформировать у себя способность к функциональному использованию различных элементов среды (как средств реабилитации)» [6, с. 77].

Следовательно, при составлении программы реабилитации важно соотносить:

- проблемы подростка;
- его интересы, увлечения и способности;
- задачи реабилитационных программ, предлагаемых на данной территории;
- возможности (круг ожидаемых эффектов) реабилитационных программ, а также других действий, которые включают в себя не только стационарно-реабилитационные¹, но и, если можно так выразиться, «амбулаторно-коррекционные»² мероприятия: разрешение конфликтов (с окружением, семьей, в учебном заведении), устройство на работу (при необходимости, например, возмещения ущерба или при плохой материальной обеспеченности семьи подростка), на учебу.

Тем самым программа реабилитации для конкретного подростка **не сводится к сумме известных**

¹ «Стационарно-реабилитационные» мероприятия предполагают приход в какое-то учреждение с целью избавления от вредного и приобретения полезного навыка, способности.

² «Амбулаторно-коррекционные» мероприятия включают в себя:

- активное участие социального окружения и самого подростка в складывании гармоничной атмосферы его взаимоотношений с близкими,
- осознанное выстраивание подростком образа будущего и его реализацию (устройство на работу, учебу; отказ от вредных привычек, установление собственных запретов на определенное поведение, формирование иммунитета к дурно влияющим компаниям и лидерам и т.д.).

реабилитационных программ, а предполагает комплекс различных мер, направленных на позитивную социализацию.

Важнейшим инструментом социальной реабилитации подростка являются программы ВП. С позиции судебного социального работника, клиентом которого является несовершеннолетний правонарушитель, программы ВП используются как мощный **элемент программы реабилитации**, инициирующий процессы личностного роста, реального исправления, взросления. *Благодаря* эмоциональному напряжению, создаваемому на примирительной встрече с потерпевшим, *благодаря* обсуждению причин происшедшего и вопросов будущего подростка, *благодаря* особому подходу к ответственности не только за сотворенное, но и за самого себя, *благодаря* тому, что, возможно, впервые подросток чувствует, что он кому-то нужен и важен, *благодаря* тому, что родители проявляют готовность вместе с ним нести ношу его трудностей, возникает эффект исцеления: все эти «благодаря» рождают мотивацию на изменение, отвержение прежнего способа существования.

Установив контакт с подростком (и его родителями), социальный работник сообщает ему о программе примирения и при отсутствии с его стороны возражений передает дело координатору программ ВП. Социальный работник организует предварительную встречу ведущего со своим клиентом и обычно участвует как в предварительной, так и в самой примирительной встрече. Поскольку реализация достигнутых на встрече соглашений (по возмещению ущерба, по изменению собственной ситуации) рассматривается как важнейшая часть программы реабилитации, социальный работник далее контролирует и, в случае необходимости, помогает подростку в выполнении взятых обязательств.

Подготовка к судебному разбирательству. Основная работа здесь состоит в оформлении полученных результатов и подготовке отчета социального работника о ситуации и особенностях личности подростка с фиксацией выводов о возможностях и направлениях его реабилитации¹. Если

¹ Отчет станет доказательством, которое будет учитываться при вынесении приговора, только после его судебного исследования.

реабилитационная работа началась, к отчету желательно приложить документы, свидетельствующие о ходе этого процесса: справки с места работы, учебы, из лечебного учреждения, отзыв специалиста о посещении подростком его реабилитационной программы или службы (психологической, досуговой, спортивной), примирительный договор, протокол или расписка потерпевшей стороны о возмещении ущерба и т.п. Результаты исследования ситуации подсудимого и рекомендованная подростку программа реабилитации становятся и основным содержанием выступления социального работника в судебном заседании.

До начала судебного разбирательства возможно заключительное собеседование социального работника с судьей, включающее в себя сообщение о полученных результатах, которые далее исследуются в судебном заседании.

Вообще «непроцессуальный» контакт с судьей есть один из моментов эксперимента, оговоренный в рамках партнерских отношений договором с судом и алгоритмом деятельности социального работника. Не противореча законодательству и вполне соответствуя нашим судебным обычаями, подобные беседы находятся в русле принципов ювенальной юстиции.

Итак, первый этап – до начала судебного слушания – действительно основной: он включает в себя почти полный цикл социальной работы. От того, что успеет сделать социальный работник в столь короткие сроки, в каком-то смысле зависит дальнейшая судьба подростка.

II этап - судебный (в узком смысле) – участие социального работника в судебном заседании.

Задача социального работника состоит в представлении суду в форме, соответствующей процессуальному порядку, собранной информации о подростке и содействие вынесению ему приговора, максимально отвечающего целям реабилитации.

В судебном заседании социальному работнику приходится исполнять несвойственную ему процессуальную роль свидетеля, дающего показания о личности подсудимого. В соответствии со ст. 70 УПК РСФСР социальный работник представляет суду отчет в виде документа (ст. 88 УПК РСФСР).

Стоит иметь в виду, что в ходе исследования могут выясниться факты биографии подростка, не только ранее не известные суду, но и заведомо предполагающие негативную оценку (например, о его связи с криминальными группами, многочисленных побегах из дома, наркотической или алкогольной зависимости и т.п.). Поэтому социальному работнику, решившему обнародовать эти факты, необходимо понимать, для чего он это делает: для того ли только, чтобы быть беспристрастно объективным, присягая говорить правду, или еще и для того, чтобы помочь подростку. В последнем случае перед социальным работником стоит задача представить суду картину причин возникновения подобных фактов, равно как и программу мероприятий, помогающую подростку изменить ситуацию и измениться самому.

В ходе судебного заседания социальный работник может заявить два типа ходатайств. Первый – ходатайство о приобщении к материалам дела его отчета. Аналогично судье может быть передан и примирительный договор. Второй тип – ходатайство об отложении слушания дела в связи с тем, что стороны хотят примириться (но не было возможности сделать это раньше). Если второе ходатайство будет удовлетворено и примирение действительно состоится (гарантировать это невозможно), социальный работник сможет представить суду еще одно доказательство, важное для его клиента. (Смысл программ примирения обговаривается с судьей на организационном этапе становления партнерских отношений и при разработке алгоритма.) Формально отложение слушания дела для проведения программы примирения возможно, если социальный работник заявит такое ходатайство и обоснует его, однако в нашей практике такого прецедента не было.

Для эффективности социальной работы и ее продолжения после суда важно, чтобы несовершеннолетний оставался на свободе. В силу своего процессуального статуса социальный работник не вправе ходатайствовать о санкции, не связанной с лишением свободы, однако в своих выводах (в отчете и выступлении в судебном заседании) может указать на возможность исправления и реабилитации подростка без применения

к нему этой исключительной для несовершеннолетних меры.

Не всегда судьи согласны с наличием у социального работника полномочия заявлять вообще какие бы то ни было ходатайства, усматривая противоречие между статусом свидетеля и статусом участника процесса, который вправе участвовать в исследовании доказательств, а значит, и заявлять ходатайства. Тем более, что в ст. 400 УПК РСФСР, на которую мы можем хоть как-то опереться, говорится, что суд **вправе** разрешить представителю «иной организации» участвовать в исследовании доказательств, а значит **не обязан**. В этом случае отчет предьявляется суду после допроса социального работника и приобщается к делу в соответствии со ст. 284 УПК РСФСР либо передается суду через защитника по ходатайству последнего. Примирительный договор может быть отдан сторонам, каждая из которых вправе ходатайствовать о приобщении его к материалам дела.

Важно иметь в виду, что поскольку в УПК (ни в действующем, ни в проекте) нет такой процессуальной фигуры, как социальный работник, составленные алгоритмы **не есть «юридическая истина»**. Это результат **договоренности**, которая предусматривает определенную **трактовку законодательства** теми юристами, с которыми мы работаем.

III этап - постсудебный - реализация программы реабилитации и социальный патронаж.

Здесь решается задача организации адекватной проблемам подростка программы реабилитационных мероприятий и поддержка ее прохождения.

Напомним, что разработку программы реабилитации и ее прохождение желательно начать на первом этапе. Есть как минимум два обстоятельства, почему это важно. Первое - более оперативная и пролонгированная помощь подростку, начавшаяся с момента получения дела. Второе - наличие к моменту начала судебного разбирательства уже проделанных шагов либо по возмещению ущерба и примирению с потерпевшей стороной (и есть примирительный договор с прилагаемыми к нему документами о выполнении его условий), либо по устройству на работу (со справкой об

этом), либо по прохождению тех или иных реабилитационных программ (желательно также с необходимым подтверждением от соответствующей организации) имеет важное значение для вынесения судебного решения.

Если же такую работу начать лишь после вынесения приговора, третий этап становится больше иллюзорным, теоретическим. Поскольку именно в это время проявляется временный характер мотивации правонарушителя к самоизменению: она снижается пропорционально уменьшению страха наказания. Судья не обязан в приговоре возлагать на подростка требование пройти программу реабилитации, хотя последнее и не противоречит закону. Отсутствие должной инфраструктуры социальных, психологических и досуговых служб, а также проработанной и осмысленной (и нерепрессивной) системы санкций за неисполнение такой обязанности заставляет судью воздерживаться от принятия подобных решений. Поэтому взаимодействие клиента с социальным работником после суда в сложных случаях становится навязанным извне, искусственно продвигаемым и естественно умирающим.

В процессе прохождения подростком программы реабилитации социальному работнику может понадобиться изменять ее в зависимости от получаемых эффектов. И регулярно общаться с подростком, чтобы контролировать этот процесс.

§ 3. Заметки социального работника

Правосудие для несовершеннолетних должно учитывать, что «поступки молодых людей или поведение, которое не соответствует общим социальным нормам и ценностям, во многих случаях связаны с процессом взросления и роста и что, как правило, по мере взросления поведение большинства индивидов самопроизвольно изменяется», – гласит п/п «е» п. 5 ч. I Эр-Риядских руководящих принципов.

Есть детские психологи, детские врачи, подростковые кабинеты в поликлиниках, даже в милиции существуют специальные отделы по работе с несовершеннолетними. Но специального суда или хотя бы специализированных

судебных составов, которые работали бы только с несовершеннолетними, в России нет.

Социальный работник в суде выполняет, как минимум, три функции. Во-первых, он консультант судьи по специфике несовершеннолетних. Во-вторых, социальный работник предоставляет судье наиболее полную информацию о ситуации, в которой протекала и протекает жизнь несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого), о его психологических особенностях (что, в свою очередь, может служить косвенной причиной преступления). В-третьих, социальный работник старается помочь ребенку что-то изменить в его жизненной ситуации, помочь вести более полноценную жизнь и тем самым предотвратить возможные преступления в будущем.

Поскольку введение социального работника в суд – процесс новый и незнакомый российскому правосудию, в практике возникает много сложностей, вопросов и, соответственно, тем для обсуждения. Остановимся на нескольких.

1. Позиция судьи.
2. Диагностика.
3. Реабилитация.
4. Личность социального работника.
5. До каких пор продолжать работу с конкретным несовершеннолетним.

1. В ст. 392 УПК РСФСР перечислены обстоятельства, подлежащие установлению по делам несовершеннолетних. Естественно, при существующих условиях судья вряд ли может собрать нужные сведения, разве что получить какую-то информацию от инспектора по делам несовершеннолетних, но такая информация зачастую бывает предвзятой. Иногда проводится медико-психологическая экспертиза, но лишь в особых случаях.

Каждый день судья районного суда вынужден рассматривать по несколько дел. А получение информации по одному несовершеннолетнему занимает достаточно много времени. Кроме того, как мне кажется, судья, который каждый день видит перед собой преступников, не может быть полностью объективен: он склонен видеть преступника в каждом подсудимом, пусть даже несовершеннолетнем. Здесь срабатывают

психологические закономерности. Когда я сама работала с подростками-наркоманами, мне казалось, что каждый проходящий мимо подросток принимает наркотики.

К тому же у судьи нет соответствующего педагогического или психологического образования, чтобы учитывать особенности детского возраста. Исходя из всего сказанного следует, что судья мотивирован к сотрудничеству с социальным работником. Социальная работа нередко приносит свои плоды до судебного разбирательства, и судья может лишней раз «не брать грех на душу», осуждая к лишению свободы почти еще ребенка, пусть даже оступившегося.

Допрос социального работника в судебном заседании и приобщение к делу отчета возможны либо по инициативе судьи, либо по ходатайству адвоката либо самого несовершеннолетнего, либо его законного представителя. Главное, чтобы судья был заинтересован в получении информации о социальном и психологическом исследовании и его выводах. Что же касается адвоката, то порой он может посчитать, что какая-то информация повредит его клиенту, и будет настаивать лишь на определенных фрагментах. Тут речь идет о попытке манипулировать социальным работником. Поэтому лучше всего, если судья допрашивает социального работника по собственной инициативе.

Использование полученных результатов тоже определяется позицией судьи – он может их учесть, а может и проигнорировать.

Нередки ситуации, когда работа с подростком уже началась, социальному работнику видны позитивные сдвиги, но формально их недостаточно, чтобы служить юридическим основанием для более мягкого приговора. К сожалению, судья не может отложить рассмотрение дела только потому, что у социального работника могут, например через месяц, появиться более надежные результаты (судью обвинят в волоките).

Обвинительная установка судей – известный феномен. У судьи может сформироваться негативное мнение о конкретном подростке или вообще о подростках, находящихся в подобной ситуации. Отсюда настороженность по отношению к результатам исследования, особенно если хотя бы однажды несовершеннолетний, с которым проводилась социальная

работа, совершил повторное преступление. Здесь возникает вопрос доверия судьи к социальному работнику, к профессионализму его диагностики (речь идет именно о судье, поскольку, как представляется, его точка зрения, а не народных заседателей, доминирует в совещательной комнате).

Но надо сказать, что позиция судьи – не есть нечто раз и навсегда данное, застывшее. Позиция формируется в процессе взаимодействия. По истечении нескольких месяцев совместной работы судья стала мне передавать **все дела о преступлениях несовершеннолетних**, даже если в результате предварительного ознакомления с материалами дела предполагала, что наказание может быть связанным с лишением свободы (к примеру, совершение преступления во время испытательного срока по предыдущему преступлению или через три дня после освобождения от наказания по амнистии). Судья видит в социальной работе (и программах примирения) шанс для подростка. По поводу нескольких дел Т.Р. Захарова говорила: «Если бы не социальный работник, мне пришлось бы этих ребят посадить»¹.

Теперь – о профессиональных проблемах социального работника.

2. Проблема **диагностики** состоит главным образом в том, что основную информацию нужно получить как можно быстрее. Информация должна быть надежной.

Разумеется, на первой встрече с социальным работником подросток старается показать себя с наилучшей стороны, предстать социально желательным. Конечно же его преступление было «случайной ошибкой», он «никогда такого больше не сделает». Сведения, которые социальный работник получает из дела, тоже нельзя назвать объективными: даже экспертиза проводится с установкой, что подэкспертный – преступник. Нельзя доверять и так называемому «чистосердечному признанию»: нередко оно проводится под психологическим и даже физическим воздействием органов милиции, у которых достаточно средств запугать подростка и заставить написать то, что нужно. К сожалению, это ни для кого не секрет. Все подростки,

¹ Из материалов семинара Центра СПР с Черемушкинским районным судом. Июль, 2000. Архив Центра СПР.

задержанные по подозрению в совершении преступления на законные трое суток (а иногда и больше), рассказывают об этом, но мы не можем изменить ситуацию: доказать это практически невозможно.

Таким образом, социальный работник находится между двумя противоположными представлениями: информация из дела о том, какой подросток «плохой», и информация от самого подростка и его окружения о том, какой он «хороший».

Подросток Н. 17 лет. Информация из дела: абстинентный синдром, изменения личности по смешанному типу, снижение памяти и мышления, алкоголизм, состоит на учете в ПДН и наркологическом диспансере. Ночью, в состоянии алкогольного опьянения, украл алюминиевый портал лифта.

Во время первой встречи с Н. я вижу симпатичного, смышленного подростка, с серьезными планами на будущее. Правда, мать, хоть и пыталась предстать как заботливая и «правильная», производила впечатление алкоголички. Но основное сомнение вызывало явное несоответствие полученной из дела информации о личности Н. тому, что я увидела. Ни материалам дела, ни самому Н. верить сразу не стоило. Поэтому я посчитала нужным использовать психологические тесты (которыми овладела во время обучения на психологическом факультете и прохождения практики в психиатрической больнице). Результат был удивительный, хоть и ожидаемый. Память – гораздо выше нормы, интеллект и мышление – тоже, никаких признаков мозговой дисфункции, алкоголизма. Он действительно наблюдается у врача-нарколога, но с 14 лет, с тех пор, как в течение довольно короткого времени нюхал клей. Я поехала к наблюдающему его наркологу. Она сказала, что хорошо знает Н. и собирается снимать его с учета, что действительно мать Н. страдает алкоголизмом, но у самого Н. алкоголизма нет.

Диагностика предполагает как беседы с теми, кто знает подростка: родителями, родственниками, друзьями, с теми, кто с ним учится или работает, инспекторами, врачами, учителями и т.п., так и тестирование. Да и с самим подростком, чтобы узнать его как можно лучше, добиться взаимного доверия, стоит встречаться как можно чаще.

Но время для исследования ограничено: основная работа проводится примерно в месячный срок. Это вытекает из запроса судьи: к заседанию суда иметь всю необходимую информацию о несовершеннолетнем и

провести какую-то реабилитационную работу, чтобы понять, можно ли ожидать какого-то положительного результата. Однако за месяц работы с ребенком и его семьей добиться какого-то видимого результата практически невозможно, даже если уделять этому каждый день – ведь к состоянию, в каком находится семья, она пришла не в один миг, и реальные изменения быстро не наступят. Результат становится заметен не раньше чем через год. Можно лишь сделать для себя более или менее обоснованный вывод, есть ли положительная перспектива. Кроме результатов диагностики это зависит еще и от того, сложился ли за месяц необходимый для дальнейшей работы контакт с клиентами и есть ли у них желание получить помощь помимо защиты в суде.

3. Следующий вопрос – **социальная реабилитация**. Возраст уголовной ответственности по ряду преступлений, наиболее часто встречающихся у несовершеннолетних, наступает в 14 лет. Большая часть подсудимых, с которыми мне приходилось иметь дело, находились в возрасте 17 лет. Некоторым исполнилось 18 сразу после совершения ими преступления. Существуют психологические и тренинговые группы для школьников, для детей до 14 лет и их семей. А что делать с человеком, который не взрослый, но уже не ребенок, но социальный работник в процессе диагностики натолкнулся на явные психологические проблемы подростка, такие, например, как невозможность сказать «нет» своим друзьям, когда те провоцируют его на преступление. Бесплатных реабилитационных программ для подростков такого возраста или очень мало, или нет вовсе (по крайней мере в Москве).

В этом сегодня одна из самых больших трудностей в судебной социальной работе: отсутствие структур, на которые действительно можно было бы опереться при работе с несовершеннолетними. У социального работника практически нет никакой поддержки. Он не может быть одновременно еще и психологом, вести тренинги, организовывать клубы по интересам и т.д.

Неплохо было бы создать клуб для подростков, которых так интересуют автомобили, что они угоняют их, чтобы покататься. Иногда подростки «в складчину» покупают старенький автомобиль, восстанавливают его и катаются

без водительских прав, нередко в состоянии алкогольного опьянения. Нетрудно догадаться о последствиях такого катания. Если организовать клуб, где подростки так же покупали бы старенький «не на ходу» автомобиль, при помощи взрослого специалиста и педагога восстанавливали его, сдавали на юношеские права и катались под надзором того же взрослого, у них не было бы времени и желания угонять чужой автомобиль, появилась бы любовь к труду, изменилось бы отношение к окружающим и т.д. Но у социального работника нет времени и возможности этим заниматься.

Кроме того, у ребят 16-18 лет есть уже какие-то сложившиеся установки, желания, привычки. Подросток такого возраста чувствует себя взрослым. И если не удастся быстро установить контакт, работа с ним похожа на работу психолога со взрослым клиентом, у которого абсолютно нет запроса на психологическую помощь.

Особая группа - дети с минимальной мозговой дисфункцией. Как оказалось, среди подсудимых подростков таких большинство. Часто эта патология обусловлена гипоксически-ишемическими повреждениями мозга в перинатальном периоде. Нарушения кажутся настолько незначительными, что корректировать их чаще всего предоставляется самой природе. Но с возрастом эти расстройства дают о себе знать, приводя к различным нарушениям, в числе которых изменения поведения. Все это создает трудности в процессе обучения. Специалисты утверждают, что в настоящее время около 20% детей страдают минимальными мозговыми дисфункциями [7]. Такой дефект может возникнуть и в результате черепно-мозговой травмы (например, при сотрясении мозга), в результате длительного употребления токсических веществ. Иногда употребление токсических веществ вытекает из уже имеющейся минимальной мозговой дисфункции и еще больше усугубляет ее.

Но вопрос о причинах второстепенный. На первом месте для социального работника стоит вопрос о последствиях. Дети с минимальной мозговой дисфункцией не могут учиться в обычной школе: такой ребенок не способен удерживать внимание в течение времени обычного урока. Иногда они не могут просидеть на месте больше 10 минут, в сложных случаях - встают и

начинают ходить по классу или просто начинают «хулиганить» на своем месте. Школьной системой это не одобряется. Они навлекают на себя недовольство учителей и одноклассников, к ним начинают относиться пренебрежительно, иногда оскорбляют, обижают. Я только однажды встретила с очень интересным подходом, который придумала одна учительница. Она учитывала таких детей у себя в классе и, когда замечала, что ребенок начинает отвлекаться, давала им всевозможные небольшие поручения (сходить намочить тряпку, открыть или закрыть окно и т.д.). Но обычно мы сталкиваемся с совсем другим подходом. Для специальных школ такое нарушение не считается серьезным, поскольку не затрагивает интеллект, и детей помещают в обычные школы, где они испытывают огромные трудности. В итоге они находят себя в уличных группах ребят с девиантным поведением. Там они обретают уважение, особенно благодаря умению придумать и организовать какой-нибудь «хулиганский» поступок. Кстати, у детей с минимальной мозговой дисфункцией часто очень хорошие творческие способности. Возможно, - из-за необходимости постоянной компенсации. Например, один мальчик 13 лет, совершенно не зная таблицу умножения, когда надо было посчитать деньги, безошибочно умножал трехзначные цифры на 3 - он описывал это как визуальное слияние трех массивов в своем воображении. Поведение таких детей характеризуется вспыльчивостью, приступами агрессии, быстрой сменой настроения. Наверное, по-хорошему, с ними должны работать психиатры. Но процесс излечения очень долгий и сложный. Да и медикаментозные средства, какие может предложить врач, имеют слишком много побочных действий (сонливость, заторможенность).

В процессе работы в суде я пришла к выводу, что есть только один действенный и доступный способ работать с подростками с минимальной мозговой дисфункцией: найти вид деятельности, который подросток может и хочет выполнять, и мотивировать его, чтобы он работал. Это поможет ему заслужить уважение в собственных глазах и глазах окружающих законным способом и уменьшит время нахождения в девиантной среде.

Но здесь мы снова сталкиваемся с ограниченными возможностями социального работника. Так, в частности, необходима организованная система помощи в устройстве подростка на работу. Ведь даже совершеннолетние натываются на трудности с нахождением работы, не говоря о несовершеннолетних, не имеющих часто ни достаточного образования, ни стажа работы, да еще и обвиняемых в совершении преступления.

Итак, мы видим четыре основные проблемы реабилитации.

Нет структур, которые оказывали бы бесплатную психологическую помощь и поддержку несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет (в особенности после 16 лет) и их семьям.

Мало доступных досуговых учреждений для несовершеннолетних возраста уголовной ответственности.

Тогда как для психологических служб и досуговых учреждений несовершеннолетний 14-18 лет уже слишком взрослый, для трудоустройства он слишком мал, даже с наличием профессионального образования.

Специфика возраста, особенно 16-18 лет, такова, что установки, жизненные принципы и привычки подростка уже сложились и он порой отказывается от предлагаемой помощи.

К числу позитивных условий для социальной реабилитации и ресоциализации подсудимых следует отнести программы примирения, которые дают мощный толчок к трансформации представлений и поведения подростка¹. Вместе с ведущим программы примирения я участвую в предварительных встречах с подсудимым и его семьей (с жертвой я не работаю: моим клиентом является правонарушитель) и в самих примирительных встречах. В случае достижения соглашения с потерпевшим социальный работник контролирует возмещение ущерба. Очень действенной формой является устройство подростков на работу и выплата компенсации из собственного заработка либо заглаживание вреда своими силами (например, ремонт).

¹ Подробнее см. § 1 и 2 наст. главы, а также главы 5 и 6. – *Прим. ред.*

Осложняет ситуацию опять фактор времени: до судебного заседания нужно не только успеть провести программу примирения, но и выполнить условия примирительного договора. Дело в том, что в случае причинения материального ущерба юридическое значение имеет не сам факт состоявшейся примирительной встречи, а возмещен ли ущерб. Конечно, если бы такая работа проводилась еще на стадии предварительного следствия, возможностей было бы значительно больше.

Надо сказать, что наблюдается существенное различие в отношении к себе и к другим людям между теми подростками, кто прошел, и теми, кто не прошел программы примирения. Поэтому я стараюсь как-то склонить ребят к участию в таких программах.

4. От **личности социального работника** тоже очень много зависит. Часто ему трудно оценивать своего подопечного объективно, исключительно с профессиональной точки зрения. Когда возникает доверительный контакт, пропадает объективное отношение: подросток не может быть плохим, он просто попал в беду.

Социальный работник обязан понять проблему клиента и работать с проблемой, помочь ему и его семье с ней справиться. Но когда ты чувствуешь себя одним из очень немногих положительных взрослых, которых тот доверяет, открывается, нелегко удерживать границу и работать с ним как специалисту с клиентом. Интересно, что в некоторых психотерапевтических школах не принято даже пожимать руку своему клиенту, чтобы субъективное отношение не мешало работе. С несовершеннолетними правонарушителями все немножко иначе. Если не будешь по-доброму, с искренним сочувствием и пониманием относиться к подростку, которому и так в жизни пришлось много натерпеться (в том числе и в милиции), подростку озлобленному, не ждущему от взрослых ничего хорошего, то и с его стороны не добьешься искреннего и доверительного отношения. Исходно у него нет потребности в контакте с социальным работником, в том, чтобы что-то менять в себе и в своей жизни. Это трудно всем. В лучшем случае он заинтересован в социальном работнике как в защитнике в суде – тогда он будет

стараться выглядеть правильным и социально желательным. А социальный работник обязан найти в подростке положительное – внутренний ресурс, на который можно опереться. Кроме того, не вскрыв проблему, невозможно с ней работать. Но чтобы ее вскрыть, опять-таки нужно добиться доверительных отношений. Вот и получается, что в процессе работы искренние и доверительные отношения подростка и социального работника помогают работе, но мешают тому, чтобы информация о подростке для суда была полностью объективна. Однажды судья, с которой я работаю, сказала: «У тебя все дети хорошие, однако почему они совершают преступления?». К сожалению, это так.

Есть только одно «но». С некоторыми подростками я работать не могу. Это не вопросы совместимости. Просто есть дети, которым приходится помогать насильно, но один из главных принципов социальной работы – добровольность участия клиента. И если подросток многократно отказывается от встречи, я не могу навязывать ему свое участие. Бывают очень сложные случаи, но складывается настолько хороший контакт, что можно предположить, что работа будет успешной. Следовательно, «хорошие» для меня те дети, с которыми я работаю. Иного критерия успешности работы, кроме наличия контакта, у меня нет.

Немаловажно и образование социального работника. В процессе работы мне понадобились знания в области психологии, юриспруденции, психиатрии и детской невропатологии. Есть разные виды помощи, которую должен уметь оказывать социальный работник: содействие в трудоустройстве (постоянно, временно или только на летнее время), определение и восстановление на учебу, содействие в оказании медицинской, психологической, наркологической, психиатрической помощи, гуманитарная помощь, определение в трудовые лагеря, в реабилитационные центры, юридическая помощь, помощь в регистрации и обеспечении жилой площадью, поиск опеки и многое-многое другое. Примерно такая же помощь может/должна оказываться семье несовершеннолетнего.

5. Последний вопрос: **до каких пор социальному работнику работать с подростком.** За год сотрудничества с судом я работала с 23

несовершеннолетними. Невозможно бесконечно вести работу со всеми, но нельзя и жестко устанавливать сроки. Есть разные версии продолжительности послесудебной реабилитации: реабилитация в течение испытательного срока при условном наказании или контроль в течение первых двух лет, самых опасных с точки зрения возможности повторных правонарушений. Думаю, здесь нет общего ответа: его нужно решать специально в каждом конкретном случае. Есть случаи, где может быть хорошая опора на семью подростка. Тогда, как только социальный работник увидит, что семья сама в состоянии полностью справиться с собственным ребенком, возможно, после некоторой работы с семьей, тогда и прекращается социальная работа. Возможен только контроль по телефону, который постепенно должен становиться все реже. Подросток работает, учится, все время занят, помощь не нужна. В некоторых случаях, когда складываются особенно доверительные отношения, подросток сам звонит или договаривается о встрече с социальным работником, если у него возникают житейские сложности или необходима поддержка. Но порой требуется длительная работа с подростком. И прекратить ее можно только после того, как социальный работник полностью уверен в позитивной социализации подростка, а не в только том, что вся возможная помощь ему уже оказана. Если социальный работник уходит с этого места работы, он должен передать «сложных детей» своему преемнику, познакомить его с ними, помочь чтобы сложился хороший контакт. Но с некоторыми подростками отношения не прекращаются и в этом случае. Например, с двумя подростками, с которыми я работала в проекте «Право на детство», я до сих пор встречаюсь и созваниваюсь. И не из чувства долга: они до сих пор считают меня своим другом.

А вообще, один из основных принципов социальной работы – сделать так, чтобы социальный работник стал не нужен клиенту.

Литература

1. *Грасенкова А.* Социальная работа в суде в рамках восстановительного правосудия // Правосудие по делам несовершеннолетних. Вып. 1. Перспективы развития. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 214–231.
2. *Забрянский Г.И.* Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М., 2000.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2000.
4. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учеб. пособие. М., 2000.
5. Проблемы совершенствования правосудия в отношении несовершеннолетних в России и международный опыт создания ювенальной юстиции (Материалы международной конференции). ПРООН. СПб., 2000.
6. Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты. Сб. / Под ред. О.В. Зыкова, Н.Л. Хананашвили. М., 2000.
7. *Ясюкова Л.А., Муляр О.И.* Минимальные мозговые дисфункции – кризис начальной школы // Психологическая газета. 1997. № 4.
8. *Roberts A.R., Brownell P.* A century of forensic social work: bridging the past to the present. *Social Work*. July 99. Vol. 44. Issue 4. (*Робертс А.Р., Браунелл П.* Век судебной социальной работы: Соединяя прошлое с настоящим: Пер. с англ. Архив Центра СПР.)

РАЗДЕЛ IV

Перспективы

Направления развития

Комментарий редактора.

Работа над этой книгой не исчерпывалась написанием текстов. Фактически перед читателем предстал фрагмент разработки проекта новой практики – восстановительного способа реагирования на правонарушения несовершеннолетних. Разработка включила как теоретические части, так и описание и анализ эмпирического материала и эскизы локальных проектов будущей организации работ.

Замысел проекта состоит в том, чтобы на основе двух формирующихся практик (социальной работы с несовершеннолетними и восстановительного правосудия) определить сферу их взаимодействия и построить возможные схемы кооперации между ними и с официальными структурами. Тем самым предполагается очертить принципиально новую область, которая может стать одной из точек кристаллизации правосудия по делам несовершеннолетних в России.

Для этого:

- поставлена проблема карательного подхода к правонарушающему поведению несовершеннолетних (раздел I);

- описаны обе сферы в их нынешнем состоянии, их задачи и потребности в кооперации друг с другом (разделы II и III).

Последний раздел будет кратким – с опорой на материал предыдущих глав представим некоторые векторы дальнейшего движения.

Мы назвали книгу учебным пособием. Это не случайно. В качестве адресатов мы видим как тех, кто уже включен в работу с несовершеннолетними группы риска (сотрудники и управленцы социальных служб; группы, занимающиеся программами восстановительного правосудия; педагоги; сотрудники КДН и ПДН и пр.; работники правоохранительных органов и судьи), так и студентов, которые завтра станут работать в тех структурах, которые проектируются сегодня. И чтобы работать с юными правонарушителями (восстановительным способом), учиться нужно и тем и другим. Сегодня таких специалистов почти

нет. А следовательно, процесс проектирования будущих структур деятельности предполагает одновременную подготовку профессионального ресурса.

Поэтому в последнем разделе мы не ставим точку, мы предлагаем открытую перспективу: здесь предложены некоторые ориентиры для нашей собственной работы, а также для тех, кто проникся ценностями восстановительного правосудия и включится в это движение.

Основная трудность в строгом следовании жанру учебного пособия состоит в том, что наша книга предназначена не только для трансляции уже готового содержания, запечатлевающего опыт сложившейся деятельности, но и для включения будущих деятелей в работу по ее построению – ведь в России она только формируется. Через проектные разработки (в частности, в курсовых и дипломных работах), через контакт с группами, которые уже начали проводить восстановительные программы, студенты и работающие специалисты могут подключиться к самому режиму складывания новой практики.

§ 1. Восстановительный подход к правосудию для несовершеннолетних

Восстановительное правосудие (в первоначальном определении) – альтернатива карательной уголовной юстиции. Разработке этой идеи применительно к российским условиям и посвящена эта книга.

С учетом сложности реализации новых идей и практических подходов мы видим первоочередную задачу в применении восстановительной концепции реагирования на преступления и правонарушения к наименее защищенным членам общества – детям. В центре нашего внимания – подростки, обвиняемые в совершении преступления (либо чьи дела – в силу недостижения возраста уголовной ответственности – не попадают в орбиту уголовного процесса, но точно так же проходят по каналам наказания, контроля, что ведет к стигматизации и затрудняет ресоциализацию). Проблема, которая ставится восстановительной концепцией, состоит в чрезмерной и, главное, бессмысленной и вредной для общества репрессивной направленности ответа

Раздел IV. Перспективы

государства на преступления вообще и тем более несовершеннолетних.

После того как определено содержательное ядро программ ВП (они имеют дело с правонарушителями, жертвами и социальным окружением), появилась необходимость представить более широкое поле девиантного поведения несовершеннолетних и соответствующих социальных контекстов: семейные и школьные проблемы, безнадзорность и пр., – которое является питательной средой правонарушений и где тоже могут использоваться восстановительные программы.

В этом плане важно различить **восстановительное правосудие** как некарательный способ реагирования на **преступления** (и другие правонарушения) и **восстановительный подход (восстановительный способ)**, который становится идейной рамкой и техническим средством для разрешения **гораздо более широкого спектра ситуаций противостояния и конфликтов**. В этом смысле мы говорим о восстановительном подходе к правосудию для несовершеннолетних, имея в виду всю эту область.

Почему же тогда мы причисляем ее к правосудию? Это связано с историей и понятием «детской» – ювенальной – юстиции, объектом которой были и остаются не только юные правонарушители, но и дети в трудной жизненной ситуации¹. И хотя развитие ювенальной юстиции связано в первую очередь с альтернативным подходом именно к уголовным преступлениям, общее понимание связи детской преступности с социальным контекстом, порождающим проблемы ребенка, ориентируют процесс становления в России правосудия для несовершеннолетних на более широкое поле ситуаций, требующих не только судебного реагирования на их правонарушающее поведение, но и судебной защиты прав ребенка, а главное – системы, способствующей ресоциализации ребенка. Отсюда такое важное значение приобретают неофициальные (несудебные) способы решения конфликтов, связанных с правонарушающим поведением, и службы социальной реабилитации. Следовательно, правосудие для

¹ См. главу 3.

несовершеннолетних должно формироваться как сложный комплекс государственных и общественных структур и служб. В такой ориентации разрабатываются и многие российские проекты и концепции ювенальной юстиции [2, с. 18–20; 3; 4; 9]. Значение слова «юстиция» как «справедливость» и одновременно «правосудие» и стало основанием расширительного употребления этого понятия. Но если ситуации касаются правовых проблем, именно суд становится центральным звеном всей этой сложной системы.

С переходом от теоретического изложения новой концепции к освещению и анализу эмпирического материала, отражающего опыт работы Центра СПР, выбранная фокусировка темы – восстановительный способ работы с несовершеннолетними правонарушителями – задала определенные ограничения. Хотя ВП ставит во главу угла удовлетворение потребностей и исцеление жертвы, основное внимание в соответствующих главах¹ уделяется работе с правонарушителями и почти не представлена работа с жертвой. Однако виктимологическая проблематика затронута в представленном в разделах II и III анализе причин девиантного и правонарушающего поведения. Отчетливо прослеживается связь: сначала ребенок становится жертвой обстоятельств – потом нарушителем.

Основной вопрос относительно правосудия для несовершеннолетних не в том, **быть ли ему** в России, а **каким** ему быть.

Зерно восстановительного подхода к правонарушающему поведению состоит в альтернативном понимании ответственности. Именно поэтому подход называется некарательным. Именно здесь краеугольный камень для понимания сущности подхода и всех остальных его положений, принципов, реализационных форм. Другая концепция ответственности позволяет говорить о достижении «восстановления» и справедливости. ВП – говоря о главенстве потребностей жертвы – не безразлично к способам их удовлетворения: речь идет о том, что

¹ См. главы 5–7, 10.

Раздел IV. Перспективы

обязательство по заглаживанию вреда, причиненного жертве, лежит на обидчике. И именно осознание беды, которую он принес другому человеку, раскаяние и взятие на себя ответственности становятся действенным механизмом взросления человека (независимо от возраста), его возвращения в общество (ресоциализации). И именно здесь ему нужна поддержка и помощь близкого окружения.

Если в самом общем виде – как способ позитивного выхода из конфликтной ситуации – восстановительный подход предполагает его разрешение силами самих участников, в каком-то смысле равноправие сторон, то в случае криминальных конфликтов положение сторон отнюдь не симметрично¹. А теперь, если на место этой «неравноправной» стороны поставим несовершеннолетнего правонарушителя, то увидим, что принцип уполномочивания приводит к парадоксу: если речь идет, положим, о возмещении материального ущерба, то подросток чаще всего не в силах выполнить подобное обязательство. Он потому и воровал (по российской статистике, около 60% преступлений несовершеннолетних составляют кражи), что у него нет денег (иногда на развлечения, иногда – чтобы прокормиться). И недаром обычное правосудие предполагает для несовершеннолетних послабления. Получается, что ВП предъявляет к подростку более взрослые требования?

На месте этого разрыва появляются новые позиции в деятельности по посредничеству. Если основная задача ведущего программы ВП в правильной организации процедуры², ориентированной на восстановительные процессы, то возможность выполнения обязательств, накладываемых на нарушителя восстановительным способом, предполагает **дополнительную функцию – помощи подростку.**

Но и понятие «помощи» специфично в восстановительном подходе.

Когда мы говорим об альтернативном подходе к ответственности ребенка, то самое простое – **переложить** ее на взрослых (родителей, родственников,

¹ См. главу 4.

² См. § 3 главы 5 и § 2 главы 7.

опекунов). Но тем самым с него самого ответственность снимается.

Мысленно разыграв ситуацию с необходимостью возмещения ущерба, мы зафиксировали «разрыв» в восстановительном способе. Этот разрыв снимается введением дополнительной позиции, которая несет на себе функцию помощи – помощи не в смысле принятия на себя ответственности нарушителя, а в том, чтобы поддержать разработку и реализацию плана по выполнению обязательств. Без помощи взрослого социально дезадаптированный подросток (среди обвиняемых чаще всего дети, относящиеся именно к этой категории) справиться с этим не в состоянии.

Можно привести и другие модельные ситуации. Помимо обязательств по возмещению ущерба альтернативное реагирование на правонарушающее поведение предполагает и учет нужд самого нарушителя: решение его социальных и личностных проблем, его социальную реабилитацию и ресоциализацию, просто поддержку в трудной жизненной ситуации. И здесь есть

Р.Р. Максудов:

Восстановительные процедуры в рамках ВП предполагают, что это такая встреча конфликтующих сторон, в которой должны происходить:

- * нормализация разрушенных взаимоотношений и за счет этого исцеление самих людей,
- * разрешение ситуации самими участниками,
- * участие в разрешении ситуации ближайшего социального окружения.

(Из стенограммы дискуссии на семинаре Центра СПР)

известные пути – классическая реабилитационная модель, ориентирующаяся на благополучие ребенка, где тот выступает пассивным потребителем терапевтических и иных благ¹. Но и этот путь не отвечает восстановительным принципам.

«До сих пор литература о восстановительном правосудии в основном была посвящена нуждам жертв и именно в этой связи касалась процесса

¹ См. главу 3.

Раздел IV. Перспективы

восстановления. Относительно меньше внимания уделялось вопросам реабилитации преступника... Но если не удастся четко включить реабилитацию как часть целостной восстановительной идеологии, то останется «пустота», которая скорее всего будет заполнена ожившей медицинской моделью либо новыми, придерживающимися жесткости подходами, такими, как дисциплинарные лагеря, в которых пытаются объединить реабилитацию с наказанием и шоком.

Под влиянием ценностей и целей восстановительной юстиции традиционная модель индивидуализации обращения должна быть заменена на обширный веер реинтегрирующих методов. Такой подход имеет приоритетом развитие компетентности... подход к осуществлению реинтеграции на основе развития компетентности подчеркивает необходимость затрагивать общее взросление, в особенности через приобретение навыков выживания, необходимых в повседневной жизни» [1, с. 83].

Стало быть, нужна и помощь, и реабилитация, но с иным наполнением, иным содержанием, подчиненным восстановительным принципам, главный из которых для нарушителя – принцип ответственности (это и есть основной компонент взросления и ресоциализации).

Если, акцентируя некоторую аналогию с судебным процессом, примирение («круг заботы» и пр.) мы называем «процедурой», то, следовательно, необходимо искать и аналог того, что обеспечивает сегодня силу суда, придает ему фактические властные полномочия. Это – система обязательного исполнения судебных решений. В обсуждаемом случае уголовного правосудия речь идет о системе исполнения наказаний, прежде всего тюрьме. Судебная власть – это «власть наказывать» [8].

Некарательный ответ на преступления подростков предполагает не замену лишения свободы либеральным попустительством, а **формирование равномогных тюремных социально-реабилитационных инфраструктур** (по концепции Фонда НАН – Реабилитационного Пространства), позволяющих адекватно реагировать на правонарушения

несовершеннолетних, имея в виду как нужды подростка в нормальных условиях жизни, развития и взросления, так и нужды жертвы и потребность общества в безопасности. Программа ВП (в «узком смысле»), которую проводит ведущий, – к какому бы типу ни относилась (примирение правонарушителя и жертвы, семейная конференция и пр.) – более локальна (хотя сила ее позитивного воздействия огромна), нежели сложный и нелинейный **процесс восстановления** правонарушителя, включающий как неотъемлемую составляющую общую ресоциализацию подростка, процесс, который может инициироваться этими программами, но не заканчивается с их завершением и требует сопровождения (предполагающего возможность изменения и коррекции реабилитационных траекторий и мероприятий), а также непосредственного воспитательного воздействия и поддержки со стороны значимого взрослого. **Функцию** этого значимого взрослого обозначим как социальную работу.

Если ведущий программы примирения должен сохранять **нейтральную позицию**, поскольку в общем случае имеет дело и с правонарушителем, и с жертвой, он, видимо, не может быть в психолого-педагогической «близости» с одной из сторон. В функцию значимого взрослого (которого мы условно называем социальным работником) входит не только посредничество между подростком и правоохранительными органами, судом, реабилитационными службами, где доверительные отношения с подростком выступают как средство решения этих других задач; в данном случае речь идет о доверительных отношениях **как самоценном процессе** в ходе трансформации подростка, процессе, несущем воспитательную нагрузку.

Следовательно, в общем случае, когда мы говорим о реализации восстановительного подхода, необходимо прорабатывать организационные схемы – оргпроекты, куда помимо позиций ведущего и координатора программ ВП нужно вводить еще ряд позиций, необходимых для реализации функций, «появляющихся» в местах разрывов. Этот набор и будет задавать схему «мест» в восстановительной деятельности при разрешении криминальных конфликтов с участием

Раздел IV. Перспективы

несовершеннолетних нарушителей¹. При этом важно, что деятельность в этих позициях должна перестраиваться в соответствии с общей спецификой способа.

Необходимо различать, с одной стороны, **функцию**, которая определяется требованиями целостной деятельности, и, с другой, – конкретные **должности, социальные позиции** и пр. Подчеркивая, что речь идет о функции, следует обратить внимание, что носителями, ее выполняющими, могут быть совершенно разные люди: социальные работники, педагоги, воспитатели, родители, родственники.

¹ См. также § 1 главы 7.

Когда мы конкретизируем наш объект и имеем дело с несовершеннолетними обвиняемыми, т.е. теми, чье дело находится в орбите уголовного судопроизводства, то, говоря о восстановительном способе, должны включить в указанный набор деятельности позиций и суд (вообще говоря,

с
учетом

М.Г. Флямер:

Вопрос в том, каким образом не просто воспроизводить традиционную социальную работу, а строить ее так, чтобы она учитывала ресурсы и потенциалы восстановительных процедур, чтобы она изначально строилась с прицелом на опору и эффекты использования восстановительного способа.

Хочу обратить ваше внимание, что мы в нашем проекте выращиваем на себе особую социальную работу в связке с восстановительными процедурами.

Ведущий имеет методически описанные форматы работы. Появляется другая фигура – социального работника, у которой есть своя история. И возникает вопрос: что можно взять в концепции ВП, чтобы обустроить этого социального работника методически? Чтобы социальный работник иным – восстановительным – способом начал отвечать на два вопроса по поводу клиента: в чем ситуация клиента, которая делает помощь ему необходимой? что должно измениться в этой ситуации, чтобы клиент перестал нуждаться в этой помощи?

Вопросы эти были всегда. Мы подошли к тому, что ответы на них могут даваться иначе, если использовать концепцию ВП – иначе, чем это было в истории социальной работы, в истории ювенальной юстиции, где социальная работа разворачивалась по отношению к безнадзорным и правонарушителям. Думаю, что новая связка возможна только за счет развития социальной работы. Теперь и про эту нужду клиента, и про эффекты социальной работы нужно отвечать в терминах нового концептуального видения.

Идея состоит в том, что развитие социальной работы связано с тем, чтобы восстановительную концепцию превратить в структуру социальной работы. Определить новый тип задач, новый тип объектов и методов для социальной работы. Новый тип проблем, который будет актуализироваться в работе с клиентом.

Все это я говорю о функции, а не о работе одного человека.
(Из стенограммы дискуссии на семинаре Центра СПР)

специфи-

Раздел IV. Перспективы

ки нашего уголовного процесса и прокурора и даже следователя, но рассмотрим более принципиальную схему). Как мы пытались показать, сегодня ВП действует в большинстве стран не столько как альтернатива, сколько как партнер официальных структур, а следовательно, реализуя собственные ценности и принципы, взаимодействует с ними и подчиняется закону. В то же время и деятельность самих официальных органов претерпевает изменения.

Восстановительный способ реагирования на преступления несовершеннолетних предполагает не только появление позиции ведущего программ ВП, не только включение социального работника и трансформацию концепции социальной работы, но и трансформацию собственно судебной деятельности. Такая трансформация не ограничивается принятием нового национального законодательства, больше того – она может начаться и без него. Есть международные акты, которые, даже имея рекомендательный статус, тем не менее оказывают влияние на менталитет людей, работающих в официальных структурах, и есть опыт стран с действующей ювенальной юстицией.

«Детская» (ювенальная) юстиция указывает на «объект» – ребенка. И, учитывая специфику этого «объекта», международные документы обращают внимание, что способ работы с ним должен подчиняться определенным ценностям и целям – в первую очередь благополучию ребенка¹. Разные модели ювенальной юстиции показывают, что роль такой заботящейся фигуры («обобщенного» социального работника) может играть и судья. Так, основная часть работы французского ювенального судьи происходит не в судебном зале, а в кабинете, в непроцессуальном общении с подростком, его семьей, социальным работником [6; 7].

«О неформальности этого судебного института больше всего свидетельствуют взаимоотношения между подростком и судьей; подростки имеют возможность позвонить непосредственно судье, минуя своих родителей и социальных работников; их отношения с судьей настолько личные, что они часто говорят “мой судья”» [7, с. 91].

¹ См. главу 1.

Напомним, что активное использование программ примирения именно в ювенальной юстиции перестраивает и принятый в ювенальной юстиции способ. С.А. Пашин назвал такую модель «детского» правосудия **«кураторской»**: речь идет не столько о «послаблениях» в силу возраста, сколько о применении адекватных мер в связи с заглаживанием вреда, примирением и другими обстоятельствами, свидетельствующими о воспитуемости подростка. Это и есть «детская» – **воспитательная** – юстиция, построенная на основе восстановительного подхода. Фактически кураторская модель, ставя в соответствие «объекту» «метод» (с указанием на конкретные институты действующего законодательства и необходимость кооперации с общественными структурами), демонстрирует возможности реализации восстановительного подхода уже в сегодняшнем российском правосудии.

Но, следовательно, наличие социального работника не освобождает самого судью от переосмысления целей своей деятельности и формирования новых профессиональных установок, от необходимости знания международных документов и применения их в своей деятельности, знания различных практик в других странах и т.п.

Если же из всего сказанного поставить акцент на социальную работу, то одна из перспективных задач состоит в том, чтобы увязать эту новую для России, но уже институционализированную область деятельности, с такими структурами, как, во-первых, уголовное судопроизводство (на сегодняшний день нам неизвестно, чтобы в России велась подготовка судебных социальных работников) и, во-вторых, зарождающееся восстановительное правосудие.

§ 2. Вопросы институционализации программ восстановительного правосудия

Как должна институционализироваться практика ВП как важнейшего элемента ювенальной юстиции? В мировой практике программы ВП ведутся как представителями общественных организаций, так и представителями государства. Надо полагать, что главную роль в

Раздел IV. Перспективы

проведении программ будет играть общественность (по крайней мере, в ближайшее время в России).

Если двигаться в направлении институционализации ВП, нужно ответить на ряд вопросов.

Каким образом эта деятельность будет существовать социально: начнет ли формироваться сообщество профессионалов – ведущих программ ВП со своей этикой, специализированными образовательными учреждениями, теоретической и учебной дисциплиной – или это будет узкая элитарная группа медиаторов, разрешающих уникальные случаи, и множество групп волонтеров, для обучения которых необходимо 40–50 учебных часов?

Каким образом ВП станет развиваться в культурном аспекте: как совокупность навыков, которые передаются от мастера к ученику, определенная обучающая дисциплина (образовательная технология), в результате функционирования которой мы получим профессионалов, или это будет «массовая техника», доступная большинству людей?

Какова специфика существования этой деятельности в нашей стране: какие могут быть этапы и шаги, соответствующие российскому культурному полю, чтобы общество и государство были заинтересованы в практике восстановительного правосудия?

Нетрудно заметить, что ответы на все эти вопросы взаимосвязаны. Нельзя, ориентируясь на образовательную технологию, представлять такую деятельность как уникальное мастерство, и наоборот. На наш взгляд, практика ВП должна стать, прежде всего, «массовой техникой», т.е. совокупностью приемов разрешения социально значимых ситуаций, которой овладеет большая часть людей. При этом не стоит отрицать и существования узкой группы профессионалов. Эти профессионалы, владея особым мастерством, могут работать со сложными случаями, быть «переговорщиками» и тренерами по подготовке ведущих.

В этом смысле восстановительные техники можно поставить в один ряд с техниками спасения жизни в экстремальных ситуациях. Людей сейчас начинают обучать простейшим способам поведения в чрезвычайных ситуациях. Знакомство с восстановительным способом разрешения конфликтов является не менее важной задачей. Техники ВП можно, пожалуй, назвать

гражданскими. Гражданские обязанности обычно связывают с выполнением государственно важных функций, однако подобные рассуждения были уместны лишь в условиях СССР, когда государство пыталось тотально контролировать и определенным образом формировать общество. Сегодня следует говорить о комплексе общественно значимых направлений деятельности, возникающих в процессе передачи (и возврата) части полномочий государства общественным единицам (общественным организациям, объединениям граждан и муниципальным образованиям). Этот процесс находится в начальной стадии. Попытки его интенсифицировать натываются на многие препятствия.

Принято считать, что одним из препятствий реформирования правоохранительных органов является ведомственность. Попытки силовых структур сохранить свое влияние, закрытость, устрашающие функции, милитаризованность – наследие социалистического строя – действительно мешают рационализации работы правоохранительных органов и судов. Тормозит реформирование силовых структур и традиция решать политические задачи репрессивным способом.

Кроме того, в основе противодействия (скрытого или явного) специалистов из правоохранительных и судебных органов проведению программ ВП лежат и препятствия социокультурного характера. В России распространено мнение, что поведение людей невозможно удерживать в приемлемых рамках без силы и давления. Почему люди не возмущаются пытками в милиции, чудовищными условиями содержания обвиняемых в СИЗО? Видимо, это связано с тем, что население считает деятельность правоохранительных органов неким каркасом, который удерживает общество от самоистребления и распада. Факты свидетельствуют, что люди в форме относятся к людям без формы как к носителям вредного, лживого, эгоистичного и криминального поведения. Но такое отношение было бы невозможно, если бы молчаливо не поддерживалось самим населением. Контроль над поведением людей, осуществлявшийся в нашей стране сначала посредством репрессивного, а затем административного давления вне экономического, правового и религиозного регулирования, привел к феномену непредсказуемости российского человека в

Раздел IV. Перспективы

условиях ослабления такого давления. Давайте спросим себя: как мы поступаем, когда над нами не довлеют административные санкции, направленные на соблюдение элементарных правил общежития? Однако практика устрашения населения, которая наблюдается в России почти повсеместно, не способствует поддержанию таких правил.

По мнению некоторых исследователей, развитие различного рода общественных образований позволяет культивировать в обществе принципы доверия, доброжелательности, бескорыстия и служения людям (в том числе заботы о детях, находящихся в трудной жизненной ситуации) [5]. С участием общественности работали первые суды для несовершеннолетних в дореволюционной России.

Восстановительное правосудие может разорвать замкнутый круг, но для этого ВП необходимо интерпретировать не как профессию или специальность, имеющую государственную принадлежность или коммерческую направленность, а как способ проявления гражданской активности. Программы ВП можно рассматривать как такие технологии и одновременно как гражданские техники (искусство реализовывать себя как граждан), позволяющие восстанавливать:

- * социально значимые функции опеки и попечительства общественности над правонарушителями; на этой основе могут делаться шаги по укреплению местных сообществ¹;
- * гражданскую позицию людей как участников общественно важных процессов;
- * партнерство государства и общества;
- * индивидуально-личностный ресурс общества, разрушающийся в конфликтах и криминальных ситуациях;
- * социально-психологическую взаимопомощь людей друг другу. Это, на наш взгляд, также является важнейшей особенностью ВП как гражданской техники, поскольку содействие в восстановлении личностного ресурса является сегодня общественно значимым делом.

Как мы неоднократно подчеркивали, ВП не отменяет официальное правосудие, а придает ему, за счет

¹ Более подробно о роли программ в процессе укрепления местных сообществ см. [10].

использования определенного способа разрешения криминальных ситуаций, восстановительный характер. Программы ВП осуществляются на основах партнерства общественности и официального правосудия.

Важнейшим вопросом будущего является вопрос о финансировании программ ВП и соответственно о субъекте управления ими. Представляется, что субъектом управления должны быть неправительственные организации и органы местного самоуправления, не подверженные прямому давлению ведомств: это, наряду с другими условиями, позволит им сохранить верность базовым идеям ВП.

Представление ВП как гражданской техники позволит построить стратегию вовлечения общественности в процесс работы с несовершеннолетними правонарушителями. Поскольку ВП как идея имеет корни в традициях многих народов (в том числе и российских), нет необходимости значительной профессиональной подготовки для ведения примирительных встреч. Необходимо лишь создать условия для участия людей в этом процессе. Но, видимо, самое трудное здесь — преодоление монополии правоохранительных органов и судов на конфликты и криминальные ситуации и восстановление доверия к общественности, которое было в российской истории.

Литература

Раздел IV. Перспективы

1. *Бэйзмор Г.* Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 67-99.
2. *Забрянский Г.И.* Снижение уровня судимости несовершеннолетних: новые подходы. М., 1999.
3. *Забрянский Г.И.* Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М., 2000.
4. *Немытина М.В.* Ювенальная юстиция в России: возможности становления // Защита интересов семьи и прав несовершеннолетних. Сб. / Под ред. М.В. Немытиной. Самара, 2000. С.189-203.
5. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
6. *Хаклер Д.* Принимая драму за реальность во французском ювенальном суде // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. В 2-х кн. Кн. 1. / Под ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С.72-89.
7. *Хамфрис Н.* Воспитательный аспект кабинетного правосудия во Франции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. В 2-х кн. Кн. 1. / Под ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 90-102.
8. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.
9. Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты. Сб. / Под ред. О.В. Зыкова, Н.Л. Хананашвили. М., 2000.
10. *Pranis K.* Restorative Justice, Social Justice, and the Empowerment of Marginalized Populations. Community Restorative Justice: Finding Common Ground for Victims, Offenders and Community forthcoming from Anderson Publishing. (*Пранис К.* Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения. Пер. с англ. Архив Центра СПР.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Юридический алгоритм взаимодействия Центра «Судебно-правовая реформа» и суда¹

I. Юридический алгоритм деятельности судебного социального работника (по уголовным делам несовершеннолетних)

1. Подготовка условий деятельности социального работника в суде

На основе первоначальных договоренностей о работе в проекте, закрепленных в тексте Договора, социальный работник и судья обсуждают технологию взаимодействия и юридические рамки процесса помощи несовершеннолетним обвиняемым с момента попадания их уголовного дела в суд до осуществления постсудебного восстановления подростков.

Приняв решение о сотрудничестве с социальным работником и организацией, его направившей, судья продолжает осуществлять свои функции в обычном порядке, принимая во внимание рекомендованные социальным работником меры восстановительного характера, необходимые несовершеннолетнему, но сохраняя при этом независимый порядок вынесения судебного решения.

2. Исследование ситуации несовершеннолетнего правонарушителя социальным работником

2.1. Судья по уголовным делам несовершеннолетних приглашает социального работника и предоставляет ему право ознакомления с материалами уголовного дела несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) (в соответствии со ст. 243, ч. 5 ст. 250,

¹ Является неотъемлемой частью договора сотрудничества.

В случае принятия нового УПК настоящий алгоритм необходимо привести в соответствие с новым законом.

Раздел IV. Перспективы

ст. 392, ч. 2 ст. 400 УПК РСФСР) не позднее одного дня после вынесения постановления о назначении судебного заседания.

2.2. **Социальный работник** изучает уголовное дело несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) с целью получения информации, касающейся его личности, состояния психического здоровья и биографических данных.

2.3. В случае согласия несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) и его законных представителей на сотрудничество **социальный работник** заключает с ними соглашение, на основании которого собирает информацию о личности подростка, подготавливая программу реабилитации и/или программу восстановительного правосудия.

2.4. **Социальный работник** организует и проводит исследование ситуации несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого), включающее сбор и анализ информации о его социальных связях (семье и ближайшем окружении) и психологических особенностях, при необходимости используя в этой работе помощь районных органов, осуществляющих контроль за поведением несовершеннолетних, и социально-психологических служб.

Целью исследования ситуации несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) является выяснение условий его жизни и воспитания, причин, способствовавших совершению преступления (ст. 21, 392 УПК РСФСР), выявление возможностей направления его уголовного дела на примирение (или другую программу восстановительного правосудия) и, при необходимости, составление индивидуальной программы реабилитации.

В *содержание* исследования входят встречи и беседы с правонарушителем, с его родственниками, ближайшим окружением, с официальными органами, которые могут дать дополнительную информацию о подростке.

При необходимости **социальный работник** выносит результаты исследования ситуации подростка на обсуждение консилиума специалистов (психологов, специалистов по ВП, юристов, наркологов и т.д.) с целью составления для него наиболее эффективной программы реабилитации.

3. Составление индивидуальной программы реабилитации несовершеннолетнего правонарушителя **Социальный работник** самостоятельно либо с

помощью других специалистов и при активном участии самого подростка составляет для него адресную программу реабилитации.

В качестве составной части в программу реабилитации может быть включен пункт об участии в программе восстановительного правосудия.

4. Передача дел на программы примирения

4.1. **Социальный работник** в случаях, подходящих под использование программ примирения, сообщает обвиняемому (подсудимому) о возможности проведения такой программы и передает информацию о деле координатору либо ведущему программы.

4.2. Социальный работник организует предварительные встречи ведущего программы с обвиняемым (подсудимым) и может принимать участие в примирительных встречах.

5. Приобщение документа о примирении и выполнении условий договора к уголовному делу

5.1. При заявлении какой-либо из сторон ходатайства о приобщении к материалам дела документов, где зафиксированы результаты программы примирения (примирительный договор и документ, подтверждающий выполнение его условий, либо иной документ, свидетельствующий о возмещении ущерба) (ст. 70 УПК РСФСР, ст. 88 УПК РСФСР) **суд** совещается на месте и принимает решение о возможности приобщения их к материалам дела.

5.2. При исследовании обстоятельств, имеющих отношение к делу, **суд** допрашивает потерпевшего и подсудимого о ходе и результатах программы примирения.

5.3. **Суд** может допросить социального работника о ходе и результатах программы примирения (ст. 400 УПК РСФСР).

6. Последствия приобщения документа о примирении и выполнении условий договора к материалам уголовного дела

6.1. **Суд** может использовать результаты примирения для освобождения несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности (в соответствии со ст. 76 УК РФ и 9 УПК РСФСР, 90 УК РФ и 8 УПК РСФСР).

6.2. **Суд** при назначении наказания может использовать результаты примирения как смягчающее обстоятельство (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Основанием для смягчения наказания

Раздел IV. Перспективы

может являться как сам примирительный договор и документ о выполнении его условий (если таковые имелись), так и отсутствие каких-либо претензий у потерпевшего вследствие примирения его с подсудимым.

6.3. В случае вынесения несовершеннолетнему подсудимому приговора, не связанного с лишением свободы, копии примирительного договора и документов, подтверждающих выполнение его условий или фиксирующих намерение подсудимого их выполнить, направляются **социальным работником** в районный орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетних.

7. Приобщение отчета социального работника к материалам уголовного дела

7.1. Результаты исследования ситуации несовершеннолетнего подсудимого и рекомендованную подростку программу реабилитации **социальный работник** представляет суду в виде документа-отчета (ст. 70, 88 УПК РСФСР) в ходе судебного заседания.

7.2. **Суд** всесторонне и объективно изучает отчет социального работника об исследовании ситуации несовершеннолетнего подсудимого и рекомендации по прохождению им индивидуальной программы реабилитации.

7.3. При признании этого документа доказательством, имеющим значение для уголовного дела, **суд** приобщает его к материалам уголовного дела несовершеннолетнего подсудимого (в соответствии со ст. 88 УПК РСФСР).

7.4. **Суд** может допросить социального работника на судебном заседании в качестве свидетеля, участвующего в представлении дополнительных доказательств – сведений о личности несовершеннолетнего подсудимого (ч.5. ст. 250, ст. 400 УПК РСФСР).

8. Последствия приобщения отчета социального работника к материалам уголовного дела.

8.1. **Суд** может использовать информацию, представленную социальным работником, для освобождения несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности (ст. 90–91 УК РФ, 8 УПК РСФСР) либо освобождения от наказания (ст. 92 УК РФ) с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

8.2. В случае вынесения судом решения о применении к

несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия **социальный работник** осуществляет контроль за прохождением им программы реабилитации.

8.3. Информация, представленная социальным работником, может указывать на смягчающие обстоятельства и послужить вынесению условного наказания либо вынесению наказания ниже низшего предела. **Суд** принимает во внимание и в случае необходимости при вынесении приговора об условном осуждении учитывает в нем рекомендованные социальным работником меры реабилитационного характера, необходимые для дальнейшей ресоциализации несовершеннолетнего подсудимого (в соответствии со ст. 73 УК РФ).

8.4. В случае вынесения несовершеннолетнему приговора об условном осуждении **социальный работник** осуществляет контроль за прохождением им программы реабилитации.

8.5. В случае представления органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, и социального работника о положительном прохождении подростком программы реабилитации, а также о его законопослушном поведении **суд** может отменить условное осуждение и снять с осужденного судимость (ч.1 ст. 74 УК РФ).

II. Юридический алгоритм организации программ примирения при взаимодействии координатора Центра «Судебно-правовая реформа» с судом (проект)

1. Подготовка условий проведения процедур примирения

На основе договора о совместной работе судья и представитель Центра - координатор программ примирения (далее координатор) - обсуждают технологию взаимодействия и юридические рамки организации таких программ. Программы примирения обвиняемого (подсудимого) с потерпевшим либо с представителем гражданского истца рассматриваются как одно из главных звеньев социальной реабилитации несовершеннолетнего правонарушителя.

Приняв решение о сотрудничестве с координатором и организацией, его направившей, судья продолжает

Раздел IV. Перспективы

осуществлять свои функции в обычном порядке, принимая во внимание результаты примирения и других программ восстановительного правосудия, но сохраняя при этом независимый порядок вынесения судьейского решения.

2. Организация программ восстановительного правосудия

2.1. **Судья по уголовным делам несовершеннолетних** предоставляет координатору информацию о поступивших уголовных делах по правонарушениям несовершеннолетних не позднее одного дня после вынесения постановления о назначении судебного заседания. Информация включает сведения о сторонах (ФИО сторон, адреса местожительства и телефоны), о предъявленном обвинении, о том, признал ли несовершеннолетний свое участие в инкриминируемом деянии.

2.2. **Координатор** передает информацию по делу ведущему программы восстановительного правосудия и обеспечивает ее своевременное проведение *до начала судебного разбирательства*.

2.3. **Ведущий** проводит программы примирения между обвиняемым (подсудимым) и потерпевшим (либо представителем юридического лица, которому нанесен ущерб преступлением несовершеннолетнего).

В случае достижения соглашения оно фиксируется в примирительном договоре.

Ведущий обеспечивает комплексный подход к восстановлению несовершеннолетнего подсудимого, заключающийся как в проведении примирительных встреч с потерпевшей стороной, так и в содействии несовершеннолетнему подсудимому в возмещении ущерба и заглаживании вины.

3. Приобщение документов о примирении и выполнении условий договора к уголовному делу

3.1. При заявлении какой-либо из сторон ходатайства о приобщении к материалам дела документов, где зафиксированы результаты программы примирения (примирительный договор и документ, подтверждающий выполнение его условий, либо иной документ, свидетельствующий о возмещении ущерба), **суд** совещается на месте и принимает решение о возможности приобщения их к материалам дела (ст. 70 УПК РСФСР, ст. 88 УПК РСФСР).

3.2. При исследовании обстоятельств, имеющих отношение к делу, **суд** допрашивает потерпевшего и подсудимого о ходе и результатах примирительной встречи.

4. Последствия приобщения документов

4.1. **Суд** может использовать результаты примирения для освобождения несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности (в соответствии со ст. 76 УК РФ и 9 УПК РСФСР, 90 УК РФ и 8 УПК РСФСР).

4.2. **Суд** при назначении наказания может использовать результаты примирения как смягчающее обстоятельство (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Основанием для смягчения наказания может являться как сам примирительный договор и документ о выполнении его условий (если таковые имелись), так и отсутствие каких-либо претензий у потерпевшего вследствие примирения его с подсудимым.

III. Краткие сведения о программе примирения между обвиняемым (подсудимым) и потерпевшим

Координатор Центра получает информацию о деле и сторонах от социального работника либо от судьи и подбирает ведущего для проведения программы.

Ведущий проводит примирительные встречи между несовершеннолетним обвиняемым (подсудимым) и потерпевшим (включая при необходимости и их законных представителей). В случае, если стороны не пришли к соглашению, ведущий сообщает об этом координатору с указанием причины.

В случае достижения соглашения оно закрепляется в примирительном договоре, где фиксируются:

- моральные результаты примирительной встречи (действия, подтверждающие раскаяние со стороны подсудимого, - понимание последствий совершенного правонарушения и извинение);
- условия достижения примирения (действия, направленные на возмещение ущерба, причиненного преступлением);
- действия, направленные на прохождение несовершеннолетним правонарушителем той или иной социально-реабилитационной программы (если участники встречи сочтут это необходимым).

Раздел IV. Перспективы

Примирительный договор и документы, подтверждающие его выполнение, по ходатайству сторон приобщаются судом к материалам дела.

Приложение 2

Краткий юридический словарь

(для социальных работников и сотрудников программ примирения, работающих с несовершеннолетними)¹

Адвокат - член коллегии адвокатов (адвокатской палаты), участвующий в *уголовном судопроизводстве* в качестве защитника подозреваемого или *обвиняемого* (подсудимого, осужденного) либо представителя *потерпевшего*. По делам несовершеннолетних, согласно п. 2 ч. 1 ст. 49 УПК РСФСР, участие адвоката-защитника обязательно как на стадии предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве. Причем, согласно ч. 2 ст. 50 УПК РСФСР, отказ несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) от защитника не обязателен для следствия и суда, т.е. адвокат является обязательным участником уголовного процесса по данной категории дел. В случае отсутствия у несовершеннолетнего средств на оплату юридической помощи орган предварительного расследования или суд освобождают его от оплаты услуг адвоката. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) не обязан доказывать отсутствие у него средств на такую оплату, достаточно сделать об этом устное или письменное заявление. Адвокат, вступивший в дело по назначению следователя или суда (или приглашенный самим несовершеннолетним либо его родственниками или иными лицами), обязан использовать все указанные в законе средства и способы в целях выявления обстоятельств, оправдывающих подозреваемого или обвиняемого, смягчающих их ответственность, оказывать им необходимую юридическую помощь. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты: отказаться от консультирования несовершеннолетнего обвиняемого перед судебным заседанием, от ознакомления с материалами уголовного дела, разъяснения подзащитному фактической и

¹ Курсивом помечены отсылки к другим статьям данного словаря, жирным шрифтом выделены понятия, значения которых разъясняются внутри той или иной словарной статьи. - Прим. ред.

Приложения

юридической позиции в процессе. Если адвокат не исполняет своих обязанностей по защите, несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) вправе отказаться от него и потребовать от следователя, суда предоставления другого адвоката, заявив об этом устно или письменное ходатайство.

Вина – предусмотренное уголовным законом отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому деянию и его последствиям. Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста, с которого он может быть привлечен к уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Виновность является основанием уголовной ответственности. Согласно презумпции невиновности каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции РФ). Необходимым условием для проведения программ примирения является принятие обвиняемым своей ответственности за произошедшее. Однако «признание вины» правонарушителем в ходе примирительной встречи не тождественно его «юридическому» признанию. В Рекомендации № R (99) 19, принятой Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 г.¹, обращено внимание на то, что участие в программе примирения не должно оборачиваться против обвиняемого и служить доказательством его виновности в юридическом смысле, дабы не нарушать принцип презумпции невиновности.

Возмещение ущерба – форма *заглаживания вреда* лицом за совершенное им противоправное деяние. Возмещение ущерба направлено на компенсацию имущественных потерь жертвы правонарушения. Имущественный ущерб может

¹ На русском языке см.: Вестник восстановительной юстиции. 2000. № 2. С. 86-103.

выражаться в повреждении (приведении в негодность) имущества, принадлежащего потерпевшему, лишении его определенных благ имущественного характера, в вынужденных расходах (например, на приобретение лекарств и т.п.), неполученном заработке и т.д. Ст. 1082 ГК РФ содержит перечень способов возмещения ущерба: возмещение вреда в натуре (предоставление потерпевшему вещи такого же рода и качества, исправлении поврежденной вещи и т.д.), возмещение вреда в денежной форме. Несовершеннолетний может, с согласия потерпевшего, возместить имущественный ущерб выполнением определенной работы в пользу пострадавшего безвозмездно с зачетом в стоимость возмещения ущерба. (Правовое значение возмещения ущерба – см. *заглаживание вреда*.)

Возраст административной ответственности – согласно ст. 13 КоАП РСФСР, административной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения административного правонарушения 16-летнего возраста. Согласно ст. 14 КоАП РСФСР, к лицам, совершившим административное правонарушение в возрасте от 16 до 18 лет, вместо административных взысканий могут применяться меры воспитательного характера *комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав*. Вместе с тем к лицам, совершившим в указанном возрасте такие административные правонарушения, как мелкое хищение, нарушение правил дорожного движения, мелкое хулиганство и другие перечисленные в ч. 2 ст. 14 КоАП РСФСР административные взыскания применяются на общих основаниях.

Возраст уголовной ответственности – согласно ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. Однако применительно к ряду умышленных преступлений (например, кража, грабеж, разбой, убийство, изнасилование и т.п.) возраст, по достижении которого несовершеннолетний может быть привлечен к уголовной ответственности, снижен до 14 лет (п. 2 ст. 20 УК РФ). Вместе с тем уголовный закон предусматривает возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, даже если он достиг возраста привлечения к ней на момент совершения преступного деяния, – в случае отставания в психическом развитии (см. *вина*).

Девиантное поведение – поведение, отклоняющееся от признанных в обществе (правовых, нравственных) норм. Криминология выделяет следующие виды девиантного

Приложения

поведения: преступное, непроступное противоправное, аморальное. Девиантное поведение является результатом асоциального развития личности, воздействия на нее неблагоприятных социальных ситуаций, наложения негативных социальных факторов на т.н. «слабые места» личности. Разновидностью девиантного является **делинквентное** поведение, представляющее собой противоправное поведение, т.е. нарушающее правовые запреты. Лицо, для которого характерно девиантное поведение, именуется **девиантом**. В ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.99 г. (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики...») употребляется понятие «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении», означающее «лицо в возрасте до восемнадцати лет, которое, вследствие безнадзорности или беспризорности, находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушения или антиобщественные действия» (ст. 1).

Жертва – термин, употребляемый в криминологии и означающий лицо, пострадавшее в результате совершения противоправного (в т.ч. преступного) деяния. Термин «жертва» следует отличать от понятия *потерпевший*, т.к. потерпевшим лицо становится только после вынесения соответствующего постановления (следователем, судьей). Вместе с тем жертва преступления имеет определенные права, в т.ч. право на признание потерпевшим, право на *возмещение ущерба* и т.д. Следует подчеркнуть, что ст. 9 УПК РСФСР, устанавливая возможность прекращения дела вследствие примирения, употребляет термин «потерпевший». В международном праве употребляется термин «жертва». Так, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.) отмечается, что под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав. Среди основных прав жертвы Декларация указывает право на доступ к правосудию, право на реституцию и компенсацию, социальную помощь.

Заглаживание вреда (ст. 9 УПК РСФСР, проект УПК РФ ст. 25, п. «к» ст. 61 УК РФ и др.) – осуществление лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, ряда действий, направленных на устранение (нейтрализацию) вреда,

причиненного им *потерпевшему* вследствие совершенного противоправного деяния. Заглаживание вреда может осуществляться в трех формах: возмещение имущественного ущерба, компенсация морального вреда, иные действия, направленные на заглаживание вреда. Под «иными действиями» следует понимать любые другие действия, помимо возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда, которые не запрещены действующим законодательством и обладают способностью потерпевшему противоправным деянием (например, публичное извинение). С согласия потерпевшего любое действие несовершеннолетнего *обвиняемого*, не запрещенное действующим законодательством, может быть отнесено к указанной форме заглаживания вреда и повлечь предусмотренные законом правовые последствия.

Действующее законодательство рассматривает заглаживание вреда как:

1. Обстоятельство, смягчающее наказание (п. «к» ч.1 ст. 61 УК РФ). Согласно ст. 62 УК РФ, при наличии такого смягчающего обстоятельства и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания, назначаемого лицу, совершившему преступление, не может превышать 3/4 максимального срока наказания.

2. Основание освобождения лица от уголовной ответственности, если оно впервые совершило преступление небольшой тяжести, добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления (ст. 75 УК РФ).

3. Условие освобождения обвиняемого от уголовной ответственности, если он впервые совершил преступление небольшой тяжести и примирился с потерпевшим (ст. 9 УПК РСФСР, ст. 76 УК РФ). (Согласно ст. 25 проекта УПК РФ при наличии указанных обстоятельств может быть прекращено дело о преступлении небольшой и средней тяжести, причем вне зависимости от того, совершено ли оно впервые.)

4. Принудительную меру воспитательного воздействия, назначаемую судом в отношении несовершеннолетнего (при освобождении его от уголовной ответственности или наказания), совершившего преступление (впервые - если речь идет об освобождении от уголовной ответственности) небольшой или средней тяжести, если суд сочтет, что его исправление может быть достигнуто путем применения этой меры. Согласно п. 3 ст. 91 УК РФ, обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего обвиняемого и наличия у него соответствующих трудовых навыков.

Приложения

Законные представители – родители, усыновители, опекуны и попечители несовершеннолетнего обвиняемого или потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится обвиняемый или потерпевший.

От законных представителей следует отличать **представителей** потерпевшего, гражданского истца и ответчика, которыми могут быть адвокаты или иные лица, уполномоченные указанными субъектами на осуществление представительских функций. Эти лица (представители) вправе констатировать факт заглаживания вреда и участвовать в примирительных процедурах со стороны потерпевшего.

От законных представителей следует также отличать **представителей предприятий или организаций**, в которых учился или работал несовершеннолетний подсудимый (ст. 400 УПК РСФСР). Эти представители не могут по смыслу закона участвовать в примирительных процедурах от имени несовершеннолетнего подсудимого, однако их показания, данные в судебном заседании, могут указать на основания применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия.

Законные представители несовершеннолетнего обвиняемого могут с разрешения следователя принимать участие в следственных действиях, вправе знакомиться с материалами дела по окончании следствия, принимать участие в судебном заседании, обладая всеми правами стороны. Вместе с тем законный представитель не может заменить несовершеннолетнего обвиняемого в случае примирения его с потерпевшим. Согласие законного представителя не предусматривается действующим законодательством в качестве обязательного условия примирения несовершеннолетнего обвиняемого и потерпевшего.

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) – орган системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, создаваемый органами местного самоуправления, который в пределах своей компетенции обеспечивает:

- а) осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних;
- б) организацию контроля за условиями воспитания, обучения, содержания несовершеннолетних, а также за обращением с несовершеннолетними в учреждениях

системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

в) подготовку совместно с соответствующими органами материалов, представляемых в суд, по вопросам, связанным с содержанием несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа;

г) оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетних, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы либо вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений;

д) применение мер воздействия в отношении несовершеннолетних и их родителей или законных представителей в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством РФ и законодательством субъектов РФ.

Статус КДНЗП устанавливается ст. 11 ФЗ «Об основах системы профилактики...», а также нормативными актами Правительства РФ и субъектов РФ. Следует отличать КДНЗП от подразделений по делам несовершеннолетних, являющихся структурным элементом органов внутренних дел.

Лицо, впервые совершившее преступление, – термин, означающий особое юридическое положение лица на момент совершения им преступления, заключающееся в отсутствии у него неснятой или непогашенной судимости за ранее совершенные преступления. В бытовом, житейском понимании этот термин означает лицо, ранее не совершавшее преступных деяний. В юридическом аспекте лицо считается впервые совершившим преступление, даже если оно ранее совершало преступные деяния, однако:

- * освобождалось от наказания (п. 2 ст. 86 УК РФ);
- * у него погашена или снята судимость;
- * лицо освобождено от уголовной ответственности актом амнистии;
- * уголовное дело по данным эпизодам прекращено по любому из оснований, предусмотренных УПК РСФСР.

Следует отметить, что акт амнистии сам по себе не аннулирует судимость у лиц, отбывших наказание, для этого требуется специальное постановление суда. Лицо не считается впервые совершившим преступление, если имеет место неоднократность или совокупность совершения преступлений, а также рецидив.

Меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 21¹, 68, 140, п. 10 ст. 213 УПК РСФСР) – предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия *следователя, органа дознания, прокурора, судьи*, направленные на устранение обстоятельств,

Приложения

создавших условия для совершения преступного деяния. Обязанность по выявлению таких обстоятельств возлагается на перечисленных субъектов ст. 392 УПК РСФСР, устанавливающей специальный предмет доказывания по делам несовершеннолетних. Установив такие причины и условия, следователь, орган дознания, прокурор вносят в общественную организацию (ею может быть общественная организация, занимающаяся программами социальной реабилитации или ВП) представление о принятии мер по их устранению. Не позднее чем в месячный срок по представлению должны быть приняты необходимые меры и о результатах сообщено лицу, направившему представление (например, о реализации программы примирения в семье). Суд вправе осуществить аналогичные процессуальные действия, направив в адрес общественной организации частное определение (постановление). Следует отметить, что ФЗ «Об основах системы профилактики...» употребляет такой термин, как «семья, находящаяся в социальном опасном положении», как одно из вероятных условий совершения подростком противоправных деяний.

Меры пресечения - предусмотренные УПК РСФСР меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые к *обвиняемому* (подозреваемому) органами предварительного расследования или судом при наличии достаточных оснований полагать, что указанное лицо скроется от дознания, следствия или суда, воспрепятствует установлению истины по делу, будет заниматься преступной деятельностью либо для обеспечения исполнения приговора. К несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым могут быть применены следующие меры пресечения: подписка о невыезде, личное поручительство, поручительство общественной организации, заключение под стражу (в исключительных случаях и только после допроса несовершеннолетнего *прокурором*), залог, отдача под присмотр родителей, опекунов, попечителей либо под надзор администрации закрытых детских учреждений (в отношении несовершеннолетних, воспитываемых в указанных учреждениях).

Несовершеннолетний подозреваемый может быть арестован на срок не более 10 суток, после чего должен быть освобожден либо ему предъявляется обвинение (ст. 90 УПК РСФСР). Несовершеннолетний обвиняемый или подозреваемый могут быть арестованы только в случае, если они обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого *преступления* (в исключительных случаях - преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет). Первоначальный срок

ареста – до двух месяцев (со всеми продлениями, согласно ст. 97 УПК РСФСР, срок ареста составляет два года и один месяц). За исключением ареста, ни одна из мер пресечения не препятствует личному участию несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) в примирительных встречах. Согласно ст. 91 УПК РСФСР, при избрании любой меры пресечения должны обязательно учитываться: личность подозреваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства. Представление суду социальным работником сведений о таких обстоятельствах способствует избранию наиболее мягкой для несовершеннолетнего меры пресечения, что создает условие для его участия в примирительных процедурах. (По проекту УПК РФ арест санкционируется только судом.)

Наказание – мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении *преступления*, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Наказание следует отличать от **уголовной ответственности**, под которой подразумевают неблагоприятные правовые последствия применения в отношении лица норм уголовного права. Уголовная ответственность включает в свое содержание наказание, но может осуществляться и без него. Например, лицо, в отношении которого постановлен обвинительный приговор без назначения наказания, считается привлеченным к уголовной ответственности, поскольку для него наступили неблагоприятные последствия в виде общественного порицания, выразившегося в вынесении обвинительного приговора. К несовершеннолетним, согласно ст. 88 УК РФ, применяют следующие виды наказаний: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; арест; лишение свободы на определенный срок. Никакие иные виды наказаний к несовершеннолетним применяться не могут. Помимо этого ограничения, уголовный закон устанавливает предельные размеры наказания для несовершеннолетних. Так, размер штрафа не может превышать 500 минимальных размеров оплаты труда или размер заработной платы несовершеннолетнего за период шесть месяцев. Срок лишения свободы не может превышать 10 лет. Исправительные работы назначаются несовершеннолетним осужденным на срок до одного года. Следует проводить четкое различие между освобождением несовершеннолетнего от наказания и от уголовной ответственности. Согласно ст. 90 УК РФ,

Приложения

несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть **освобожден от уголовной ответственности**, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения *принудительных мер воспитательного воздействия*. В этом случае несовершеннолетний считается не привлекавшимся к уголовной ответственности и несудимым, а дело в отношении него подлежит прекращению. Другое содержание имеет институт **освобождения от наказания** с применением принудительных мер воспитательного воздействия, который, согласно ст. 92 УК РФ, может быть применен судом к несовершеннолетним, осужденным за совершение преступления небольшой или средней тяжести. В этом случае несовершеннолетний будет также считаться несудимым, т.е. преступное деяние, совершенное им вновь, будет считаться *совершенным впервые*. Однако такой несовершеннолетний будет считаться ранее привлекавшимся к уголовной ответственности, что будет учитываться судом (в числе иных данных о личности) при назначении ему наказания при рассмотрении дела о новом правонарушении. Еще одно отличие освобождения от уголовной ответственности от освобождения от наказания состоит в возможности (в строго ограниченных законом случаях) привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности за совершение того же деяния, за которое он ранее был освобожден от уголовной ответственности. Так, например, в соответствии с п. 4 ст. 90 УК РФ в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Лица освобождаются от уголовной ответственности и по другим основаниям, аналогичным основаниям *прекращения уголовного дела*.

Обвиняемый (несовершеннолетний) – лицо, в отношении которого *следователем, дознавателем или прокурором* вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого за *преступление*, которое оно совершило в возрасте до 18 лет. Обвиняемый, дело в отношении которого принято судом к производству, именуется **подсудимым**. До вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого несовершеннолетний, совершивший уголовно наказуемое деяние, либо не имеет процессуального статуса, либо является **подозреваемым**, если задержан по подозрению в совершении преступления (не более чем на 72 часа) или к нему применена *мера пресечения* на срок не

более 10 суток. Привлечение лица в качестве обвиняемого является одним из условий *прекращения уголовного дела* вследствие *примирения* с потерпевшим. Несовершеннолетний обвиняемый имеет следующие права (ст. 46 УПК РСФСР): право знать, в чем он обвиняется, и давать объяснения по предъявленному ему обвинению, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, иметь защитника, обжаловать в суд законность и обоснованность ареста, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта, постановлением о применении *меры пресечения* и продления срока ее применения, а по окончании следствия – со всеми материалами дела. В судебном заседании несовершеннолетний обвиняемый (подсудимый) имеет все права стороны, а также право на последнее слово.

Обстоятельства, подлежащие установлению по делам несовершеннолетних, - круг дополнительных фактов,

которые (помимо обстоятельств, подлежащих доказыванию по общим правилам – ст. 68 УПК РСФСР) должны быть установлены органами предварительного расследования и судом при производстве по делам несовершеннолетних. Согласно ст. 392 УПК РСФСР, сюда относятся:

1. Возраст несовершеннолетнего (число, месяц и год рождения). Согласно пп. «б» п. 1 ст. 61 УК РФ, несовершеннолетие виновного является обстоятельством, смягчающим наказание. Несовершеннолетний возраст *обвиняемого* является обязательным условием прекращения дела с применением *принудительных мер воспитательного воздействия* (ст. 8 УПК РСФСР и 90 УК РФ), освобождения от наказания по этому же основанию (ст. 92 УК РФ), участия в деле *законного представителя* обвиняемого и т.д. В случае, если несовершеннолетний возраст обвиняемого не может быть подтвержден документами, данное обстоятельство устанавливается путем производства экспертизы.

2. Условия жизни и воспитания. Эта группа обстоятельств имеет для суда очень важное значение, поскольку при постановлении приговора несовершеннолетнему суд обязан обсудить вопрос об *условном осуждении*, о назначении наказания, не связанного с лишением свободы, а также об освобождении от наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 УК РФ. Принятие каждого из перечисленных решений требует углубленного анализа условий жизни и воспитания несовершеннолетнего. Так, согласно п. 2 ст. 73 УК РФ, при назначении условного осуждения суд учитывает личность виновного, это во многом определяет вид и характер

Приложения

обязанностей, возлагаемых на осужденного на период испытательного срока.

3. Причины и условия, способствовавшие совершению преступления несовершеннолетним. Выявление указанных причин и условий имеет особое значение, т.к. возможность их устранения в ходе реабилитационных мероприятий является необходимым основанием избрания меры наказания, не связанной с лишением свободы, либо освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от наказания. Социальный работник может не только оказать содействие суду в установлении, но и принять меры к устранению указанных причин и условий в ходе специальных программ социальной реабилитации (например, программы примирения в семье и т.д.)

4. Наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников. Выявление данного обстоятельства имеет значение для определения истинной роли несовершеннолетнего в содеянном, поскольку в судебной практике часты случаи подстрекательства со стороны взрослых соучастников. Установление этого факта позволит скорректировать программу реабилитации в отношении несовершеннолетнего.

5. Мог ли подросток полностью осознавать значение своих действий. Это обстоятельство подлежит обязательному выяснению при наличии данных об умственной отсталости, не связанной с душевным заболеванием. Для установления этого обстоятельства должны быть допрошены родители несовершеннолетнего, его учителя и воспитатели и другие лица, могущие дать нужные сведения.

Опека и попечительство - формы социальной помощи несовершеннолетним, оставшимся без попечения родителей, предусмотренные главой 20 Семейного кодекса РФ и ст. 31-40 ГК РФ. Опека устанавливается над детьми, не достигшими 14 лет. Попечительство устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. Органами опеки и попечительства являются органы местного самоуправления. Опекун (попечитель) назначается постановлением главы районной (городской) администрации по месту жительства несовершеннолетнего или месту жительства опекуна (попечителя). Именно эти органы проводят обследование условий, в которых находится несовершеннолетний, подыскивают кандидатуру опекуна (попечителя), назначают лицо опекуном (попечителем) и освобождают от этих обязанностей. Опекуны (попечители) выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе и в судах, без

специального полномочия. Опекун совершает от имени подопечных все юридически значимые действия. Попечители оказывают содействие подопечным в осуществлении их прав и исполнении обязанностей. (О правах опекунов и попечителей в ходе осуществления процедур примирения, в которых одной из сторон является несовершеннолетний *обвиняемый* или *потерпевший*, см. примирение.)

Осужденный – обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор суда, независимо от вступления его в законную силу. Несовершеннолетний становится осужденным в момент провозглашения обвинительного приговора суда независимо от того, назначено ли судом наказание, избрал ли суд *условное осуждение* или освободил несовершеннолетнего от наказания. Несовершеннолетний осужденный не должен считаться виновным до вступления обвинительного приговора в законную силу, что происходит по истечении 7 суток со дня провозглашения приговора, а в случае его обжалования или опротестования – со дня вынесения определения судом второй инстанции. Осужденный имеет право обжаловать вынесенный в отношении него обвинительный приговор в кассационном порядке, а также добиваться его отмены в порядке надзора. Поскольку в ст. 349 УПК РСФСР говорится о возможности суда кассационной инстанции прекратить дело по ст. 9 УПК, это означает наличие у осужденного права на *примирение* с потерпевшим вплоть до вступления приговора в законную силу.

Подразделение по делам несовершеннолетних (ПДН) – структурное подразделение районных, городских отделов (управлений) внутренних дел, ОВД (УВД) иных муниципальных образований, ОВД (УВД) на транспорте. Задачи ПДН, отраженные в ст. 21 ФЗ «Об основах системы профилактики...», включают в себя:

а) проведение индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних, указанных в п/п 4-14 п. 1 ст. 5 указанного федерального закона (беспризорных; употребляющих наркотики; совершивших административные правонарушения; совершивших правонарушения (в т.ч. преступления) до достижения возраста привлечения к ответственности; обвиняемых и подозреваемых, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу; осужденных условно и т.д.), а также других несовершеннолетних при необходимости предупреждения совершения ими правонарушений и с согласия начальника органа внутренних дел или его заместителя;

Приложения

б) рассмотрение заявлений и сообщений об административных правонарушениях несовершеннолетних, общественно опасных деяниях несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности;

в) участие в подготовке материалов в отношении несовершеннолетних, направляемых в центры временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел;

г) участие в подготовке материалов, необходимых для внесения в суд и уголовно-исполнительные инспекции предложений о применении к несовершеннолетним мер воздействия, предусмотренных законодательством РФ.

Согласно ч. 2 ст. 21 указанного закона, должностные лица ПДН вправе: доставлять несовершеннолетних правонарушителей в ОВД, вносить в указанные выше органы представления о применении мер воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей и законных представителей; вносить в соответствующие органы и учреждения предложения об устранении причин и условий, способствующих правонарушениям несовершеннолетних; принимать участие в рассмотрении материалов о правонарушениях и антиобщественных действиях несовершеннолетних; вести учет правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, их родителей или законных представителей.

Потерпевший - лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред и в отношении которого вынесено постановление (*следователем, прокурором, дознавателем, судьей*) или определение (судом) о признании потерпевшим. Лицо с момента надления статусом потерпевшего, согласно ст. 9 УПК РСФСР (ст. 25 проекта УПК РФ), приобретает процессуальное право на *примирение с обвиняемым* по делам публичного обвинения (см. *публичность*), а согласно ст. 27 УПК - по делам *частного обвинения*. Потерпевший вправе иметь своего представителя и *законного представителя*. По смыслу закона потерпевшим признается физическое, а не юридическое лицо; последнему в уголовном процессе предоставляется статус гражданского истца. Однако, на практике, в случае причинения ущерба юридическому лицу, потерпевшим (или представителем потерпевшего) иногда признаются сотрудники соответствующей организации. По делам частного обвинения потерпевший становится частным обвинителем и приобретает все права, присущие данному субъекту процесса. *Жертва* преступления, получив статус

потерпевшего, приобретает возможность участия в уголовном процессе с широким кругом прав (например, правом давать показания, правом выступать в прениях и т.д.).

Правонарушение - общественно вредное (опасное), противоправное и виновное деяние деликтоспособного субъекта (т.е. лица, по возрасту, психическому развитию соответствующего признакам субъекта того или иного правонарушения), влекущее *юридическую ответственность*. Чтобы квалифицировать противоправное деяние в качестве правонарушения, необходимо установить необходимые признаки его юридического состава (объективную и субъективную стороны, субъекта, объект) и санкцию за его совершение. Правонарушением признается лишь виновное деяние - действие, которое в момент его совершения находилось под контролем воли и сознания лица.

К субъекту правонарушения (**правонарушителю**) предъявляется требование достижения возраста привлечения к определенному виду ответственности. В Пекинских правилах ООН 1985 г. (п/п «с» п. 2.2) отмечается, что **несовершеннолетним правонарушителем** является ребенок или молодой человек, который подозревается в совершении преступления или, как установлено, совершил его. В п. 11 Правил подчеркивается, что при рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти. Любое прекращение дела, связанное с его передачей в общинные или другие службы, требует согласия несовершеннолетнего или его родителей, если такое решение может быть пересмотрено на основании заявления указанных лиц.

Все правонарушения делятся на две группы - *преступления* и проступки. К **проступкам** (т.е. непроступным правонарушениям) относятся административные правонарушения, гражданско-правовые деликты, трудовые правонарушения и т.д. Несовершеннолетние являются субъектами как преступлений (см. *возраст уголовной ответственности*), так и непроступных правонарушений.

Прекращение уголовного дела - решение *следователя, дознавателя, прокурора, суда (судьи)* о завершении уголовно-процессуальной деятельности в отношении конкретного *обвиняемого* и означающее отказ от привлечения его к уголовной ответственности. В зависимости от оснований дело или может быть прекращено (по усмотрению лиц, ведущих производство по делу), или должно быть прекращено в обязательном порядке. В

Приложения

отношении несовершеннолетнего уголовное дело может быть прекращено как по общим, так и по специальным основаниям.

Специальное основание прекращения дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого указано в ст. 8 УПК РСФСР и позволяет прекратить дело с применением к несовершеннолетнему *принудительных мер воспитательного воздействия*. Социальные работники могут повлиять на вынесение судом указанных решений, т.к. данные о личности обвиняемого обязательно учитываются при прекращении дела, а при прекращении дела по специальному основанию они определяют выбор конкретных принудительных мер воспитательного воздействия.

В отличие от обязательности прекращения в случае *примирения* для дел частного обвинения, дела публичного и частно-публичного обвинения могут быть прекращены в связи с примирением по усмотрению соответствующего субъекта, ведущего производство по делу (ст. 9 УПК РСФСР, ст. 25 проекта УПК РФ).

Преступление - виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ и влекущее определенное *наказание*. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, если лицом совершено действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, т.е. не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству, то это деяние не считается преступлением, а правонарушитель не будет привлекаться к уголовной ответственности. В ст. 15 УК РФ выделяются **четыре категории преступлений** в зависимости от характера и степени общественной опасности: небольшой тяжести (умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы), средней тяжести (умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы), и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает два года лишения свободы), тяжкие (умышленные деяния, за которые максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы) и особо тяжкие (умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание).

Примирение - юридически значимое обстоятельство, представляющее собой совместное действие *потерпевшего*

и *обвиняемого*, направленное на прекращение уголовно-правового спора и влекущее по делам *частного обвинения* обязательное *прекращение уголовного дела*, а по делам публичного (см. *публичность*) и частно-публичного обвинения возможность прекращения дела при наличии условий, перечисленных в ст. 9 УПК РСФСР (ст. 25 проекта УПК РФ). В общеправовом смысле правом на примирение обладает каждый правоспособный человек. **Право на примирение** (термин предусмотрен ст. 468 УПК РСФСР) в процессуальном смысле возникает у сторон при наличии определенных условий, представляющих собой признаки уголовного дела, допускающие его прекращение в связи с примирением, и совершение сторонами ряда действий, предусмотренных действующим законодательством. Право на примирение по делам частного обвинения возникает у сторон с момента подачи жалобы мировому судье потерпевшим или его представителем и может быть реализовано вплоть до удаления суда в совещательную комнату. По иным категориям дел право на примирение (в процессуальном смысле) возникает с момента привлечения лица, впервые совершившего нетяжкое преступление, в качестве обвиняемого (согласно ст. 25 проекта УПК РФ условия расширяются: если лицо обвиняется в преступлении небольшой и средней тяжести, вне зависимости от того, совершено ли оно впервые). Согласно ст. 58 УПК РСФСР, суд, следователь, прокурор, лицо, производящее дознание, обязаны разъяснить потерпевшему и обвиняемому их право на примирение при наличии указанных выше условий. Юридические (уголовно-процессуальные) последствия примирения различны: по делам частного обвинения оно с обязательностью влечет прекращение уголовного дела, а по иным категориям дел – только может повлечь такие последствия, т.к. закон оставляет право окончательного решения лицу, осуществляющему производство по делу. Право на примирение принадлежит как обвиняемому, так и потерпевшему. Невершеннолетний обвиняемый может реализовать это право вне зависимости от мнения своего *законного представителя*, т.к. закон не устанавливает обязательность учета мнения этого субъекта процесса. Потерпевший может реализовать свое право на примирение в зависимости от степени дееспособности. Недееспособные потерпевшие (лица, не достигшие 14 лет, а также признанные судом недееспособными) действуют в процессе через своего законного представителя: этот представитель и будет субъектом примирительных процедур. Ограниченно дееспособные лица (в возрасте от 14 до 18 лет) действуют совместно с законным представителем. В этой ситуации суд

Приложения

должен учитывать мнение по поводу примирения как самого потерпевшего, так и его законного представителя, однако мнение потерпевшего должно иметь определяющее значение. Это связано с общеправовым приоритетом прав представляемого по сравнению с правами своего представителя. Полностью дееспособные потерпевшие реализуют свое право на примирение самостоятельно.

Принудительные меры воспитательного воздействия – предусмотренные уголовным законом правовые средства принудительного и воспитательного характера, применяемые в отношении несовершеннолетних в связи с освобождением их от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ) или наказания (ст. 92 УК РФ) за совершенное деяние, запрещенное УК РФ.

Применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему возможно при наличии двух условий: инкриминируемое преступление относится к категории небольшой или средней тяжести и признается возможность исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Ст. 90 УК РФ предусматривает четыре разновидности принудительных мер воспитательного воздействия:

- а) предупреждение, состоящее в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступления;
- б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа (социальные работники могут оказать содействие в установлении оснований для применения такой меры, осуществив социальное обследование условий жизни несовершеннолетнего);
- в) возложение обязанности загладить причиненный вред (см. *заглаживание вреда*);
- г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, состоящее в наложении запрета посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством в ограничении пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть предъявлено требование возвратиться в образовательное учреждение либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа. Роль социальных работников в установлении содержания данной меры достаточно важна,

поскольку они могут установить, в каких условиях живет несовершеннолетний правонарушитель, насколько адекватными будут те или иные ограничения.

Действующий УК РФ позволяет избирать в отношении подростка и другие требования к поведению, одновременно может избираться несколько принудительных мер воспитательного воздействия.

Отличие применения принудительных мер воспитательного воздействия в порядке ст. 90 УК РФ от применения подобных мер в порядке ст. 92 УК РФ состоит в том, что в первом случае они применяются при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, т.е. оформляются решением о прекращении уголовного дела. Для избрания такой санкции необходимо соблюдение еще одного условия: совершение преступления впервые. Если несовершеннолетний систематически не исполняет требования указанных мер, то постановление о прекращении дела отменяется и несовершеннолетний привлекается к уголовной ответственности (если, конечно, не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности). В случае, предусмотренном ст. 92 УК РФ, указанные меры применяются при освобождении несовершеннолетнего от наказания, т.е., во-первых, применяются только судом и, во-вторых, их применение оформляется обвинительным приговором. При этом не требуется, чтобы несовершеннолетний совершил преступление впервые. В случае неисполнения несовершеннолетним требований, составляющих содержание указанных мер, последствий, как в рассмотренном выше случае, не наступает, т.к. приговор, вступивший в законную силу, обладает свойством исключительности и не позволяет вновь привлекать лицо к уголовной ответственности за то же деяние. По результатам проведенных обследований социальные работники могут дать суду рекомендации по поводу применения тех или иных принудительных мер воспитательного воздействия.

Прокурор – должностное лицо, осуществляющее уголовное преследование и надзор за соблюдением законности на стадии предварительного расследования и поддерживающее государственное обвинение в суде. Прокурор наделен широким кругом полномочий по прекращению уголовного дела в отношении несовершеннолетнего на досудебных стадиях процесса. Так, прекращение дела вследствие примирения потерпевшего с обвиняемым по делам публичного обвинения (ст. 9 УПК РСФСР) на стадии предварительного расследования возможно только с согласия прокурора. Согласие прокурора

Приложения

является обязательным условием прекращения дела в отношении несовершеннолетнего с применением *принудительных мер воспитательного воздействия* (ст. 8 УПК РСФСР). Прокурор вправе отменить любое постановление следователя или органа дознания о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего и потребовать производства дополнительного расследования. Особенно продуктивным может быть контакт социальных работников и работников служб примирения с прокурором на этапе рассмотрения им уголовного дела с обвинительным заключением. Согласно п. 3 ст. 214 УПК РСФСР, на этом этапе прокурор вправе прекратить дело по всем основаниям, предусмотренным законом, в том числе ст. 8 и 9 УПК РСФСР. По делу, поступившему с обвинительным заключением, прокурор обязан помимо прочего установить, выявлены ли причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли *меры к их устранению*. Сведения об успешном участии обвиняемого в примирительной программе могут быть представлены прокурору и повлиять на выносимое им решение. Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего направляется в суд только после утверждения обвинительного заключения прокурором.

Процессуальный статус социального работника и представителя программ ВП - согласно ст. 400 УПК РСФСР, при рассмотрении дела несовершеннолетнего судья может вызвать в судебное заседание **представителей «иных организаций»**, которым с разрешения суда предоставляется право участвовать в исследовании доказательств. Социальный работник, а также представитель программ ВП могут принять участие в судебном разбирательстве в качестве указанных субъектов. С разрешения суда они получают возможность знакомиться с доказательствами, содержащимися в материалах уголовного дела. Будучи привлечен к участию в судебном заседании в качестве представителя «иной организации», социальный работник становится участником судебного разбирательства и свое обращение к суду (связанное с представлением каких-либо документов) осуществляет в форме ходатайств. Результаты исследования ситуации несовершеннолетнего подсудимого и рекомендованную подростку программу реабилитации социальный работник представляет судье в виде документа-отчета (ст. 70 УПК РСФСР) в ходе судебного заседания, ходатайствуя о его приобщении к материалам уголовного дела. Таким же образом может быть передан судье и примирительный договор. Согласно ч. 2 ст. 400 УПК РСФСР, представители

«иных организаций» в необходимых случаях могут быть допрошены в качестве свидетелей. Если социальный работник не получил указанного выше статуса, его отчет может быть передан суду через защитника по ходатайству последнего. Скорее всего, после принятия нового УПК РФ вопрос о процессуальном статусе социального работника и представителя программ ВП придется решать заново, поскольку в проекте этого закона не предусмотрена позиция представителя общественной (и «иной») организации.

Публичность – общеправовой принцип, обязывающий государство защищать общий (публичный) интерес. В уголовном судопроизводстве этот принцип выражается в том, что уголовно-процессуальная деятельность по привлечению лица к уголовной ответственности, осуществляемая следователем, органом дознания, прокурором, включающая в себя формулирование и предъявление обвинения, собирание доказательств, подтверждающих виновность лица, составление обвинительного заключения и направление дела в суд, поддержание государственного обвинения в суде и т.д., производится независимо от воли каких-либо заинтересованных лиц. Публичности противостоит **диспозитивное** начало, предоставляющее сторонам процесса распоряжаться судьбой дела и его ходом. Примером диспозитивного начала является институт примирения.

Следователь – должностное лицо органов прокуратуры, министерства внутренних дел, ФСБ, ФОНП, осуществляющее предварительное следствие по делу и наделенное предусмотренными законом процессуальными полномочиями. Следователь принимает все решения по делу несовершеннолетнего, находящегося в его производстве, за исключением тех решений, которые требуют санкции или согласия *прокурора*. Так, решение о *прекращении дела* следователь принимает самостоятельно, но для прекращения дела по основаниям, предусмотренным ст. 8 и 9 УПК РСФСР, он обязан получить согласие прокурора. В обязанности следователя входит разъяснение несовершеннолетнему *обвиняемому* (подозреваемому) всех его прав, предусмотренных законом, и обеспечение возможности их реализации. Прежде всего следователь обязан обеспечить участие в деле несовершеннолетнего *адвоката-защитника*, в необходимых случаях по назначению. Следователь обязан разъяснить *лицу, впервые совершившему преступление* небольшой тяжести, право на примирение с потерпевшим. Следователя необходимо отличать от дознавателя (сотрудника органа дознания),

Приложения

который по делам несовершеннолетних вправе производить только неотложные следственные действия и не вправе прекращать дело (в том числе и вследствие примирения с потерпевшим).

Специальное учебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних – специализированное

образовательное учреждение, в которое направляются несовершеннолетние в случаях, указанных в ч. 2, 3 ст. 92 УК РФ, 402¹ УПК РСФСР (ст. 432 проекта УПК РФ), а также в ст. 15 ФЗ «Об основах системы профилактики...». Все специальные учебно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних делятся на две группы: открытого и закрытого типа. В учреждения открытого типа (спецшколы и т.д.) направляются несовершеннолетние в возрасте до 18 лет по заключению КДНиЗП, психолого-медико-педагогической комиссии с согласия родителей или законных представителей. К специальным учебно-воспитательным учреждениям закрытого типа относятся: специальные общеобразовательные школы закрытого типа, спец. ПТУ закрытого типа, специальные (коррекционные) образовательные учреждения закрытого типа. В учреждения закрытого типа могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, если они:

* не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста привлечения к ответственности;

* не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими;

* осуждены за совершение преступления средней тяжести и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Несовершеннолетний может быть помещен в одно из учреждений закрытого типа по решению (постановлению или приговору) суда не более чем на три года. Срок содержания несовершеннолетнего в указанном учреждении не может превышать максимальный срок наказания, предусмотренный УК РФ за преступление, совершенное подростком.

Должностные лица учреждений закрытого типа наделяются широкими полномочиями, позволяющими им: обеспечивать изоляцию несовершеннолетних в указанных учреждениях, невозможность ухода с их территории по собственному желанию; проведение личного осмотра

несовершеннолетних, применение мер физического сдерживания и т.д. Вместе с тем, помещение несовершеннолетнего в указанное учреждение не является наказанием, а сам несовершеннолетний не считается осужденным (в этом основное отличие от содержания несовершеннолетних в ВТК). Кроме того, на подростков, находящихся в указанных учреждениях, не распространяются нормы режима ВТК. По истечении указанных выше сроков несовершеннолетний получает право покинуть указанное учреждение.

Специальное лечебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних - специализированное учреждение, в которое помещаются те же категории несовершеннолетних, что могут быть направлены в *специальные учебно-воспитательные учреждения* закрытого типа, если у несовершеннолетних имеются отклонения в развитии или заболевания. Условия, сроки и основания содержания в тех и других учреждениях аналогичны.

Судья - должностное лицо, наделенное полномочиями по рассмотрению и разрешению дела, т.е. вынесению итогового процессуального решения о виновности или невиновности обвиняемого, а также наказанию за совершенное преступление. Согласно п. 22 Пекинских правил состав суда, рассматривающий дела в отношении несовершеннолетних, должен обладать специальной подготовкой, т.е. быть специализированным, однако в России требование специализированности состава суда не имеет выражения во внутреннем законодательстве и не всегда реализуется на практике. Все дела несовершеннолетних по действующему законодательству рассматриваются коллегиально, кроме дел, подсудных мировому судье. Судья приобретает полномочия по уголовному делу несовершеннолетнего со стадии назначения судебного заседания. Разрешая вопросы на данной стадии, судья вправе прекратить дело по основаниям, предусмотренным ст. 8 и 9 УПК РФ, т.е. примирительные процедуры могут быть задействованы и до начала судебного заседания. В судебном заседании судья наделен широкими полномочиями по разрешению уголовного дела, в т.ч. и правом его прекращения вследствие *примирения* сторон. Наряду с этим, суд вправе освободить несовершеннолетнего от наказания с применением к нему *принудительных мер воспитательного воздействия*. В случае необъективности судьи ему может быть заявлен отвод по основаниям, предусмотренным ст. 59 УПК РФ.

Приложения

Важнейшим условием деятельности судей является независимость, которая гарантируется Конституцией РФ и рядом законов.

Уголовный процесс (уголовное судопроизводство - синоним) - осуществляемая в установленном законом порядке деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел (при участии представителей государственных и общественных организаций, должностных лиц и граждан). Центральной стадией уголовного процесса является **судебное разбирательство**.

Условное осуждение (ст. 73 УК РФ) - решение суда, основанное на выводе о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, считать назначенное ему наказание условным. Условным считается назначенное по приговору суда наказание, которое не приводится в исполнение в течение определенного испытательного срока, устанавливаемого судом при вынесении приговора. В течение испытательного срока осужденный должен своим поведением доказать свое исправление. Размер испытательного срока зависит от срока назначенного судом наказания. В течение испытательного срока на осужденного судом могут быть возложены определенные обязанности: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления инспекции по делам несовершеннолетних, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании, осуществлять материальную поддержку семьи. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. В УК РФ отсутствует запрет на применение условного наказания за совершение тяжких и средней тяжести преступлений, а также применительно к случаям совершения нескольких преступных деяний (совокупности). Исполнение условного осуждения заканчивается по истечении испытательного срока, и лицо считается несудимым. Если до истечения испытательного срока условно осужденный несовершеннолетний своим поведением доказал свое исправление, суд по представлению инспекции по делам несовершеннолетних может поставить вопрос об отмене условного осуждения и снятии с осужденного судимости. При этом условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока. В случае систематического (неоднократного) или злостного неисполнения условно осужденным подростком в течение испытательного срока

возложенных на него обязанностей суд по представлению инспекции по делам несовершеннолетних может принять решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Частное обвинение - уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая *потерпевшим* (частным обвинителем) или его *законным представителем* по перечисленным в ст. 27 УПК РСФСР категориям дел, состоящая в подаче мировому судье жалобы о возбуждении производства и поддержании обвинения в суде. С момента принятия мировым судьей жалобы к своему производству подавшее ее лицо становится частным обвинителем, а лицо, в отношении которого она подана, - обвиняемым. Дела частного обвинения подлежат **обязательному прекращению** вследствие *примирения* сторон, которое может осуществляться вплоть до удаления суда в совещательную комнату. В ст. 468 УПК РСФСР подчеркивается, что вступление прокурора в дело частного обвинения не лишает стороны права на примирение. Дела частного обвинения в отношении несовершеннолетних рассматриваются единолично мировым судьей. К отказу частного обвинителя от обвинения закон относит также его неявку в судебное заседание без уважительных причин.

Юридическая ответственность несовершеннолетних - неблагоприятные последствия, предусмотренные законом, которые обязан претерпеть несовершеннолетний за совершенное *правонарушение*. Основанием привлечения несовершеннолетнего к юридической ответственности является совершение им правонарушения. Юридическая ответственность имеет как штрафную, так и воспитательную функции. Выделяют следующие виды юридической ответственности: гражданско-правовую, уголовную, административно-правовую, дисциплинарную. Чтобы несовершеннолетний мог быть привлечен к одному из указанных видов ответственности, он должен соответствовать признакам субъекта соответствующего правонарушения.

Дополнительная литература

- Восстановительное правосудие в России. Обзор практики. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
- Глисков А., Садовский М.* По поводу публикации проекта закона о ювенальной юстиции в Российской Федерации // Правозащитник. 1997. № 1.
- Ермаков В., Крюкова Н.* Несовершеннолетние преступники в России. М.: Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1999.
- Карнозова Л.М.* Восстановительное правосудие // Судебная реформа: проблемы и перспективы. М.: Институт государства и права РАН, 2001. С. 196–206.
- Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М.* Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 42–44.
- Мельникова Э.Б.* Как уберечь подростка от конфликта с законом: Советы юриста. М.: Бек, 1998.
- Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М.: Институт государства и права РАН, 2000.
- Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы развития в России. Вып. 2. В 2-х кн. / Под ред. М.Г.Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.
- Шилов И.Ю.* Фамилистика. (Психология и педагогика семьи.) Практикум. СПб.: Петрополис, 2000.
- Levine M., Eagle A., Tuiavi S., Roseviare C.* Creative Youth Justice Practice. Social Policy Agency and Children, Young Persons and Their Families Service.
- Restorative Juvenile Justice: Repairing the Harm of Youth Crime./ Ed. Gordon Bazemore and Lode Walgrave. Criminal Justice Press. Monsey, New York USA. 1999.
- Family Group Conferences. Perspectives on Policy & Practice/ Ed. Joe Hudson, Allison Morris, Gabrielle Maxwell and Burt Galaway. The Federation Press and Willow Tree Press, 1996.

Список сокращений

ВК (ВТК) – воспитательная колония для несовершеннолетних

ВП – восстановительное правосудие

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГУРЭП – Государственное унитарное ремонтно-эксплуатационное предприятие

КДН (КДНиЗП) – Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав

КоАП РСФСР – Кодекс об административных правонарушениях РСФСР

НПО – неправительственная организация

ОППН – Отделение профилактики правонарушений среди несовершеннолетних

ПАВ – психоактивные вещества

ПДН – Подразделение по делам несовершеннолетних

РБФ НАН – Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании»

РФ – Российская Федерация

СИЗО – следственный изолятор

Ст. – статья (закона)

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (действующий)

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (проект)

ФЗ – Федеральный закон

Центр СПР – Общественный Центр «Судебно-правовая реформа»

ЦВИНП – Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей

Приложения

Сведения об авторах

Абрамкин Валерий Федорович - директор Центра содействия реформе уголовного правосудия, автор многочисленных работ по субкультурам заключенных.

Великоцкая Анастасия Михайловна - социальный педагог психолого-медико-социального центра «Юго-Запад»; 1998-2000 гг. - социальный работник Фонда НАН.

Герцик Анна Михайловна - координатор программ и региональный представитель Международного католического бюро ребенка.

Грасенкова Анна Константиновна - Центр СПР, ведущая программ ВП; 1998-1999 гг. - социальный работник в Гагаринском районном суде г. Москвы; автор статей и аналитических материалов, посвященных ведению программ примирения и социальной работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Коновалов Антон Юрьевич - социальный педагог, психолог, ведущий программ ВП, координатор Центра СПР по работе со школами.

Карнозова Людмила Михайловна - кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН; член Коллегии Центра СПР, координатор программ ВП в Черемушкинском районном суде г. Москвы.

Максудов Рустем Рамзиевич - член Коллегии Центра СПР, руководитель направления деятельности Центра, посвященного программам восстановительного правосудия, ведущий программ ВП; автор более десятка статей, посвященных концепции и практике ВП и ювенальной юстиции.

Марченко Надежда Александровна - выпускница факультета психологии Московского государственного социального университета Академии социальной работы, социальный работник в Черемушкинском районном суде г. Москвы.

Москвичев Вячеслав Викторович - руководитель психологической службы приюта «Дорога к дому» РБФ НАН, консультант по социальной работе с несовершеннолетними и их семьями; 1998-1999 гг. - психолог социальной службы Фонда НАН, 1997-1998 г. - уличный социальный работник Фонда НАН.

Насонов Сергей Александрович - кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса Московской государственной юридической академии, адвокат Московской городской коллегии адвокатов.

Пашин Сергей Анатольевич - кандидат юридических наук, заслуженный юрист РСФСР, один из лидеров российской

судебной реформы 90-х гг., автор ряда законов и научных трудов.

Флямер Михаил Григорьевич – исполнительный директор Центра СПР, член Коллегии Центра, ведущий программ ВП, автор более десятка статей, посвященных концепции и практике ВП и ювенальной юстиции.

Иванова Валентина Федоровна – социолог, сотрудник «Публичного мнения», автор многочисленных работ по структуре разных социальных групп.

Restorative Justice for Juveniles and Social Work. Textbook, edited by Karnozova L.M., Public Center for Legal and Judicial Reform, Moscow, 2001; pp. 340.

This book is the first Textbook on Restorative Justice in Russia prepared by Russian authors. The authors are members of a non-governmental organization – Public Center for Legal and Judicial Reform (PCLJR) – which since 1997 has been creating conditions in Russia for implementing Restorative Justice programs for juveniles. Among authors there are also lawyers – the Center’s experts – as well as representatives of other non-governmental organizations dealing with penitentiary institutions, including those for juveniles (Moscow Center for Prison Reform), and with rehabilitation of socially neglected teenagers (No to Alcohol and Drug Addiction Russian Charitable Fond).

The book is called a textbook though its genre has some specifics that distinguish it from common textbooks. The book is not only meant for delivering information about some practical activity, but for involving future actors in the process of creating it. The thing is that there is no an autonomous juvenile justice system in Russia now, neither is a developed mediation practice in criminal justice. However, the textbook includes materials of authors representing countries, which have all these, as well as new Russian experience of using elements of *restorative juvenile justice* on some experimental sites. Alongside with the description of arising experience in Russia the textbook shows perspectives for new practice.

In fact, readers can see a process of development a restorative response to juvenile offences. The development includes both theoretical parts and description and analysis of the practice and drafts of future local projects. The idea of the project is: on the basis of two new practices in Russia (social work with juveniles and Restorative Justice) to define the sphere of their interaction and to work out possible schemes of cooperation between them and official structures. Thus, this book strives to outline a new sphere, where juvenile justice in Russia can be formed.

Приложения

There are four chapters in the book; each chapter consists of sections and subsections.

Chapter I - 'Problem Statement: Russian Governmental Response to Juvenile Offences'. It analyses Russian criminal legislation for juveniles and conditions in Russian penitentiary institutions. The main conclusion is that Russian criminal legislation for juveniles is not in line with international standards, in particular, Beijing Rules and Ar Riyadh Guiding Principles. The retributive approach is the key problem in Russian criminal legislation for juveniles.

Restorative Justice is described in Chapter II and social work with teenagers in Chapter III. Both subjects are described at their present state and level of development. Practice analysis draws us to a conclusion that these two subjects require cooperation.

Chapter II - 'Restorative Justice for Juveniles' - is the largest in the Textbook, its content is new for the majority of Russian readers. On the basis of classical works in this field (N. Christy, H. Zehr, G. Bazemore, M. Umbreit, J. Braithwaite, etc.) a century of juvenile justice is analyzed, its crisis and transition to a restorative paradigm as a perspective of overcoming the crisis is shown. Then, the paradigm itself is discussed theoretically and practically on the basis of PCLJR projects. Special attention was given to the partnership with official justice structures.

A wide range of conflict and problem situations (in families, schools, with neglected children, etc.), which often become a breeding ground for juvenile offences and to which restorative approach can be applied, was shown.

Chapter III - 'Social Work with Juveniles' - was specially devoted to juveniles deviant behavior and social work with them as well as its problems. Experience of No to Alcohol and Drug Addiction Russian Charitable Fond was used in this chapter. A separate section was given to the PCLJR experience of cooperation with a court involving the court, a social worker and RJ program mediators. These three actors are regarded as minimum necessary for applying restorative approach to juvenile criminal offences.

The last fourth chapter - 'Perspectives' - produces some results and directions of further movement. These include developing new projects, establishing closer contacts with official structures, arranging multi-positional structures of cooperation in the course of project implementation, which provide restorative approach in juvenile justice (a court, law enforcement bodies, social and psychological services, reconciliation services, young offenders commissions, etc.), and a wide use of restorative way of solving conflicts in civil society.

The Appendix includes: 1) a document developed by the PCLJR in partnership with a district court in Moscow and providing organizational conditions for conducting mediation programs and social work with juveniles (legal sequence of interaction between the Center and the court); 2) concise dictionary of legal terms for social workers and reconciliation program mediators necessary when dealing with Russian legislation.

The Textbook is developed for those who already work with risk group juveniles and for students. Both professionals and students should learn in order to work with young offenders and victims in the restorative way. The Textbook target group also includes experts in criminal, social and youth policies.

L.M. Karnozova

Общественный Центр «Судебно-правовая реформа» - межрегиональная общественная организация, осуществляющая некоммерческую деятельность. Зарегистрирован в августе 1996 г. Руководящий орган - Коллегия (г. Москва).

Стратегии и цели

Наша стратегия строится на сочетании двух направлений работы - судебной реформы и развития сектора общественно-гражданской деятельности. Это сочетание позволяет в современных условиях и реалиях России:

- 1) исследовать общественно-правовые проблемы России,
- 2) влиять на структуру взаимодействий реформаторов, юристов и активистов общественных организаций,
- 3) направлять потенциал общественности в конструктивное русло судебно-правовых реформ.

Уставные цели организации:

- содействие творческой деятельности и профессиональному развитию юристов (судей, прокуроров, следователей, научных работников и преподавателей вузов) как фактору осуществления судебной реформы и прогресса правосудия в России;
- содействие участию представителей компетентной общественности в судебно-правовой реформе;
- содействие методологическому, научному и методическому обеспечению правовых и судебных реформ, в том числе новых форм судопроизводства.

История

Ядро Центра составляет группа единомышленников, которая сложилась в период активных действий по преобразованию судебной системы (1992-1995 гг.).

Нашу работу поддерживают юристы-практики (судьи, адвокаты, прокуроры), правозащитники, психологи, методологи. Нас объединяют идеал независимого суда, ценности прав человека, опыт совместной работы и осознание необходимости правовой и судебной реформы для России.

Важной особенностью деятельности Центра является применение разработок Московского методологического кружка - оригинальной российской философско-методологической школы, основанной в начале 50-х годов XX века такими

известными российскими интеллектуалами, как Б.А. Грушин, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий. Влияние методологического движения во многом определило стиль работы Центра.

Партнеры

С Центром сотрудничают специалисты Института государства и права РАН, Института философии РАН, Российского Института культурологии и Института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

Высокий уровень квалификации членов и консультантов Центра (доктора юридических и философских наук, кандидаты юридических и психологических наук, судьи 1-го и 2-го квалификационного класса), а также активная работа с общественностью и журналистами позволяют реализовать уникальные для России проекты.

Проекты

Суд присяжных

В результате судебной реформы 1991-1995 гг. в девяти регионах России начал работу суд присяжных. Суд присяжных реализует идею состязательного правосудия, основой которого является доказательственное право и принцип презумпции невиновности. Практика судов присяжных способствует повышению процессуальной квалификации юристов и развитию правосознания граждан. В рамках поддержки этой практики Центром были выпущены учебные видеофильмы, проведены оригинальные методологические, процессуальные и психологические исследования, а также издана научно-методическая и научная литература.

Реализация идей восстановительного правосудия в России

Серьезной проблемой уголовной юстиции является ее преимущественно карательная направленность. Работа современного правосудия во многих случаях исключает возможность разрешения криминальной ситуации через активное участие в этом процессе жертв и правонарушителей. С другой стороны, карательное правосудие приводит к непрерывному росту тюремного населения. Состояние и потребности жертв преступлений не принимаются во внимание: остаются глубокие психологические травмы, зачастую не возмещается и материальный ущерб.

Приложения

Программы восстановительного правосудия позволяют избежать многих недостатков, присущих системе современного правосудия. Важнейшей задачей данных программ является не наказание правонарушителя, а восстановление и возмещение морального, психологического и материального ущерба, нанесенного жертве. В необходимых случаях происходит вовлечение правонарушителя в социально-реабилитационные программы, способствующие профилактике повторных правонарушений в будущем. Внедрение технологий восстановительного правосудия позволяет во все больших масштабах заменять лишение свободы альтернативными мерами ответственности.

Становление ювенальной юстиции в России

Центр участвует в общероссийском движении, направленном на создание института ювенальной юстиции в России. В различных проектах Центра отрабатываются те элементы деятельности (программа примирения жертвы и несовершеннолетнего правонарушителя, партнерство социального работника и представителей правоохранительных органов, суда и КДН, восстановительные программы как средство профилактики социального сиротства), которые в будущем могут войти в систему российской ювенальной юстиции. Смысл этой деятельности состоит в том, чтобы участвовать в процессе становления практико-технологически, а не идеологически. Мы хотим на основе двух формирующихся практик (социальной работы с несовершеннолетними и восстановительного правосудия) сформировать сферу их взаимодействия и определить возможные схемы кооперации между ними и официальным уголовным процессом. Тем самым предполагается технологически разработать принципиально новую область, которая может стать одной из точек кристаллизации нового правосудия по делам несовершеннолетних в России.

Некоторые результаты

Учебные видеофильмы (для повышения квалификации юристов и юридических вузов)

1. Предварительное слушание в суде присяжных.
2. Судебное следствие в суде присяжных.

Книги

1. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. / Общ. ред. Л.М.Карнозой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.

2. Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

3. Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М.: Nota Bene, 2000.

4. Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2 / Под ред. М.Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.

Сетевая активность

Сегодня представители общественных и муниципальных организаций многих регионов России (Пермь, Новороссийск, Тюмень, Иркутск, Дзержинск, Великий Новгород, Арзамас, Казань, Урай) изъявили желание проводить программы восстановительного правосудия и прошли подготовку на тренингах и семинарах Центра.

В настоящее время Центр инициирует создание Российской Ассоциации по восстановительному правосудию.

Центр поддерживает связь с организациями и лицами некоммерческого сектора и активно сотру занимающимися правовым образованием.

Архив

В Центре собрана уникальная специализированная библиотека, аккумулирующая более 400 единиц хранения (статьи и книги на русском, английском, французском и польском языках) по проблематике восстановительной юстиции, посредничеству и ювенальной юстиции. Архив содержит множество переводов, в том числе никогда не публиковавшихся на русском языке. Архив является подспорьем в методической работе Центра, используется для написания дипломных и диссертационных работ. По запросу работы, хранящиеся в Архиве, могут быть предоставлены в пользование в электронном виде.

С нами можно связаться:

Офис: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д.20/30, корп.5,

офис 522. тел./факс 1299801

E-mail: center_SPR@mtu-net.ru

Исполнительный директор Центра –

Михаил Григорьевич Флямер;

e-mail: mfliamer@mtu-net.ru

Руководитель программ восстановительного правосудия Центра –

Максудов Рустем Рамзиевич;

e-mail: makcrane@mtu-net.ru

Отделения Центра в субъектах Российской Федерации:

Приложения

Нижегородское областное отделение –
руководитель Лайша Татьяна Николаевна, тел. (8313)
527787.

Татарстанское республиканское отделение –
руководитель Яшенкова Нина, тел. (8432) 349375.

Новгородское областное отделение –
руководитель Заманова Тамара Васильевна, тел. (8162)
138149.

Восстановительное правосудие для несовершеннолетних
и социальная работа

Учебное пособие

Корректор
Кострикова Г.И.

Компьютерная верстка
Гордеева Е.

Межрегиональный Общественный Центр
«Судебно-правовая реформа»
Лицензия ЛР № 030828 от 3 июня 1998 г.
Москва, ул. Кржижановского, 20/30, корп. 5, к. 522.